

Ф. С. Сафуанов

ПСИХОЛОГИЯ КРИМИНАЛЬНОЙ АГРЕССИИ

Смысл
Москва
2003

УДК 343.953

ББК 67.51

С 218

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского Гуманитарного Научного Фонда (РГНФ)
проект № 02-06-16029д

Рецензенты:

Коробейников И. А., доктор психологических наук

Романов В. В., доктор психологических наук,
кандидат юридических наук

Сирота Н. А., доктор медицинских наук

С 218

Ф. С. Сафуанов. Психология криминальной агрессии. М.: Смысл, 2003. — 300 с.

ISBN 5-89357-135-5

Монография посвящена теоретическим и практическим проблемам психологии криминальной агрессии. Приводится типология агрессивных преступлений, рассматриваются психологические механизмы агрессии. Освещается роль психических аномалий в генезе агрессивных действий.

Анализируются проблемы комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы психически здоровых и лиц с психическими расстройствами, не исключаящими вменяемости, обвиняемых в криминально-агрессивных действиях. Приводятся критерии судебно-экспертной клинико-психологической оценки их психического состояния в момент совершения преступления (аффект, ограниченная вменяемость) и критерии назначения принудительных мер медицинского характера, сопряженного с исполнением наказания, лицам с психическими расстройствами.

Для психологов, психиатров, юристов.

УДК 343.953

ББК 67.51

ISBN 5-89357-135-5

В оформлении обложки использована картина
В. Маттойера «Каин»

© Ф. С. Сафуанов, 2003

© Изд-во «Смысл», 2003

ВВЕДЕНИЕ

Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза (КСППЭ) обвиняемых в агрессивных преступлениях сегодня находится под влиянием двух векторов, взаимодействие которых и определяет дальнейшие перспективы ее развития.

Первый вектор — это развитие всей суммы знаний о различных аспектах КСППЭ, включающей теоретические, методологические, организационно-правовые ее аспекты, представления об основных экспертных понятиях (аффект, существенное влияние личностных особенностей, ограниченная вменяемость и др.), основные концепции психологических механизмов криминальной агрессии, критериев экспертных психолого-психиатрических оценок общественно опасных действий, факторов риска агрессивного поведения и мер его профилактики. Он предопределяет преемственность исследований всех направлений КСППЭ, использование разнообразных научных разработок на стыке психологии, права и психиатрии.

Второй вектор — это коренные изменения в отечественном уголовном законодательстве, оказывающие глубокое воздействие на теорию и практику КСППЭ. Взаимодействие этих двух сил представляется диалектическим, его можно выразить формулой «единство и борьба противоположностей».

С одной стороны, изменения в Уголовном кодексе, имеющие отношение к области психолого-психиатрической экспертизы, не предопределяют всеобщего преобразования понятийного аппарата КСППЭ, отказа от результатов прошлых исследований — напротив, только в контексте истории развития основных категорий КСППЭ можно понять их роль в условиях изменившегося законодательства.

С другой стороны, недостаточный учет новых правовых реалий, попытка механического переноса принципов и положений, разработанных в КСППЭ в условиях старого законодательства, в

4

производство предметных видов экспертиз, имеющих теперь нередко иное правовое значение, также тормозит решение реальных практических вопросов. В первую очередь это касается применения психологами критериев экспертных оценок различных психических явлений, а также использования экспертных выводов при вынесении судебных решений. В результате огромный потенциал экспертных судебных исследований, требующих применения специальных познаний в психологии, оказывается не до конца реализованным. По мнению философа Г. Башляра (1987), «эпистемологические ошибки» исследователей происходят не от каких-либо нарушений логического вывода и т. п., основной их источник — попытка перенести старые представления в новую социальную ситуацию.

Т. Б. Дмитриева (1998), анализируя проблему освоения судебной экспертизой (на примере судебно-психиатрической экспертизы) законодательных нововведений, подчеркивает, что «надлежащее освоение законодательных актов предполагает научную проработку едва ли не всего проблемного поля... <судебной экспертизы>, ... без выполнения этого условия усвоение нового угрожает остаться поверхностным, а последующие практические шаги — недостаточно адекватными» (Дмитриева, 1998, с. 14). Т. Б. Дмитриева выделяет три этапа работы с УК РФ, действующим с 1997 г. (там же, с. 14—52). Первый этап

включает выявление законодательных нововведений, их «инвентаризацию» и первичную оценку. Второй этап — анализ судебно-экспертной, следственной, судебной практики — в отличие от предыдущего, дает возможность в ходе освоения нового закона опереться непосредственно на опыт его применения, в частности, на опыт судебно-экспертной деятельности. Третий этап — внедрение итогов работы первых двух этапов — самый долгосрочный, он подразумевает не только «освоение» принципов производства экспертизы в соответствии с новым законом, но и решение новых проблем, связанных как с эволюцией текущего законодательства, так и с развитием научного знания.

Если следовать этой концепции, то следует признать, что в настоящее время актуальным для КСППЭ является решение задач, диктуемых вторым этапом развития. Начальный этап, по-видимому, уже подходит к концу: психологическая «инвентаризация» и оценка изменений уголовного законодательства проводится в виде комментариев (Ситковская, 1999), рассматривается в учебных и научно-практических пособиях (Сафуанов, 1998 а, 2001 а;

5

Кудрявцев, 1999), документах нормативного характера (Положение о производстве КСППЭ, 1998; Приказ МЗ РФ № 165). В настоящее время представляется необходимым решать проблемы теории КСППЭ, непосредственно вытекающие из оценки законодательных нововведений. Без этого необходимого шага — теоретического исследования — невозможна будет и разработка практических и методических рекомендаций: формулирование и структурирование проблемы требуют в данном случае большего внимания, чем ее непосредственное решение путем применения обычных методов.

Центральной проблемой КСППЭ обвиняемых (зависимой от правовых концепций, закрепленных в формулировках уголовного законодательства) является разработка экспертных критериев судебно-психологической оценки криминально-агрессивных действий обвиняемых. Несмотря на кажущуюся конкретность этой проблемы (критерии могут быть закреплены как унифицированные «стандарты», используемые экспертами-психологами в каждом конкретном случае производства КСППЭ, независимо от их научных пристрастий, приверженности той или иной теоретической школы, региональной принадлежности и пр.), она целиком и полностью зависит от решения основополагающих теоретических вопросов (объекта, общего и частных предметов исследований судебного эксперта-психолога, определения его специальных познаний и границ компетенции), разработки методологических принципов (учитывающих своеобразие судебно-экспертного подхода к психодиагностике и необходимость учета правовых аспектов ее применения), поиска оптимальных организационно-правовых форм взаимодействия экспертов с правоохранительными органами и взаимодействия экспертов-психологов с экспертами-психиатрами. Кроме решения теоретических проблем, возникающих непосредственно в недрах судебной экспертизы как прикладной отрасли психологии, разработка проблемы критериев экспертной оценки агрессивных правонарушений непосредственно связана и с развитием общепсихологических представлений о механизмах и мотивации поведения; с теориями агрессии; с патопсихологическими, психиатрическими и криминологическими концепциями, рассматривающими влияние психических расстройств и аномалий на процессы осознания и регуляции деятельности; с психолого-наркологическими исследованиями зависимости психических процессов от психоактивных веществ; с социально-психологическими исследованиями группового взаимодействия

6

при осуществлении совместной деятельности; с теоретическими воззрениями, касающимися психологического строения личности, сущности и динамики разнообразных эмоциональных процессов (стресс, фрустрация и др.), феноменов копинг-поведения и психологических защит; и с многими другими направлениями научных исследований в общей, клинической и юридической психологии, психиатрии.

Понятие критериев экспертной судебно-психологической оценки психических явлений в рамках предметных различных видов КСППЭ, таким образом, является системообразующим. Оно может выступать своеобразной единицей (в которой в преобразованном виде сохраняются свойства целого) анализа КСППЭ обвиняемых как научного направления психологии, носящего ярко выраженный междисциплинарный характер — как в сфере интеграции правовых, клинических, криминологических знаний с психологическими, так и в сфере интеграции различных теоретических областей в самой психологии: клинической, общей, юридической, социальной, возрастной психологии, психодиагностики и психокоррекции.

Исследованию критериев комплексной судебной психолого-психиатрической оценки способности обвиняемых к осознанно-волевому поведению при совершении криминально-агрессивных действий и посвящена представленная на суд читателя монография.

7

Глава 1. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза обвиняемых в агрессивных преступлениях.

Становление комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ) приходится на семидесятые годы прошлого века¹, оно происходит практически вслед за возрождением судебно-психологической экспертизы. Анализ истории развития КСППЭ позволяет выделить три основных этапа формирования данного вида экспертизы как особой формы применения специальных психологических познаний в уголовном процессе.

1.1. Первый этап. Возникновение КСППЭ

Этот период связан с постановкой проблемы возможности производства судебной экспертизы с одновременным применением познаний в психиатрии и психологии. Такая проблема возникла под влиянием прежде всего запросов судебной практики. Характерно, что, если первоначально проблема необходимости использования психологических познаний в уголовном и гражданском процессах была сформулирована не самими психологами, а юристами (Миньковский, 1959; Рогачевский, 1964; Ратинов, 1967; Эмекчи, 1968 и др.), то постановка вопроса о комплексном применении психологических и психиатрических познаний при производстве судебной экспертизы — это, в первую очередь, заслуга

8

судебных психиатров (Фелинская, Станишевская, 1971; Фелинская, Печерникова, 1973; Печерникова, Станишевская, 1974, 1975; Станишевская, Азбукина, Бурштын, Владимирская, Гульдман, 1974; Печерникова, Кудрявцев И. А., Криворучко, 1980). Именно на этот период приходится четкое осознание недостаточности узко психиатрических исследований для полных, глубоких и всесторонних судебно-экспертных оценок психической деятельности подэкспертных лиц и необходимости применения психологических познаний при экспертной оценке широкого круга явлений: непатологических эмоциональных реакций («физиологического аффекта») при экспертизе обвиняемых с пограничными формами

психической патологии; ограничения способности в полной мере понимать значение своих действий и руководить ими, обусловленного умственной отсталостью, не связанной с психическим заболеванием, при экспертизе несовершеннолетних обвиняемых; способности осознавать характер и значение насильственных сексуальных действий обвиняемого или оказывать ему сопротивление при экспертизе малолетних и несовершеннолетних потерпевших, не обнаруживающих выраженной психической патологии; способности малолетних и несовершеннолетних свидетелей правильно воспринимать имеющие значение для дела обстоятельства и давать о них правильные показания. Нарушения указанных юридически значимых способностей подэкспертных лиц, как показали и практика судебно-психиатрической экспертизы, и исследования, проводимые в рамках изучения компетенции судебно-психологической экспертизы, могут быть обусловлены не только психопатологическими факторами («медицинским критерием» судебно-психиатрической экспертной оценки), но и чисто психологическими — личностными, возрастными — причинами (Коченов, 1971, 1973, 1974, 1977, 1978, 1980; Судебная психиатрия, 1977).

Основным итогом первого этапа, наряду с признанием (в первую очередь, со стороны практики) возможности комплексного применения психиатрических и психологических познаний в экспертизе, стало выделение предметных видов КСППЭ, ассимилировавшей достижения судебно-психологической и судебно-психиатрической экспертизы. Характерно, что в «орбиту» КСППЭ были втянуты те виды судебно-психологической экспертизы², которые

9

имели очевидные аналоги в судебно-психиатрической экспертизе. В отношении свидетелей и потерпевших их объединяла одинаковая формулировка так называемого «юридического критерия» экспертных оценок, тогда как по наличию или отсутствию «медицинского» критерия можно было различать компетенцию психолога и психиатра (Метелица, 1990). В отношении несовершеннолетних обвиняемых общей точкой соприкосновения была диагностика умственной отсталости, с одновременной дифференциацией природы отставания в психическом развитии — связанной или не связанной с психическим расстройством. При экспертизе совершеннолетних обвиняемых ассимиляция проблематики экспертной оценки «физиологического» аффекта определялась постоянной необходимостью дифференциальной диагностики «нормального» и «патологического» аффекта (или других временных болезненных расстройств психической деятельности). Не случайно в общепризнанную компетенцию КСППЭ не вошли, и до сих пор не входят, такие значимые для однородной судебно-психологической экспертизы проблемы как влияние психического состояния человека на его действия при исполнении им своих профессиональных функций: при дорожно-транспортных происшествиях (Коченов, 1977, 1980, 1991; Шипшин, 1998), авариях и катастрофах, связанных с нарушениями операторской деятельности (Ситковская, 1992, 1998); психологическое содержание продуктов письменной речи (Леонтьев А. А., Шахнарович, Батов, 1977; Коченов, 1977, 1980; Енгальчев, Шипшин, 1997); зависимость поведения отдельных индивидов от социально-психологической атмосферы (Коченов, 1991) и др.³

Другим фактором, структурировавшим круг вопросов, решаемых в рамках КСППЭ, являлось наличие четких и недвусмысленных оснований проведения именно этих видов экспертиз, содержащихся в Уголовном и Уголовно-процессуальном законодательствах РСФСР. Так, экспертиза аффективных реакций и состояний

10

обвиняемых имела значение для квалификации преступления по ст. 104 Уголовного кодекса (УК) РСФСР («Умышленное убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения»), ст. 110 УК РСФСР («Умышленное тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение, причиненное в состоянии сильного душевного волнения») или установления смягчающего ответственность обстоятельства по п. 5 ст. 38 УК РСФСР («Совершение преступления под влиянием сильного душевного волнения, вызванного неправомерными действиями потерпевшего»). Экспертиза полной или неполной меры способности несовершеннолетнего обвиняемого осознавать значение своих действий и руководить ими регулировалась ст. 392 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РСФСР, а также постановлениями Пленума Верховного Суда СССР № 1 от 16 марта 1968 г. и № 16 от 3 декабря 1976 г. Экспертиза способности свидетеля или потерпевшего правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания, могла быть назначена в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 72 и п. 3 ст. 79 УПК РСФСР, для определения возможности человека выступать свидетелем в уголовном процессе. Экспертиза способности потерпевших по делу об изнасиловании понимать характер и значение действий виновного или оказывать сопротивление определялась необходимостью квалификации их «беспомощного состояния» по смыслу ст. 117 УК РСФСР.

В то же время, научные разработки в области исследования возможности синтетического использования специальных познаний в психологии и психиатрии поставили перед теорией КСППЭ множество новых проблем, требующих своего решения для более эффективного применения комплексных психолого-психиатрических исследований в судебной практике. Актуализация этих проблем определялась не только логикой научных исследований, но и теми реальными затруднениями, которые возникали при производстве КСППЭ в каждодневной практике, хотя их число было еще невелико и такие экспертизы проводились практически только во ВНИИ общей и судебной психиатрии им. В. П. Сербского⁴.

Эти проблемы касались широкого круга теоретических, методологических, организационно-правовых вопросов комплексных экспертиз, связанных с взаимодействием экспертов разных специальностей (психологов и психиатров); взаимодействием экспертов

11

с органом, назначившим экспертизу; разработкой и уточнением экспертных критериев судебно-психологической, судебно-психиатрической и комплексной психолого-психиатрической оценок.

Одновременно практика КСППЭ поставила и ряд научных проблем, которые требовали своего разрешения в рамках фундаментальных исследований, прежде всего в области общей, клинической и возрастной психологии. Для КСППЭ совершеннолетних обвиняемых наиболее актуальными и связанными с необходимостью разработки судебно-экспертных оценок оказались вопросы мотивации общественно опасного, в первую очередь — агрессивного, поведения. Исследователи и практические эксперты столкнулись с тем обстоятельством, что в рамках «академической» психологии обнаружились значительные пробелы в исследовании механизмов криминального поведения, наиболее значимыми из которых в контексте развития теоретических проблем КСППЭ оказались следующие: категория «поведения» вместе с критикой бихевиоризма оказалась вне концептуального поля научной психологии и почти полностью поглотилась анализом «деятельности» (Леонтьев А. Н., 1975); в области изучения агрессии насчитывались лишь единичные работы (Левитов, 1972; Ениколопов, 1976, 1979; Актуальные проблемы..., 1981; Михайлова, 1983 и др.), посвященные отдельным аспектам криминальной агрессии; после массовой критики теорий ломброзианского толка практически не решались психологические проблемы

влияния пограничных психических расстройств и аномалий на регуляцию агрессивного поведения⁵.

Таким образом, на первом этапе КСППЭ выделилась как самостоятельная комплексная (в отличие от однородных судебно-психологической и судебно-психиатрической экспертиз) форма применения специальных познаний в уголовном процессе, были определены основные предметные виды КСППЭ и одновременно с этим обозначились прикладные и фундаментальные проблемы, требующие своего дальнейшего решения.

12

1.2. Второй этап. Становление и развитие КСППЭ

Этот этап охватывает исследования от начала 1980 годов до 1997 года — даты введения в действие нового Уголовного кодекса РФ. Именно с этим периодом можно связать бурное развитие разнообразных проблем КСППЭ (с параллельным развитием и вопросов однородной судебно-психологической экспертизы), быстро отразившееся на экспертной практике — по некоторым данным, удельный вес комплексных экспертиз к концу восьмидесятых годов составлял 10—15% от проводимых в стране судебно-психиатрических экспертиз в уголовном процессе (Кудрявцев И. А., 1988; Антонян, Гульдан, 1991). Этот этап характеризуется активизацией исследований различных аспектов теории комплексных судебных психолого-психиатрических исследований, методологии психодиагностической судебно-экспертной деятельности, организационных и правовых проблем производства КСППЭ, а также проведением фундаментальных психологических исследований, актуальных для разработки судебно-психологических экспертных критериев оценки психической деятельности подэкспертных лиц. Эту фазу развития мы проанализируем, выделив КСППЭ совершеннолетних обвиняемых как отдельное, имеющее самостоятельное значение, направление.

1.2.1. Общие проблемы КСППЭ

А. Теория КСППЭ. Одним из основополагающих вопросов является процессуальный статус КСППЭ. Производство любой судебной экспертизы регулируется Уголовно-процессуальным и Гражданским процессуальным законодательствами, но российские процессуальные кодексы этого периода не содержали понятия комплексных экспертиз. В общей теории экспертиз (Корухов,

13

1985; Шляхов, 1985), в Постановлении № 1 Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г., в Инструкции (Министерства юстиции, Генеральной прокуратуры, Министерства внутренних дел и Министерства здравоохранения СССР) об организации производства комплексных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях СССР от 1986 г. в качестве основного признака комплексной экспертизы рассматривается необходимость формулировать общий вывод при одновременном участии экспертов различных специальностей, обладающих отличными друг от друга специальными познаниями. Из этого вытекает требование производства комплексной экспертизы в тех случаях, когда а) невозможно проведение последовательных однородных экспертиз, б) существуют вопросы, заведомо выходящие за пределы компетенции экспертов одной специальности. Отмечается, что в случаях, когда в рамках одной экспертизы даются ответы на вопросы, не требующие формулирования общего вывода, относящиеся при этом к компетенции экспертов разных специальностей, такая экспертиза равнозначна «комплексу» экспертиз или «комплексу

исследований» в рамках одной экспертизы, а не является «комплексной» экспертизой (Седова, 1985).

Именно такая модель и была положена в определение статуса КСППЭ И. А. Кудрявцевым, выделившего в качестве главных признаков КСППЭ «интегративную» оценку психологами и психиатрами психической деятельности подэкспертных лиц и формулирование «общего (единого)» ответа на вопросы судебно-следственных органов (Кудрявцев И. А., 1988, с. 17). В то же время реальная практика показывала, что большинство вопросов, решаемых в рамках КСППЭ, — например, экспертиза физиологического аффекта (Ситковская, 1983) — могло быть решено и путем проведения последовательных судебно-психиатрической и судебно-психологической экспертиз. Указанное противоречие между реальной практикой КСППЭ и ее «жесткими» теоретическими определениями привело к тому, что формулируемая как «комплексная» в постановлениях следователей и определениях суда психолого-психиатрическая экспертиза по существу представляла собой с точки зрения «жестких» определений общей теории комплексных экспертиз типичный конгломерат из «комплексной» экспертизы и «комплекса» экспертиз. Поэтому в работах М. М. Коченова (1978, 1980) приводилась более осторожная позиция в отношении возможностей КСППЭ. Автор относил к ее компетенции прежде всего экспертизу несовершеннолетних с пограничными формами

14

психических расстройств, а комплексное применение познаний психолога и психиатра в других видах экспертизы видел не столько в том, чтобы сформулировать интегративный вывод, сколько в четком разграничении проявления в психическом состоянии обвиняемого болезненных и неболезненных факторов.

Интересно отметить, что практика назначения КСППЭ реализует не «жесткое» ее определение (Кудрявцев И. А., 1988), ограничивающее компетенцию этого вида экспертизы «интегративными» выводами экспертов разных специальностей, а более «мягкое», признающее, как это сформулировано в новом УПК РФ (ст. 201), что комплексной является экспертиза, «в производстве которой участвуют эксперты различных специальностей». В Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», вступившем в силу с 5 июня 2001 г., в ст. 23 также говорится, что при производстве комплексной экспертизы каждый из экспертов разных специальностей «проводит исследования в пределах своих специальных познаний».

Рост количества назначаемых КСППЭ в анализируемый период времени был связан, с нашей точки зрения, не только с теоретическими достижениями, но и с прагматическими соображениями: 1) вместо последовательного проведения двух экспертиз однократное проведение КСППЭ существенно повышало рентабельность и экономичность производства экспертизы и сокращало сроки следствия; 2) до последнего времени практически не существовало государственных бюджетных судебно-психологических экспертных учреждений, тогда как ставки психологов были предусмотрены во всех судебно-психиатрических экспертных учреждениях (Приказ МЗ РФ № 240); 3) КСППЭ, в отличие от однородной судебно-психологической экспертизы, позволяла обследовать подэкспертного в стационарных условиях, что повышало надежность экспертных психологических выводов.

Некоторые авторы, исходя из того, что для решения судебно-психологических вопросов в отношении лиц с пограничными психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, требуются психологические познания о механизмах влияния психических нарушений и аномалий на психическую деятельность, а не познания в психиатрии, считали

перспективным проведение «патопсихологической экспертизы» (Костицкий, 1987, с. 44; Антонян, Гульдан, 1991, с. 229).

В целом, определение статуса КСППЭ остается дискуссионной проблемой, а с введением в УК РФ статей, содержащих формулировки,

15

являющиеся аналогами «возрастной невменяемости» и «ограниченной вменяемости», проблема еще более усложняется.

С гносеологической точки зрения возможность объединения усилий психологов и психиатров в судебно-экспертном исследовании может обеспечиваться общностью объекта их исследования. Важнейшие для теории КСППЭ проблемы объекта и предмета исследования судебного эксперта-психолога, неразрывно связанные с вопросами определения его специальных познаний и границ профессиональной компетенции, впервые были поставлены и разработаны М. М. Коченовым (1978, с. 5—7; 1980, с. 10—29; 1991) в рамках применения психологических познаний в судебно-психологической экспертизе. В своих ранних работах в качестве объекта судебно-психологической экспертизы он определял различные компоненты, свойства психики психически здорового человека (Коченов, 1977, 1980), тем самым четко разделяя компетенцию судебно-психологической и судебно-психиатрической экспертизы⁷. Этой же парадигмы придерживался И. А. Кудрявцев (1988), когда специфическим объектом КСППЭ он называл людей с пограничной психической патологией и крайними вариантами психической нормы⁸. Такая схема поддерживается большинством авторов (Антонян, Гульдан, 1991; Сорокотягина, Сорокотягин, 1993; Енгальцев, Шипшин, 1997; Васильева, Горьковая, 1997; Конева, Орел, 1998). В последующем М. М. Коченов расширил понятие объекта исследования эксперта-психолога и определил его следующим образом: «Психика человека как особое свойство его мозга, недоступное непосредственному чувственному познанию» (Коченов, 1991, с. 15). Такое определение раскрывает наиболее существенные свойства объекта с методологической точки зрения, поскольку выделяет идеальные и материализованные источники информации о психике человека и дает возможность определить исследование общего объекта исследования психологов и психиатров как существенное свойство КСППЭ (там же, с. 17).

16

В то же время, данное определение все же не до конца раскрывает специфику судебно-экспертного исследования психики человека по сравнению с научными и прикладными общепсихологическими исследованиями и нуждается в уточнении.

М. М. Коченов выделил общий и частные предметы судебно-психологической экспертизы. Общий предмет он определил как «компоненты психической деятельности (психики) в ее целостности и единстве, устанавливаемые на основе исследования психической деятельности человека и имеющие значение для органов правосудия» (там же, с. 15). Частные предметы он соотносил с юридическими критериями в предметных видах экспертизы (Коченов, 1980, 1991). В широком смысле, по его мнению, «предмет судебно-психологической экспертизы можно обозначить как индивидуально-своеобразные черты психического отражения действительности субъектом» (Коченов, 1991, с. 21). Это определение уже не разделяет жестко компетенции эксперта-психолога при проведении как однородной судебно-психологической, так и комплексной психолого-психиатрической экспертизы. И. А. Кудрявцев расширил это определение применительно к КСППЭ, включив в предмет, наряду с отражением, «рефлексию и регуляцию поведения» и указав факторы,

влияющие на эти психические процессы: «Взаимодействие болезненных (психопатологических) и неболезненных (возрастного, ситуационного, эмоционального, личностного) психических факторов» (Кудрявцев И. А., 1988, с. 18). Почти аналогично определяла предмет исследования судебного эксперта-психолога Л. В. Алексеева — как «социальные субъектные способности», под которыми понимаются «способности» понимать действительность, осознавать себя, руководить собой (Алексеева, 1999, с. 22).

Тесно связанной с определением объекта и предмета исследования судебного психолога-эксперта является проблема его специальных познаний. В принципе, она — одна из основополагающих, и не столько в плане различения компетенции психолога и психиатра в судебной экспертизе, сколько в контексте понимания того, чем деятельность психолога как судебного эксперта отличается от любой другой психодиагностической работы психолога. Разработка проблемы специальных познаний судебного психолога-эксперта велась в основном косвенно, в несколько преобразованном виде — через определение пределов его компетенции в противопоставлении компетенции судебно-следственных органов, с одной стороны, и компетенции судебных психиатров, с другой. Границы компетенции

17

психолога в разных предметных видах судебно-психологической экспертизы и КСППЭ (до введения УК РФ) практически всеми авторами рассматривались одинаково (Коченов, 1980, 1991; Кудрявцев И. А., 1988; Печерникова, Гульдман, 1985; Антонян, Гульдман, 1991 и др.), за редкими частными разногласиями — например, по поводу экспертного определения «мотива» преступления (Коньшева, 1998; Ситковская, Коньшева, Коченов, 2000).

Приходится констатировать, что в целом проблема специальных познаний осталась практически неразработанной. Между тем, решение этой проблемы очень важно для самых различных аспектов КСППЭ. В методологическом плане она определяет структуру психодиагностической деятельности эксперта-психолога (задачу, предмет, выбор конкретных методов исследования). Особо значимо решение проблемы специальных познаний для организации и правового обеспечения КСППЭ: в уголовно-процессуальном законодательстве не содержится четких критериев, кого можно привлекать в качестве психолога-эксперта, а практика ярко демонстрирует, что только высшего психологического образования недостаточно для умения квалифицированно провести судебную экспертизу. Из этого вытекает и проблема организации непрерывного (высшего и постдипломного) обучения судебных психологов. Специфика познаний психолога в судебной экспертизе неразрывно связана и с определением экспертных критериев оценки особенностей и нарушений психической деятельности подэкспертных лиц, которые не сводятся к квалификации общепсихологических категорий, требуют соотнесения психологических понятий с правовыми, четкого понимания юридических последствий экспертных заключений.

Б. Методология КСППЭ. Традиционным для работ по КСППЭ и судебно-психологической экспертизе является перечисление конкретных психодиагностических методов, используемых при судебно-экспертном исследовании, а также указание на то, что экспериментальные методы исследования должны сочетаться с психологическим анализом материалов уголовного дела и других имеющих значение для дела документов (в первую очередь — медицинской документации), для ретроспективной оценки предмета экспертизы. Осмыслению более общих методологических проблем, связанных с судебно-экспертной деятельностью, посвящены работы М. М. Коченова (1991, с. 23—25) и И. А. Кудрявцева (1988, с. 28—42). В них обосновывается необходимость применения в судебной экспертизе разработанного в общей психологии

(Рубинштейн, 1946; Леонтьев А. Н., 1975; Ломов, 1984) системного подхода к психическим явлениям с анализом их уровневого строения, динамики, внутренних и внешних детерминант, соотношения биологического и социального. Важным явился вывод о том, что исследоваться должен более широкий круг психических явлений, а не только частный предмет экспертизы, поскольку познание данного предмета может основываться только на основе общей структуры и динамики психических процессов — «как элемент единой системы психического отражения действительности целостной личностью» (Коченов, 1991, с. 15). Указывалось, что развитие судебных экспертиз с участием психолога требует разработки особых специальных психодиагностических приемов и методов — к таким относятся, к примеру, «ретроспективный анализ психических состояний» (Ситковская, 1983; Коченов, 1991), использование «функционального диагноза» (Мелехов, 1963, с. 172—180) в КСППЭ (Кудрявцев И. А., 1988, с. 38—39), выделение «патопсихологических симптомокомплексов» (Станишеская, Гульдман, 1977; Николаева, Соколова, Спиваковская, 1979; Кудрявцев И. А., Печерникова, Азбукина, Владимирская, Цапенко, 1981; Поляков, 1982; Блейхер, Крук, 1986; Практикум..., 1987; Кудрявцев И. А., Сафуанов, 1989), сопоставление в экспериментальном психодиагностическом исследовании феноменологии патопсихологических нарушений со стимульным материалом тестов (Лавринович, Москаленко, 1984; Кудрявцев И. А., Лавринович, Москаленко, Сафуанов, 1985).

В целом, данный этап развития ознаменовался тем, что судебно-психологической экспертизой и КСППЭ были успешно ассимилированы общенаучные методологические принципы, принятые в отечественной психологии, очерчен основной круг наиболее валидных и надежных экспериментальных методов, используемых в экспертной практике, и разработаны специальные методические приемы изучения объекта судебно-экспертного исследования.

В. Организационно-правовые аспекты КСППЭ. Освещение организационных принципов производства КСППЭ, обобщающее многолетний опыт проведения этого вида экспертиз сотрудниками ВНИИ общей и судебной психиатрии им. В. П. Сербского, изложено в монографии И. А. Кудрявцева (1988, с. 69—78). Эта модель взаимодействия экспертов разных специальностей применяется и в других видах комплексных судебно-психиатрических экспертиз (см., например, Ткаченко, Введенский, Дворянчиков,

1998). И. А. Кудрявцев выделил подготовительный, исследовательский и заключительный периоды (с этапами внутри каждого периода) проведения КСППЭ, рассмотрел функции, роли и принципы взаимодействия экспертов-психологов и экспертов-психиатров на каждой стадии производства экспертизы.

Наряду с вопросами взаимодействия экспертов разных специальностей, важной стороной организационно-правовых основ комплексных экспертиз являются и вопросы взаимодействия с органом, назначившим экспертизу. Можно выделить три основные проблемы, сопровождающие практику КСППЭ на протяжении всего периода ее развития.

Несоответствие характера назначенной экспертизы фактически необходимой. В экспертной практике часто встречаются случаи, когда следователем или судом назначаются КСППЭ без вопросов к психологу или к психиатру, или, напротив, однородные судебно-психиатрические экспертизы с вопросами, входящими в компетенцию психологов, и т. п. Решение подобных

проблемных ситуаций не регулируется Уголовно-процессуальным законодательством. При всем своеобразии каждой из таких ситуаций, можно выделить две крайних позиции при их решении в конкретной экспертной практике.

Первая из них основывается на формальном положении о том, что каждый раз должен проводиться именно тот вид экспертизы, который назначен следователем или судом. Так, И. А. Кудрявцев оспаривал возможность преобразования однородной судебно-психиатрической экспертизы в комплексную на основании того, что «такая практика противоречит закону, т. к. существенно ущемляет интересы обвиняемого» (Кудрявцев И. А., 1988, с. 69). Вторая позиция основана на положении, что должна проводиться комплексная экспертиза, если это необходимо, несмотря на указание об однородной экспертизе в постановлении (определении). Так, по мнению А. Р. Шляхова, «если поставленные вопросы требуют проведения комплексного исследования в форме комплексной экспертизы, то она может организовываться руководителем экспертного учреждения (в том числе и по инициативе эксперта)» (Шляхов, 1985, с. 11). Аналогичное указание закреплено и в п. 4 межведомственной Инструкции об организации производства комплексных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях СССР от 1986 г.: «В случаях, когда при ознакомлении с представленными на исследование материалами либо в ходе производства отдельных экспертиз выявлена необходимость проведения комплексной

20

экспертизы, ее производство организуется руководителем экспертного учреждения».

Состав экспертной комиссии при производстве КСППЭ. Сложившаяся практика определяет состав комиссии при проведении стационарных и амбулаторных КСППЭ в количестве четырех человек: трех психиатров (в соответствии с Инструкцией о производстве судебно-психиатрической экспертизы в СССР) и одного психолога. Если у экспертов-психиатров при равенстве их прав и обязанностей существует четкое разделение функций председателя, члена комиссии, врача-докладчика при проведении комиссионного заседания (Инструкция..., 1970; Положение..., 1997), то роль эксперта-психолога до сих пор не определена. Вызывает сомнение и количественное соотношение экспертов разных специальностей, если учитывать, что во многих случаях при проведении КСППЭ акцент приходится на решение психологических, а не психиатрических вопросов. Дискуссионным остается вопрос и о минимальном количестве экспертов при проведении КСППЭ в кабинете следователя или в зале судебного заседания. По мнению И. А. Кудрявцева, к примеру, КСППЭ в этих случаях может проводиться единолично, одним экспертом (Кудрявцев И. А., 1988, с. 71). Очевидно, что эти вопросы возвращают нас к необходимости решения проблемы специальных познаний эксперта-психолога.

Разногласия между экспертом-психологом и экспертом-психиатром при производстве КСППЭ. Несоответствие реального статуса КСППЭ «жестким» определениям общей теории комплексных экспертиз наиболее ярко проявляется в ситуациях, когда на заседании экспертной комиссии возникают разногласия между психологами и психиатрами по поводу вопросов, которые не составляют предмет их совместной компетенции, а требуют специальных познаний в психологии. Например, часто психиатры не соглашались с экспертным определением аффекта у обвиняемого. И. А. Кудрявцев высказывал мнение, что в этих случаях необходимо в общем, совместном заключении формулировать самостоятельные выводы, и при этом эксперты, не согласные друг с другом, «обязаны обосновать причины своего несогласия с мнением других членов комиссии» (Кудрявцев И. А., 1988, с. 78). Представляется, что такой алгоритм оформления заключения КСППЭ противоречит УПК РФ, где указывается, что в случае разногласия между экспертами каждый

эксперт дает свое заключение отдельно, и ст. 22 и 23 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», предписывающим при проведении

21

комплексной экспертизы в случае разногласий между экспертами каждому из них или эксперту, который не согласен с другими, давать отдельное заключение. Остается неясным, как оформлять эти отдельные заключения — как акты комплексной экспертизы или, при наличии выводов экспертов только одной специальности (например, по поводу того же аффекта), как заключения однородных экспертиз.

Г. Этические принципы КСППЭ. Для рассматриваемого периода развития КСППЭ характерно полное отсутствие работ, посвященных этическим принципам проведения судебно-экспертного психологического исследования. Пробел в этой области был тем более очевиден на фоне ряда работ, посвященных этическим и деонтологическим принципам деятельности судебного эксперта-психиатра (Этика..., 1996; Тихоненко, Шишков, 2000). В целом, такое положение дел отражало и неразработанность этических норм в самых разнообразных прикладных отраслях психологии — за редким исключением (Бурлачук, Морозов, 1989; Основы психодиагностики, 1996), такие области практической психологии, как психотерапия и психокоррекция, профотбор, психологический кадровый менеджмент на предприятиях и др., осуществляют свою профессиональную деятельность без должного правового и нормативно-этического регулирования.

1.2.2. Экспертные понятия в КСППЭ совершеннолетних обвиняемых

Работы этого направления касаются в основном анализа двух понятий, являющихся предметом исследования психолога в рамках судебно-психологической и судебной психолого-психиатрической экспертизы обвиняемых: аффекта и индивидуально-психологических особенностей. Вопросы судебно-следственных органов о наличии аффекта в момент совершения инкриминируемого обвиняемому деяния, а также об его индивидуально-психологических особенностях и меры их влияния на криминальное поведение, являются преобладающими при назначении экспертизы, и, несмотря на то, что они относятся к разным предметным видам КСППЭ, нередко они задаются одновременно. Степени разработки содержания анализируемых понятий различны — это связано с тем, что исследование проблематики аффекта в судебной психиатрии и психологии началось еще в конце XIX века (Чиж, 1890; Боткин, 1893; Крафт-Эбинг, 1898), а понятие личности вошло в понятийное поле юридической психологии значительно позже.

22

А. Аффект. Понятие аффекта, начиная с работы Р. Крафт-Эбинга (1898), в контексте судебной психиатрии и судебной психологии рассматривалось в дифференциально-диагностическом плане: различались физиологический (или нормальный) и патологический аффекты. Рассматривалось соотношение физиологического аффекта с некоторыми уголовно-правовыми категориями: наличием преступного умысла, вменяемостью — невменяемостью, смягчающими ответственность и наказание обстоятельствами (Чиж, 1890; Боткин, 1893; Крафт-Эбинг, 1898; Калашник, 1941). Были выделены типичная трехфазность возникновения и развития эмоциональной реакции, характерная для аффекта (Боткин, 1893), психологические и феноменологические признаки аффекта, указывалось на значимую роль исследования личностной и патологической «почвы» при его диагностике (Чиж, 1890;

Боткин, 1893; Крафт-Эбинг, 1898). Важным явилось выделение разнообразных причин, вызывающих аффекты, среди которых, как бы предвосхищая ст. 106 современного УК РФ, были выявлены психотравмирующие обстоятельства, обуславливающие изменения эмоционального состояния матерей, совершивших убийство своего новорожденного ребенка (Крафт-Эбинг, 1998). Все эти работы составляли первое направление исследований аффективных реакций и состояний — судебно-психологическое.

Второе, параллельно развивающееся, направление можно обозначить как общепсихологическое. В отечественной психологии оно представлено работами А. Р. Лурии (1984), А. Н. Леонтьева (1983), Н. И. Наенко (1976), В. К. Вилюнаса (1986) и др. Отличающим от судебно-психологических исследований признаком этого направления явилась разработка проблематики, связанной с аффектами, в контексте общепсихологических вопросов определения эмоций (в широком смысле), соотношения аффекта с чувствами, эмоциями (в узком смысле), настроениями, страстями и другими сторонами эмоциональной сферы. Использование при изучении этой проблемы теорий более широкого плана — в первую очередь, теории деятельности — предопределила интерес к исследованию функций аффектов, их роли в регуляции деятельности (Леонтьев А. Н., 1971, 2000), психологического строения, структуры аффектов (Вилюнас, 1986), при этом феноменологические, внешние признаки аффекта, которым придавалось большое значение в плане судебно-психологических исследований, оставались за полем внимания.

23

Характерно, что общепсихологические исследования практически не оперировали (и не оперируют) понятием «физиологического аффекта», предпочитая говорить об аффекте без каких-либо дополнительных определений. В этих исследованиях рассматривался более широкий круг аффективных состояний — прежде всего по модальности изучаемого явления: если физиологический аффект традиционно сужен рамками аффектов гнева, ярости и т. п., то аффект в общепсихологическом смысле включает в себя сильные переживания страха, радости, восторга и других эмоций, может приобретать как стенические, так и астенические формы.

Как бы объединяющим эти два направления является, на наш взгляд, анализ аффекта в работе С. Л. Рубинштейна, который описывает классический аффект гнева, ярости и частично соотносит термин «аффект» с понятием «сильное душевное волнение» (по смыслу Уголовного кодекса). В то же время определение аффекта у С. Л. Рубинштейна все же несколько шире, чем дефиниция физиологического аффекта, — он указывает, что аффект «может дать не подчиненную сознательному волевому контролю разрядку в действии <...> в аффективном действии в той или иной мере может быть нарушен сознательный контроль в выборе действия»⁹ (Рубинштейн, 1946, с. 496), то есть рассматривает соотношение «аффекта» и «аффекта как сильного душевного волнения» как общее и частное.

Краткое рассмотрение исследований аффекта в анализируемый нами период истории КСППЭ, позволяет выделить три основные проблемы, являющиеся дискуссионными и до настоящего времени:

— соотношение аффектов в общепсихологическом смысле и аффекта (физиологического аффекта) как экспертно-психологического понятия;

— соотношение аффекта с правовыми понятиями (типа «внезапно возникшее сильное душевное волнение»);

— соотношение аффекта с другими эмоциональными реакциями и состояниями, имеющими юридическое значение.

В судебно-психологических исследованиях, проводимых как в рамках судебно-психологической экспертизы, так и в рамках КСППЭ, начиная с работ М. М. Коченова (1974, 1980), было

24

воспринято определение физиологического аффекта, близкое к представлению, обоснованному С. Л. Рубинштейном. Диагностика физиологического аффекта основывалась на трехфазности его развития (выделялись подготовительная стадия, стадия собственно аффективного взрыва и стадия истощения) с определением характерной для каждого этапа динамики совокупности субъективных и феноменологических признаков (см., например, Ситковская, 1983). Возникновение физиологического аффекта связывалось с тремя разными механизмами: а) реакция на одноразовое психотравмирующее воздействие; б) разрядка накопленных эмоциональных переживаний; в) отсроченная актуализация аффективных комплексов вследствие повторного воздействия аффектогенного стимула (Коченов, 1991, с. 39)10.

Однако, несмотря на кажущуюся универсальность судебно-экспертного подхода к психологической оценке физиологического аффекта, развитие отдельных направлений исследований эмоциональных реакций и состояний обвиняемых выявило множество проблем, связанных с оценкой роли психических расстройств и транзиторных психических состояний, на фоне которых развиваются аффективные реакции; с необходимостью соотнесения аффектов с другими эмоциональными состояниями, диагностика которых также может иметь правовые последствия; и, наконец, с юридическим значением определяемых в судебной экспертизе эмоциональных реакций и состояний.

Физиологический аффект у лиц с пограничными психическими расстройствами и аномалиями. Эта проблема была впервые поставлена в рамках КСППЭ, что связано с ограничительным пониманием объекта судебно-психологической экспертизы как психической деятельности лиц без какой-либо психической патологии (см. выше). Решение данной проблемы развивалось по двум основным направлениям, которые можно обозначить как диагностику «физиологического аффекта на патологической почве» и «аномального

25

аффекта». И. А. Кудрявцев (1988, 1999) ввел понятие «аномального» («атипичного», «утяжеленного») аффекта, основываясь на выделении аффективных реакций у психопатических личностей, которые возникали на фоне длительного накопления эмоционального напряжения под влиянием хронических психотравмирующих ситуаций и вследствие псевдо- и гиперкомпенсаторных механизмов, на подготовительной стадии приводили к выраженной декомпенсации психических аномалий, а на стадии аффективного взрыва — отличались более выраженной глубиной сужения сознания, нежели при физиологическом аффекте (Кудрявцев И. А., 1999, с. 449). Другие авторы сосредоточили свое внимание на исследовании «физиологического аффекта на патологической почве», глубоко изучив закономерности возникновения и развития аффекта у психопатических личностей (Остришко, 1982; Печерникова, Гульдман, Остришко, 1983). В этих работах физиологический аффект, возникающий у лиц с психопатиями, рассматривается как не выходящая за пределы нормы кратковременная эмоциональная реакция взрывного характера, но вместе с тем устанавливается ряд важных диагностических признаков,

специфичных для этого вида психической патологии. Было введено понятие «условных» психогений, вызывающих аффект (когда ситуация приобретает психотравмирующее значение только в отношении психопатических личностей), которые имеют свои особенности для каждой клинической формы психопатий. Были установлены особенности феноменологии аффективного взрыва и постаффективной стадии, характерные для разных групп психопатических личностей.

Практика КСППЭ показывает, что круг психопатологических нарушений, на «почве» которых возникают аффективные реакции, значительно шире, включает в себя текущие и резидуальные органические психические расстройства, хронический алкоголизм, ремиссию при шизофрении, в последнее время — посттравматические расстройства вследствие участия в боевых действиях и др.

Это обстоятельство делает актуальной задачу исследования роли разнообразных психических расстройств в генезе возникновения и развития эмоциональных реакций и состояний, имеющих юридическое значение.

Физиологический аффект на фоне алкогольного опьянения. О. Д. Ситковской (1983) была сформулирована и проверена в экспертной практике возможность экспертной диагностики физиологического аффекта у лиц, находящихся в момент совершения

26

преступления в легкой степени простого алкогольного опьянения. Был сделан вывод, что при наличии основных экспертно-диагностических признаков возможна квалификация их эмоционального состояния как физиологического аффекта. Это положение было подвергнуто критике со стороны И. А. Кудрявцева (1985, с. 90—91; 1988, с. 114—118). При этом он предлагал рассматривать такие аффекты не как «физиологические», а как «аномальные». Но, в отличие от анализа «аномального аффекта» при психопатиях, акцент в определении «аномальности» в этом случае делался не столько на констатации иных механизмов динамики аффекта, сколько на судебной оценке подобного экспертного заключения. По мнению И. А. Кудрявцева (1988, с. 118), диагностика «аффекта в состоянии алкогольного опьянения» должна расцениваться судом как обстоятельство, отягчающее вину подэкспертного.

Дискуссионный характер анализируемого аспекта проблемы аффекта у обвиняемых требует дальнейшего его изучения по крайней мере в двух направлениях. Кроме дальнейшей разработки проблемы юридического (значимого для судебного решения) значения аффективных реакций у нетрезвых лиц, необходимо углубленное исследование психологических механизмов влияния алкогольной интоксикации не только на его эмоциональные реакции, но и на сознание и поведение человека при совершении криминально-агрессивных действий в целом. Это становится особо актуальным в связи с возможностью дифференцированной оценки вменяемости обвиняемых в настоящее время.

Соотношение физиологического аффекта и иных эмоциональных реакций и состояний, имеющих юридическое значение. Анализируемый этап развития судебно-психологической экспертизы и КСППЭ характеризуется признанием существования целого класса эмоциональных реакций и состояний, которые по своим психологическим механизмам развития и по феноменологии не сводятся к понятию «физиологического аффекта», но, тем не менее, существенно ограничивают «свободу выбора действия» обвиняемого при совершении агрессивного преступления вследствие нарушений процессов осознания и регуляции своих действий (Сидоров, 1978; Коченов, 1980, 1991; Коченов, Мельник, Романов,

1982; Кудрявцев И. А., 1988; Голев, 1980; Алексеева, 1997, 1999 и др.). В то же время в исследованиях разных авторов использовалось множество понятий, описывающих эти

27

психические состояния, которые частично перекрываются друг другом, частично описывают различные психологические явления — при этом одни термины заимствованы прямо из представлений общей психологии («стресс», «фрустрация», «растерянность», «конфликт», «страсть», «психическая напряженность»), а другие — являются специфичными только для судебно-психологических работ («эмоциональное возбуждение, оказывающее существенное влияние на сознание и деятельность», «эмоциональное напряжение, оказывающее существенное влияние на поведение»)¹¹.

Различные мнения существовали и по вопросам юридической соотнесенности этих понятий с нормами уголовного права. Можно выделить две принципиально отличающиеся друг от друга позиции.

Первая из них основана на том, что понятие «физиологического аффекта» соотносится с юридическим понятием «внезапно возникшего сильного душевного волнения» (и, следовательно, имеет значение для квалификации преступления по ст. 104 или 110 УК РСФСР), а экспертная диагностика иных эмоциональных состояний, оказывающих существенное влияние на сознание и поведение обвиняемых, то есть ограничивающих возможность их осознания и произвольного контроля своих криминальных действий, является предпосылкой определения «сильного душевного волнения», то есть определения смягчающего ответственность обстоятельства в соответствии с п. 5 ст. 38 УК РСФСР (Сидоров, 1978; Кудрявцев И. А., 1988; Голев, 1990; Енгальчев, Шипшин, 1997; Ситковская, 1998; Алексеева, 1997, 1999).

Вторая позиция представлена в докторской диссертации М. М. Коченова (1991) и в некоторых публикациях автора этих строк (Сафуанов, 1991, 1996, 1998). М. М. Коченов пришел к выводу, что «наличие аффекта служит одним из доказательств совершения преступления в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения» (Коченов, 1991, с. 38), но «психологическими доказательствами внезапно возникшего сильного душевного волнения... могут также служить и состояния, не укладывающиеся в

28

строгие рамки понятия аффекта» (там же)¹². К таким он относил большую группу эмоциональных состояний, объединенную понятием «психической напряженности», во многом совпадающим по содержанию с понятием психологического стресса (там же, с. 39—40).

Б. Индивидуально-психологические (личностные) особенности. Судебно-психологическая экспертная оценка индивидуально-психологических особенностей обвиняемых не имеет, в отличие от других традиционных предметных видов КСППЭ и судебно-психологической экспертизы, прямого соотнесения с «юридическими критериями» в тексте уголовного законодательства. Однако, как указывалось в юридической литературе (Дагель, 1970; Озрих, 1975; Личность преступника, 1975; Кузнецов, 1977), понятие «личность преступника (обвиняемого)» необходимо для а) решения вопросов, касающихся определения оснований уголовной ответственности и юридических мотивов отдельных видов преступлений; б) для индивидуализации уголовной ответственности и наказания. Юридической основой данного вида экспертизы можно было считать ст. 68 УПК РСФСР, в которой среди обстоятельств,

подлежащих доказыванию, указываются «иные обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого». В аспекте индивидуализации уголовной ответственности и наказания для суда научно обоснованная оценка личности обвиняемого

29

выступала в этот период, во-первых, в качестве предпосылок, влияющих на степень и характер ответственности, то есть смягчающих обстоятельств (ст. 38 УК РСФСР); во-вторых, оценка личности помогала более полно раскрыть причины и условия, способствовавшие совершению преступления (ст. 68 УПК РСФСР); в-третьих, полное исследование личности виновного способствовало правильному решению вопроса о назначении вида наказания (ст. 24, 37, 43 и др. УК РСФСР) или об освобождении от уголовной ответственности и наказания (ст. 61, 52 УК РСФСР). Поэтому в судебной психологии личность обвиняемого была выделена как самостоятельный предмет исследования и, «при всей кажущейся неопределенности», ей придавалось большое значение (Коченов, 1980, с. 13).

Вместе с тем, законодательные формулировки содержательно не раскрывали свойств личности обвиняемого, имеющих уголовно-правовое значение и подлежащих доказыванию, не уточняли, какие же конкретно «обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого», имеются в виду.

Это порождает две важные проблемы, являющиеся актуальными и на сегодняшний день. Во-первых, дискуссионным остается вопрос об объеме судебного, а вследствие этого — и судебно-психологического экспертного исследования личности обвиняемого; во-вторых, остается недостаточно разработанным вопрос о предмете судебно-психологического экспертного исследования индивидуальных особенностей обвиняемого.

Экспертиза индивидуально-психологических особенностей в теоретических разработках развивалась в этот период в трех направлениях.

Первое направление сводилось «к обобщающей интерпретации в подлинно научных психологических понятиях данных о личности человека» (Коченов, 1980, с. 14). В то же время М. М. Коченов указывал, что судебно-психологическая диагностика должна исследовать возможность влияния личностных особенностей на поведение в конкретных ситуациях (там же). Именно определение меры влияния индивидуально-психологических особенностей на криминальное поведение и представляется наиболее значимой для индивидуализации ответственности и наказания. По мнению О. Д. Ситковской, с психологической точки зрения анализируемое влияние могло быть интерпретировано двояким образом: как закономерное или случайное принятие и реализация решения о преступлении, с одной стороны, и как влияние на способность

30

управлять своим поведением в криминальной ситуации, с другой (Ситковская, 1998, с. 225—226).

В практике судебной экспертизы эти два различных аспекта решения вопроса о существенном влиянии индивидуально-психологических особенностей обвиняемого на его поведение при совершении инкриминируемого ему деяния и определили второе и третье направление исследований в рамках КСППЭ.

В ряде работ под существенным влиянием личностных особенностей обвиняемого на преступное поведение подразумевалась прямая детерминация криминальной активности, на уровне реализации асоциальных ценностей и смысловых установок или черт характера, способствующих проявлению агрессии. Особенно значимым фактором, при этом, по мнению некоторых авторов, была диагностика этих качеств как ведущих, доминирующих в структуре личности и не компенсированных самоконтролем и защитными механизмами (Кудрявцев И. А., 1980, с. 130). При таком понимании «существенность» влияния личностных особенностей на конкретные действия не означала какой-либо выраженной меры ограничения способности к осознанию и регуляции своих действий (Кудрявцев И. А., 1999, с. 277—278) и представляла собой установление у обвиняемого индивидуально-психологических особенностей, которые могли способствовать совершению конкретных противоправных деяний (Коченов, 1981; Конева, Орел, 1998).

Другое направление исследований формулировку о существенном влиянии личностных особенностей раскрывало через отождествление этого влияния с ограничением способности обвиняемого в полной мере осознавать значение своих действий и осуществлять произвольную их регуляцию, контроль (Сафуанов, 1994, 1995, 1996; Шостакович, 1998). Характерно, что подавляющее большинство подэкспертных, у которых такое влияние устанавливалось при экспертном исследовании, имели различные формы психических расстройств (психопатию, органическое поражение головного мозга, инфантилизм и т. п.). В этом контексте экспертное установление такого «существенного влияния» в рамках КСППЭ по существу восполняло пробел, существовавший в УК РСФСР: отсутствие каких-либо градаций при определении у обвиняемых «способности отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими» — то есть этот вид экспертизы являлся как бы эквивалентом не существовавшего в то время института «ограниченной вменяемости».

При исследовании личностного опосредования криминальной агрессии в этот период велись также работы по изучению роли

31

отдельных черт личности (Коченов, 1980; Кудрявцев И. А., 1988; Антонян, Гульдан, 1991 и др.), групповых влияний (Сафуанов, Макушкин, 1995; Васильева, Горьковская, 1997; Енгальцев, Шипшин, 1997), этно-культуральных факторов (Сафуанов, 1994), мотивации (Волков, 1982; Гульдан, 1985; Антонян, Гульдан, 1991; Лунеев, 1991; Коньшева, 1998), возрастных факторов (Печерникова, Гульдан, 1985; Кудрявцев И. А., Дозорцева, 1988; Гурьева, Дозорцева, 1996; Подростковая судебная психиатрия..., 1996), а также психических расстройств пограничного регистра (Антонян, Бородин, 1987; Кудрявцев И. А., 1988; Антонян, Гульдан, 1991) в формировании и реализации общественно опасных действий.

1.2.3. Клинико-психологические механизмы криминальной агрессии

Механизмы криминальной агрессии у лиц с различными формами психических расстройств традиционно изучались в судебной психиатрии на материале судебной экспертизы. Интерес исследователей был сосредоточен на психопатологических механизмах общественно опасных действий лиц, признаваемых в судебно-психиатрической экспертизе невменяемыми (см., например, Кондратьев, 1987; Мальцева, Котов, 1991, 1995). Осознание опосредованности личностными особенностями, влияния психопатологических факторов на криминальное поведение психически больных в конкретных ситуациях привело к появлению концепции «синдром — личность — ситуация» (Кондратьев, 1987; Шостакович, 2000). Однако понятие «личность» при этом раскрывалось несколько односторонне — как система

отношений, ценностные установки, социальная ориентация. В последующих исследованиях с участием психологов (Шостакович, Литвинцева, Гульдман, 1977) для анализа мотивации стали привлекаться объяснительные схемы из общей психологии, в основном — из теории деятельности А. Н. Леонтьева (1975). Использовались основные положения школы Б. В. Зейгарник (1971, 1986), в частности, представление о том, что патология личности представляет собой нарушения в сфере мотивов. Фокус внимания стал смещаться к изучению криминальной мотивации у лиц с пограничными психическими расстройствами, не исключаяющими вменяемости, в первую очередь — к механизмам аффективных правонарушений у психопатических личностей (Печерникова, Шостакович, Гульдман, 1978; Кудрявцев И. А., Лавринович, Сафуанов, Ерохина, 1983; Гульдман, 1985).

32

Другое направление исследований развивалось в рамках криминологических исследований, которые, в свою очередь, были несколько ограничены рамками изучения механизмов преступного поведения только психически здоровых лиц (Левитов, 1972; Личность преступника, 1975; Ениколопов, 1976, 1979; Механизм преступного действия, 1981; Актуальные проблемы..., 1981; Кудрявцев В. Н., 1982; Михайлова, 1983; Криминальная мотивация, 1986; Лунеев, 1991).

Клинико-психологическому исследованию механизмов криминальной агрессии у психически здоровых и у лиц с психическими расстройствами, не исключаяющими вменяемости, посвящены работы В. В. Гульдмана (1985) и Н. А. Ратиновой (1998). Обе работы были проведены на материале КСППЭ и посвящены разработке психологической типологии механизмов (мотивации) агрессивных преступлений обвиняемых.

В. В. Гульдман (1985), основываясь на концепции Б. В. Зейгарник о нарушении двух психологических механизмов мотивообразования при личностной патологии (Зейгарник, 1971), выделил шесть типов мотивов противоправных действий у психически здоровых и у психопатических личностей, которые отражают нарушения опосредования потребностей, с одной стороны, и нарушения опредмечивания потребностей, с другой. К первому классу он отнес аффектогенные, ситуационно-импульсивные и анэтические мотивы, ко второму — мотивы-суррогаты, мотивы психопатической самоактуализации и суггестивные мотивы. Позднее эта типология была распространена и на другие формы психической патологии (олигофрении, хронический алкоголизм, наркомания) с психопатоподобными состояниями (Антонян, Гульдман, 1991; Антонян, Горинов, Саблина, 1992).

Типология криминальной агрессии Н. А. Ратиновой была основана на выделении уровней нарушений регуляции психической деятельности (Кудрявцев И. А., Ратинова, 2000, с. 115) у обвиняемых мужского пола — как психически здоровых, так и страдающих психопатией и органическим поражением головного мозга различного генеза. Было выделено семь типологических групп агрессии: смысловая, привычно-неконтролируемая, функционально-утилитарная, ситуативно-оборонительная, обусловленная аффективной целью, катастрофическая и обусловленная неадекватной актуализацией профессиональных стереотипов (Ратинова, 1998).

Несмотря на то, что обе классификации криминальной агрессии были построены на материале КСППЭ, и в основу их положен

33

деятельностный подход, можно выделить ряд принципиальных отличий в подходах авторов.

Во-первых, типология В. В. Гульдана имеет в основном обще- и клинико-психологическое значение, описывая наиболее существенные структурные нарушения мотивации, хотя может быть успешно использована и при экспертной оценке преступлений у вменяемых обвиняемых, и при оценке их общественной опасности. Существенным положением этой работы можно считать вывод о том, что один и тот же механизм криминально-агрессивных действий может по-разному оцениваться в судебно-экспертном плане в рамках как психологических, так и психиатрических критериев. Типология Н. А. Ратиновой, напротив, жестко связана с экспертной судебно-психологической оценкой поведения обвиняемого. Поэтому каждый вид агрессии в этой типологии охватывает разные типы нарушений мотивации из классификации В. В. Гульдана. И, напротив, одна и та же разновидность мотивационных расстройств, выделенная В. В. Гульдано, может попасть сразу в несколько групп, анализируемых в работе Н. А. Ратиновой.

Во-вторых, принципиальное различие типологий мы усматриваем в том, что исследование В. В. Гульдана направлено на изучение роли разнообразных психических расстройств в генезе мотивации преступного поведения, тогда как классификация Н. А. Ратиновой, хотя и основана на анализе криминальных действий лиц с психическими аномалиями, по существу не учитывает этого фактора.

В-третьих, если рассматривать эти типологии как своеобразные «модели» механизмов криминальной агрессии, то нетрудно заметить, что, по терминологии Е. Ю. Артемьевой (1999, с. 46—56), классификация В. В. Гульдана является «парадигмальной (содержательной)», согласованной с общепсихологической концепцией (в данном случае — с теорией деятельности), а классификация Н. А. Ратиновой принципиально «функциональна» (хотя она и использует положения теории деятельности, основанием выделения типов являются «внешние» экспертные оценки).

Необходимо заметить, что в задачи рассматриваемых работ не входило исследование гендерных различий в генезе возникновения и реализации криминально-агрессивных действий (использовался материал экспертизы обвиняемых преимущественно мужского пола), не изучалось место алкогольного опьянения в психологическом механизме преступления — эти направления

34

остаются по существу неразработанными и требуют дальнейших исследований.

1.2.4. Критерии судебной психолого-психиатрической экспертной оценки криминально-агрессивных действий обвиняемых

При клинико-психологическом изучении агрессивных противоправных действий обвиняемых основное внимание уделялось разработке критериев экспертной оценки аффекта. Диагностика физиологического аффекта основывалась на исследовании целого комплекса данных: ситуации, приведшей к совершению противоправных действий; устойчивых особенностей личности обвиняемого; его психофизиологического состояния в криминальной ситуации; поведения субъекта в момент совершения преступления; поведения человека после совершения преступления; отношения обвиняемого к содеянному (Коченов, 1980, с. 93—94).

В соответствии с представлением о трехфазности возникновения и развития аффекта были выделены характерные психологические признаки, присущие каждому этапу динамики эмоциональной реакции: подготовительной стадии, стадии аффективного взрыва и постаффективной стадии (Коченов, 1980; Ситковская, 1983; Кудрявцев И. А., 1988; Печерникова, Гульдман, Остришко, 1982). Они включали в себя как феноменологию, «типичный комплекс соматических, вегетативных и пантомимических признаков» (Кудрявцев И. А., 1999, с. 194), так и субъективные переживания подэкспертных лиц, совокупный анализ которых и позволял реконструировать картину изменений сознания и поведения, закономерно свидетельствовавших о наличии физиологического аффекта. Важным шагом явилось разделение диагностических признаков аффекта на обязательные (облигатные) и факультативные (Коченов, 1991, с. 39). В качестве наиболее информативных признаков аффекта были выделены: 1) его взрывной характер, определяющий субъективную внезапность возникновения аффекта; 2) частичное сужение сознания с фрагментарностью восприятия; 3) нарушения регуляции действий; 4) постаффективное истощение, астения. При этом были изучены особенности диагностически значимых свойств каждой стадии аффекта, их зависимость от личностных особенностей обвиняемого и его функционального состояния (Коченов, 1980; Ситковская, 1983), а в рамках КСППЭ — и от характера психического расстройства и динамики

35

психических нарушений (Печерникова, Гульдман, Остришко, 1982; Кудрявцев И. А., 1988, 1999).

В целом, такой подход представлял собой реализацию в основном клинического (психопатологического) подхода с его акцентом на анализ «феноменологии», внешних проявлений нарушенных психических процессов (Поляков, 1977).

В практике КСППЭ использование разработанных критериев казалось достаточным для психолого-психиатрической экспертной оценки аффекта. Однако с введением в судебно-психологическую экспертизу понятий, описывающих иные эмоциональные состояния, не носящие характера физиологического аффекта, но оказывающие существенное влияние на сознание и деятельность обвиняемого в момент совершения правонарушения (и, вследствие этого, соотносимых с юридическими понятиями «внезапно возникшего сильного душевного волнения» и «сильного душевного волнения»), интерес сместился в сторону изучения уже не только феноменологических признаков этих эмоциональных состояний, но и психологических структурно-динамических особенностей поведения (Коченов, 1980; Коченов, Мельник, Романов, 1982; Кудрявцев И. А., 1988, 1999; Кудрявцев И. А., Ратинова, 2000). Эта же проблема явилась актуальной и для оценки меры влияния индивидуально-психологических особенностей обвиняемого на его криминальные действия.

В рамках КСППЭ и других видов экспертиз стали применяться схемы (Дозорцева, 1988; Кудрявцев И. А., 1988, 1999; Ткаченко, Введенский, Дворянчиков, 1998; Алексеева, 1997, 1999; Кудрявцев И. А., Ратинова, 2000), в основу которых были положены общепсихологические представления о структуре психической деятельности (Леонтьев А. Н., 1975, 1991) и ее произвольной регуляции (Анохин, 1962; Ломов, 1984; Конопкин, 1980, 1995 и др.), криминологические схемы генеза противоправного поведения (Кудрявцев В. Н., 1982). Они основывались на выделении интенциональных и оценочных, по терминологии В. Е. Субботина (1999, с. 378), процессов в структуре действия, позволяли оценить нарушения на этапах планирования и принятия решения, целеполагания и целедостижения, оценки, прогноза, контроля и коррекции действий. В то же время затруднения вызывала операционализация критериев экспертной оценки ограничения осознания значения своих

действий и руководства ими при совершении противоправного поступка. Поэтому исследователи были вынуждены соотносить выявленные в каждом конкретном случае особенности структуры

36

криминального действия с понятиями вменяемости или ограничения способности к адекватной оценке и волевому контролю противоправного поведения с помощью расплывчатых формулировок типа «достаточный уровень развития и слаженность функционирования рассмотренных звеньев» (Кудрявцев И. А., 1999, с. 80), «выпадение, редукция, свернутость или недостаточность отдельных звеньев регуляции деятельности» (там же, с. 136).

Проблема четкого определения судебно-психологических критериев оценки влияния эмоциональных реакций и состояний на поведение (как ограничивающих актуальную способность обвиняемого к осознанному и произвольному волевому поведению) особенно ясно высвечивается при анализе соотношения некоторых категорий, определяемых в рамках КСППЭ. Так, в работах И. А. Кудрявцева (1988, 1999) были выделены три понятия, которые описывали различные эмоциональные реакции и состояния обвиняемого: «эмоциональное состояние, существенно ограничивающее осознанность и произвольность инкриминируемого поведения», «физиологический аффект» и «аномальный аффект». При этом постулировалось наличие разной степени их влияния на регуляцию агрессии: по мнению цитируемого автора, существенное влияние эмоциональных состояний «несопоставимо менее разрушительно, чем при аффекте» (Кудрявцев И. А., 1999, с. 183), и, в свою очередь, при аномальном аффекте наблюдается более утяжеленная клиническая картина, чем при аффекте физиологическом, с признаками «более глубокого, чем у здоровых лиц, психогенного сужения сознания» (там же, с. 212). Ясно, что такая классификация требует выделения уже не одного, а целых трех психолого-психиатрических критериев экспертной оценки аффективных деликтов. Один из них должен отграничивать эмоциональные реакции, уменьшающие способность обвиняемого к осознанию и регуляции, контролю своих действий при совершении правонарушения, от эмоциональных реакций, не оказывающих такого дизрегулирующего эффекта, а два других — устанавливать границы между выделенными тремя понятиями, описывающими разные «степени» влияния на осознанно-волевою регуляцию поведения.

В целом, анализ проблемы критериев комплексной судебной психолого-психиатрической экспертной оценки криминально-агрессивных действий обвиняемых показывает, что, несмотря на значительные достижения в этой области, связанные с учетом не только «клинико-феноменологических», но и «структурно-психологических» закономерностей, она остается во многом дискуссионной и

37

требующей дальнейших исследований. Возможным направлением исследований уточнения и операционализации таких экспертных критериев является углубление системных представлений о психологических механизмах криминальной агрессии с одновременным поиском тех звеньев в мотивации преступного поведения, которые могут быть соотнесены с уголовно-релевантными нарушениями осознанной и произвольной регуляции поведения.

1.3. Третий этап. Развитие КСППЭ после введения в действие нового Уголовного кодекса РФ

Уголовный кодекс РФ 1996 г. (введенный в действие с 1 января 1997 г.) явился новым и важным этапом в развитии отечественного уголовного законодательства. Одним из достоинств нового кодекса является, по выражению О. Д. Ситковской, значительная его «психологизация» (Ситковская, Коньшева, Коченов, 2000, с. 4—5). Не останавливаясь подробно на всей совокупности изменений, имеющих значение для экспертного применения психологических знаний (об этом см. Сафуанов, 1998; Ситковская, 1999; Ситковская, Коньшева, Коченов, 2000), в данном разделе мы попытаемся проанализировать лишь те исследования, которые проведены с учетом нововведений, имеющих значение для КСППЭ и для судебно-психологической экспертизы совершеннолетних обвиняемых¹³. Следует согласиться с мнением О. Д. Ситковской,

38

что в судебно-психологических работах, появившихся после принятия нового УК РФ, «в подавляющем большинстве случаев... авторы (обычно, профессиональные психологи) не оценили в должной мере важных изменений, внесенных Уголовным кодексом» (Ситковская, Коньшева, Коченов, 2000, с. 4).

Наиболее дискуссионные проблемы возникают при обсуждении экспертизы аффекта и юридически значимых экспертных категорий, возникающих при необходимости судебной квалификации ст. 22 УК РФ.

А. КСППЭ аффекта. Актуальность дифференцированного правового подхода к оценке правонарушений, совершенных в состоянии аффекта, не вызывает сомнений — криминологи отмечают, что число убийств, совершенных в состоянии «сильного душевного волнения» увеличивается в последние годы опережающими темпами, и связывают это с ростом противозаконных посягательств на правомерно ведущих себя граждан (Изменения преступности в России, 1994). Судебно-психологическое экспертное определение эмоциональных реакций и состояний обвиняемого имеет, по новому УК РФ, по сравнению с прежней практикой, иное юридическое значение.

Основные изменения сводятся к следующему:

1. В рамках предыдущего УК РСФСР определение состояния сильного душевного волнения имело двоякое значение. При наличии таких юридически значимых признаков как

— умышленное совершение преступления,

— совершение преступления в состоянии сильного душевного волнения,

— спровоцированность возникновения состояния сильного душевного волнения противоправными действиями потерпевшего,

— направленность агрессивных действий обвиняемого именно на то лицо, которое спровоцировало конфликтную ситуацию,

— внезапность наступления состояния сильного душевного волнения,

— была возможна юридическая переквалификация статей УК РСФСР со ст. 102 («Умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах») и ст. 103 («Умышленное убийство») на ст. 104 («Умышленное убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения») и со ст. 108 («Умышленное тяжкое телесное повреждение») и ст. 109

(«Умышленное менее тяжкое телесное повреждение») на ст. 110 («Умышленное тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение, причиненное в состоянии сильного душевного волнения»).

39

При отсутствии признака «внезапности» — состояние сильного душевного волнения рассматривалось как смягчающее ответственность обстоятельство (п. 5 ст. 38 УК РСФСР).

Само состояние сильного душевного волнения обычно квалифицировалось судом самостоятельно или на основании экспертного вывода о наличии у подсудимого состояния «физиологического аффекта» или «эмоционального состояния, оказавшего существенное влияние на сознание и поведение».

В новом Кодексе определение состояния сильного душевного волнения (аффекта) у обвиняемого используется только как квалифицирующий признак (ст. 107 «Убийство, совершенное в состоянии аффекта», ст. 113 «Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта»), а в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, уже не рассматривается. По существу, в новом Кодексе принята более широкая норма — смягчающим обстоятельством является не только аффект, но и любое состояние, возникшее в ответ на противоправное или аморальное поведение потерпевшего, явившегося поводом для преступления (п. «з» ст. 61 УК РФ).

1. В названии ст. 107 и 113 УК РФ понятие «внезапно возникшее сильное душевное волнение» заменено на понятие «аффект», а в тексте эти термины употребляются как синонимы. Иными словами, по смыслу данных статей состояние «внезапно возникшего сильного душевного волнения» приравнивается к состоянию «аффекта».

2. По ст. 107 УК РФ может быть квалифицировано убийство, совершенное в состоянии аффекта, не только лица, спровоцировавшего возникновение аффекта, но и «двух или более лиц», что приводит к необходимости экспертного установления и «расширенного» аффекта, при условии, что каждый из потерпевших совершал противоправные или аморальные действия, спровоцировавшие возникновение аффекта у обвиняемого.

3. Возникновение и развитие аффекта (внезапно возникшего сильного душевного волнения) в новом УК РФ связывается не только с «насилием, издевательством, тяжким оскорблением либо иными противоправными или аморальными действиями потерпевшего», но и с «длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего».

Это, во-первых, уточняет содержание признака «внезапности» возникновения сильного душевного волнения: внезапность

40

теперь целиком относится к субъективному генезу аффекта, а не означает непосредственности наступления аффективной реакции сразу после неправомерных действий потерпевшего.

Во-вторых, и это главное, — существенно расширяется круг эмоциональных реакций, имеющих юридическое значение и подпадающих под понятие «аффекта» или «внезапно возникшего сильного душевного волнения»: он должен включать не только эмоциональные

реакции взрывного характера, возникающие в ответ на однократное психотравмирующее воздействие, но и ряд эмоциональных состояний, возникающих в результате кумуляции эмоционального напряжения в условиях длительной психотравмирующей ситуации, которые могут носить, а могут и не носить «взрывной» характер, но обязательно возникают субъективно (и объективно¹⁴) внезапно.

Таким образом, юридическое значение судебно-психологической экспертизы аффекта (эмоциональных реакций и состояний) обвиняемого определяется возможностью квалификации судом ст. 107 («Убийство, совершенное в состоянии аффекта») и ст. 113 УК РФ («Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта»).

Юридическая квалификация указанных статей наступает при установлении «аффекта» (внезапно возникшего сильного душевного волнения) у обвиняемого в момент совершения инкриминируемых ему действий и наличии таких юридически значимых признаков как умышленное совершение преступления, а также спровоцированность возникновения аффекта насилием, издевательством, тяжким оскорблением либо иными противоправными или аморальными действиями потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с противоправным или аморальным поведением потерпевшего.

Основная проблема, по поводу которой исследователи не могут прийти к общему мнению, это вопрос о том, считать ли «аффект», который в УК РФ приравнивается к «внезапно возникшему сильному душевному волнению» (или к «сильному душевному волнению» — Комментарий к УК РФ, 1996, с. 240), понятием правовым или общепсихологическим (Подольный, 2000).

41

Если придерживаться мнения, что законодатель отождествил «внезапно возникшее сильное душевное волнение» с понятием «аффекта» только в том значении, в котором аффект рассматривается в общей психологии (Кудрявцев И. А., 1999, с. 183), то следует признать, что их содержание не эквивалентно (Коченов, 1980, 1991), а это противоречит их прямому отождествлению в законе. Следует также признать и другое следствие, вытекающее из этой точки зрения. Вопреки сложившейся практике суд должен квалифицировать наличие «внезапно возникшего сильного душевного волнения» только при диагностике «аффекта» (в общепсихологическом смысле), игнорируя иные эмоциональные состояния, не обладающие всеми феноменологическими признаками «физиологического аффекта», но оказывающими не меньшее дезорганизующее влияние на сознание и поведение. Такие состояния в практике КСППЭ были исследованы Л. В. Алексеевой (1997). О правомерности их соотнесения с «внезапно возникшим сильным душевным волнением» писали многие судебные психологи (Костицкий, 1987; Коченов, 1991; Макаренко, 1998).

Другое мнение сводится к тому, что «аффект» как синоним «внезапно возникшего сильного душевного волнения» должен рассматриваться не только как психологическое понятие, а прежде всего как правовое (Печерникова, 1998, с. 71—81; Сафуанов, 1998, с. 115—127; Конева, Орел, 1998, с. 24—25; Шипшин, 2000, с. 83). В этом случае под это понятие, в соответствии со ст.ст.107 и 113 УК РФ, должны попадать и состояния эмоционального возбуждения и напряжения, имеющие кумулятивную природу, возникающие в условиях длительной психотравмирующей ситуации, отличающиеся внезапностью возникновения и ограничивающие способность обвиняемого в полной мере осознавать значение своих действий и руководить ими.

Такая разноречивость взглядов делает особенно актуальным исследование содержания понятия «аффекта», являющегося по смыслу УК РФ синонимом «внезапно возникшего сильного душевного волнения», как экспертного понятия — уголовно-правового, но наполненного психологическим содержанием. Такое исследование подразумевает соотнесение экспертного понятия «аффекта» с чисто правовыми, с одной стороны, и общепсихологическими, описывающими разнообразные экстремальные эмоциональные состояния и реакции, с другой, а также определение психологического объема данного термина.

42

Б. КСППЭ способности обвиняемого во время совершения преступления в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими в силу психического расстройства (КСППЭ ограниченной вменяемости)¹⁵. В новый УК РФ включена норма об учете психического расстройства обвиняемого, не исключающего вменяемости, при назначении наказания и принудительных мер медицинского характера. Разные теоретические аспекты ограниченной вменяемости были широко освещены в юридической, судебно-психиатрической и судебно-психологической литературе, изданной до 1997 г. (см., например, Антонян, Бородин, 1987; Бородин, Полубинская, 1990; Ограниченная вменяемость, 1996), но проблема поиска критериев ее судебно-экспертной оценки со всей остротой встала только после введения в действие УК РФ¹⁶. Для психиатрических работ характерно прежде всего внимание к клиническим синдромам (медицинскому критерию), которые могут служить основанием определения ограниченной вменяемости обвиняемых (Ограниченная вменяемость, 1996; Современное уголовное законодательство..., 1998; Практика..., 2000), а в единичных психологических исследованиях делаются попытки выделить типы ограничения саморегуляции в рамках изучения юридического критерия (Кудрявцев И. А., 1999).

Основной проблемой, требующей своего решения по мере накопления опыта практического применения КСППЭ ограниченной вменяемости, является разработка судебно-психологических критериев оценки меры влияния у обвиняемых психических расстройств, не исключающих вменяемости, на осознанно-волевое

43

управление их противоправным поведением, и разработка типологии ограничения способности к осознанию и произвольной регуляции действий при совершении преступлений.

Наряду с этим, дискуссионными и требующими дальнейшей разработки представляются и другие вопросы, связанные с введением в Уголовное законодательство норм ограниченной вменяемости.

Ограниченная вменяемость и аффект. Эти две юридические нормы (ст. 22 и 107, 113 УК РФ) имеют различные правовые последствия, однако, как отмечалось выше, имеют и определенные точки соприкосновения: и то и другое понятие охватывает ограничение возможности осознания и регуляции криминальных действий (первое — вследствие психического расстройства, второе — вследствие эмоциональных факторов); квалификация этих категорий в одном случае требует обязательного, а в другом — возможного учета влияния психического расстройства на поведение; ряд психопатологических состояний, нарушающих регуляцию поведения, протекает в виде аффективных реакций, которые отличаются от течения непатологических аффектов и не только являются ответом на

экстремальные ситуативные воздействия, но и существенным моментом собственной динамики течения психического заболевания.

В современных исследованиях можно встретить две крайние позиции при решении данной проблемы. Первая из них обосновывает приоритетность квалификации аффекта у лица с психическим расстройством (при условии возможности определения всех признаков аффекта) по отношению к определению ограниченной вменяемости (Вандыш-Бубко и др., 1998; Андреева, 2000; Ограниченная вменяемость, 2000). Другая точка зрения допускает, и даже рекомендует, выносить «сложное» заключение об экспертном психолого-психиатрическом установлении у обвиняемого с психическим расстройством и аффекта и ограниченной вменяемости (Кудрявцев И. А., 1996, 1997; Савина, 2000) одновременно, при комплексной психолого-психиатрической оценке эмоциональной реакции у обвиняемого как «аномального аффекта» (Кудрявцев И. А., 1996) или «эмоционального состояния, существенно ограничивающего способность субъекта к осознанной и произвольной регуляции своих действий» (Кудрявцев И. А., Ратинова, 2000).

Ограниченная вменяемость и существенное влияние индивидуально-психологических особенностей на криминальное поведение. Из работ,

44

посвященных соотношению этих двух экспертных понятий (Ситковская, 1998, с. 175; Кудрявцев И. А., 1999, с. 275; Кудрявцев И. А., Ратинова, 2000, с. 147), вытекает возможность судебно-экспертных психолого-психиатрических оценок трех видов: существенное влияние на противоправное поведение личностных особенностей обвиняемых без психической патологии; аналогичное существенное влияние индивидуально-психологических особенностей лиц с наличием психических расстройств, которые, однако, не проявляются в механизме преступных действий и не дают оснований квалифицировать их как детерминанты ограничения осознанно-волевой регуляции поведения (как это предусмотрено ст. 22 УК РФ); существенное влияние индивидуально-психологических особенностей на криминальную агрессию, опосредующее дизрегулирующее влияние на поведение психических расстройств, что позволяет квалифицировать и ограниченную вменяемость. В то же время в психиатрической литературе указывается на наличие особых психических состояний, обуславливающих ограниченную вменяемость, квалификация которых не требует исследования влияния личностных особенностей на конкретные общественно опасные действия, но требует учета личностных факторов, способствующих возникновению этих временных психических расстройств (Современное уголовное законодательство, 1998; Качаева, 1999).

Ограниченная вменяемость и алкогольное опьянение. Многие исследователи обращают внимание на тот парадокс, что поведение человека в состоянии опьянения не вполне осознаваемо и сопровождается снижением регулятивных возможностей, но, тем не менее, не может быть квалифицировано по ст. 22 УК РФ. В судебной психиатрии это обычно обосновывается тем, что состояние алкогольного опьянения не сводится к медицинскому критерию ограниченной вменяемости, хотя в общей психиатрии и наркологии многие разновидности состояния интоксикации традиционно рассматриваются в контексте расстройств психической деятельности. Квалификация ограниченной вменяемости, по мнению исследователей, возможна в отношении либо нетрезвых лиц, обладающих какими-либо психическими расстройствами, у которых характер опьянения связан с той патологической «почвой», на которой оно развивается (Качаев, 1979; Морозов, 1983), либо при некоторых вариантах измененных (атипичных) форм алкогольного опьянения

(Наркотическое и алкогольное опьянение, 1998; Судебно-психиатрическая экспертиза лиц..., 2000).

45

В качестве выхода из обозначенного противоречия предлагается расширение компетенции судебных психиатров и психологов за счет экспертного установления обстоятельств или мотивов принятия алкоголя. Так, Т. В. Клименко (1998, с. 106) предлагает проведение тщательного анализа следующих обстоятельств.

1. Произвольность приема психоактивного вещества или приведение в состояние опьянения насильственным путем или путем обмана.
2. Осведомленность лица о действии употребляемого психоактивного вещества.
3. Наличие или отсутствие опыта по употреблению психоактивного средства.
4. Связь факта приема психоактивного вещества с какими-либо иными психическими расстройствами.

О. Д. Ситковская (1998, с. 184) и (при обсуждении проблемы аффекта на алкогольной почве) И. А. Кудрявцев (1999, с. 218—219), пишут о возможном участии психолога при выяснении мотивов алкоголизации обвиняемого. Употреблялся ли алкоголь

- 1) для облегчения совершения преднамеренного преступного деяния;
- 2) для получения удовольствия при игнорировании осознаваемых последствий опьянения;
- 3) для получения удовольствия при легкомысленном отношении к последствиям;
- 4) было ли принятие алкоголя случайно, по ошибке (впервые), в результате принуждения¹⁷.

Ограниченная вменяемость и общественная опасность. Применение ч. 2 ст. 22 УК РФ предполагает, что психическое расстройство, не исключающее вменяемости (при условии, что оно ограничило во время совершения преступления способность преступника в полной мере осознавать и регулировать свое поведение) может служить основанием для назначения судом принудительных мер медицинского характера. В соответствии с ч. 2 ст. 97 УК РФ, такие меры назначаются лицам, у которых психические расстройства связаны с вероятностью причинения «иного существенного вреда либо с опасностью для себя или других лиц». Понятие общественной опасности лица с психическим расстройством в

46

отношении невменяемых лиц широко освоено судебной психиатрией, в последнее время значительное внимание уделяется и психологическим аспектам снижения опасности невменяемых психически больных (см. Юрева, 1991).

Эта проблема в отношении вменяемых лиц была поставлена во многих работах (Чечель, 1970; Уголовный закон, 1987; Антонян, Бородин, 1987; Ситковская, 1992; Шишков, Сафуанов, 1994; Кудрявцев И. А., 1995 и др.) задолго до принятия нового кодекса. Конкретные критерии определения общественной опасности таких обвиняемых после введения УК РФ в действие разрабатываются И. А. Кудрявцевым (1999). В качестве

критериев он выделяет механизмы совершения общественно опасных действий, рассматриваемых в ракурсе их стабильности, легкости актуализации и повторяемости. Среди таких механизмов рассматриваются нарушения мотивации¹⁸, опосредования деятельности и контроля, выделяются клинические и патопсихологические критерии наиболее высокой общественной опасности лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости.

В. КСППЭ психического состояния матери, совершившей убийство новорожденного ребенка. В практике КСППЭ нередко приходится обследовать обвиняемых, совершивших убийство ребенка. Проблема детоубийства включает три аспекта, последовательно поглощающих друг друга: убийство ребенка вообще, убийство родителями собственного ребенка и убийство своего новорожденного ребенка (Дмитриева, Иммерман, Качаева, Ромасенко, 1998). Среди последних преступлений (неонатацидов) в подавляющем большинстве случаев обвиняемыми являются матери новорожденных детей. В последние годы наблюдается тенденция к устойчивому росту этого вида преступлений (Лунеев, 1997). Убийство матерью собственного новорожденного ребенка — это очень сложное явление, и хотя количество исследований в этой области не так велико, в них наблюдается чрезвычайная пестрота объяснений такого рода правонарушений, как с криминологической, так и с клинико-психологической точки зрения.

В УК РФ включена ст. 106, в которой убийство матерью новорожденного ребенка выделяется в самостоятельный состав преступления. Этот состав является сложным: наряду с убийством матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов, речь идет и об аналогичном убийстве в условиях психотравмирующей

47

ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. Такое объединение трех видов детоубийства объясняется тем, что женщины-роженицы и во время физиологических родов, и при эмоциональных состояниях, возникших вследствие психотравмирующих воздействий, и при наличии определенных психических расстройств не способны в полной мере осознавать значение своих действий и осуществлять их полноценную произвольную волевую регуляцию и контроль¹⁹. Это обстоятельство является основанием выделения убийства матерью новорожденного ребенка не только в самостоятельный, но и в привилегированный состав преступления (максимальный срок лишения свободы — 5 лет).

Поскольку в ст. 106 УК РФ в качестве квалифицирующего признака выступают либо психические расстройства, не исключающие вменяемости, либо наличие психотравмирующей ситуации, а оценка этих обстоятельств требует специальных познаний в психиатрии и психологии, очевидно, что по случаям убийства новорожденного собственной матерью может проводиться КСППЭ. В настоящее время возможности выделения нового предметного вида КСППЭ рассматриваются прежде всего с точки зрения обсуждения вопросов, входящих в компетенцию судебных психиатров (см. Дмитриева, Щукина, Качаева, 1998; Качаева, 1999).

Представляется необходимым решить вопрос о компетенции судебного психолога при проведении КСППЭ психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка, с выделением предмета экспертного исследования и основных критериев судебно-психологической экспертной оценки эмоционального состояния матери в момент совершения детоубийства.

Г. Компетенция судебного эксперта-психолога при производстве КСППЭ. С введением нового Уголовного законодательства обострились проблемы, связанные с пределами компетенции судебного психолога при проведении КСППЭ. Традиционно констатировалось, что психолог в рамках комплексной экспертизы решает вопросы в отношении обвиняемых, хотя и страдающих психическими расстройствами, но вменяемых при совершении общественно опасного деяния (см., например, Кудрявцев И. А., 1988).

В работах О. Д. Ситковской (1992, 1998, 2000) не только обосновывается возможность участия психолога в КСППЭ обвиняемых

48

с психическими аномалиями в рамках вменяемости, но и предлагается в форме комплексной экспертизы решать и сам вопрос о вменяемости — невменяемости лица, страдающего психическим расстройством. При этом приводятся следующие аргументы: не существует «юридического» критерия невменяемости, а только «психологический»²⁰, поскольку наличие у обвиняемого способности осознавать фактическое значение и общественную опасность своих действий и руководить ими (в формулировке ст. 21 УК РФ) «непосредственно основано на психологических закономерностях, профессионально интерпретируемых» (Ситковская, Конышева, Коченов, 2000, с. 115); выводы о наличии медицинского критерия невменяемости являются лишь основанием для психологического исследования состояния субъекта в момент деяния (Ситковская, 1998, с. 258); в основе понятия «вменяемость» лежит именно психологический критерий (Ситковская, Конышева, Коченов, 2000, с. 116). Следовательно, по мнению автора, «установление наличия или отсутствия психологического критерия невменяемости требует обязательного использования профессиональных психологических знаний» (там же, с. 128), при этом «используются и клинико-диагностические данные, связанные с медицинским критерием невменяемости, но не только и не столько они» (там же). Исключение (допустимость выводов о невменяемости в рамках однородной судебно-психиатрической экспертизы) можно сделать только для случаев «очевидности характера и развития заболевания, исключаяющего при ретроспективной оценке на момент деяния осознанно-волевое поведение» (там же, с. 126).

И. А. Кудрявцев (1999, с. 71—72), критикуя последнее положение (и предлагая включать психологический анализ при экспертной оценке даже больных с развернутым бредом и галлюцинациями), также пишет об оптимальности применения к установлению вменяемости — невменяемости у обвиняемых такой процессуальной формы применения специальных познаний как КСППЭ. Но, в отличие от О. Д. Ситковской, он считает определение

49

юридического критерия прерогативой не только психолога, но психолога и психиатра на «паритетных» началах (там же, с. 72).

Ясно, что при последовательной реализации предлагаемых подходов значение однородной судебно-психиатрической экспертизы сведется к нулю, поскольку вопросы невменяемости и ограниченной вменяемости полностью войдут в компетенцию КСППЭ (расхождения цитированных авторов — только в объеме компетенции экспертов-психологов и экспертов-психиатров). Между тем, в судебно-психиатрических работах не только проблема определения невменяемости в рамках однородной судебно-психиатрической экспертизы не подвергается сомнению, но и плодотворно ведутся исследования по освоению понятия «ограниченной вменяемости». Эти работы учитывают психологические закономерности влияния психических расстройств на осознание и регуляцию поведения, но рассматривают

их анализ в рамках компетенции судебного психиатра (Современное уголовное законодательство..., 1998; Ограниченная вменяемость..., 2000). Собственно, эту возможность не исключает и О. Д. Ситковская, при условии специальной психологической подготовки специалистов с психиатрическим образованием (Ситковская, Конышева, Коченов, 2000, с. 128).

Как видно, исключительная важность дискутируемых проблем (а от их решения зависит вся система судебных экспертиз, использующих психиатрические и психологические знания: и назначение экспертизы следствием и судом, и организационные формы взаимодействия психологов и психиатров, и критерии экспертных оценок, и форма экспертного заключения, и оценка заключения судом и многое другое) возвращает нас к актуальности разработки теоретических вопросов КСППЭ: понятий объекта и предмета экспертного исследования судебного психолога, содержания и объема его специальных познаний.

50

Глава 2. Судебно-психологическая экспертология

2.1. Принципы судебно-психологического экспертологического исследования

Общая теория судебной экспертологии является «формой научного знания о закономерностях и методологии формирования научных основ судебных экспертиз» (Винберг, Малаховская, 1979, с. 28). Это метанаучная область по отношению к предметным судебным наукам. Она объясняет, как материнские (базовые) науки трансформируются в систему специальных познаний в предметной судебной науке и как эти познания реализуются в практической деятельности при производстве судебных экспертиз. Накопленный теоретический и практический опыт КСППЭ на современном этапе развития требует построения и предметной судебной метанауки — судебно-психологической экспертологии, которая, выступая как частная теория судебной экспертологии, должна показывать механизм трансформации общепсихологических теоретических знаний и методологических принципов в специальные познания судебного эксперта-психолога, используемые в различных организационно-правовых формах для судебно-психологической оценки психической деятельности подэкспертных лиц с психическими расстройствами.

Наряду с применением принципа сравнительного экспертоведения (там же, с. 59—61), предусматривающего выявление опосредованной зависимости психологических познаний, используемых в судебной экспертизе, от уровня развития общей, медицинской психологии и от юридического значения различных предметных видов экспертизы, комплексный характер психолого-психиатрического экспертного исследования требует раскрытия диалектического единства интеграции и дифференциации судебной

51

психологии и судебной психиатрии как предметных экспертных наук (там же, с. 51—56).

Основными составляющими экспертологического анализа, раскрывающими сущность специальных познаний судебного эксперта-психолога, являются понятия объекта и предмета его практической деятельности, на основе анализа которых становится возможным сформулировать содержательное определение специальных познаний, очертить их объем, раскрыть психологическую структуру представленности этих познаний в сознании эксперта,

понять механизм конкретного их применения в экспертном исследовании. Это, в свою очередь, позволит понять трансформацию основных общепсихологических понятий в понятия судебно-психологические, «экспертные», которые, не теряя своей психологической основы, адаптированы к правоприменению, соотносятся с теорией уголовного права, в частности, с уголовно-правовым значением этих психологических категорий. Как отмечает О. Д. Ситковская, понятийный аппарат судебно-психологической экспертизы связан с комплексом ее исследовательских задач, поэтому основным ориентиром являются общепсихологические категории, релевантные решению вопросов уголовной ответственности и наказания (Ситковская, Конышева, Коченов, 2000, с. 10—11).

Рассмотрение указанных вопросов предусматривает экспертологический анализ основных понятий КСППЭ также в плане сопоставления судебно-психологических категорий с судебно-психиатрическими. Это важно для понимания возможностей комплексирования этих судебных наук в конкретных экспертных исследованиях, для осмысления пределов интеграции различных специальных познаний и границ их компетенции.

2.2. Объект и предмет деятельности судебного эксперта-психолога в комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизе

Под объектом познания в философии понимается элемент реальной действительности, противостоящий субъекту в его познавательной деятельности и существующий независимо от его сознания (Жирнов, 1972, с. 18; Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 453). Наиболее распространенным является определение объекта судебно-психологической экспертизы, данное М. М. Коченовым в одной из работ, согласно которому таким объектом

52

является психическая деятельность психически здорового человека (Коченов, 1980, с. 15). И. А. Кудрявцев также отмечает, что судебно-психологическая экспертиза изучает «полную норму», а при комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизе психолог должен, по его мнению, исследовать лиц с пограничной психической патологией (в том числе и с крайними индивидуальными вариантами психического здоровья), не исключающей вменяемости (Кудрявцев И. А., 1988, с. 19, 21).

Обе точки зрения отражают существующую сегодня практику назначения судебных экспертиз, решающих психологические вопросы: действительно, на судебно-психологическую экспертизу направляются подэкспертные, чье психическое здоровье либо не вызывает сомнений у правоохранительных органов, либо подтверждено уже проведенной судебно-психиатрической экспертизой, а комплексная экспертиза назначается в основном тогда, когда требуется одновременное решение судебно-психиатрических и судебно-психологических вопросов, и, соответственно, судебный психолог решает психологические вопросы только в случае решения вопроса психиатрами о вменяемости испытуемого — а ими нередко оказываются лица с пограничной психической патологией. Но в то же время, в поле внимания судебно-психологической экспертизы, как показывает та же практика, очень часто попадают лица с пограничной патологией психики, и очень часты случаи проведения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы в отношении и психически здоровых, то есть так называемой «полной нормы», и психически больных лиц.

Но точны ли данные определения с теоретической точки зрения? Могут ли быть у психолога разные объекты экспертного исследования в зависимости от того, в рамках какой экспертизы, судебно-психологической или комплексной психолого-психиатрической, он

обследует подэкспертное лицо? Верны ли эти определения в свете перспектив участия психолога-эксперта в уголовном процессе при совершенствовании как уголовного и уголовно-процессуального законодательства, так и самого содержания и процесса экспертизы?

Определение объектов судебных экспертиз, имеющих дело со сферой психического в человеке, по критерию наличия или отсутствия психического заболевания (или патологии психики) предполагает и различие объектов базовых научных дисциплин (психологии и психиатрии) по тому же принципу. Но психиатрия отличается от психологии не тем, что она изучает психические

53

болезни, а психология — так называемую «нормальную» психику. Психология может иметь одним из своих объектов нервно-психическую патологию психической деятельности.

Важнейшей особенностью деятельности судебного психолога-эксперта является применение такой теоретической области психологии как клиническая психология с ее развитым концептуальным аппаратом анализа патологии познавательной деятельности и личности, со сложившимся психодиагностическим инструментарием, чьим объектом изучения как раз и является патология психической сферы человека. И судебный психолог, деятельность которого протекает в рамках судебно-психологической или комплексной психолого-психиатрической экспертизы, сталкивается с подэкспертным, о психическом здоровье которого априори судить невозможно. Следовательно, объектом исследования психолога-эксперта, независимо от вида экспертизы, в которой он участвует, не может быть заведомо «нормальная» или «пограничная» психика. Психолог-эксперт имеет дело с особенностями психической деятельности человека, независимо от того, обусловлены они патологическими или непатологическими факторами. Следует отметить, что в последних работах М. М. Коченов придерживается аналогичной точки зрения и отмечает, что «главным объектом судебно-психологической экспертизы является психика человека как особое свойство его мозга, недоступное непосредственному чувственному познанию» (Коченов, 1991, с. 15).

Однако и такое определение объекта судебно-психологической экспертизы является неполным, поскольку оно не выявляет его специфики, качественного отличия от объекта психологии как теоретической дисциплины. Если рассматривать деятельность судебно-психологического эксперта в рамках системы судебной экспертологии, то становится ясным, что создание специальной прикладной судебной предметной науки является результатом необходимости трансформации данных базовой науки в качественно иные данные (Винберг, Малаховская, 1979, с. 114), в том числе и трансформации объекта науки. Как справедливо указывают Ю. Л. Метелица и С. Н. Шишков (1987, с. 149), при судебно-экспертном исследовании объектом исследования являются особенности психики человека не вообще, а только в юридически значимых ситуациях, под которыми понимаются юридически значимые периоды времени, или ситуации, в которых разворачивается та или иная психическая деятельность подэкспертного лица, оцениваемая с позиции разных юридических критериев. К примеру,

54

при судебно-психологической экспертизе обвиняемого такой значимой ситуацией будет ситуация совершения инкриминируемого ему деяния, при экспертизе свидетелей — предкриминальная, криминальная и посткриминальная ситуации, стадии предварительного следствия, судебного разбирательства.

Таким образом, можно определить объект исследования эксперта-психолога как психическую деятельность подэкспертного лица в юридически значимых ситуациях.

Особенностью такого определения является то, что оно практически не отличается от определения объекта судебно-психиатрической экспертизы (Метелица, Шишков, 1987). Действительно, при судебно-психологической, так же, как и при судебно-психиатрической экспертизе, в качестве противостоящего субъекту познания элемента объективной реальности выступает вся психическая сфера испытуемого в рамках заданных эксперту ситуаций, и только на предметном уровне психолог и психиатр находят свой аспект гносеологического освоения объекта. В то же время, данное определение позволяет психологу участвовать в комплексной психолого-психиатрической экспертизе не только в зоне «перекрытия», под которой понимаются пограничные состояния психики (Кудрявцев И. А., 1988), но и в работе с любыми испытуемыми — психически больными, здоровыми, с пограничными состояниями. Это имеет важное значение для перспектив судебно-психологической и комплексных с нею экспертиз. Уже в настоящее время разрабатываются проблемы, в решении которых психолог-эксперт может участвовать наряду с психиатрами, несмотря на то, что речь будет идти о психически больных с выраженной патологией (шизофрения и пр.) — это проблемы ограниченной вменяемости, процессуальной дееспособности и др.

Как уже отмечалось, при всей схожести объектов судебной психологической и психиатрической экспертиз предметы их различны. Это различие вытекает из различия предмета базовых научных дисциплин — психиатрии и психологии. Под предметом познания в общем виде понимаются зафиксированные в опыте и включенные в процесс практической деятельности человека стороны, свойства и отношения объекта, исследуемые с определенной целью в данных условиях и обстоятельствах (Философский словарь, 1980, с. 292). Психиатрия имеет дело с закономерностями проявлений нарушенных психических процессов, а психология — с закономерностями протекания или структуры (а патопсихология — с их нарушениями) самих психических процессов (Поляков,

55

1982, с. 7). Предметом судебной психиатрии, по определению С. Н. Шишкова (1990, с. 33—34), являются психические расстройства, имеющие юридическое значение в уголовном и гражданском процессе. Юридически значимы такие расстройства, которые в достаточной мере дизрегулируют поведение субъекта права, лишая его способностей, обязательных для самостоятельного осуществления прав и обязанностей, несения ответственности и т. п. Такие расстройства осваиваются правом в категориях невменяемости, недееспособности и некоторых других.

Соответственно, предметом исследования судебного психолога-эксперта выступают закономерности и особенности структуры и протекания психических процессов (психической деятельности), имеющие юридическое значение и влекущие определенные правовые последствия.

В рамках КСППЭ предмет исследования психолога может быть конкретизирован как закономерности и особенности структуры и протекания нарушений или расстройств психической деятельности, при необходимости решения определенных правовых вопросов (аффект, ограниченная вменяемость и др.).

В этом определении подчеркнуто, что предметом экспертного исследования психолога являются особенности функционирования психической деятельности человека в юридически значимых ситуациях, независимо от того, являются ли они патологическими или непатологическими (возрастными, личностными, эмоциональными), и четко указана конечная цель, ради достижения которой они исследуются. Суд интересуется не собственно диагностика особенностей психики человека, а наличие или отсутствие у этих особенностей таких свойств, которые определяют их юридическую значимость, что отражено в праве в качестве юридических критериев той или иной способности подэкспертного лица или иных правовых категорий. В КСППЭ обвиняемых, как подчеркивает О. Д. Ситковская, системообразующее значение приобретает понятие способности к осознанно-волевому поведению, наличие или отсутствие этой способности в каждом конкретном случае совершения общественно опасного деяния, свойства и состояния человека, влияющие на эту способность (Ситковская, Коньшева, Коченов, 2000, с. 11). Такое понимание предмета экспертного исследования обвиняемых позволяет психологу в рамках КСППЭ использовать дифференцированные экспертные оценки способности обвиняемого к осознанию и произвольной регуляции криминального поведения в отношении не только психически здоровых,

56

но и в отношении лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости (аффект на патологической почве, ограниченная вменяемость).

2.3. Специальные познания судебного эксперта-психолога

Обобщенное определение специальных познаний в отечественном уголовном праве дано в работе В. Н. Махова: «Специальные знания в ... уголовном процессе — это знания, присущие различным видам профессиональной деятельности, за исключением знаний, являющихся профессиональными для следователя и судьи, используемые при расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде в целях содействия установлению истины по делу в случаях, формах и порядке, определенных уголовно-процессуальным законодательством» (Махов, 1986, с. 60). По мнению Т. В. Сахновой, «специальные знания — это всегда научные знания неправового характера, сопровождаемые адекватными (признанными) прикладными методиками, используемые для достижения определенных юридических целей» (Сахнова, 2000, с. 8), они должны «быть обособленными от других способов и средств осуществления процессуальной деятельности, в том числе связанных с судебным познанием» (там же, с. 17).

Отталкиваясь от этих формулировок, проанализируем специальные познания в психологии, необходимые для проведения судебной экспертизы. Во-первых, это должны быть знания относительно сущности предмета исследования судебного эксперта-психолога, и их особенностью является то, что они не выступают как чисто теоретические — достижения теории психологии и различные методические средства психодиагностики и психологического анализа объекта исследования должны быть научно обоснованными, внедренными в практику и составлять часть профессионального опыта. Такое ограничение связано с тем обстоятельством, что в современной научной психологии существует множество общепсихологических и более специализированных теорий и концепций (одно их перечисление заняло бы объем настоящей главы), эклектичное и некритичное использование которых не позволило бы использовать заключения психолога-эксперта в целях установления истины по делу. Так, по одному и тому же делу психоаналитическая трактовка

глубинных бессознательных механизмов преступных действий и бихевиористская интерпретация поведения в рамках

57

парадигмы «стимул — реакция» мало совместимы друг с другом, и не согласуются с общими представлениями о человеке в отечественном уголовном праве (Сафуанов, Шишков, 1992).

Подчеркнем, что научные положения и методы исследования, применяемые экспертом-психологом, должны быть апробированы именно в экспертной практике, поскольку научно обоснованные теории и методы в одной области прикладной психологии (к примеру, тот же психоанализ в психотерапии) не всегда могут быть адекватно применены в другой.

Во-вторых, специальные знания (познания) эксперта-психолога должны быть профессиональными психологическими, полученными в результате специальной подготовки (образования) и не пересекаться с юридическими знаниями: дело в том, что некоторые понятия, такие как личность, мотивы и др. являются объектом рассмотрения и в рамках уголовного права — так, некоторые юридически значимые мотивы согласно действующему уголовному законодательству введены в состав преступления в качестве его элементов или выступают в качестве квалифицирующего обстоятельства. Поэтому важно дифференцировать психологический и юридический подходы к некоторым психологическим закономерностям душевной жизни человека — специальные психологические знания нельзя идентифицировать с профессиональными знаниями следователя и судьи, они неотделимы от базовой психологической науки.

Таким образом, можно сформулировать специальные познания (знания) эксперта-психолога как психологические теоретические и методологические знания о закономерностях и особенностях протекания и структуры психической деятельности человека, имеющих юридическое значение, полученные в результате специальной профессиональной психологической подготовки и внедренные в практику судебной экспертизы, которые используются при расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде в целях содействия установлению истины по делу по основаниям и в порядке, определенном уголовно-процессуальным законодательством.

Определение специальных познаний психолога, используемых в судебной экспертизе, позволяет более четко очертить и сферу его профессиональной компетенции. Включение в определение специальных познаний предмета исследования судебно-психологической экспертизы позволяет четко отделить именно на предметном уровне профессиональную компетенцию эксперта-психолога от профессиональной

58

компетенции судебного психиатра, с одной стороны, и от компетенции следователей и судей, с другой.

Данное определение специальных познаний эксперта-психолога не дает оснований разграничивать пределы его компетенции при участии в разных видах судебной экспертизы: судебно-психологической и комплексной психолого-психиатрической.

По объему специальные познания судебного эксперта-психолога включают профессиональные знания прежде всего в областях общей (в узком смысле), клинической, возрастной (особенно детской и подростковой), социальной психологии, психодиагностики,

а также знания психологических аспектов виктимологии, суицидологии, сексологии, наркологии, криминологии. Кроме того, в них входят основы таких дисциплин как судебная психиатрия, уголовное и уголовно-процессуальное¹ право, теория и методология судебно-психологической и психолого-психиатрической экспертизы.

Как видно из определения, специальные познания судебного эксперта-психолога — это знания прежде всего психологические, центральным звеном которых в рамках КСППЭ являются знания в области медицинской (клинической) психологии. Однако адаптация психологических знаний к процессу судопроизводства требует расширения общетеоретических дисциплин, за счет как правовых наук, так и смежных областей знаний, используемых не только в комплексных, но и в однородных судебно-психологических экспертных исследованиях. Таким образом, выявляется закономерность многопредметного формирования и развития судебно-экспертного применения специальных познаний в психологии в рамках однородной судебно-психологической экспертизы и КСППЭ. Справедливо будет полагать, с позиций судебной экспертологии, что и специальные познания в судебной психиатрии должны включать в себя не только медицинские науки, но и основы психологии — в первую очередь в силу необходимости решать не только диагностические вопросы (медицинский критерий), но и экспертные вопросы, связанные с анализом механизмов и мотивации поведения (юридический критерий) подэкспертных лиц.

В

59

противном случае мы будем вынуждены признать, что познания в судебной психиатрии не будут отличаться от познаний в общей психиатрии и что КСППЭ тогда может проводить любой общий психиатр (если его деятельность будет ограничена только диагностикой психопатологии) во взаимодействии с судебным психологом, который и должен будет самостоятельно решать вопросы, не только традиционно входящие в круг его компетенции, но и вопросы вменяемости — невменяемости.

Процесс применения специальных судебно-психологических познаний заключается в идентификации «экспертных понятий» на основании использования определенных методов — герменевтических и экспериментальных. Основным и определяющим является герменевтический подход, поскольку судебный эксперт-психолог имеет дело со специфическими текстами (уголовное дело и приобщенные к нему материалы) для ретроспективной оценки психической деятельности подэкспертного лица (Сафуанов, 2000).

2.4. Судебно-психологические «экспертные» понятия в предметных видах КСППЭ

Специальные познания судебного эксперта-психолога, как было показано выше, не могут непосредственно переносить общепсихологические теоретические представления о различных психических явлениях в практику экспертизы. Необходимость трансформации данных общей психологии в судебно-психологической экспертизе и КСППЭ, вытекающая из метода сравнительного экспертоведения, особенно актуальна при анализе «экспертных» судебно-психологических понятий в разных видах экспертизы обвиняемых.

Предложение выделить «экспертные понятия» в рамках теории КСППЭ впервые прозвучало в работах А. Н. Лавриновича, А. С. Голева (Лавринович, Голев, 1989; Голев, 1990), это направление получило развитие в трудах М. М. Коченова, О. Д. Ситковской, И. А. Кудрявцева и др.

«Экспертные» судебно-психологические понятия занимают как бы промежуточное положение между общепсихологическими представлениями и юридическими терминами. Они не могут быть заимствованы в неизменном виде из теории психологии, поскольку связь судебно-психологической экспертизы с общей психологией всегда опосредована: общепсихологические понятия не содержат никакой информации об их юридической значимости, о том, какие

60

правовые последствия могут последовать из их диагностики. Как справедливо отмечает Л. В. Алексеева, «кроме решения экспертом проблемы идентификации эмоционального состояния, необходимо диагностировать существенность его влияния на функционирование сознания и проявление поведения» (Алексеева, 1997, с. 78). Так, определение состояний «фрустрации» или «стресса» у обвиняемого в убийстве ничего не будет говорить о возможности правовой квалификации его преступления или использования его как смягчающего обстоятельства, если мы не выделим такие качества данных эмоциональных состояний, которые могли бы быть в соответствии с уголовным законодательством идентифицированы с определенными элементами состава преступления. Категория «личности» значима для уголовного права лишь в контексте уяснения ее влияния на осознанно-волевое поведение. Понятие «психическое расстройство» иррелевантно для правовой оценки, если эксперты не укажут такие его свойства, которые нарушают или ограничивают способность обвиняемого осознавать свои действия или руководить ими.

В то же время «экспертные» судебно-психологические понятия нельзя признать и полностью правовыми — они носят междисциплинарный характер. Следует согласиться с положением, выдвинутым М. М. Коченовым, что теория судебно-психологической экспертизы имеет дело с психологическим содержанием некоторых юридических понятий, «описывающих поведение людей и его внутренние механизмы, фиксирующих временные психические состояния, изменения сознания под влиянием различных факторов» (Коченов, 1991, с. 7). Это юридические критерии, которые, являясь уголовно-правовыми нормами, сформулированы в психологических понятиях, раскрывающих наиболее интегративные, обобщенные особенности отражения окружающего мира и регуляции поведения.

Таким образом, юридическое значение имеют не диагностируемые экспертом общепсихологические явления, а «экспертные» понятия. Анализ «экспертных» судебно-психологических понятий подводит нас к двум основным проблемам.

Во-первых, необходимо уяснить, каким же образом общепсихологические понятия трансформируются в «экспертные» в зависимости от юридического значения их судебно-психологической оценки в отдельных предметных видах экспертизы. О. Д. Ситковская рассматривает следующие виды адаптации общепсихологических категорий в судебно-психологической экспертизе.

61

— Через введение «понятия-ограничителя», устанавливающего более узкий круг случаев использования понятия, чем тот, на который оно распространяется (например, понятие «личность обвиняемого»).

— Через выделение только тех случаев, охватываемых общепсихологическим понятием, которые имеют уголовно-правовое значение (так, из всего многообразия аффектов экспертизу обвиняемых интересуют аффект гнева и страха).

— Через выделение тех характеристик общепсихологического понятия, которые имеют юридическое значение (эксперт изучает те свойства аффекта, которые могут быть не акцентированы в общей психологии).

— Через углубление смысла понятия по сравнению с общепсихологическим его пониманием в силу того, что значимыми оказываются те стороны предмета исследования, которые для общей психологии безразличны².

— Через соотнесение с определенными «нормами» регуляции поведения, задаваемыми уголовным правом, что приводит к выделению дихотомических противоположных категорий (типа «способность или неспособность к осознанно-волевому поведению в уголовно-релевантной ситуации»).

Продуктивной для понимания процесса трансформации общепсихологических понятий в «экспертные» представляется идея О. Д. Ситковской о «многоступенчатости» судебно-психологических категорий (Ситковская, Коньшева, Коченов, 2000, с. 9), которую она трактует как многоуровневость самих общепсихологических понятий (так, «личность» может раскрываться через свойства, состояния, мотивы, цели и пр.). Признавая справедливость этого положения, необходимо отметить, что и сами экспертные понятия образуют по отношению к общепсихологическим определенную «ступень», и, что самое главное, экспертные понятия судебной психологии могут обладать собственно многоуровневостью: некоторые общие экспертные категории могут опираться на «промежуточные» экспертные понятия, не сводимые к общепсихологическим.

Во-вторых, учитывая все возрастающую потребность судопроизводства в комплексировании усилий психологов и психиатров

62

при производстве экспертизы, необходимо разграничить специфику «экспертных» психологических и психиатрических понятий. Эта проблема стала четко обозначаться после введения в действие нового УК РФ, предусматривающего более дифференцированную оценку влияния психического расстройства обвиняемого на возможность осознавать свои действия и осуществлять их произвольную регуляцию (ст. 22 УК РФ и др.).

Рассмотрим основные «экспертные» понятия, используемые при экспертизе обвиняемых.

2.4.1. КСППЭ аффекта

Юридическое значение экспертизы аффекта обвиняемого определяется возможностью квалификации судом ст. 107 УК РФ («Убийство, совершенное в состоянии аффекта») и ст. 113 УК РФ («Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта»). Юридическая квалификация указанных статей наступает при экспертном установлении аффекта (внезапно возникшего сильного душевного волнения) у подэкспертного в момент совершения инкриминируемого ему деяния и наличии таких юридически значимых признаков, как умышленное совершение преступления, а также спровоцированность возникновения аффекта (сильного душевного волнения) насилием, издевательствами, тяжким оскорблением либо иными противоправными или аморальными действиями потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с противоправным или аморальным поведением потерпевшего.

Необходимо заметить, что указанные статьи УК РФ являются привилегированными, срок наказания в них ограничен тремя и двумя годами соответственно. В Комментариях к УК РФ указывается: «В состоянии аффекта способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий, а также руководить ими в значительной мере понижена, что является одним из оснований для признания совершенного в таком состоянии преступления менее общественно опасным, чем преступление, совершенное при спокойном состоянии психики» (Комментарии к УК РФ, 1996, с. 240). Это же свойство аффекта отмечают практически все судебные психологи (Сидоров, 1978; Коченов, 1980, 1991; Ситковская, 1983; Печерникова, Гульдман, Остришко, 1983; Кудрявцев И. А., 1988, 1999; Сафуанов, 1997, 1998 и

63

др.). Таким образом, «аффект» (по тексту УК РФ являющийся синонимом «внезапно возникшего сильного душевного волнения») как квалифицирующий признак преступления является правовым понятием, наполненным определенным психологическим содержанием. Иными словами — это судебно-психологическое экспертное понятие, охватывающее ряд юридически значимых эмоциональных реакций и состояний, ограничивающих способность обвиняемого к полноценному осознанию окружающей действительности и своих действий, к произвольной волевой регуляции своего поведения в момент совершения инкриминируемого ему деяния.

Такое понимание аффекта как правового понятия и лежит, по всей видимости, в основе того, что значительную часть преступлений суды квалифицируют как совершенные в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, не прибегая к услугам КСППЭ или судебно-психологической экспертизы.

Проанализируем соотношение экспертного понятия «аффект» с кругом эмоциональных состояний, исследованных в общей психологии.

Прежде всего, рассмотрим аффект как один из трех видов эмоциональных переживаний, наряду с эмоциями и чувствами (Леонтьев А. Н., 1971, 2000). Использование одного и того же термина в двух разных значениях — общепсихологическом и правовом — создает известную путаницу, и, видимо, следует согласиться с мнением Л. В. Алексеевой (1999), что было бы целесообразно оставить в текстах ст. 107 и 113 УК РФ только термин «сильное душевное волнение». Другим вариантом, способствующим более четкой квалификации эмоциональных состояний, имеющих юридическое значение, могло бы быть введение в текст Уголовного законодательства понятия «аффективное состояние, ограничивающее способность осознавать значение своих действий или руководить ими» (Сафуанов, 1991). Не различая двух планов анализа понятия «аффект», можно впасть в крайность, полагая, что аффект, являющийся квалифицирующим признаком преступлений по ст. 107 и ст. 113 УК РФ, — это только общепсихологическое понятие, ограничить его понимание определениями отдельных известных психологов и на этом основании отказываться расценивать как «внезапно возникшее сильное душевное волнение» юридически значимые эмоциональные реакции и состояния, отличающиеся от физиологического аффекта феноменологически, но, тем не менее, не уступающие ему (а нередко и превосходящие)

64

по степени выраженности нарушений сознания и произвольной регуляции своих действий.

Основанием выделения аффектов в общей психологии является их дифференциация с собственно эмоциями «по своей функции, по способу, каким осуществляется регуляция, регулирование деятельности» (Леонтьев А. Н., 2000, с. 470). Для практики же КСППЭ основное значение имеют «количественные характеристики эмоциональной реакции» (Кудрявцев И. А., 1999, с. 182).

Сопоставление аффектов и эмоций показывает как сходство, так и различие этих понятий. Многие авторы отмечают, что аффекты отличаются от эмоций большей силой и относительной кратковременностью (Рубинштейн, 1946; Леонтьев А. Н., 1971; Виллюнас, 1986), однако в работе А. Н. Леонтьева подчеркивается, что эти признаки не являются решающими при отграничении аффектов от эмоций: «Эмоции вовсе не отличаются от аффектов меньшей силой или меньшими эффектами, <существуют отличия гораздо более существенные>, чем отличие, которое обычно приводится (по силе, остроте переживания)» (Леонтьев А. Н., 2000, с. 470).

Более существенные — это в первую очередь функциональные различия.

И аффекты, и эмоции — ситуационные переживания, в отличие от чувств. Только эмоции отражают оценку возможной или текущей ситуации, а аффекты являются ответной реакцией на уже наступившую ситуацию, чаще всего неожиданную для субъекта, опасную или психотравмирующую (Леонтьев А. Н., 1971; Виллюнас, 1986; Наенко, 1976; Калашник, 1941). При этом происходит переоценка значимости этой ситуации (Асеев, 1976, с. 60).

А. Н. Леонтьев отмечает, что эмоции воспринимаются человеком как состояния своего Я, а аффекты являются состояниями, возникающими помимо его воли. «Аффекты всегда выступают не как то, что является моим, а как то, что происходит со мной» (Леонтьев А. Н., 2000, с. 468). Это вызывает определенное отношение субъекта к аффекту. Могут возникать разнообразные аффективно-эмоциональные сплавы, когда аффект становится источником эмоций: положительный аффект способен вызвать отрицательные эмоциональные переживания, преодоление аффекта — положительные (там же, с. 475—476). Аффекты, как объекты субъективного отношения, могут стать и объектом самоуправления: изживания, преодоления, отвлечения, замещения (там же, с. 468). Я. Рейковский различает «состояние сильного эмоционального возбуждения — аффекта (страх, гнев, радость), при котором еще

65

сохраняются ориентация и контроль, и состояние крайнего возбуждения, описываемого такими словами, как “паника”, “ужас”, “бешенство”, “экстаз”, “полное отчаяние”, когда ориентация и контроль практически невозможны» (Рейковский, 1979, с. 42).

Обычно подчеркивают «мобилизующую» и «дезорганизующую» функции аффектов. Но, с точки зрения места аффекта в общей структуре деятельности, основной ее функцией является «слепообразование» (Леонтьев А. Н., 1971, 2000). По словам А. Н. Леонтьева, «это функция особого рода, которая выражается в том, что аффект накапливается, складывается, фиксируется в виде аффективного знака объектов и ситуаций, при этом фиксируется очень быстро (не нужно повторений)» (Леонтьев А. Н., 2000, с. 465). Эти следы традиционно, вслед за К. Юнгом, называют «аффективными комплексами» (1994), которые можно выявлять экспериментальным путем (Леонтьев А. Н., 1983; Лурия, 1984). Таким образом, хотя аффекты возникают постфактум (по отношению к аффектогенным ситуациям), они опережают дальнейший опыт через повышение бдительности к возможному повторению ситуации и оберегание от возможного попадания в эти ситуации (Леонтьев А. Н., 2000, с. 465—466).

С предыдущей функцией тесно связаны еще два свойства аффектов: их способность к кумуляции и канализации (там же, с. 466—467, 471). При каждом повторении аффектогенной ситуации соответствующий аффект увеличивается, но в определенных ситуациях аффективные следы могут «изживаться», спонтанно (катарсис) или под воздействием терапевтических процедур (психоанализ).

Аффекты в общей психологии рассматриваются как «личностные» образования, не обязательно связанные с биологическими инстинктами и потребностями. Они могут быть вызваны биологическими отношениями (Вилюнас, 1976), но «неверно положение, что только в этих отношениях аффекты и существуют» (Леонтьев А. Н., 2000, с. 463). Поэтому их нельзя рассматривать только как «биологически преформированный тип регуляции, который по существу протекает вне рамок личностного и индивидуально-психологического уровней регуляции» (Кудрявцев И. А., 1999, с. 183).

К аффектам можно отнести эмоциональные состояния разной модальности, внезапно «овладевающие» субъектом в определенных ситуациях. Это могут быть и отрицательно окрашенные острые эмоциональные переживания (гнев, ярость, страх и др.), и положительно окрашенные (восторг, сильная радость и пр.). Круг аффективных состояний чрезвычайно широк. А. Н. Леонтьев (2000)

66

иллюстрирует закономерности аффективных явлений через разнообразные примеры: встречу невооруженного охотника с медведем, поведение солдат перед битвой под Бородино в изложении Л. Н. Толстого, стартовый аффект у спортсмена-парашютиста, дезорганизацию поведения в состоянии сильной радости, убийство из-за унижения мужского достоинства в стереотипных представлениях данного социального окружения и т. п. КСППЭ интересуется более узкий диапазон аффектов — в основном отрицательно окрашенных, вызванных противоправными или аморальными действиями других людей.

Некоторые авторы выделяют «стеническую» (приводящую к агрессии) и «астеническую» (обуславливающую страх, бегство, оцепенение) формы аффектов (Вилюнас, 1986; Леонтьев А. Н., 2000). Очевидно, что для КСППЭ обвиняемых имеют юридическое значение только первые из них, тогда как «астенические» аффекты учитываются при оценке беспомощного состояния потерпевших.

Обязательным компонентом аффектов, рассматриваемых в общей психологии, является внезапность их возникновения. Многие отрицательно окрашенные стенические аффекты носят взрывной характер и могут ограничивать сознательный волевой контроль своих действий (Рубинштейн, 1946, с. 496).

Однако аффективный взрыв³ не является обязательным признаком всех аффектов, поэтому в определениях аффектов, данных А. Н. Леонтьевым (1971, с. 25; 2000, с. 462) и В. К. Вилюнасом (1986, с. 181) этот признак не выделяется.

Таким образом, аффекты (как понятия общепсихологические, а не экспертные) — это внезапно возникающие интенсивные и относительно кратковременные эмоциональные переживания различной модальности, наступающие вследствие определенных аффектогенных ситуаций. Они обладают количественными и качественными отличиями от собственно эмоций и, в зависимости от

их интенсивности, могут ограничивать свободу «волеизъявления» человека при совершении конкретных действий.

Это свойство части аффектов и нашло отражение во введенном в плоскость теории и практики судебно-психологической экспертизы термине «физиологический аффект» — экспертном понятии, которое описывает типичную феноменологию эмоциональной реакции (Коченов, 1980; Ситковская, 1983; Печерникова, Гульдман, Остришко, 1983; Кудрявцев И. А., 1988, 1999), обладающую определенными облигатными (Коченов, 1991, с. 39) диагностическими признаками. Наряду с этим был выделен и «кумулятивный» вариант «физиологического аффекта» (Коченов, 1980; Ситковская, 1983; Печерникова, Гульдман, Остришко, 1983).

Соотношение общепсихологического понятия аффекта и аффекта как внезапно возникшего сильного душевного волнения, имеющего уголовно-правовое значение, иллюстрирует таблица 1.

Кроме аффектов (в общепсихологическом смысле), таким же свойством деструктивного воздействия на сознание и поведение, а, следовательно, и соотносимостью с понятиями «сильного душевного волнения» и «внезапно возникшего сильного душевного волнения», обладают и иные эмоциональные состояния — в первую очередь, стресс (Коченов, 1980; Коченов, Мельник, Романов, 1982; Алексеева, 1997), фрустрация (Василук, 1984; Кудрявцев И. А., 1988; Алексеева, 1997) и конфликт (Василук, 1984; Алексеева, 1997). Как отмечает М. М. Коченов, «психологическими доказательствами внезапно возникшего сильного душевного волнения... могут служить и состояния, не укладывающиеся в строгие рамки понятия аффекта» (Коченов, 1991, с. 38). Такие состояния в экспертизе освоены в основном через промежуточное экспертное понятие «эмоциональное состояние, оказывающее существенное влияние на сознание и поведение» (Коченов, 1980). В свою очередь, такие эмоциональные состояния включают в себя «эмоциональное возбуждение» и «эмоциональное напряжение» (Коченов, 1989; Сафуанов, 1997).

Возбуждение и напряжение являются существенными характеристиками любого эмоционального процесса (Вундт, 1912). Особо важно рассмотреть соотношение напряжения (или напряженности) с разнообразными психическими состояниями. Дело в том, что в современной психологии описано множество таких состояний (стресс, конфликт, кризис, фрустрация), в структуре которых в той или иной мере проявляется тензионная (от англ. tension — напряжение) характеристика (Куликов, 2000, с. 17), вместе с тем

Таблица 1

Соотношение общепсихологического
и уголовно-правового понятий «аффекта»
Аффект (в общей
психологии)
Аффект — внезапно возникшее
сильное душевное волнение

Основание выделения понятия
Дифференциация с эмоциями по функции и способу регуляции деятельности

Дифференциация с эмоциями по интенсивности и степени дизрегуляции поведения

Модальность

Широкий диапазон от положительно окрашенных до отрицательно окрашенных

Узкий круг отрицательно окрашенных переживаний (гнев, ярость)

Формы выражения в поведении

Стенические (чрезмерная двигательная активность) и астенические (оцепенение)

Только стенические

Свойства

Внезапность возникновения

Внезапность возникновения

Реакция на уже наступившую ситуацию (широкий круг аффектогенных ситуаций)

Реакция на противоправные или аморальные действия потерпевшего или связанную с ними длительную психотравмирующую ситуацию

Возникновение помимо воли субъекта

Возникновение помимо воли субъекта

—

Трехфазность динамики

Возможность саморегуляции большого круга аффектов

Ограничение способности к адекватному отражению («частичное сужение сознания») и саморегуляции («дезорганизация»)

Функции

Следообразование

—

Дезорганизация

Дезорганизация

Мобилизация

Мобилизация

Аккумуляция

Аккумуляция

Канализация

—

ряд исследователей выделяет «напряжение» как самостоятельное психическое состояние (см., например, Наенко, 1976; Немчин, 1983). Особо часто напряжение идентифицируют с понятием стресса или отмечают близость этих понятий (Kahn, 1970; Ганзен, Юрченко, 1981; Коллектив. Личность. Общение, 1987; Китаев-Смык, 1988; Психологический словарь, 1983, 1996; Психология, 1990; Коченов, 1991 и др.), хотя Г. Селье (1979) отмечал, что стресс — это не просто нервное напряжение. В целом, напряжение является

важной характеристикой разнообразных психических состояний, и именно в этом смысле, а не как отдельное психическое состояние, это понятие может быть использовано в экспертном исследовании. В КСППЭ уместнее говорить об эмоциональном напряжении, как напряжении, возникающем в структуре целостной деятельности и тесно связанном с мотивационной сферой, в отличие от операциональной напряженности (Наенко, 1976). Экспертное понятие эмоционального напряжения, таким образом, является в какой-то мере абстракцией, обобщающей наиболее существенные для экспертного психологического исследования свойства разных психических состояний, описанных в общей психологии: стресса, фрустрации, конфликта и др.

Под «существенным влиянием» в судебно-психологической экспертизе понимается ограничение способности обвиняемого в полной мере осознавать и контролировать свои действия.

Так же, как и аффекты, стресс, фрустрация, конфликт могут достигать разной степени выраженности — и в ряде случаев глубина частичного сужения сознания и нарушения регуляции поведения при этих эмоциональных состояниях достигает такого же уровня (а иногда и превосходит этот уровень), что и при аффектах (Коченов, 1980; Коченов, Мельник, Романов, 1982; Ратинова, 1998). В реальной жизни эти состояния часто сосуществуют в динамике целостного эмоционального переживания. Так, длительный стресс на стадии адаптации вызывает глубокий внутриличностный конфликт и может сопровождаться попытками человека совладать с психотравмирующей ситуацией. Если эти действия не изменяют ситуацию, то субъект, не достигая своих целей, на фоне стресса испытывает фрустрацию. Фрустрация, в свою очередь, интенсифицирует стрессовое состояние, усугубляет субъективно переживаемый конфликт, что может завершиться аффективной разрядкой накопленной эмоциональной напряженности. В психологии эмоций также подчеркивается тесная связь этих состояний, что приводит, в частности, к выделению таких понятий, как «аффективный стресс» (Вилюнас, Овчинникова, 1972).

Таким образом, экспертологический методологический анализ позволяет прийти к выводу, что «аффект» («внезапно возникшее сильное душевное волнение») как экспертное понятие может быть квалифицирован у обвиняемых, чье эмоциональное состояние можно описать через общепсихологические понятия «аффект», «стресс», «фрустрация», и, возможно, некоторые другие. Необходимым условием такой квалификации является определение того, что эти состояния:

70

- а) развиваются субъективно внезапно;
- б) имеют четкую трехфазную структуру динамики;
- в) на высоте развития ограничивают способность к осознанно-волевой регуляции поведения, то есть ограничивают способность в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими.

Таким образом, можно сделать вывод, что понятие «аффект (внезапно возникшее сильное душевное волнение)» является экспертным понятием, имеющим двухступенчатую структуру (таблица 2).

Таблица 2

Экспертные понятия в КСППЭ аффекта у обвиняемого

Понятия

общей

психологии

Юридически значимые

свойства

общепсихологических

понятий

Экспертное понятие

аффект

стресс

фрустрация

конфликт

и др.

1) внезапность
возникновения

2) трехфазность
динамики

3) ограничение
способности к
осознанно-волевому
поведению
основное:

- аффект
(внезапно возникшее
сильное душевное
волнение)

промежуточные:

- физиологический аффект
- кумулятивный аффект
- эмоциональные состояния
(возбуждение или
напряжение), оказывающие
существенное влияние на
сознание и поведение

Родовым является понятие «аффект» как внезапно возникшее сильное душевное волнение (Сафуанов, 1998; Печерникова, 1998), а его видовыми разновидностями (промежуточными экспертными понятиями) — категории «физиологический аффект» как общепсихологический аффект, развивающийся непосредственно в ответ

71

на единичное психотравмирующее воздействие; «кумулятивный аффект» как общепсихологический аффект, возникающий на фоне длительного стресса, сопровождающегося внутриличностным конфликтом и состояниями фрустрации вследствие неудачных стратегий совладающего (копинг) поведения, в условиях длительной психотравмирующей ситуации; «эмоциональное возбуждение, оказывающее существенное влияние на сознание и поведение», как реакция эмоционального возбуждения, возникающего вследствие очень высокого эмоционального напряжения в условиях длительной психотравмирующей ситуации, при этом уровень стресса достигает такой высокой степени, что эмоциональная реакция возбуждения на этом фоне не выглядит как «эмоциональный взрыв»; «эмоциональное напряжение, оказывающее существенное влияние на поведение», как очень интенсивный стресс на стадии истощения (по модели Г. Селье), который в силу определенной констелляции личностных особенностей и длительной психотравмирующей ситуации не находит разрядки в реакции возбуждения, но, тем не менее, на высоте своего развития вызывает частичное сужение сознания и, соответственно, ограничение возможности осознанно и произвольно регулировать свои действия.

Рассмотрим эти промежуточные экспертные понятия подробнее, сделав упор на данном этапе исследования на различии их феноменологической картины.

А. Физиологический аффект. Стремительно и бурно протекающая эмоциональная реакция взрывного характера, возникающая непосредственно в ответ на однократное психотравмирующее воздействие, сопровождающаяся резкими, но не психотическими (как при патологическом аффекте) изменениями психической деятельности.

Состоит из трех очерченных фаз (рис. 1). Основные (облигатные) признаки первой фазы, обычно наступающей у обвиняемых в ответ на противоправные действия потерпевшего — «ощущение субъективной безвыходности» из сложившейся ситуации, а также «субъективная внезапность» и «субъективная неожиданность» наступления аффективного взрыва.

Фаза аффективного взрыва характеризуется двумя основными признаками: частичным сужением сознания (с фрагментарностью восприятия и доминированием значимых переживаний) и нарушениями регуляции деятельности (снижение контроля, утрата опосредованности действий, вплоть до двигательных стереотипий). Обычно говорят об автоматизированных действиях, но,

72

видимо, точнее считать нарушения регуляции деятельности автоматизированной мотивацией — роль побудительного мотива выполняют эмоции (Вилюнас, 1976).

Рис. 1. Динамика физиологического аффекта

По вертикали — интенсивность эмоционального состояния, по горизонтали — время.

исх — исходный уровень эмоционального напряжения; св — уровень, выше которого эмоциональная реакция оказывает существенное влияние на сознание и поведение обвиняемого

Поскольку аффективный взрыв — это бурная энергетическая разрядка, он может сопровождаться внешними проявлениями в моторике, речи, вегетатике, и закономерно приводит к основному признаку постаффективной фазы — психической и физической астении. Некоторые авторы относят к признакам постаффективной стадии переживания раскаяния, жалости к потерпевшему (Кудрявцев И. А., 1999, с. 197). Истощение обычно сопровождается разнообразными субъективными ощущениями — чувством опустошения, крайней усталости, бессилия, переживанием чуждости содеянного, но отношение к потерпевшему — уже признак не аффекта, а личностной реакции на содеянное. Эти реакции охватывают широкий диапазон — от раскаяния до вполне последовательных мер сокрытия следов преступления.

Б. Кумулятивный аффект. Основное отличие от классического физиологического аффекта состоит в том, что первая фаза обычно растянута по времени (от нескольких часов до месяцев и даже лет), в течение которого развивается более или менее длительная психотравмирующая ситуация, протрагированная психогения, обуславливающая кумуляцию, накопление эмоционального напряжения

73

у обвиняемого (рис. 2). Кумуляции эмоционального напряжения, кроме ситуативных воздействий, обычно существенно способствуют индивидуально-психологические особенности — чаще всего такие аффекты возникают у возбудимых личностей с компенсаторным высоким самоконтролем и у тормозимых, с доминированием «отказных» реакций (Кудрявцев И. А., Лавринович, Сафуанов, Ерохина, 1983; Печерникова, Гульдан, Остришко, 1983). Аффективный взрыв может наступить и по незначительному («реальному» или «условному») поводу, по типу «последней капли». Вторая и третья фазы кумулятивного и физиологического аффекта принципиально не отличаются.

Рис. 2. Динамика кумулятивного аффекта

а — кумуляция эмоционального напряжения; б — аффективный взрыв; исх — исходный уровень напряжения; св — уровень, выше которого эмоциональная реакция оказывает существенное влияние на сознание и поведение обвиняемого

В. Эмоциональное возбуждение, оказывающее существенное влияние на сознание и поведение. Здесь наблюдается известная вариативность возникновения и развития эмоциональной реакции, но, как правило, на первой стадии происходит кумуляция эмоционального напряжения, которая в силу взаимодействия определенных личностных особенностей и ситуативных воздействий не находит отреагирования. Среди таких индивидуально-психологических особенностей можно назвать исходный низкий уровень гетероагрессивности и эмоциональной устойчивости, пониженный порог фрустрации, нетипичность внешнеобвиняющих форм реагирования в конфликтных ситуациях, высокий уровень опосредованности поведения и самоконтроля, робость, нерешительность, сенситивность, склонность выражать агрессию (когда это необходимо) в социально

допустимой форме. Указанные личностные особенности в условиях затяжного течения конфликтной фрустрирующей ситуации длительностью до нескольких лет и в ситуациях, которые блокируют прямые проявления агрессии (например, в сфере семейных отношений или в строго регламентированных условиях военной службы), обуславливают накопление эмоционального напряжения.

Столь длительной кумуляции эмоционального напряжения способствуют и ограниченные ресурсы совладающего (копинг) поведения (Lazarus, 1980; Lazarus, Folkman, 1984; Folkman, 1984; Сирота, 1994), сводящиеся к различным психологическим механизмам мотивации «избегания»: уход из ситуации, суицидальные попытки и т. д.

Механизм переживания преимущественно заключается в «терпении» (Василюк, 1984), часто феноменологически протекающем в виде депрессии невротического уровня, что может сочетаться и с формированием или актуализацией психологических защитных механизмов: «вытеснения», образования «аффективных комплексов» (Наап, 1977; Vaillant, 1977; Василюк, 1984; Карвасарский, 1990 а, б; Чехлатый, 1994; Ташлыков, 1990; Вассерман, Ерышев, Клубова и др., 1999), непосредственно связанных с фрустрирующей ситуацией, и др. В результате эмоциональное напряжение достигает очень высокого уровня — более высокого, чем при кумулятивном аффекте (рис. 3).

Рис. 3. Эмоциональное возбуждение, оказывающее существенное влияние на сознание и поведение

а — кумуляция эмоционального напряжения; б — реакция эмоционального возбуждения, спад эмоционального напряжения; исх — исходный уровень эмоционального напряжения; св — уровень, выше которого эмоциональная реакция оказывает существенное влияние на сознание и поведение обвиняемого

На этом фоне даже незначительные, иногда условные фрустрирующие воздействия могут вызвать пик эмоционального возбуждения, нарастание которого обычно более сглажено, чем у взрыва при физиологическом или кумулятивном аффекте, но на высоте пика возбуждения происходят типичное сужение сознания (с фрагментарностью восприятия и доминированием эмоциональных переживаний, связанных с ситуацией) и нарушение регуляции поведения.

Третья фаза характеризуется психической и физической астенией.

Г. Эмоциональное напряжение, оказывающее существенное влияние на сознание и поведение. Первая стадия протекает аналогично первой фазе эмоционального возбуждения — происходит кумуляция эмоциональной напряженности. Однако эмоциональное напряжение после каждого очередного фрустрирующего воздействия не сбрасывается (по В. Вундту (1912), спад эмоционального напряжения сопровождается резким ростом эмоционального возбуждения), а все более нарастает и субъективно внезапно переходит во вторую фазу, которая не носит взрывного характера, а представляет собой как бы «плато» интенсивного эмоционального напряжения (рис. 4). «Момент “срыва”, наступающий неожиданно для субъекта переживания, является высшей точкой развития эмоциональной психической напряженности» (Коченов, 1991, с. 40). По аналогии с моделью стресса по Г.

Селье (1979), можно сказать, что стадия сопротивления организма (первая стадия) сменяется стадией истощения адаптационных возможностей, или описанной в физиологии фазой «отрицательной эмоции» (Физиология человека, 1985), которая может сопровождаться угнетением интеллектуальных функций при сохранении или даже повышении энергетических ресурсов (Вальдман, 1994).

Обычно эти состояния характеризуются меньшей интенсивностью и силой переживаний, чем эмоциональное возбуждение, но при определенной констелляции личностных и ситуационных факторов, истощении ресурсов совладающего поведения и попыток субъекта адаптироваться к конфликтной стрессовой ситуации, эмоциональное напряжение может достигать такого уровня, когда нарушается процесс выбора цели действия, высвобождаются стереотипные автоматизированные движения, происходят ошибки в восприятии окружающей действительности (Коченов, Мельник, Романов, 1982). Иными словами, определенное взаимодействие личностных особенностей обвиняемых с ситуационными переменными обуславливают

76

такой рост эмоциональной напряженности, который сопровождается частичным сужением сознания, снижением контроля и регуляции поведения. Как отмечает М. М. Коченов, «состояние эмоциональной психической напряженности развивается более плавно, чем аффект, но на “вершине” этого состояния происходят изменения сознания, мотивации поведения, сравнимые по качеству с изменениями, наблюдающимися при аффекте» (Коченов, 1991, с. 40). Следует отметить, что сужение сознания выражается не столько в фрагментарности восприятия, сколько в доминировании аффектогенной мотивации, носящей сверхзначимый, сверхценный характер и обуславливающей затруднения в осмыслении и понимании окружающего. Она же редуцирует борьбу мотивов, нарушает оценочные, прогностические и контролирующие функции человека. Третья стадия характеризуется выраженным физическим и психическим истощением.

Рис. 4. Эмоциональное напряжение, оказывающее существенное влияние на сознание и поведение

исх — исходный уровень эмоционального напряжения; св — уровень, выше которого эмоциональная реакция оказывает существенное влияние на сознание и поведение обвиняемого

Как видно из сопоставительного анализа феноменологии рассмотренных промежуточных экспертных понятий, все они на высоте развития ограничивают (в силу различных психологических механизмов) способность обвиняемого к осознанию значения своих действий и осуществлению произвольной волевой их регуляции, а различаются удельным весом эмоциональной напряженности, накапливающейся в условиях длительной психотравмирующей ситуации, вследствие взаимодействия индивидуально-психологических особенностей с ситуационными факторами.

77

Все промежуточные экспертные понятия, описывающие аффект (сильное душевное волнение) могут устанавливаться у обвиняемых, находящихся в состоянии алкогольного опьянения. В настоящее время практически не дискутируется вопрос о правомерности

диагностики аффекта у лиц, находящихся в алкогольном опьянении, но одни авторы считают его «физиологическим» (Ситковская, 1983), другие — «аномальным» (Кудрявцев И. А., 1988, 1999). Все указанные феноменологические признаки разновидностей аффекта (сильного душевного волнения) сохраняются только при простой форме алкогольного опьянения. Измененная (атипичная) и, тем более, психотическая формы опьянения обычно нарушают нормальную динамику аффективных реакций, сопровождаются более или менее отчетливой психопатологией (Наркотическое и алкогольное опьянение, 1998). Из трех степеней простого алкогольного опьянения только при легкой степени возможно квалифицировать аффект, поскольку средняя и особенно тяжелая степень вызывают более глубокие нарушения сознания, чем при аффективных состояниях, и поведение обвиняемого детерминруется уже расстройствами психических процессов под влиянием алкоголя. Влияние алкогольной интоксикации на динамику аффекта обычно можно проследить на первой стадии развития эмоциональной реакции — состоянии опьянения обуславливает изменения субъективного восприятия и осмысления ситуации (в частности, она может восприниматься как более угрожающая) и изменения регуляции поведения — появляется ригидность, сужающая возможность выбора возможных вариантов поведения (Кудрявцев И. А., Сафуанов, Голев, 1986).

И физиологический, и кумулятивный аффекты, и эмоциональные состояния, оказывающие существенное влияние на сознание и поведение, могут устанавливаться у обвиняемых с пограничными формами психической патологии, при условии, что динамика аффекта обуславливается личностной реакцией на психотравмирующие обстоятельства, а не собственно психопатологией подэкспертного. В этом случае имеет смысл выявлять своеобразие аффективных состояний у лиц с пограничными психическими аномалиями на всех стадиях их динамики (Печерникова, Гульдан, Остришко, 1983), для четкого разграничения в этих эмоциональных состояниях «специфических признаков аффекта и проявлений заболевания» (Коченов, 1991, с. 27).

Таким образом, экспертологический анализ показывает, что, если экспертно-психологическая квалификация вариантов физиологического

78

аффекта приводит к юридической квалификации «внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями потерпевшего», то диагностика кумулятивного аффекта, а также состояния эмоционального возбуждения или напряжения, оказывающего существенное влияние на сознание и поведение обвиняемого, может быть соотнесена и с «внезапно возникшим сильным душевным волнением (аффектом), вызванным длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего».

Итак, судебно-экспертное заключение о наличии состояния аффекта должно основываться на психологической квалификации тех эмоциональных реакций и состояний, которые существенным образом ограничивают способность обвиняемого при совершении преступления в полной мере осознавать характер и значение своих действий и осуществлять их произвольный волевой контроль. При этом эксперт-психолог должен проводить дифференциальную диагностику между аффектом и эмоциональными состояниями, не достигающими степени выраженности аффекта и не оказывающими существенное влияние на сознание и поведение.

В экспертном заключении может быть отмечено состояние «повышенной психической (эмоциональной) напряженности» (Коченов, 1991, с. 40), которое, на усмотрение суда, может быть квалифицировано как смягчающее наказание обстоятельство (в соответствии с ч. 2 ст. 61 УК РФ).

Третьим вариантом экспертного заключения является вывод об отсутствии какого-либо выраженного эмоционального состояния у обвиняемого в момент совершения инкриминируемого ему деяния — он не имеет никакого юридического значения, кроме исключения возможности квалификации ст. 107 или ст. 113 УК РФ.

Подытоживая сказанное, отметим, что промежуточные экспертные судебно-психологические понятия описывают сложные эмоциональные реакции и состояния, имеющие отличную друг от друга феноменологию и различные психологические механизмы. Они устанавливаются на основе ретроспективной диагностики у обвиняемых общепсихологических понятий аффекта, стресса, фрустрации, конфликта и некоторых других и основываются на выделении в динамике их возникновения и развития кульминационного периода, в котором обвиняемый совершает криминальные

79

действия, не полностью осознавая окружающее, свои действия, и не может в полной мере осуществлять произвольную волевую их регуляцию и контроль. При диагностике тех же состояний стресса, фрустрации и т. п., которые не снижают способность обвиняемых к осознанно-волевому поведению, судебно-психологическая квалификация промежуточных экспертных понятий не наступает, и, соответственно, такое эмоциональное состояние обвиняемого не расценивается как юридически значимый «аффект».

2.4.2. КСППЭ психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка

Юридическое значение данного вида экспертизы определяется возможностью квалификации судом ст. 106 УК РФ («Убийство матерью новорожденного ребенка»). В данной статье УК, наряду с убийством матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов, речь идет и об аналогичном убийстве в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.

В компетенцию судебного эксперта-психиатра входит определение влияния психического расстройства обвиняемой матери на способность к осознанию и руководству своими действиями. В случае определения психических нарушений, которые определяют неспособность к осознанно-волевому поведению, обвиняемая может быть признана невменяемой (ст. 21 УК РФ). Если психические расстройства обвиняемой не исключают вменяемости, то ее преступление будет квалифицировано по ст. 106 УК РФ.

Какие же экспертные понятия при оценке криминально-агрессивных действий матерей — убийц собственных новорожденных детей составляют предмет исследования эксперта-психолога? Статья предусматривает убийство в условиях психотравмирующей ситуации. Юридическая квалификация «психотравмирующей ситуации» является наиболее сложной проблемой при рассмотрении подобного рода дел. Ни одна ситуация сама по себе не может выступать как фрустрирующая, оказывающая негативное воздействие на психику человека — ее можно расценить как психотравмирующую только после тщательного анализа взаимодействия личности и ситуации, где решающее значение приобретает то психологическое значение ситуативных воздействий, которое формируется в сознании

субъекта. К примеру, для беременной молодой

80

женщины, желающей родить ребенка, требование мужа избавиться от плода будет глубоко психотравмирующим фактором, вызывающим внутренний конфликт и длительный стресс. А для морально деградировавшей женщины, страдающей хроническим алкоголизмом, аналогичное требование мужа-алкоголика может выступить как подтверждение собственной позиции.

В ситуациях, действительно носящих психотравмирующий характер для субъекта, фрустрирующие воздействия приводят к внутреннему конфликту (в основном между желанием родить ребенка и внешними — реальными или в виде референтных ожиданий — препятствиями). Фрустрирующие воздействия могут быть обусловлены целым рядом объективных и субъективных причин (беременность в результате изнасилования или вне брака; представление о греховности внебрачной беременности, страх разглашения, осуждающая позиция близких и пр.), в том числе и психофизиологическими особенностями женщины, переживающей нежеланную беременность. Как показано В. И. Брутманом и М. С. Радионовой (1998, с. 42—43), при нежеланной беременности реже встречаются явления раннего токсикоза, формируется своеобразная гипостезия телесных проявлений беременности, вытеснение или рационализация интрацептивных ощущений, сигнализирующих о шевелении плода. Это приводит к тому, что будущие матери начинают осознавать свою беременность на поздних сроках, когда легальный аборт уже не производится. Невозможность избавиться от плода при нежеланной беременности часто служит дополнительной фрустрацией.

Таким образом, ситуация принимает психотравмирующий характер задолго до родов и переживается, в основном, как внутренний конфликт, стержнем которого является противоречие между материнскими чувствами и нежеланной беременностью (Брутман, Ениколопов, Радионова, 1995, с. 37). Это, в свою очередь, способствует накоплению (кумуляции) отрицательных переживаний и обуславливает рост эмоциональной напряженности. По механизму «порочного круга», кумуляция напряженности обуславливает резкую изоляцию беременных женщин — осознанное ограничение круга социальных контактов, избегание общения, сопровождающееся чувством одиночества, покинутости и пр.

В состоянии выраженной эмоциональной напряженности поведение матери определяется во многом аффективной мотивацией, что снижает ее возможность адекватно оценивать окружающее и свои действия, ограничивает способность контролировать

81

свои поступки и прогнозировать их возможные последствия. Поэтому задачей психолого-психиатрической экспертизы может выступать не определение психотравмирующего характера ситуации, в которой находится мать-детоубийца, а оценка степени выраженности эмоционального состояния, возникновение и развитие которого вызвано психотравмирующими воздействиями. Здесь, по всей вероятности, не обязательно определение существенности влияния эмоциональной напряженности, вызванной психотравмирующей ситуацией, так же, как и при психиатрической оценке психического расстройства, не исключающего вменяемости, не обязательно требование ограничения способности к осознанию или руководству своими действиями вследствие психической аномалии.

Можно сделать вывод, что предметом исследования судебного эксперта-психолога при КСППЭ психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка, является экспертное понятие «повышенная эмоциональная (психическая) напряженность, вызванная психотравмирующей ситуацией» (Сафуанов, 1998; Дмитриева, Качаева, Сафуанов, 2001). Соотношение данного экспертного понятия с общепсихологическими заключается в том, что оно устанавливается у матерей, находящихся в состоянии стресса, фрустрации и внутриличностного конфликта.

Юридическое значение экспертного определения состояния эмоциональной напряженности, возникшего и развившегося в условиях психотравмирующей ситуации, заключается в квалификации ст. 106 УК РФ в тех случаях, когда убийство совершено в течение одного месяца с момента рождения ребенка (здесь может использоваться педиатрический критерий определения длительности периода новорожденности, тогда как для квалификации аналогичного убийства вне психотравмирующей ситуации требуется, чтобы оно было совершено во время или сразу после родов).

2.4.3. КСППЭ индивидуально-психологических особенностей

Юридическое значение экспертизы личности заключается прежде всего в том, что она дает возможность суду решать вопрос об индивидуализации уголовной ответственности и наказания. Научно обоснованная оценка личности может выступать в качестве предпосылок установления обстоятельств, влияющих на степень и характер ответственности (ст. 73 УПК РФ), в первую очередь — смягчающих обстоятельств (ч. 2 ст. 61 УК РФ), а также

82

способствовать правильному решению вопроса о назначении вида наказания (ч. 3 ст. 60 УК РФ). Однако сама по себе оценка ценностной, мотивационной, характерологической сфер личности, психофизиологических особенностей, диагностика других ее свойств не может повлечь за собой каких-либо значимых для судебного решения последствий. Как отмечает О. Д. Ситковская (1998, с. 222—232), экспертной оценке должны подвергаться уголовно-релевантные индивидуально-психологические особенности. При судебной оценке конкретного преступления в качестве значимых для индивидуализации уголовной ответственности и наказания свойств личности могут выступать такие, которые в момент совершения инкриминируемого ему деяния ограничивают способность обвиняемого к смысловой оценке и волевому контролю своих противоправных поступков, то есть снижают возможность осознавать значение своих действий или осуществлять их произвольную регуляцию.

В экспертизе такое влияние личности на поступок освоено через экспертное понятие «существенное влияние индивидуально-психологических особенностей на поведение». Следует подчеркнуть, что простое отражение в поведении человека его особенностей нельзя смешивать с существенным их влиянием, так как они не приводят к нарушениям осознания и регуляции действий, а только оформляют поведение, определяют способы достижения цели.

Индивидуально-психологические особенности — это собирательное экспертное понятие, включающее такие общепсихологические категории, как ценности личности, направленность, социальные установки, особенности мотивационной, волевой, эмоциональной сфер, черты личности, характер, темперамент, уровень психического развития, когнитивные особенности, стереотипы поведения и эмоционального реагирования, и т. п.

2.4.4. КСППЭ «ограниченной вменяемости»

Несмотря на то, что экспертное понятие сформулировано в ст. 22 УК РФ, казалось бы, в явном виде, как «психическое расстройство, не исключающее вменяемости, ограничивающее способность обвиняемого в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими в момент совершения преступления», оно требует экспертологического методологического анализа.

Констатация наличия у обвиняемого любого психического расстройства нейтральна по отношению к задачам судопроизводства

83

до тех пор, пока не будет дана экспертная оценка не только медицинского, но и юридического критерия.

В качестве юридического критерия может выступать квалификация полной или ограниченной способности, а также неспособности обвиняемого с психическим расстройством осознавать свои действия или руководить ими. В целом данный критерий отражает способность быть субъектом уголовной ответственности (Шишков, Сафуанов, 1994).

В ст. 22 УК РФ с психическими аномалиями связывается не только дифференцированный подход при назначении наказания, но и возможность назначения принудительных мер медицинского характера. Лицам, страдающим психическим расстройством, не исключающим вменяемости (ч. 1 ст. 97 УК РФ), может быть назначено амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра (ч. 2 ст. 99 УК РФ) «только в случаях, когда психические расстройства связаны с возможностью причинения этими лицами иного существенного вреда либо с опасностью для себя и окружающих» (ч. 2 ст. 97 УК РФ). Традиционно юридически значимое качество психической аномалии, требующее принудительного лечения, обозначают как «общественную опасность». В то же время, как отмечает В. П. Котов (1998, с. 14—15), несмотря на то, что цель применения принудительных мер медицинского характера сформулирована в УК РФ одинаково и для невменяемых лиц, и для лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости (согласно ст. 98 УК РФ, этой целью является излечение или улучшение их психического состояния, а также предупреждение совершения ими новых деяний), по существу эти принудительные меры принципиально различаются. Деяния вменяемых (пусть и ограниченно вменяемых) лиц трактуются как преступления, а с целью предотвращения их повторения к ним применяется наказание. Поэтому, по мнению В. П. Котова и других авторов, уместнее в этом случае говорить о том, что оказание лечебной помощи должно «способствовать достижению целей наказания» (см., например, Уголовный закон, 1987). Этот юридический критерий отражает уже не способность обвиняемого быть субъектом уголовной ответственности (хотя предполагает наличие этой способности), а способность быть субъектом отбывания наказания (Шишков, 1989; Шишков, Сафуанов, 1994).

Таким образом, правовые последствия ограниченной вменяемости являются сложными, состоящими из двух элементов — способности быть субъектом уголовной ответственности и субъектом

84

отбывания наказания. Это ставит задачу выделения и двух «экспертных» понятий, которые отражали бы два аспекта уголовно-правовой значимости общепсихиатрической категории «психическое расстройство».

А. Психическое расстройство как обстоятельство, смягчающее ответственность. Выделение в качестве одного из обстоятельств, смягчающих ответственность, психических расстройств, а не ограниченной вменяемости, обусловлено тем, что смягчать ответственность может только фактическое обстоятельство, а не юридическое понятие, каковым является ограниченная вменяемость. Не всякую психическую аномалию нужно рассматривать как смягчающую ответственность обстоятельство. Во всех случаях нужно четко и однозначно ответить на вопрос: почему психическое нарушение способно влиять на ответственность в сторону ее смягчения? От ответа на этот вопрос и будут зависеть критерии экспертной оценки психических расстройств.

Возможны два варианта оценки влияния психического расстройства на криминальное поведение (Шишков, Сафуанов, 1994).

1. Психическое расстройство как обстоятельство, затрудняющее (ограничивающее) в полной мере способность к осознанию (пониманию) окружающей действительности и значения своих действий. Этот критерий в правовой литературе называют «интеллектуальным», но по объему понятие осознания значения своих действий шире понимания (рефлексии) своего поведения в мысленном плане: сознание — это отношение к миру со знанием его объективных закономерностей. Оно включает в себя, таким образом, категорию активности и охватывает ценностный аспект, соотнесение своих действий с нравственными, этическими категориями, отражение смысловой оценки своих действий. Следовательно, нарушение способности к осознанию значения своих действий как нарушение сознания и самосознания может быть следствием аномалий в личностной, эмоциональной, мотивационной сферах.

2. Психическое расстройство как обстоятельство, затрудняющее (ограничивающее) возможность (способность) полноценно регулировать свои действия, осуществлять их произвольный волевой контроль. Ограничение способности осознавать значение своих действий вследствие психических расстройств однозначно

85

влечет за собой и ограничение способности к полноценной регуляции этих же действий. Сознание (и самосознание), являясь высшей формой отражения действительности, тем самым выступает и как регулятор поведения человека — действия человека постольку целесообразны и целенаправленны, поскольку их средства и способы мотивируются поставленной им перед собой целью (идеально представляемым результатом деятельности), которая формируется именно при осознании действительности. Однако возможны и такие варианты влияния психических аномалий на деятельность человека, при которых на фоне достаточно полного осознания окружающей действительности и значения своих действий происходит ограничение регуляторных возможностей — когда то или иное психическое расстройство в конкретной ситуации выступает как обстоятельство, затрудняющее способность субъекта полноценно регулировать свое поведение, осуществлять произвольный волевой контроль своих действий. Чаще всего ограничение данной способности является следствием расстройств мотивации в ситуации правонарушения.

При рассмотрении проблемы психических расстройств, ограничивающих способность субъекта к осознанно-волевому поведению, следует учесть три важных момента.

Во-первых, наличие у субъекта преступления психического расстройства не означает неизбежности его влияния на преступное поведение в виде ограничения способности к осознанию и руководству своих действий.

Во-вторых, психическое расстройство может выступать в указанном качестве только при наличии у субъекта определенных личностных особенностей и по отношению к специфическим формам поведения. Так, определенные формы патологии полового влечения могут существенно влиять на сексуальные преступления, но могут не иметь серьезного значения в генезе поведения при подделке документов.

В-третьих, влияние психического расстройства должно быть тем «элементом» в генезе совершения преступления, который действует помимо сознательной активности психически аномального лица. Если же психическая аномалия либо полностью «устранима», либо может быть «усилена» по воле субъекта, то ее наличие не должно влиять на уголовную ответственность в сторону смягчения.

86

В качестве примера можно привести явления «самопопустительства» у психопатических личностей, когда субъект сознательно «утяжеляет» имеющиеся психические расстройства, а затем получает возможность ссылаться на них как на обстоятельство, требующее снисхождения

Таким образом, главная особенность психического расстройства обвиняемого, имеющая юридическое значение — это нарушение процесса личностной регуляции поведения. Она приобретает юридическое значение потому, что само психическое расстройство в данном случае рассматривается как элемент механизма преступного поведения, подлежащий учету в рамках уголовного права.

Б. Психическое расстройство как обстоятельство, влияющее на способность к отбыванию наказания и достижению его целей. Еще одно правовое опосредование психических расстройств у лица, совершившего преступление, связано с другими правовыми последствиями. Психические аномалии, существующие у осужденного в период отбывания наказания, могут затруднять процесс его отбывания и достижение его целей — в первую очередь, предупреждения повторных преступлений (Шишков, Сафуанов, 1994; Рагулина, 2000). Мы имеем в виду затруднения, существующие в обычных условиях исправительного учреждения, предъявляющих к психике осужденного достаточно суровые требования. Должный учет психических расстройств при отбывании наказания способен в значительной мере снизить эти «затруднения» и даже сделать исправительный процесс более легким (по сравнению со здоровыми осужденными). Поэтому и возникает необходимость применения лечебно-психокоррекционных мероприятий по отношению к таким осужденным: если в механизм преступного деяния значительный вклад внесло их психическое расстройство, то «излечение» или «улучшение психического состояния» может снизить вероятность повторения аналогичных криминальных действий и тем самым способствовать предупреждению совершения лицами с психическими аномалиями новых деяний (ст. 98 УК РФ).

Таким образом, наряду с ограничением способности к осознанно-волевой регуляции поведения, у психического расстройства можно выделить еще одно юридически значимое качество — способность затруднять отбывание наказания и достижение его целей. Одним из аспектов нарушений указанной способности является повышенная общественная опасность, связанная с психическим расстройством.

Относительная новизна нормы «ограниченной вменяемости» в настоящее время ставит множество проблем, требующих своего решения: от разработки клинико-психологических критериев ее экспертной оценки до поиска оптимальных организационных форм производства таких экспертиз (Шишков, Сафуанов, 1994; Ограниченная вменяемость, 2000; Кудрявцев И. А., 1999). Остается неясным, является ли «ограниченная вменяемость» предметом однородной судебно-психиатрической экспертизы или ее экспертная оценка достижима только в рамках психолого-психиатрических исследований? Если верно последнее, то как разделить при этом компетенцию экспертов, обладающих специальными познаниями в психиатрии и психологии?

Итак, подытоживая исследование «экспертных» понятий в КСППЭ на основе принципов сравнительного экспертоведения, можно сделать следующий вывод. Наиболее существенным и общим свойством «экспертных» психологических и психиатрических понятий является ограничение способности обвиняемого в полной мере осознавать общественную опасность и фактический характер своих действий либо руководить ими (интеграция предмета судебно-психологической и судебно-психиатрической экспертизы). Однако ограничение этой способности у обвиняемого может быть следствием как психопатологических, так и психологических (эмоциональных, личностных) факторов (Коченов, 1978; Кудрявцев И. А., 1988, 1999; Шостакович, Горинов, 1996; Сафуанов, 1996, 1998 а) (дифференциация специальных познаний в психологии и психиатрии). В идеальном случае варианты такого ограничения показаны в таблице 3, однако в реальной экспертной практике мы видим, что снижение способности к осознанию и регуляции преступного поведения во многих случаях бывает обусловлено совокупным влиянием психической аномалии, личностных особенностей, эмоционального состояния (Печерникова, Гульдман, Остришко, 1983; Кондратьев, 1996; Кудрявцев И. А., 1988, 1999).

Таблица 3

Экспертные понятия в КСППЭ обвиняемого

Понятия базовой

науки:

психологии,

психиатрии

Экспертное понятие

Юридическое

значение

аффект

стресс

фрустрация

конфликт

и др.

Аффект

(внезапно возникшее
сильное душевное волнение)

При наличии совокупности признаков преступления квалификация ст. 107 и ст. 113 УК РФ

Промежуточные
экспертные понятия:

физиологический аффект

кумулятивный аффект

эмоциональные состояния, оказывающие существенное влияние на сознание и поведение

эмоциональное напряжение, вызванное психотравмирующей ситуацией

При наличии совокупности признаков преступления квалификация ст. 106 УК РФ

личность

характер

темперамент

и др.

существенное влияние индивидуально-психологических особенностей на криминальное
поведение

Индивидуализация уголовной ответственности и наказания

ст. 73 УПК РФ

ст. 60 УК РФ

психическое

расстройство

психическое расстройство, ограничивающее способность осознавать значение криминальных
действий или руководить ими

ч. 1 ст. 22 УК РФ

психическое расстройство, определяющее общественную опасность

ч. 2 ст. 22 УК РФ

ч. 2 ст. 97 УК РФ

89

Глава 3. Психология криминальной
агрессии

3.1. Определение криминальной агрессии

При исследовании агрессии мы сталкиваемся с одним простым, но парадоксальным фактом:
не составляет большого труда при непосредственном наблюдении поведения других людей
оценить их действия как агрессивные или неагрессивные, но формулировка точного и
исчерпывающего определения феномена агрессии вызывает большие затруднения (см.,

например, Ениколопов, 1979; Хекхаузен, 1986; Соловьева, 1995, 1999; Реан, 1996; Семенюк, 1998; Глоссарий..., 1999). В психологической литературе приводится множество разнообразных дефиниций, но одни из них смешивают понятия агрессии и агрессивности (то есть форму поведения и свойство личности), другие являются слишком узкими и не охватывают всех видов и форм агрессивного поведения (агрессию прямую и косвенную, физическую и вербальную, активную и пассивную, враждебную и инструментальную, рациональную и аффективную, непосредственную и смещенную, конструктивную и деструктивную, проактивную и реактивную, социализированную и асоциальную и т. д.), третьи, напротив, оказываются слишком широкими и включают такие криминальные действия, которые обычно как агрессия не рассматриваются (неосторожные преступления, несчастные случаи и пр.). Кроме того, как правило, определения не включают в себя агрессивное поведение лиц с психическими расстройствами.

На наш взгляд, дать исчерпывающее определение всех существующих типов агрессии практически невозможно: любое из них будет неизбежно либо сужать, либо расширять границы понятия. Нетрудно также заметить, что большинство определений агрессии

90

совмещает в себе три разные точки зрения: позицию внешнего наблюдателя (реального или виртуального); позицию субъекта агрессии, то есть самого агрессора; и позицию объекта агрессии, то есть потерпевшего, жертвы агрессии (рис. 5).

Рис. 5. Наблюдаемое агрессивное действие:

С — субъект агрессии (агрессор); О — объект агрессии (жертва агрессии); Н — наблюдатель

Так, наблюдатель может воспринимать конкретное действие другого человека как агрессивное, но субъективные намерения агрессора, его мысли и чувства он может только интерпретировать, опираясь на свой житейский опыт или, если он — профессиональный психолог, используя специальные познания в психологии. Субъект агрессии, напротив, непосредственно переживает свои намерения (хотя может их оценивать искаженно, например, в случае реализации в поведении неосознаваемых мотивов и целей), но намерения жертвы агрессии опять-таки может только интерпретировать. В свою очередь, объекту агрессии собственные мысли и чувства даны в непосредственных субъективных переживаниях, а мотивацию агрессора он оценивает опосредованно, осуществляя атрибуцию намерений логически или под влиянием сильных эмоций.

Так, в одном из наиболее популярных определений агрессии утверждается, что «это любая форма поведения, нацеленного на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения» (Бэрон, Ричардсон, 1997, с. 26).

Несомненно, с позиции наблюдателя и потерпевшего действия агрессора направлены на причинение вреда или ущерба (вплоть до лишения жизни), но, если рассмотреть проблему с точки зрения субъекта агрессии, то можно увидеть, что его намерения и

91

побуждения охватывают широкий спектр мотивов¹. В одних случаях его намерение носит прямой личностный смысл причинения вреда или ущерба (мотив и цель совпадают), в

других — опосредованный: к примеру, актуальная цель носит агрессивный характер, а мотив — нейтральный, как при заказном убийстве, или самозащитный, при убийстве в целях самообороны. Наибольшие сложности возникают, когда намерение субъективно переживается как альтруистическое — убийства совершаются «во благо»: при расширенных суицидах мать убивает себя и своих детей, чтобы они «не мучились»; в ситуации эвтаназии врач отключает системы жизнеобеспечения или делает смертельную инъекцию по просьбе переживающего нестерпимые физические мучения обреченного на смерть больного. При некоторых видах патологической мотивации смысл агрессивного действия может носить неадекватный характер — под влиянием психопатологических переживаний иногда совершаются чудовищные, с точки зрения обыденного сознания, преступления. Например, в состоянии индуцированного психоза дети живьем снимают кожу с матери для «изгнания дьявола», при этом и сама индуцированная мать активно призывает своих детей совершить эти действия. Очевидно, что с точки зрения целевой типологии результаты таких действий можно расценивать как «несчастные случаи», хотя они и носят, с позиции наблюдателя, ярко выраженный агрессивный характер.

Еще большие затруднения вызывает применение анализируемого определения к субъективной оценке агрессивных действий с точки зрения объекта агрессии. В приведенном выше примере мать (жертва преступления) сама «желала», чтобы совершались агрессивные действия, хотя они и привели к ее смерти. В случаях, когда потерпевшим оказывается новорожденный ребенок, он вообще не может осознанно оценивать действия и намерения других людей.

Предметом нашего аналитического исследования является криминальная агрессия. Этот термин охватывает более узкий круг явлений, нежели понятие агрессия. Уголовно-правовые ограничения сводятся к отнесению к криминальной агрессии таких действий, которые подпадают под признаки преступлений. Кроме того, эти действия должны реализовывать какой-либо умысел, прямой

92

или косвенный. Круг общественно опасных действий и квалифицируемых преступлений охватывает прежде всего различные виды убийства (ст.ст. 105—108 УК РФ), доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ), умышленное причинение вреда здоровью разной степени тяжести (ст.ст. 111—115 УК РФ) и некоторые другие преступления, сопровождающиеся насилием, угрозами, унижением, особой жестокостью. С психологической точки зрения, к действиям, подпадающим под объем понятия «криминальная агрессия», относятся такие виды агрессии, как прямая, физическая, активная. В то же время указанные статьи УК РФ охватывают враждебную и инструментальную, рациональную и аффективную, непосредственную и смещенную, конструктивную и деструктивную, проактивную и реактивную формы агрессии.

Учитывая проблемы, возникающие при понимании феномена агрессии, которые связаны с необходимостью учета трех разных позиций (наблюдателя, субъекта и объекта агрессии) и неоднозначностью соотношения мотива и цели обвиняемого при совершении правонарушения, мы можем дать следующее операциональное определение криминальной агрессии: «Криминальная агрессия — форма поведения (конкретное действие), реализующая какое-либо намерение или побуждение по отношению к потерпевшему (мотивированное действие) и связанная с этим намерением (побуждением) определенным смысловым отношением, объективно направленная на причинение вреда (ущерба) его жизни или здоровью». Это определение не относит к кругу агрессивных преступлений, не направленные против жизни и здоровья граждан, а также такие действия, которые не связаны с каким-либо

субъективным прямым умыслом (осмысленным намерением или эмоционально обусловленным побуждением) по отношению к жертве (преступления, совершенные по неосторожности, то есть по легкомыслию или небрежности, или невиновное причинение вреда). В то же время оно не дает оснований исключать из круга агрессивных убийства, нанесение вреда здоровью и т. п. в тех случаях, когда цель подобных действий соподчинена неагрессивным мотивам, в том числе и психопатологически обусловленным. Кроме того, в отличие от чисто бихевиорального подхода, введение категории намерения позволяет считать криминальной агрессией и такие действия, которые в уголовном праве рассматриваются как «приготовление к преступлению» и «покушение на преступление». Человек может не довести до конца свои агрессивные намерения по причинам, не зависящим от него (например, он стреляет из пистолета,

93

но происходит осечка, или он промахивается, его руку перехватывает потерпевший и т. п.), но от этого его действия не перестают быть агрессивными. Указание на объективную направленность действий на причинение вреда жизни или здоровью дает также возможность развести криминальные действия и агрессивные свойства личности, ее антиобщественные помыслы, намерения, убеждения. Высокая агрессивность может не сопровождаться агрессией или выражаться в социализированных, не криминальных формах агрессии². И, наконец, данное определение включает в себя и общественно опасные действия невменяемых лиц (с разными формами психических расстройств), которые формально нарушают уголовно-правовой запрет, но не могут быть квалифицированы как преступления. Таким лицам нельзя вменить уголовно-правовую категорию «вины»: в ст. 14 УК РФ границы преступления определяются как «виновно совершенное общественно опасное деяние».

Таким образом, понятия «агрессия» и «общественно опасное действие» являются пересекающимися, но не тождественными. Пересечение этих категорий и дает объем понятия «криминальная агрессия», включающего в себя как агрессивные преступления вменяемых лиц, так и общественно опасные действия невменяемых лиц с психическими расстройствами (рис. 6).

Рис. 6. Соотношение понятий «агрессия» и «общественно опасные действия»

Левая окружность — общественно опасные действия (ООД); правая — агрессия (АГР); пересечение окружностей — криминальная агрессия, где А — агрессивные преступления вменяемых лиц, Б — общественно опасные агрессивные действия невменяемых.

94

3.2. Психологическая типология криминальной агрессии

3.2.1. Теоретические основания

Не ставя перед собой цели дать подробный анализ существующих теорий агрессии (на русском языке см. обзоры Хекхаузен, 1986; Бэрн, Ричардсон, 1997), рассмотрим их с точки зрения построения психологической типологии криминальной агрессии.

Инстинктивистские теории агрессии (Лоренц, 1994; Фрейд, 1989; McDougall, 1908), исходя из представления о поведении человека как непосредственной реализации внутренних

побуждений (то есть о решающей роли личностных факторов в мотивации деятельности), считают агрессивные действия следствием высокого уровня агрессивности как свойства личности, не придавая большого значения ситуационным переменным. Этологические и психоаналитические теории не могут объяснить возникновение и развитие всех видов агрессивного поведения, но, несомненно, существуют такие агрессивные действия, которые являются реализацией высокого уровня личностной агрессивности. Если говорить о возможной типологии агрессии в рамках анализируемого подхода, то легко видеть, что она сводится к дихотомии «низкая агрессивность — высокая агрессивность», то есть рассматривает агрессивные действия по единственной шкале, на которой высокому уровню агрессивности будет соответствовать агрессивное поведение, а низкому — неагрессивное (рис. 7).

Рис. 7. Одномерная типология агрессии

А+ — высокая агрессивность,

А– — низкая агрессивность

Рис. 8. Двумерная типология агрессии

Н — относительно нейтральная ситуация,

П/Т — психотравмирующая ситуация

95

Фрустрационные теории агрессии (Dollard, Doob, Miller et al., 1939) вводят другой фактор для объяснения поведения — ситуационный. Агрессия выступает как реакция на фрустрацию (и любая фрустрация неизбежно вызывает агрессию). В практике судебной психолого-психиатрической экспертизы такого рода агрессивные правонарушения встречаются довольно часто. Характерно, что уголовное право четко выделяет такие преступления в отдельные категории — так, смягчающим наказанием обстоятельством считаются фрустрирующие воздействия в виде «стечения тяжелых жизненных обстоятельств», «противоправности или аморальности поведения потерпевшего» (ст. 61 УК РФ), в ст. 107 и 113 УК РФ учитывается «насилие, издевательство или тяжкое оскорбление со стороны потерпевшего либо иные противоправные или аморальные действия потерпевшего» и «длительная психотравмирующая ситуация», возникшая в связи с этими действиями, а в ст. 106 УК РФ как один из видов детоубийства выделяется убийство матерью новорожденного ребенка «в условиях психотравмирующей ситуации». Ясно, что все разнообразие криминальных агрессивных действий обвиняемых нельзя объяснить в рамках фрустрационных теорий агрессии. Тем не менее, для типологии агрессивных действий введение дополнительной оси — уровня фрустрации, или, иначе говоря, измерения, по которой различаются «нейтральные ситуации — психотравмирующие ситуации», в которых совершаются правонарушения, имеет большое значение. В отличие от одномерной классификации, которую возможно использовать, опираясь на «инстинктивистские» теории, введение ситуационной переменной позволяет строить двумерную типологию, учитывающую уровень агрессивности как свойства личности, и характеристику ситуации, в которой разворачиваются агрессивные действия, то есть выделить уже четыре типа криминального агрессивного поведения (рис. 8).

Важнейшим принципом анализа мотивации поведения, с точки зрения современных представлений, является учет взаимодействия личности и ситуации, который всегда

используется при судебно-психологической оценке конкретного деликта. Какие же компоненты личности, наряду с агрессивностью, могут непосредственно влиять на генез агрессивного поведения? Такие структуры личности, наряду с общим уровнем агрессивности, рассматриваются в теории социального научения (Bandura, 1973). Социальное научение (в основном протекающее как викарное научение — через наблюдение поведения других) предполагает, что у человека закрепляются те формы поведения, которые получают положительное

96

подкрепление, и оттормаживаются такие действия, которые подкрепляются отрицательно (например, через наказание). В процессе развития личности внешние подкрепления, позитивные и негативные, интериоризируются и переходят во внутренний план, становясь уже субъектными, внутриличностными регуляторами поведения. Таким образом, ситуативное развитие агрессивных действий становится зависимым от личностных структур, либо облегчающих проявления агрессии, либо, напротив, обладающих по отношению к ним преградным смыслом.

Современные мотивационные теории агрессии рассматривают в качестве основополагающих личностных факторов агрессивного поведения наряду с агрессивными тенденциями (базовой агрессивностью индивида) также и тенденции торможения (или подавления) агрессивности, которые часто рассматриваются как мотивы, оказывающие тормозящее влияние на открытое проявление агрессивности в поведении (Megargee, 1966; Konradt, 1974; Olweus, 1972 и др.). Это позволяет выделить в качестве третьего основания психологической типологии криминальной агрессии измерение «выраженность тормозящих агрессию личностных структур» (рис. 9).

Рис. 9. Трехмерная типология агрессии

Т+ — выраженность личностных структур,

Т– — их невыраженность.

Рис. 10. Типы криминальной агрессии в трехмерном пространстве

А+ — высокая агрессивность,

А– — низкая агрессивность,

Н — относительно нейтральная ситуация,

П/Т — психотравмирующая ситуация,

Т+ — выраженность личностных структур,

Т– — их невыраженность.

97

Введение, наряду с «уровнем агрессивности», еще одной личностной переменной — «выраженности тормозящих агрессию тенденций» — имеет глубокий психологический смысл. В трехмерной типологии форм криминальных агрессивных действий (рис. 10) при психологическом исследовании мотивации поведения учитывается не только принцип взаимодействия личностных и ситуационных факторов, но и принцип системного анализа самих личностных структур, учет взаимодействия различных сторон организации личности.

Рассматриваемые оси типологии агрессии отражают и процесс онтогенетического развития человека.

— Во младенчестве агрессивные проявления в основном побуждаются биологически обусловленными потребностями или диффузным ощущением дискомфорта (гедонистический тип переживания, см. Василюк, 1984).

— В процессе развития основными регуляторами агрессивного поведения становятся ситуационные переменные — внешние поощрения и наказания, то есть положительные и отрицательные подкрепления агрессивных реакций, лежащие в основе прямого и викарного научения.

— Результатом действия ситуативных факторов в ходе их интериоризации является социализация индивида, появление внутриличностных регуляторов агрессивного поведения, способность человека к самопоощрению и самонаказанию.

Интерпретация осей классификации криминальной агрессии сама по себе является сложной проблемой, поскольку не существует однозначного понимания того, что такое «агрессивность», «тормозящие агрессию структуры личности», «психотравмирующие ситуации». Не претендуя на исчерпывающее объяснение, отметим, что рассматриваемые измерения охватывают достаточно широкий круг явлений.

Агрессивность можно рассматривать в трех планах. Во многих случаях она выступает как мотивационная тенденция, внутреннее побуждение к совершению агрессивных действий. Закрепленная как привычный способ реагирования в различных жизненных ситуациях, эта тенденция выступает уже как черта личности. Если же агрессивность в повседневной жизни проявляется не в обычных условиях, а только при психотравмирующих, фрустрирующих воздействиях, мы можем рассматривать ее как реактивную. Следует отметить, что достоверно возможно диагностировать только агрессивность как черту личности и реактивную агрессивность, поскольку

98

выявление агрессивности как мотивационной тенденции требует специальных диагностических процедур, преимущественно проективных методов, которые в условиях КСППЭ обладают низкой валидностью и надежностью в силу разнообразных причин.

Круг тормозящих прямое проявление агрессивных побуждений и намерений личностных структур еще более широк. Условно можно выделить следующие группы тормозящих тенденций.

1. Ценностные. Можно понимать под тормозящими тенденциями ценностные ориентации человека, связанные с гуманистической направленностью, религиозными убеждениями, социальными установками. Они характеризуют личность с содержательной стороны ее

главных мотивов, жизненных целей, общей направленности, то есть в плане основных смысловых образований (Асмолов, 1984; Братусь, 1988), «внутреннего мира человека» (Леонтьев Д. А., 1999). Ценностные структуры подавляют агрессивные побуждения еще на начальных этапах генеза мотивации (Кудрявцев В. Н., 1982).

Многочисленные исследования психически больных демонстрируют возможность ценностного преодоления психопатологически обусловленных агрессивных побуждений, даже при наличии выраженных галлюцинаторно-бредовых переживаний. Как отмечает Б. В. Шостакович, «огромное число больных, у которых имеется бред преследования, никогда не совершает опасных действий потому, что их положительные социальные установки препятствуют этому» (Шостакович, 2000, с. 158). С другой стороны, значительная часть больных шизофренией, не страдающих бредом или галлюцинациями, представляют устойчивую социальную опасность именно из-за искажения ценностной сферы (Мальцева, Котов, 1995). Особый интерес вызывают некоторые сексуальные преступления, сопровождающиеся агрессией, совершаемые больными с выраженными парафилиями — в них наиболее отчетливо проявляется регулирующая роль личностных ценностей по отношению к неодолимому влечению. Так, в отличие от эго-синтонической формы садизма, когда агрессивное сексуальное влечение реализуется непосредственно, минуя какие-либо опосредующие личностные структуры, при эго-дистонической форме больные осознают аномальность и противоправность своих влечений, относятся к ним критически. Поэтому преступлению предшествует длительная борьба мотивов (социализированных ценностей и биологических потребностей), сопровождающая мучительными для субъекта переживаниями (Ткаченко, 1994; Дворянчиков, 1998).

99

2. Социально-нормативные. Связаны с таким элементом структуры личности, как социальные роли (Андреева, 1980; Леонтьев Д. А., 1999). Основой, на которой формируются эти роли, являются социальные нормы — морально-этические и правовые (Леонтьев Д. А., 1993, с. 20). Социально-нормативная регуляция поведения расширяет контекст деятельности, включая референтные социальные группы в структуру отношений с окружающим миром. Выделяют роли конвенциональные и неформальные (там же, с. 21). Тормозящее влияние на агрессию оказывает в основном конвенциональная регуляция действий, связанная с учетом интересов широких социальных групп, общества в целом, с потребностью в социальном одобрении (Krebs, Miller, 1985), вплоть до стремления строить свое поведение согласно правовым ожиданиям и предписаниям. Неформальные роли, в отличие от конвенциональных, могут и не выполнять функцию противодействия агрессии — в случаях повышенного конформизма, зависимости от асоциальных норм малой группы (Васильева, 1995, 1997), деиндивидуализации и свободы от ответственности в тоталитарных религиозных и псевдорелигиозных сектах (Кондратьев, 1998).

Многие виды психических аномалий (психопатия, инфантилизм, умственная отсталость), а также личностная незрелость, лежащая в их основе и обуславливающая повышенную внушаемость и конформизм (Kretschmer, 1923; Юнг, 1938; Ушаков, 1978; Якубик, 1982; Личко, 1983 и др.), снижают способность человека к усвоению конвенциональных социальных ролей, но способствуют принятию неформальных ролей в референтных асоциальных группах.

Таким образом, мы связываем социально-нормативные регуляторы агрессии с принятием социальных ролей, ориентированных на конвенциональные, разделяемые обществом в целом морально-этические и правовые нормы. В зарубежной психологии особенно подробно исследовано влияние на агрессию нормы социальной ответственности (см. Хекхаузен, 1986,

с. 373—376). Как отмечает Х. Хекхаузен, «присвоенные личностью внутренне обязательные нормы... занимают более высокое место, чем общепринятые (предписанные обществом) правила поведения» (там же, с. 359).

3. Диспозиционные. В качестве подавляющих агрессивные побуждения структур могут выступать черты личности. Черты личности в понимании Г. Олпорта и Р. Кеттелла — это не проявления характера, а скорее мотивационные диспозиции, актуализирующиеся

100

в определенных ситуациях (см. Мельников, Ямпольский, 1985; Хьелл, Зиглер, 1997). Такой подход позволяет рассматривать личностные конструкты как альтернативные агрессивному побуждению мотивы подавления агрессии, актуализирующиеся в одних и тех же ситуациях (Хекхаузен, 1986, с. 392—393). Черты личности выявляются, как правило, с применением различных опросников. Так, Дж. Уилкинсом, В. Шарффом и Р. Шлотманом (Wilkins, Scharff, Schlottmann, 1974) показано, что подавляет агрессию отсутствие «склонности к реализации эмоциональной напряженности в непосредственном поведении» (низкий уровень четвертой шкалы MMPI). Аналогичные данные были получены в отношении таких черт личности как «тревожность» (Dorsky, 1972; Taylor, 1965, 1967), «экстернальный локус контроля» (Dengerink, O'Leary, Kasner, 1975), «склонность к чувству вины» (Knott, Lasater, Shuman, 1974) и т. п. В модели личности Р. Кеттелла уменьшающими вероятность проявления агрессии свойствами личности являются эмоциональная устойчивость («сила Я»), высокая совестливость («сила Сверх-Я»), мягкосердечность («премсия»), доверчивость («алаксия»), склонность к чувству вины («гипотимия»), «контроль желаний» и некоторые другие (Cattel, Eber, Tatsuoka, 1970).

Такой подход к пониманию механизмов формирования агрессии продуктивен при анализе лиц с пограничной психической патологией (Агрессивное поведение, 2000), аномальность которых определяется прежде всего дисгармонией базовых, а также компенсаторных и псевдокомпенсаторных черт личности (психопатии и психопатоподобные состояния при других психических расстройствах, акцентуации личности).

4. Эмоциональные. На актуальное формирование агрессивной мотивации, целеполагание и вероятностное прогнозирование оказывают контролирующее влияние разнообразные эмоциональные переживания. В зарубежной психологии хорошо изучено тормозящее влияние страха возможного наказания. Показано, что «если прямая агрессия возможна, то решающее значение приобретает... вероятность ответа на агрессию субъекта также агрессией» (Хекхаузен, 1986, с. 382), то есть возмездия, превращающего человека в жертву ответной агрессии. Многочисленные экспериментальные данные свидетельствуют о том, что страх перед наказанием или возмездием резко снижает возможность прямого проявления агрессивности в поведении — иными словами, ожидание негативных последствий агрессии является одним из наиболее значимых регуляторов торможения агрессии (Mussen, Naylor, 1954; Bandura,

101

1959; Taylor, 1967; Dorsky, 1972; Baron, 1973, 1974; Konradt, 1974, Krebs, Miller, 1985). В ряде случаев страх может обусловить механизм смещенной агрессии (Miller, 1949). По мнению Л. Берковица (Bercowitz, 1962), если фрустрация вызывает гнев, вероятность возникновения агрессивного поведения повышается, а если актуализируется страх — наиболее вероятными реакциями будут бегство или уход из ситуации. Вероятность проявления агрессии уменьшается также под влиянием чувства вины и повышенной тревожности. Х. Конрадт

(Konradt, 1974) рассматривает чувство вины как субъективное негативное последствие агрессии и относит его к мотиву торможения агрессии. Снижение уровня агрессии в поведении под влиянием чувства вины экспериментально продемонстрировано в работе Р. Кноффа, Л. Лазатера, Р. Шумана (Knott, Lasater, Shuman, 1974), а Х. Денгеринк (Dengerink, 1976) показал, что уменьшение агрессии под влиянием чувства вины опосредовано процессами самосознания — негативная самооценка приводит к угрызениям совести, что обуславливает тормозящий эффект чувства вины. Х. Конрадт изучал и такую форму контроля агрессии, как страх вины (Konradt, 1973, 1974, 1982).

Многие виды психической патологии (психопатии и акцентуации личности тормозимого круга, депрессии и др.) гипертрофируют эмоциональные переживания, тормозящие проявления агрессии.

5. Коммуникативные. Личностные структуры, связанные с общением (коммуникативные качества), по экспериментальным данным, также могут быть подавляющим агрессию фактором. В первую очередь — это способность к сопереживанию, эмпатии (Feshbach, Feshbach, 1969; Mehrabian, Epstein, 1972). Сопереживание и эмпатия рассматриваются как опосредующий фактор альтруистического (в противоположность антисоциальному агрессивному) поведения (см. Хекхаузен, 1986. Т. 1, с. 248—353). Потребность в зависимости тоже анализируется как противоположная агрессивности мотивационная тенденция, причем она тесно связана как с потребностью в общении, так и мотивом страха наказания (Wagner, 1971).

Коммуникативные нарушения лежат в основе многих видов психической патологии — наиболее ярким примером которых можно считать аутизм. Неспособность к эмпатии и сопереживанию лежит в основе «психэстетической пропорции» (Кречмер, 1927), обнаруживаемой у шизоидных личностей. П. Б. Ганнушкин (1964) выделял и такую форму психопатии как «эмоционально тупые».

102

6. Интеллектуальные. Согласно когнитивным теориям агрессии Д. Зильманна (Zillmann, 1971) и Л. Берковица (Bercowitz, 1962), познавательные процессы играют значительную роль в блокировании агрессивного поведения. Фактор интеллекта оказывает действие, но действие не подавляющее или тормозящее базовые агрессивные тенденции, а скорее влияющее на звено формирования субъективного образа ситуации — он позволяет разобраться в ситуации более глубоко, снизить фрустрирующую значимость ситуации, а, следовательно, и уменьшить уровень возбуждения, побуждающего к агрессивным действиям. При чрезмерном уровне возбуждения (например, при сильной провокации), согласно модели Д. Зильманна, когнитивные процессы дезинтегрируются и не могут осуществлять эффективный контроль агрессии.

Наиболее четко нарушения интеллектуального контроля агрессии проявляются при разных формах умственной отсталости (олигофрении) и отставания в психическом развитии (инфантилизм). В то же время нельзя сводить когнитивную регуляцию поведения только к высокому уровню интеллекта — так, показано, что психопатические личности, даже обнаруживающие высокий уровень формального интеллекта, тем не менее, проявляют по отношению к своим действиям «парциальную некритичность» (Дубинин, 1939), обнаруживая своеобразный «бред поступков» (Ганнушкин, 1964). Независимым от уровня интеллекта является и нарушение когнитивной регуляции поведения при аффективных состояниях.

7. Психологические защитные механизмы. При всей противоречивости взглядов на механизмы психологических защит и их формы (см., к примеру, Бассин, 1969; Березин, 1988; Василюк, 1984; Вассерман, Ерышев, Клубова и др., 1999; Журбин, 1990; Карвасарский, 1985; Савенко, 1974; Стопин, 1983; Ташлыков, 1992; Фрейд, 1993; Alexander, 1980; Hendrick, 1966 и др.), можно выделить и общие моменты в предлагаемых определениях: в основном психологические защитные механизмы рассматриваются как неосознаваемые механизмы адаптивной перестройки восприятия и оценки, поддерживающие целостность сознания и искажающие образ реальности при помощи «перцептивных защит» (McGinnies, 1949, 1950; Bruner, Goodman, 1947; см. также Брунер, 1977; Костандов, 1977) или нарушений переработки информации. Неприемлемая для личности информация может удаляться из сферы сознания или подвергаться переструктурированию. При таком понимании представляется, что защитные механизмы выступают как тормозящие

103

проявления агрессии регуляторы прежде всего в условиях психотравмирующих ситуаций, обеспечивают снижение их значимости или иллюзию их отсутствия, тем самым способствуя быстрому уменьшению собственной эмоциональной напряженности и препятствуя актуализации агрессивных побуждений. В этой своей функции они близки к механизмам копинг-поведения (Lazarus, 1966, 1980), хотя и отличаются от совладающего поведения рядом принципиальных моментов (Василюк, 1984; Сирота, 1994; Ялтонский, 1995; Вассерман, Ерышев, Клубова и др., 1999). В нейтральных же ситуациях защитные механизмы могут выступать и как факторы, способствующие проявлению агрессии — через вытеснение или рационализацию собственной агрессивности.

Психологические защитные механизмы связаны со многими формами психической патологии, среди которых наиболее типичными являются истерия (по мнению К. Леонгарда, в ее основе лежит склонность к вытеснению — Leongard, 1976), паранойя (проекция), депрессия (компенсация) и т. п.

Рассмотренные личностные структуры разных уровней осуществляют тормозящее влияние на реализацию агрессивных побуждений посредством двух основных механизмов. Во-первых, они регулируют поведение через механизм опосредования действий смысловыми образованиями личности (Божович, 1968; Зейгарник, 1971; Зейгарник, Братусь, 1980), что предполагает способность личности к трансценденции на более высокий, ценностно-смысловой уровень управления собственным поведением (Асмолов, 1984, 1986, 1990; Братусь, 1985, 1988, 1994, 1999; Леонтьев Д. А., 1999). Это действие проявляется в основном на интенциональном этапе мотивации, этапе формирования конкретных ситуационных мотивов и целей действий (Субботин, 1999, с. 346—363; Патяева, 1983), принятия решения (Кудрявцев В. Н., 1982; Субботин, 1999, с. 363—396). Во-вторых, и на этапе целеполагания, и на этапе целедостижения и выбора способов достижения цели происходит непрерывная субъективная оценка (с постоянной обратной связью) своих действий и окружающей действительности. На основе соотнесения этих оценок осуществляется личностный контроль каждого этапа формирования мотивации и соответствующая результатам контроля коррекция каждого звена формирования поведения.

Нами, несмотря на его некоторую громоздкость, выбран термин «тормозящие (подавляющие) агрессию личностные структуры» именно потому, что их психологическое регулирующее воздействие,

104

осуществляемое разнообразными уровнями и сторонами личности, невозможно свести только к процессам «опосредования» или только к «контролю». А. А. Налчаджян, вслед за западными психологами, такие «тормозные механизмы агрессивного поведения» называет ингибиторами агрессии, рассматривая их как факторы, которые предупреждают агрессивные действия или элиминируют уже совершенные действия и их результаты. Понятие ингибиторов агрессии, однако, шире, чем «тормозящие агрессию личностные структуры», поскольку включает в себя не только психологические механизмы, но и жесты, физические особенности, некоторые формы инстинктивного поведения и т. п. (Налчаджян, 2000, с. 225). А. И. Ложкин называет контролирующие агрессию структуры защитной мотивацией, отделяя ее от смысловой регуляции поведения. Защитная мотивация, по автору, запрещает реализацию мотива насилия, а смысловая регуляция может выполнять функцию источника агрессивного поведения при выраженности глубинных агрессивных ценностей (Ложкин, 2000, с. 1, 17).

Под психотравмирующей ситуацией мы понимаем ситуацию, обуславливающую рост эмоциональной напряженности. Возникновение и развитие психической напряженности может быть обусловлено препятствующим характером ситуации при необходимости достижения какой-либо цели, в этом случае эмоциональная напряженность будет сопровождать состояние фрустрации. Изменение эмоционального состояния субъекта может определяться особенностями ситуации, вызывающими либо внешний, либо внутренний, а чаще всего смешанный (внешний сочетается с внутренним) конфликт. Наконец, эмоциональная напряженность может сопровождать нарушения адаптации человека к повторяющимся, хроническим, угрожающего характера ситуациям, препятствующим его самоактуализации, — то есть психологический стресс. При характеристике ситуации как ситуации психотравмирующей в контексте анализа криминальной агрессии необходимо учитывать, что она должна реально восприниматься человеком как психическая травма, обладать высокой субъективной значимостью, затрагивать ведущие ценностно-смысловые образования личности. Поэтому при оценке ситуации как психотравмирующей большую роль играют и особенности личности и, соответственно, смыслового восприятия. Одно и то же ситуативное воздействие может обладать для разных людей различной субъективной значимостью, различным смыслом. Возникновение эмоциональной напряженности объясняется не объективными характеристиками ситуации,

105

а субъективными особенностями восприятия и стереотипами реагирования (Monat, Averill, Lasarus, 1972; Березин, 1988; Lobel, 1987). Иными словами, развитие стресса является результатом совокупного влияния психотравмирующей ситуации и дефицита личностных ресурсов (Appley, Trumbull, 1967; Gruen, Folkman, Lasarus, 1988; Bolger, Schilling, 1991).

Для возникновения криминальной агрессии большое значение имеют и такие характеристики ситуации, как ее непредвиденность (субъективная неожиданность) или, напротив, длительность (хронический характер). Важную роль играет социальная ситуация, в которой находится человек. В практике КСППЭ чаще встречаются эмоционально обусловленные преступления в армии, в семье. Эти относительно изолированные условия часто определяют ощущение субъективной безвыходности при психотравмирующих воздействиях, повышая вероятность аффективной криминальной агрессии, когда источником стресса, фрустрации или конфликта являются агрессивные действия другого человека.

Итак, абстрагируясь от множества разнообразных факторов, сопровождающих каждое конкретное агрессивное действие, мы выделили в качестве оснований психологической типологии криминальной агрессии три базовых измерения: «уровень агрессивности

личности», «уровень выраженности тормозящих агрессию структур» и «уровень выраженности психотравмирующего воздействия ситуации». Первые два вектора раскрывают взаимодействие личностных структур, играющих основную роль в формировании мотивации агрессивных действий, а третий — позволяет рассматривать механизм агрессии как следствие взаимодействия личностных и ситуационных переменных (рис. 10). А. А. Реан (1996), анализируя эволюционно-генетический и этико-гуманистический подходы к исследованию агрессии, в рамках последней парадигмы также выделяет агрессивность, терпимость и ситуацию как основные факторы, определяющие агрессивное поведение. Основанием типологии являются действительно психологические переменные, в отличие от криминологических, строящихся, как правило, с учетом цели и характера преступных действий или тяжести криминала (см. Дагель, 1970), или клинических (объясняющих общественно опасные действия больных через психопатологические синдромы классификаций агрессии (см. Глоссарий..., 1999; Агрессивное поведение..., 2000).

106

3.2.2. Типологические группы криминальной агрессии

Итак, противоправные агрессивные действия обвиняемых, признанных по результатам КСППЭ виновными, составляют восемь групп (рис. 11) в соответствии с разработанной нами по теоретическим основаниям типологией криминальной агрессии:

1. Криминальная агрессия лиц с высоким уровнем агрессивности (А+), низким уровнем тормозящих агрессию личностных структур (Т–), совершаемая в нейтральных ситуациях (Н).
2. Агрессивные преступления, совершенные вне психотравмирующих обстоятельств (Н) лицами, не обнаруживающими высокий уровень базовой личностной агрессивности (А–) и одновременно характеризующимися дефицитностью личностных структур, способных подавлять реализацию агрессивных побуждений (Т–).
3. Преступные действия исходно неагрессивных лиц (А–), у которых мы можем диагностировать наличие личностных структур, тормозящих прямое проявление агрессии (Т+), в относительно нейтральных ситуациях (Н).
4. Правонарушения лиц с высоким уровнем и агрессивности (А+), и тормозящих агрессивность тенденций (Т+) в нейтральных ситуациях (Н).

Группы 1—4 характеризуют различные виды криминальной агрессии, проявляющиеся в относительно нейтральных ситуациях (рис. 11 а).

5. Следующий тип агрессии обусловлен взаимодействием личности с психотравмирующей ситуацией (П/Т). При этом актуализацию аффектогенных мотивов облегчает наличие высокой базовой агрессивности (А+) в сочетании с невыраженностью тормозящих личностных механизмов (Т–).
6. Криминальные агрессивные действия данного типа возникают в ответ на психотравмирующие обстоятельства (П/Т). Обвиняемых характеризует невыраженность базовой агрессивности (А–), редуцированность тормозящих личностных механизмов (Т–).
7. Правонарушения неагрессивных лиц (А–) с выраженными тормозящими проявления агрессии структурами (Т+), совершающих криминальные действия в ответ на психотравмирующие воздействия (П/Т).

8. Данный тип криминальной агрессии возникает вследствие психотравмирующей ситуации (П/Т) у лиц с высоким уровнем агрессивности (А+), который в обычных условиях компенсируется выраженными тормозящими влияниями личностных структур (Т+).

107

Группы 5—8 охватывают типы криминальной агрессии, возникающие в психотравмирующих, фрустрирующих ситуациях (рис. 11 б).

Рис. 11. Типы криминальной агрессии

а — нейтральная ситуация; б — психотравмирующая

3.2.3. Общая характеристика

Общая характеристика выделенных типов криминальной агрессии основывается на социально-демографических и криминологических данных и диагностике индивидуально-психологических особенностей обвиняемых (Сафуанов, 2001 а).

Группа 1. Обвиняемые с высокой агрессивностью (А+), невыраженностью тормозящих агрессию личностных структур (Т–), совершившие преступления в относительно нейтральных (Н) ситуациях. Мужчины и женщины в возрасте от 20 до 50 лет с невысоким уровнем образования и профессиональной квалификации. Большая часть воспитывалась без одного из родителей, или вне семьи, или в условиях гипоопеки и эмоционального отвержения родителями, страдающими хроническим алкоголизмом. В основном эту группу составляют лица с текущим органическим заболеванием головного мозга и психопатией истеро-возбудимого или мозаичного круга, в личностной структуре которых наиболее связаны следующие индивидуально-психологические особенности: агрессивность как черта личности, реактивная агрессивность и эмоциональная неустойчивость. Это «ядро» личностных особенностей в сочетании с аффективной ригидностью, возбудимостью, эгоцентризмом, асоциальностью, демонстративностью, доминантностью, активностью, импульсивностью и сниженным самоконтролем. Эта

108

агрессивность, не подавляемая даже в нейтральных условиях, приводит к совершению преступлений против жизни и здоровья граждан (преимущественно убийств, грабежей, разбоев, изнасилований). Преступления сопровождаются высоким уровнем рецидивности, попытками сокрытия следов преступления, часто совершаются в состоянии алкогольного опьянения. Нередки групповые правонарушения, в которых обвиняемые выполняют активную роль лидера, инициатора преступления.

Группа 2 (А–, Т–, Н). Преимущественно мужчины в возрасте от 20 до 40 лет, с невысоким образованием, но выполняющие достаточно квалифицированные виды работы. Половина из них росли без одного родителя, или вне семьи, или с родителями, страдающими алкоголизмом. Условия воспитания — в основном гипоопека и эмоциональное отвержение. Для таких обвиняемых характерны эмоциональная неустойчивость, аффективная ригидность и эгоцентризм. Эти качества сочетаются с реактивной агрессивностью (в этой группе агрессивность как черта личности не выражена), асоциальностью, эмоциональной живостью

(аффектотимией), сниженным самоконтролем и напряженностью, демонстративностью, возбудимостью. Сочетание этих черт можно рассматривать как импульсивность, или склонность к непосредственной реализации потребностей, обладающих высокой побудительной силой. Для многих лиц этой группы свойственна и зависимость, конформность. Эту группу в основном составляют лица с органическим психическим расстройством, нередко осложненным психопатизацией личности и хроническим алкоголизмом, а также собственно психопатические личности и лица, страдающие алкоголизмом. По характеру совершаемых преступлений преобладают убийства, причинение вреда здоровью разной тяжести, изнасилования, разбои и грабежи. В групповых правонарушениях они выполняют, как правило, подчиненную роль, являются ведомыми. Уровень рецидивности преступлений и мер сокрытия результатов криминальной агрессии у них ниже, чем у обвиняемых первой группы, но остается высоким.

Группа 3 (А–, Т+, Н). Мужчины и женщины от 20 до 50 лет, с высоким уровнем образования и профессионального статуса. Эту группу составляют в основном психически здоровые и (реже) лица с остаточными явлениями органического поражения головного мозга. Их личностные особенности определяются выраженностью структур, оказывающих тормозящее влияние на агрессию, — интеллектуально-эмоциональным и коммуникативно-диспозиционным

109

контролем, способностью осуществлять ценностную регуляцию поведения, а также высоким интеллектом, склонностью к чувству вины и высоким самоконтролем. Преступления, ими совершенные, — это убийства, часто сопряженные с посягательством на чужое имущество. Жертвами преступлений выступают чаще малознакомые и незнакомые люди. В этой группе большое количество преступлений, совершенных в группе, причем обвиняемые могут выполнять разные ролевые функции — и лидера, и ведомого.

Группа 4 (А+, Т+, Н). Лица со средним образованием, имеющие квалифицированную работу, воспитывавшиеся без отца или матери. Все совершили убийства близких им людей, многие — с соучастниками, по отношению к которым они выступали в роли лидера. Для этих обвиняемых характерны разнонаправленные личностные свойства: оба вида агрессивности (черта личности и реактивная) сочетаются с социально-нормативной регуляцией поведения, эмоциональным и интеллектуальным контролем аффективной ригидности и эмоциональной неустойчивости. В отличие от предыдущей группы, в которой тормозящее влияние на агрессивные побуждения оказывает широкий круг личностных структур разного уровня, в данной группе не выявляется опосредования агрессии личностными ценностями, чертами личности, коммуникативными качествами.

Группа 5. Обвиняемые с высокой агрессивностью (А+), низким уровнем личностных структур, оказывающих тормозящее влияние на агрессию (Т–), совершившие преступления в психотравмирующих (П/Т) ситуациях. Мужчины и женщины в возрасте от 20 до 30 лет со средним образованием и имеющие квалифицированную работу. У многих в семье не было отца или матери. В отличие от обвиняемых группы 1, подэкспертные анализируемой группы реже воспитывались вне семьи, у них реже родители страдали алкоголизмом, но гораздо чаще применяли порочные стили воспитания в виде гипоопеки и эмоционального отвержения. Эту группу в основном составляют лица с расстройством личности (психопатией возбудимого круга) и органическим психическим расстройством, сопровождающимся психопатизацией личности. В структуре преступлений большой удельный вес не только убийств, но и причинения вреда здоровью. Эти правонарушения

очень часто совершались в состоянии алкогольного опьянения против близких людей (знакомых и родственников), и очень редко потерпевшими выступают незнакомые.

110

Группа 6 (А–, Т–, П/Т). Обвиняемые мужского и женского пола в возрасте 20—50 лет, со средним образованием и невысоким уровнем профессиональной квалификации. Психическое развитие многих из них протекало в неполных семьях или вне семьи. Большой удельный вес страдающих алкоголизмом отцов. Наряду с психически здоровыми преобладают лица с органическим психическим расстройством и хроническим алкоголизмом. Круг совершенных преступлений охватывает убийства и причинение вреда здоровью. Жертвами криминальной агрессии чаще всего становились родственники и знакомые люди. Личность обвиняемых в целом характеризуется высокой реактивностью, импульсивностью при реализации возникающих в психотравмирующих условиях агрессивных побуждений, что сочетается с чертами интравертированности и напряженности.

Группа 7 (А–, Т+, П/Т). В этой группе наблюдается относительное преобладание обвиняемых женского пола. Возрастной диапазон очень широк — от 18 до 60 лет. В основном — лица со средним образованием и высокой профессиональной квалификацией. Реже, чем в предыдущих группах, встречается воспитание в неполных семьях или вне семьи. Семейное воспитание также в целом благополучное — меньше, чем в других группах, родителей, страдающих алкоголизмом, и неправильных методов семейного воспитания. Группа охватывает психически здоровых лиц и реже — лиц с органическими психическими расстройствами резидуального генеза. У них выявляется достаточно гармоничная личностная структура с развитой ценностным опосредованием поведения, эмоциональным, интеллектуальным, коммуникативным и диспозиционным контролем своих действий, подчиняемостью, осторожностью и интравертированностью. Преобладающие преступления — направленные против жизни и здоровья родственников и знакомых лиц, в том числе — против новорожденных детей. В этой группе — самый низкий уровень рецидивов, а также меньший удельный вес правонарушений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения.

Группа 8 (А+, Т+, П/Т). Преобладают женщины, в возрасте 18—50, со средним образованием и квалифицированными профессиями. Условия психического развития и воспитания относительно благополучные. Основной психопатологический радикал — психопатизация личности: среди психически здоровых почти все — акцентуированные личности, у лиц с органическим поражением мозга отмечается психопатизация личности и, наконец, довольно

111

много собственно психопатических личностей. Личностная структура определяется «мозаичностью», наличием противоречивых тенденций — агрессивности и компенсирующих агрессивность особенностей, черт личности стенического и астенического характера, а также характерной для психопатий склонности «к самовзвинчиванию», сочетающейся с возбудимостью и демонстративностью. Обвиняются в убийствах, направленных преимущественно против близких родственников.

3.3. Психологические механизмы криминальной агрессии

При всей разнородности взглядов на генез криминального поведения исследователи используют два основных объяснительных понятия — мотивация и механизм преступления (Кузнецова, 1969; Асеев, 1976 а, 1981; Игошев, 1974; Лунеев, 1980; Механизм..., 1981;

Волков, 1982; Кудрявцев В. Н., 1982; Криминальная мотивация, 1986). Термин «мотивация» отражает в большей степени внутриличностную, смыслообразующую и побудительную сторону поведения, раскрывает преимущественно содержательную характеристику поступков — со стороны мотивов, общих целей, направленности личности, его потребностей и ценностей. В рамках судебной психиатрии и психологии основное внимание уделяется нарушениям мотивации поведения, обусловленным психическими расстройствами (психопатологическими синдромами, личностными аномалиями и пр.). Объем понятия «механизм» больше, он включает не только содержательные аспекты поведения (ради чего, почему человек действует так или иначе — Механизм..., 1986), но и экспрессивные, и инструментальные (каким образом осуществляется поведение — там же), включает в себя ситуативные факторы не только в плане их отражения в структуре мотивации, но и в плане их действия на инициацию (побудительность) действия, его регуляцию и контроль. Рассмотрение криминальной агрессии как функции взаимодействия личности и ситуации предполагает анализ именно механизма преступного поведения, при котором можно четко увидеть роль и психических расстройств, и характера ситуации, в которой разворачивается преступное деяние, и особенностей смыслового восприятия этой ситуации лицами с психическими аномалиями.

Выявляются разновидности механизмов агрессивных преступлений, тесно связанных с выделенными типами криминальной

112

агрессии (Сафуанов, 2001). Следует отметить, что эта связь не абсолютна (то есть нельзя говорить о том, что каждому типу агрессии соответствует какой-либо отдельный механизм или что каждый тип агрессии имеет единственную мотивацию), однако определенные сочетания уровня агрессивности и степени выраженности личностных структур, тормозящих агрессивные побуждения, взаимодействующие с характером ситуации, определяют наиболее характерные механизмы агрессивных действий, которые могут конкретизироваться в психологически разных видах мотивации.

А. Непосредственная реализация агрессивности. Для обвиняемых группы 1 (с высокой агрессивностью, низкими самоконтролем и способностью к опосредованию своих действий даже в нейтральных ситуациях) наиболее универсальным механизмом криминальной агрессии является стремление к реализации собственной агрессивности, которое приобретает самодовлеющее мотивирующее значение вне зависимости от внешних стимулов. Этот механизм можно назвать непосредственной агрессией, или непосредственной реализацией агрессивных намерений и побуждений. К лицам, совершившим агрессивные преступления по механизму непосредственной реализации агрессивных побуждений, относятся прежде всего истерические, возбудимые, истеро-возбудимые, эпилептоидные и мозаичные психопатические личности, а также лица с органическим психическим расстройством, осложненным психопатизацией личности, и психически здоровые. Характерно, что и в групповых преступлениях обвиняемые чаще выступают в качестве лидеров. При непосредственной реализации агрессии высок уровень рецидивных правонарушений, часто предпринимались меры по сокрытию преступления. В состоянии алкогольного опьянения совершается около трети преступлений. Среди жертв агрессии, наряду со знакомыми лицами, очень много незнакомых.

Непосредственное удовлетворение своих выраженных агрессивных побуждений может быть связано со следующими тремя классами источников мотивации.

1. С антисоциальными ценностями, или устойчивыми надситуативными мотивами (Spranger, 1921; Morris, 1956; Maslow, 1970; Kluckhohn, 1951; Жуков, 1976; Патяева, 1983; Василюк, 1984; Дилигенский, 1976, 1977; Додонов, 1978; Асмолов, 1990; Леонтьев Д. А., 1999 и др.).

2. С чертами личности, которые рассматриваются и как характерологические, отражающие стилевые, инструментальные, экспрессивные свойства поведения (Асмолов, 1990; Братусь, 1988), и

113

как мотивационные образования (по теории Г. Олпорта, черта личности «ищет ситуацию» для самореализации — Allport, 1937).

3. С потребностями биологического уровня, например — сексуальными влечениями, без достаточного их опосредования социализированными ценностями и ситуативными факторами.

Соответственно, эти три подтипа механизма криминальной агрессии, в которой доминируют мотивационные переменные, а роль ситуации минимальна, можно обозначить как непосредственную реализацию агрессивных намерений и побуждений ценностного, диспозиционного и потребностного характера (Леонтьев Д. А., 1999).

У психопатических личностей и аномальных лиц с психопатоподобными состояниями этим трем источникам мотивации, по классификации В. В. Гульдана (1986), соответствуют анэтические мотивы (непосредственная реализация асоциальных ценностей), мотивы самоактуализации (реализация черт личности), мотивы-суррогаты и импульсивные мотивы (реализация влечений). По классификации Н. А. Ратиновой (1998), непосредственной реализации асоциальных ценностей соответствует смысловая агрессия. По типологии Г. Тоца (Toch, 1969), такой вид агрессии свойственен потакающим или потворствующим себе (self-indulger) субъектам. Е. Мегарджи (Megargee, 1966) описал таких людей как «абсолютно не контролирующих себя агрессоров».

Очевидно, что в чистом виде эти типы мотивации встречаются довольно редко, в практике КСППЭ чаще эксперты сталкиваются с комбинированным действием этих источников мотивации, когда диспозиционный характер побуждения (например, при возбудимой психопатии) сочетается с антисоциальностью установок и, нередко, со сформированной парафилией в виде садизма.

Пример 1. А., 25 лет, обвиняется в убийстве 9 человек. Рос и воспитывался в цыганском таборе, женился в 15 лет. Характеризовался очень агрессивным, жестоким. Неоднократно наносил себе самопорезы. Организовал банду из нескольких человек (в том числе в эту преступную группировку входили три его брата). На протяжении нескольких лет грабили и убивали жертв, как правило, встречая их на подмосковных железнодорожных платформах в позднее время (всего доказано 7 криминальных эпизодов). В одном случае, наряду с убийством и ограблением, совершил и изнасилование потерпевшей. Во время КСППЭ симулировал психическое заболевание, признан психически здоровым.

Пример 2. Т., 68 лет, обвиняется в убийстве, незаконном лишении свободы, разбое, насильственных сексуальных действиях и еще ряде преступлений. Шесть раз осуждался на разные сроки лишения свободы, в основном за грабежи и разбойные нападения. Вышел на свободу

в возрасте 62 лет и подчинил своему влиянию 2 молодых людей и 1 девушку. В составе группы совершили ряд преступлений, в частности, похитили человека с применением насилия и требовали выкуп в размере 20 тысяч долларов; избили и искалечили нескольких человек; совершили ряд разбойных нападений, грабежей, поджогов; в одном случае совершили групповое изнасилование несовершеннолетней. Экспертизой определен диагноз «психопатия истерического круга», отмечено игнорирование морально-этических ценностей, отсутствие чувства вины, выраженный эгоцентризм, демонстративность и возбудимость, склонность к лидерству, завышенная самооценка.

У лиц с расстройствами личности (психопатией) ведущим источником агрессии являлись диспозиционные черты личности.

Пример 3. Ч., 42 лет, обвиняется в причинении вреда здоровью. Имеет 5 детей, но в семье проявил себя агрессивным, жестоким, постоянно придирался к супруге и детям. Был разведен, но продолжал проживать с семьей на одной жилплощади. Выпив 100 г водки, стал придирается к старшей дочери, в процессе ссоры ударил ее ножом. Его бывшая жена бросилась защищать дочь. Тогда Ч. ударил ножом и ее. При психологическом обследовании выявились такие черты как завышенная самооценка, склонность к доминированию с нетерпимостью к возражениям, аффективная ригидность, враждебность, эгоцентризм, склонность к самовзвинчиванию, отсутствие тревожности и чувства вины. Поставлен диагноз «психопатия эпилептоидного круга».

Пример 4. М., 47 лет, обвиняется в истязании, угрозе убийством, насильственных сексуальных действиях. Женат, имеет двоих детей. Страдает психопатией возбудимого круга, осложненной хроническим алкоголизмом. Истязал жену, совершал по отношению к ней насильственные сексуальные действия, угрожал убийством. Через 4 дня после этого жестоко избил ее. Еще через две недели пытался изнасиловать 67-летнюю тещу. Все правонарушения совершал в трезвом состоянии.

У части обвиняемых с органическим психическим расстройством основным источником агрессии являются сексуальные потребности.

Пример 5. С., 36 лет. Обвиняется в двух убийствах и 4 покушениях на убийство. Рос и воспитывался без отца. Женат, имеет двоих детей. На протяжении года подкарауливал поздно вечером или ночью в парке женщин, наносил им удары ножом. После убийства совершал с трупом половой акт. Комплексной сексолого-психолого-психиатрической экспертизой признан вменяемым, страдающим органическим психическим расстройством. Сексологами установлен диагноз «сализм с некрофильными тенденциями».

Пример 6. В., 34 лет, обвиняется в убийстве. Лицо без определенного места жительства, бродяжничал, ночевал в лесу. В процессе совместного распития спиртных напитков с незнакомой женщиной в

лесу нанес ей 40 ударов ножом, затем задушил ее, причем, по данным судебно-медицинской экспертизы, наносил ножевые удары в 3—4 приема, с перерывами. Обследован сексолого-психолого-психиатрической экспертной комиссией. Установлено органическое психическое расстройство, осложненное хроническим алкоголизмом, а также наличие парафилии в виде агрессивного сализма, гемофилии, некрофилии и зоофилии.

При ценностной детерминации агрессии наиболее характерные преступления — это убийства, избиения и грабежи (разбои). Жертвами избиений становятся чаще всего лица, зависимые от агрессоров: психически здоровый офицер избивает до смерти рядового, опоздавшего на построение; психически здоровый следователь наносит побои допрашиваемым. При ситуативной актуализации черт личности чаще всего совершаются преступления на фоне семейных ссор, инициированных обвиняемыми. При непосредственной реализации потребностей все преступления сводятся к изнасилованию или насильственным действиям сексуального характера. При этом у обвиняемых данной группы, совершивших изнасилования, экспертами-сексопатологами диагностируется «эго-синтоническая форма садизма». При этой форме парафилии садистическое влечение как бы «принимается» личностью, не вызывает негативного самоотношения, человек не испытывает внутреннего конфликта и реализует это влечение непосредственно, не пытаясь его сдерживать (Ткаченко, 1994; Дворянчиков, 1998; Ткаченко, Введенский, Дворянчиков, 1998).

Б. Агрессия, совершенная под влиянием алкогольного опьянения. Каждые девять из десяти обвиняемых из типологической группы 2 совершают преступления в состоянии алкогольного опьянения. Подэкспертные этой группы не обладают высокой базовой агрессивностью, и поэтому механизм генеза агрессивных действий у них не может быть сведен к непосредственной реализации агрессивности в нейтральных ситуациях.

Роль алкогольного опьянения в «инициальной» агрессии выше (в нейтральных ситуациях), чем в «реактивной» (в психотравмирующих условиях). Для объяснения влияния алкогольной интоксикации на поведение обычно привлекают модель психофармакологического растормаживания в двух вариантах: физиологическом и психодинамическом (Румянцева, 1991). Обе разновидности модели сводятся к снятию контроля над поведением. На наш взгляд, даже теоретический анализ таких воззрений показывает их недостаточную

116

состоятельность и чрезмерную упрощенность: эта модель годится для объяснения только тех случаев проявления агрессии, которые характеризуются сочетанием высокого уровня агрессивности как свойства личности с выраженностью тормозящих проявление агрессивности психологических структур. На самом же деле, среди лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения, доля агрессивных обвиняемых составляет только около трети случаев, а доля обвиняемых с сочетанием агрессивности и тормозящих агрессивность личностных структур — лишь около 5%. В то же время большинство лиц, совершивших агрессивные действия в состоянии алкогольного опьянения, характеризуется недостаточной сформированностью тормозящих агрессивность личностных механизмов (Сафуанов, 2001).

Эти данные позволяют думать, что основным личностным фактором в генезе агрессивного поведения, совершаемого в состоянии алкогольного опьянения в нейтральных ситуациях, выступает не высокий уровень агрессивности, а наличие или отсутствие личностных психологических механизмов, препятствующих прямому проявлению агрессивности в поведении, и выдвинуть гипотезу о том, что алкогольное опьянение не столько снимает личностный контроль над агрессивностью, сколько обнаруживает («проявляет») уже существующую дефицитарность тормозящих проявление агрессивных побуждений личностных структур.

Подтверждением данной гипотезы могут служить 3 экспериментальных исследования, проведенных нами совместно с И. А. Кудрявцевым, А. С. Голевым (эксперимент 1 и 2) и совместно с А. Л. Игониным, Е. Ю. Иконниковой, Т. Н. Филимоновой (исследование 3).

Первые два эксперимента направлены на исследование влияния алкоголя на актуальное психическое состояние, а исследование 3 — на изучение роли личностных факторов в генезе преступлений, совершенных вменяемыми лицами в состоянии простого и атипичного алкогольного опьянения.

Эксперимент 1 (Кудрявцев И. А., Сафуанов, Голев, 1986). Применялся разработанный автором метод классификации (Miller, 1969) изображений фрустрирующего характера из набора теста Розенцвейга (Сафуанов, 1985). Набор состоял из 24 карточек. Испытуемых просили разложить их на любое количество групп так, чтобы каждая группа объединяла ситуации одинакового смысла (количество карточек в каждой группе заранее не определялось). После окончания классификации испытуемые должны были дать условные названия каждой выделенной ими группе.

117

Контрольная группа состояла из 30 психически здоровых человек (все мужчины) в возрасте от 20 до 40 лет. Основная группа — из 20 психически здоровых (все мужчины) в возрасте от 20 до 40 лет. Испытуемые основной группы выполняли задание в состоянии алкогольного опьянения. Они принимали определенное количество этилового спирта (0,5 г на 1 кг массы тела) 50% концентрации, которое запивали 80 мл воды. Через 10 мин испытуемые выполняли задание.

Обработка данных заключалась в построении дерева классификации по данным процедуры кластер-анализа групповой матрицы сходства стимулов с использованием меры «минимальной связи».

Полученные иерархические организации изображений фрустрирующих ситуаций можно интерпретировать как последовательную конкретизацию значения и смысла воспринимаемого материала, а также как глубину проникновения в образ от верхнего эмоционально-смыслового уровня (представленного наиболее крупными кластерами) к нижнему, операциональному (Петренко, 1983, 1988).

Дерево классификации, построенное по группировкам психически здоровых лиц, не принимавших алкоголь, поддается четкой интерпретации. Восприятие конфликтных для личности ситуаций проходит по этапам, отражающим глубину смыслового проникновения в образ (рис. 12). Первоначально определяется общий смысл ситуации: к какому типу — угрожающему или препятственному — она относится. Затем происходит выявление источника сложившейся конфликтной ситуации, в качестве которого могут выступать: персонаж, изображенный на рисунке; партнер этого персонажа; третьи лица; обстоятельства. Более дифференцированные классы общим основанием имеют форму высказываний, приводящих к конфликту: обвинение, уведомление, упрек и т. п. И только на нижних этапах дендрограммы стимулы объединяются по конкретно-ситуационным основаниям.

Таким образом, процесс восприятия и оценки сложных поведенческих ситуаций начинается с уяснения общего смысла: одни ситуации испытуемые относят к агрессивным, другие определяются как препятствующие достижению какой-либо цели, прерывающие направленность деятельности. Только после этого происходит дальнейшее смысловое постижение ситуаций вплоть до предметно-операциональной их категоризации, определения конкретных условий, в которых развивается конфликтная ситуация.

118

Рис. 12. Содержательная интерпретация дендрограммы контрольной группы.

Справа — номера карточек из теста Розенцвейга

Иной является категориальная структура, на основе которой происходит восприятие и оценка ситуаций лицами в состоянии алкогольного опьянения (рис. 13).

В целом все фрустрирующие ситуации делятся ими на угрожающие или препятственные. Но выявленная в норме четырехзвенная структура проникновения в образ (смысл ситуации — источник конфликта — тип высказывания, приводящего к конфликту — конкретные свойства ситуации) сохраняется у испытуемых основной группы только для ситуаций угрожающего, агрессивного характера. Однако, если в контрольной группе из 24 ситуаций только 5 воспринимаются как ситуации, имеющие агрессивный смысл, то в основной группе количество относящихся к этой категории ситуаций увеличивается почти в два раза — 9 из 24. Можно сказать, что у человека в нетрезвом состоянии происходит своеобразная генерализация агрессивного смысла ситуаций, возрастает субъективная

119

оценка их как более фрустрирующих, конфликтогенных, угрожающих его личному Я.

Рис. 13. Содержательная интерпретация дендрограммы основной группы

Справа — номера карточек из теста Розенцвейга

Другой особенностью смысловых отношений у лиц в состоянии алкогольного опьянения является разрушение их иерархии с инверсией отдельных звеньев и выпадением отдельных этапов в восприятии и оценке объектов фрустрирующего характера, выявленных в норме. Так, в одной части дендрограммы на первый план выступают конкретные признаки ситуаций (объединяются ситуации в сфере обслуживания), то есть смысловые обобщения подменяются конкретно-ситуационными. В других кластерах выявление источника конфликта происходит после уточнения формы высказываний, вызывающих фрустрацию.

В целом, если трезвый человек при восприятии и оценке конфликтных ситуаций опирается на эмоционально-смысловые синтезы, образующие особые обобщения, в которых объекты группируются

120

не по когнитивным признакам, а по субъективному отношению к этим объектам³, то у лиц в состоянии алкогольного опьянения такие смысловые обобщения частично разрушаются, структурно и иерархически. Это означает, что у них затрудняется оценка значимости воспринимаемых образов, а при восприятии фрустрирующих ситуаций — оценка степени конфликтности, опасности внешних воздействий.

Эксперимент 2. Применялся спланированный и разработанный совместно с Д. А. Леонтьевым метод тахистоскопического предъявления двузначных изображений (Леонтьев Д. А., 1999). Испытуемому на тахистоскопе предъявляется серия из 36 слайдов с различными

изображениями (живопись, графика, скульптуры, кадры из фильмов). Время экспозиции — 1 сек, межстимульный интервал — 5 сек. В серии слайдов под №№ 4 и 34 предъявляются изображения, которые могут опознаваться в двух значениях: «заяц — утка» и «человек — крыса». В половине случаев рисунок «человек — крыса» предъявлялся под № 4, в половине — под № 34; соответственно рисунок «утка — заяц» тоже занимал две позиции. Стимульный материал (по результатам предварительного ранжирования всех слайдов 20 испытуемыми методом «экспертных» оценок) был размещен в такой последовательности, что постепенно изображения становились все однообразнее, а работа с ними — все утомительнее. Таким образом, преследовалась цель актуализировать к концу серии установку на завершение эксперимента. Испытуемым давалась следующая инструкция: «Вы участвуете в эксперименте по изучению творческого воображения. Смотрите внимательно на экран — Вам будут предъявляться картинки самого разнообразного содержания. Ваша задача — придумать к каждой картинке название, которое было бы выразительным и четким. Так Вы будете работать до тех пор, пока не появится картинка с изображением крысы или зайца. Как только Вы увидите крысу или зайца, эксперимент будет прекращен». Следует отметить, что за время экспозиции испытуемые успевали воспринять только одно из двух значений тестовых изображений, то есть выбор и опознание только

121

одного из двух возможных значений протекали на бессознательном уровне.

В эксперименте (Кудрявцев И. А., Сафуанов, Голев, 1986; Сафуанов, 2000) участвовало 2 группы испытуемых: принимавшие и не принимавшие этиловый спирт. Контрольная группа (20 психически здоровых человек в возрасте от 19 до 40 лет) была обследована совместно с Ю. А. Васильевой. Основная группа — та же, что и в эксперименте 1.

Экспериментальные данные (табл. 4) свидетельствуют о том, что у испытуемых контрольной группы в начале исследования существуют исключаящие друг друга по направленности цель и мотив: цель, заданная инструкцией, — увидеть в определенный момент изображение крысы или зайца; мотив — продолжать эксперимент. Личностный смысл значения изображения, сигнализирующего об окончании интересной деятельности, на этой стадии негативный, поэтому срабатывает эффект «перцептивной защиты», и заданная инструкцией цель блокируется — критическое изображение слайда № 4 воспринимается только в 30% случаев. На последней стадии эксперимента, при опознании слайда № 34, предъявление все менее интересных изображений приводит к исчерпанию мотива деятельности. Завершение эксперимента становится желательным, и изменение мотива устанавливает новые его отношения с заданной целью — личностный смысл сигнального значения двойственного изображения меняется, приобретает положительный знак, что обуславливает эффект «перцептивной бдительности». В результате уже в 75% случаев опознается критическое значение (опознание зайца или крысы) и цель реализуется.

Таблица 4

Реализация цели, заданной инструкцией (увидеть
«крысу» или «зайца»), в %
Группа
Слайд № 4
Слайд № 34
Р

цель

цель

реализуется
блокируется
реализуется
блокируется

Контрольная
30
70
75
25
<0,02

Основная
20
80
35
65
—

P
—
<0,02

Данные, полученные в группе испытуемых, выполнявших задание в состоянии алкогольного опьянения, существенно отличаются

122

от результатов контрольной группы. На первой стадии эксперимента (при опознании слайда № 4) мотив и цель у них также находятся в конфликтном взаимодействии и происходит «перцептивная защита». Но на второй стадии (при опознании слайда № 34) у нетрезвых лиц не происходит изменения мотивационной тенденции — сохраняется преградное по отношению к цели (увидеть зайца или крысу) действие личностного смысла. Стоит отметить, что в целом по группе отмечается тенденция к реализации цели на этом этапе, но различие показателей первого и второго этапов эксперимента недостоверно.

Таким образом, в норме смысловая регуляция деятельности является гибкой, учитывает объективные факторы ситуации, в которой разворачивается деятельность. В отличие от этого на процессы мотивации испытуемых в состоянии алкогольного опьянения объективные аспекты ситуации оказывают гораздо меньшее влияние. Однажды актуализированный мотив патологически стабилизируется («консервируется») и оказывает более продолжительное тормозящее влияние на целевой уровень. Это означает, что деятельность человека в состоянии опьянения эмансипируется от реальных изменений условий деятельности, становится более субъективной и ригидной.

Экспериментальное исследование 3. В исследовании (Сафуанов, Иконникова, Филимонова, Игонин, 1997) применялась батарея методик: 16-факторный личностный опросник Кеттелла, тест фрустрационной толерантности Розенцвейга, проективный тест «руки» Вагнера. Основную группу испытуемых составили больные хроническим алкоголизмом (вторая

стадия), совершившие агрессивные преступления (16 чел.), из них 8 — в состоянии простого, а 8 — измененного (атипичного) алкогольного опьянения. Контрольную группу составили больные (36 чел.), не совершавшие преступлений. Из них 17 человек имели в анамнезе состояние только простого алкогольного опьянения, а 19 — и измененного (атипичного) алкогольного опьянения.

Сравнительный анализ личностных особенностей больных алкоголизмом (по данным опросника Кеттелла, теста Вагнера и теста Розенцвейга), совершивших агрессивные деликты в состоянии простого и измененного алкогольного опьянения не выявило значимых различий (за исключением 2 параметров — показателя «агрессивности» теста Вагнера и показателя I' теста Розенцвейга). Сравнение результатов больных, совершивших и не совершавших правонарушений, привело к следующему результату: уровень базовой

123

агрессивности как черты личности (фактор L опросника Кеттелла), реактивной агрессивности (показатели YE и E теста Розенцвейга) и агрессивности как мотивационной тенденции (показатель Agg теста Вагнера) у испытуемых первой группы оказался достоверно ниже: при простой и измененной формах алкогольного опьянения уровень достоверности различий $p < 0,05$. Однако одновременно с этим было выявлено, что во второй группе значимо больше (0,05—0,01) выражены психологические структуры и механизмы, которые оказывают тормозящее влияние на открытое проявление агрессивности в поведении: чувство страха перед возмездием за собственную агрессию (F в тесте Вагнера), чувство вины и негативная самооценка (I в тесте Розенцвейга и Crp в тесте Вагнера), потребность в социальной кооперации (Com в тесте Вагнера и F2 в тесте Розенцвейга), способность к сопереживанию (N в опроснике Кеттелла), потребность в зависимости (Dep в тесте Вагнера). Кроме того, было обнаружено, что у испытуемых второй (некриминальной) группы в среднем выше уровень интеллекта (фактор В опросника Кеттелла) и, в отличие от лиц, совершавших агрессивные действия, у многих из них выражен защитный механизм смыслового восприятия, позволяющего субъекту интерпретировать фрустрацию как своего рода «благо» (I' в тесте Розенцвейга).

Общее обсуждение результатов экспериментов 1—3. Итак, выявлено влияние алкогольного опьянения на смысловое восприятие и оценку поведенческих ситуаций. Это оказывает значительное влияние на протекание эмоционально-смыслового процесса. Как указывает В. К. Виллюнас, «существенные изменения в протекание эмоционального процесса способно внести познание причинной обусловленности непосредственного эмоционального воздействия» (1976, с. 62). В норме одинаковые по общей смысловой направленности ситуации могут вызывать совершенно различные переживания — в зависимости от того, что именно выступает в качестве причины угрозы или препятствия. Понимание факторов, детерминирующих смысл ситуации, включает в себя, как обнаруживается в эксперименте 1, выяснение целого комплекса причин. Столь разветвленная и иерархизированная структура допускает известную вариативность протекания эмоциональных переживаний, способствует более точному и тонкому смысловому постижению ситуаций. В состоянии алкогольного опьянения «переключение»

124

с психотравмирующего воздействия на выявление причин возникновения конфликта происходит не всегда эффективно. Общей закономерностью смысловой иерархии у нетрезвых лиц является редукция или переход на более низкие ступени этапа выяснения реальных оснований ситуативных воздействий. Следствием этого и могут выступать

малодифференцированные агрессивные побуждения, отражающие генерализованную оценку любых ситуаций как более опасных и угрожающих.

Данные эксперимента 3 показывают, что основным личностным фактором в генезе криминальной агрессии, формирующейся на основе агрессивных побуждений вследствие приобретающего угрожающий смысл субъективного образа ситуации, является не исходный уровень базовой агрессивности (он у преступников может быть даже ниже, чем у правомерно ведущих себя граждан). Решающим личностным фактором выступает наличие или отсутствие психологических механизмов, препятствующих прямому проявлению агрессивных побуждений в поведении. В проведенном исследовании — это страх перед возмездием, чувство вины и негативная самооценка, потребность в социальной кооперации и зависимости, способность к пониманию мотивов окружающих, к эмпатии и сопереживанию.

Влияние других факторов — уровня развития интеллекта и защитного механизма смыслового восприятия, позволяющего интерпретировать фрустрацию как «благо», кроется, видимо, не в подавлении агрессивных побуждений и намерений, а во влиянии на звено субъективного образа ситуации. Они позволяют снизить психотравмирующую значимость ситуации, тем самым преодолевая последствия изменения субъективного образа в сторону ее более угрожающего характера, вызываемые состоянием алкогольного опьянения.

При невыраженности этих личностных структур, оттормаживающих агрессию, возникшие под влиянием алкоголя агрессивные побуждения реализуются непосредственно в поведении — в первую очередь, как показано в эксперименте 2, из-за повышения ригидности мотивации, утраты ее гибкости и способности учитывать изменения ситуации.

Можно сделать общий вывод о том, что агрессивное поведение лиц, находящихся в состоянии простого алкогольного опьянения, является реализацией агрессивных побуждений, возникающих вследствие смыслового восприятия и субъективной оценки ситуации как более угрожающей, опасной (что обусловлено актуальным влиянием алкоголя

125

на сознание и когнитивные процессы), при отсутствии или слабой выраженности компенсаторных защитных механизмов, способах или снизить уровень субъективной значимости ситуации, или препятствовать прямому проявлению агрессии, независимо от исходного уровня агрессивности (рис. 14). Таким образом, влияние состояния алкогольного опьянения на криминальную агрессию проявляется не столько в снижении контроля агрессивности, сколько в «проявлении» дефицитарности личностных структур, способных тормозить прямую реализацию агрессивных побуждений, независимо от уровня исходной личностной агрессивности.

Рис. 14. Психологический механизм криминальной агрессии, совершаемой в состоянии алкогольного опьянения

Примерно у трети данных обвиняемых родители (или один из родителей) страдали хроническим алкоголизмом, каждый третий воспитывался без отца, каждый десятый — без матери, каждый пятый — вне семьи (в детском доме, интернате, у опекунов и родственников). Подавляющее большинство обвиняемых этой группы — лица с органическим поражением головного мозга и хроническим алкоголизмом. По всей видимости, именно мозговая патология и опосредует влияние алкоголя на поведение,

проявляющее несформированность контролирующих агрессивные побуждения личностных механизмов, что и приводит к совершению агрессивных действий неагрессивными людьми. Жертвами криминальной агрессии становятся, как правило, знакомые и (реже)

126

родственники — фабула преступления сводится в большинстве случаев к возникновению конфликта по инициативе обвиняемого в процессе совместного употребления алкогольных напитков, с последующим убийством, или причинением вреда здоровью, или изнасилованием.

Пример 7. И., 29 лет, обвиняется в нанесении вреда здоровью. Рос без отца, имеет незаконченное среднее образование. Занимался коммерцией, хорошо зарабатывал. Женился на женщине с ребенком, оформил отцовство на приемного сына. Жена не работала, занималась домашним хозяйством. Приходя с работы после успешного завершения финансовых операций, часто выпивал. В день правонарушения заработал около 30 тысяч долларов. Дома выпил бутылку водки. Сын попросил денег на покупку. Разозлился и отшвырнул сына в угол комнаты, нанеся ему черепно-мозговую травму. Жена заступилась за сына, в ответ он ее избил. В ходе экспертизы установлено, что И. не отличался высокой агрессивностью, в то же время были отмечены эгоцентризм, высокое самомнение, независимость от групповых мнений, импульсивность, отсутствие потребности в общении, невыраженность чувства вины. Выставлен диагноз «остаточные явления органического поражения головного мозга с психопатизацией личности (постконтузионный синдром)».

В. Криминальная агрессия, совершенная под влиянием групповых воздействий. Большое количество агрессивных преступлений в типологической группе 2 совершается в группе, при этом сами обвиняемые (лица с органическим психическим расстройством, расстройством личности мозаичного круга) при совершении общественно опасных деяний выступают в пассивной роли ведомых, подчиненных воле лидера.

Обычно преступления, в которых обвиняемый участвует в групповых преступлениях, не принимая осознанно роль подчиненного лидеру и не преследуя свои цели (в основном корыстные), а попадая в своеобразную психологическую зависимость от субъективно значимого авторитета, обсуждаются в плане «суггестивной мотивации» (Гульдман, 1986) или с привлечением для объяснения таких понятий как «внушение», «подражание», «психическое заражение» и т. п. (Яковенко, 1887; Vigoureux, Juquelier, 1905; Блейлер, 1929). При таком понимании акцент делается не на межличностном взаимодействии, а на воздействии одного лица на другое, причем последний описывается как пассивный, не обладающий какой-либо психической активностью и свободой воли субъект. Не всегда учитывается, что при подобных правонарушениях повторяется не только внешний рисунок поведения лидера, но и усваивается та или иная часть глубинной мотивации.

127

В лабораторных условиях аналогичный механизм криминальной агрессии описан С. Милгрэмом (Milgram, 1974): добропорядочные испытуемые-добровольцы, повинаясь давлению экспериментатора, наносили удары током за ошибочное выполнение заданий «ученику» (в роли которого выступал помощник экспериментатора), при этом 65% испытуемых доводила силу удара до 450 вольт, несмотря на демонстрацию жертвой нестерпимых страданий. Р. Чалдини (1999) считает, что определяющим фактором в этих случаях проявления агрессии является снятие личной ответственности за свои действия.

Остается открытым вопрос о социально-психологических механизмах, обуславливающих своеобразное неосознанное «делегирующее» личной ответственности за происходящее субъективно значимому авторитету.

Исследование этих механизмов было проведено нами совместно с Е. В. Макушкиным (Сафуанов, Макушкин, 1995) на модели индуцированных психических расстройств, которые рассматриваются в современной литературе как наблюдаемые у двух или более больных психопатологические синдромы одинаковой структуры и содержания, возникающие сначала у одного из них (индуктора), а затем — у других (реципиентов). Было выявлено, что психологические особенности процесса психической индукции сводятся к основным характеристикам идентификации как одного из механизмов межличностного общения, в качестве которых описывают генерализацию на все психические процессы, распространение на многие жизненные ситуации, сохранение процесса и в отсутствие прямого контакта с объектом идентификации, усвоение мотивации поступков лица, с которым происходит идентификация (Кричевский, Дубовская, 1981).

В современной социальной психологии (Бодалев, 1970; Ломов, 1975) в структуре межличностного общения выделяют три компонента: когнитивный (гностический, информационный), аффективный (эмоциональный) и поведенческий (праксический, регуляторный). Идентификация рассматривается как «фундаментальный механизм не только когнитивных процессов взаимодействия, но и аффективной и поведенческой составляющих» (Обозов, 1981, с. 83). Социально-психологический анализ целостных ситуаций взаимодействия коделирантов (20 случаев индуцированных психических расстройств), проведенный нами совместно с Е. В. Макушкиным, позволил выделить три стадии идентификации реципиентов с душевнобольными индукторами (табл. 5).

128

До идентификации взаимодействие членов малой группы с душевнобольным строится в основном на критическом отношении к его поведению и системе взглядов.

На первой стадии еще не наблюдается конкретного отождествления реципиента с индуктором, однако четко выделяется predisposition к идентификации в виде эмпатии, сочувствия, стремления понять и разделить его проблемы. Ведущее эмоциональное звено еще не приводит к существенным изменениям в когнитивной сфере и сдвигам в поведении. Реципиент сохраняет критическое восприятие окружающей действительности, однако идеи больного уже не вызывают у него негативного отношения.

Таблица 5

Социально-психологическая динамика индуцированных психических расстройств
Психическая сфера
Стадия идентификации

1
2
3

Когнитивная

—
Усвоение фрагмента «образа мира»

Усвоение «образа мира»

Аффективная

Эмпатия

Сопереживание

Эмоциональное отождествление

Поведенческая

—

Усвоение фрагмента мотивации

Полное усвоение мотивации

Вторая стадия идентификации характеризуется выраженной перестройкой практически всех сфер психики. В первую очередь, это относится к аффективным процессам: эмпатия сменяется сопереживанием. В отличие от эмпатии, при которой чувства партнера принимаются в расчет, вызывают сочувствие, однако собственное поведение строится на основе иной позиции, сопереживание означает уже переживание субъектом тех же чувств, которые испытывает другой. Поведение становится обусловленным пониманием партнера на основе принятия его точки зрения. Реципиент, не осознавая того, погружается в эмоциональные переживания индуктора. Изменения когнитивной сферы выступают как следствие перестройки аффективного звена и выражаются в усвоении фрагмента «картины мира» индуктора. Восприятие окружающей действительности структурируется в соответствии с осознанием объективных связей и отношений, лежащих в основе болезненных интерпретаций индуктора, но ограничивается только фабулой бреда и еще не распространяется

129

на все проявления собственной жизнедеятельности реципиента. Регуляция поведения на данном уровне идентификации включает элементы мотивации доминантного лица (при этом реципиент не осознает этого), преимущественно в сфере поступков, связанных с их общими психопатологическими переживаниями и болезненными интерпретациями.

Третья стадия включает в себя тотальное бессознательное отождествление реципиента с индуктором во всех сферах психической деятельности: аффективной, когнитивной и поведенческой.

В основе идентификации вменяемых лиц с лидерами, субъективно значимыми авторитетами, лежит, на наш взгляд, аналогичный механизм. Отличия касаются, в первую очередь, роли психических расстройств. Лидер, в отличие от душевнобольного индуктора, чаще осуществляет не бессознательное воздействие, а осознанное. Идентификация с авторитетом также происходит с большей степенью осознания и включает не только эмпатию, но и осознанный интерес к его системе взглядов. В основе такой идентификации, как отмечал еще З. Фрейд (1925), лежит более или менее осознанная идентификация с Я-идеалом, сопровождающаяся подчинением лидеру и восприятием прямого контроля над собой как законного (Adamek, Dager, 1971). Самое важное отличие касается глубины идентификации — у психически здоровых лиц и лиц с пограничными психическими расстройствами идентификация не доходит до третьей стадии — полного отождествления с лидером. Но при диагностике второй стадии — частичной идентификации мы можем говорить о наличии механизма группового воздействия на криминальную агрессию.

В качестве примера криминальной агрессии, совершенной под влиянием субъективного значимого лидера, можно привести следующий случай.

Пример 8. Б., 23 лет, обвиняется в убийстве. Студент одного из московских вузов. Увлекался философией, восточными единоборствами. Попал в секту, организатор которой проповедовал учение, эклектически составленное из элементов буддизма и парапсихологии. Безгранично верил в лидера секты, считал его человеком, постигшим смысл жизни, обладающим чудодейственными способностями. Подчинялся ему во всем. В то же время, во взаимоотношениях с другими людьми был очень самостоятельным, ригидным, упрямым, не принимал ничего на веру, старался «дойти до всего самостоятельно». Лидер секты приказал ему и еще двум своим адептам наказать «отступника», с которым Б. был в дружеских отношениях. Они избивали его в течение суток, и от побоев тот скончался. Б. во время совершения преступления

130

отчетливо представлял себе, что они наносят сильные побои, но верил, что глава секты «не допустит, что отступник скончается», что он «знает способ, как излечить потерпевшего». Экспертизой установлено, что Б. является акцентуированной личностью шизоидного круга и в момент совершения инкриминируемого ему деяния его способность осознавать свои действия и осуществлять их произвольную регуляцию была ограничена из-за его психологической зависимости от лидера секты, неосознаваемой идентификации с ним.

Г. Агрессия как результат неверной оценки ситуации. Некоторые случаи криминальной агрессии у неагрессивных субъектов с несформированностью личностных структур, сдерживающих агрессивные побуждения (из типологической группы 2), развиваются по своеобразному механизму, основу которого составляет несоответствие личностных ресурсов внешним, ситуационным. Иными словами, эти обвиняемые обнаруживают неспособность к свободному выбору возможных правомерных и неагрессивных вариантов действий в определенной ситуации. В основе этого лежит несформированность как смысловой и когнитивной оценки ситуации, так и недостаточность самооценки, что предопределило выбор агрессивных форм разрешения ситуации с резким ослаблением контроля действий и прогноза их возможных последствий.

Несформированность отражательных и регуляторных функций определяется психическим расстройством. Обвиняемые характеризуются и интеллектуальной, и личностной незрелостью в структуре органического психического расстройства или умственной отсталости (олигофрения в стадии умеренно выраженной дебильности).

В одних случаях отставание в психическом развитии, наряду с интеллектуальной недостаточностью, приводит к несформированности ценностной сферы и недостаточной интериоризации просоциальных установок, морально-этических норм поведения. В других случаях, при формально хорошем представлении о социальных нормах и правилах, несформированными оказываются личностные структуры не только интеллектуального контроля, но и диспозиционного, эмоционального уровней.

Пример 9. Д., 22 лет, обвинялся в убийстве. С 9 лет воспитывался в школе-интернате, с 12 — жил у знакомых. В семью вернулся в 14 лет. Не работал. Его знакомый попросил его передать деньги (долг) своей сожительнице. При встрече та оскорбила его, после чего Д. задушил ее, затем похитил хранящиеся в квартире ювелирные украшения (всего на сумму 20 тыс. долларов). Перед тем как покинуть квартиру, открыл краны газовой плиты и поставил

на стол зажженную свечку. Наряду с низким интеллектом, недостаточностью самоконтроля, у него при

131

психологическом обследовании выявились такие черты личности как незрелость, эгоцентризм, демонстративность, возбудимость, эмоциональная неустойчивость, повышенная сензитивность в сочетании с аффективной ригидностью, злопамятностью, подозрительностью. Выставлен диагноз «остаточные явления органического психического расстройства с тотальной задержкой пубертатного развития — психическим инфантилизмом».

Как видно, обсуждаемые три механизма криминальной агрессии, характерные для обвиняемых с отсутствием базовой агрессивности (типологическая группа 2), при всех их отличиях друг от друга, имеют общее психологическое свойство — в мотивации преступного действия проявляется недостаточность структур, сдерживающих агрессивные побуждения. В одних случаях эта недостаточность обнаруживается под влиянием экзогенных факторов — алкогольной интоксикации, субъективно значимого для обвиняемого авторитета. В других — заметно влияние эндогенных факторов: интеллектуального и личностного недоразвития, инфантилизма. Сами агрессивные побуждения возникают не как актуализация асоциальных ценностей, агрессивных черт личности или половых потребностей (как в механизме преступлений, характерных для агрессивных субъектов из типологической группы 1), а вследствие иных детерминант: как реакция на более угрожающий смысл даже нейтральных ситуаций, как результат неосознанной идентификации с лидером и частичного усвоения его агрессивной мотивации, как итог неправильной когнитивной и смысловой оценки ситуации.

Д. Инструментальная агрессия. Большинство случаев в группе 3, то есть у обвиняемых с низким уровнем исходной агрессивности и с наличием различных личностных структур, тормозящих проявления агрессии в относительно нейтральных, не психотравмирующих ситуациях, мы можем отнести к «инструментальной агрессии». Тормозящие агрессию тенденции не позволяют совершать импульсивные, непосредственные действия, а нейтральный характер ситуации не провоцирует на реактивную агрессию — следовательно, агрессия в этих случаях может быть только осознанной и реализующей какие-то намерения, не обязательно носящие агрессивный характер. В принципе, как отмечают многие исследователи, любое агрессивное поведение носит в себе черты инструментальности — это вытекает из полимотивированности всякого действия, встроенности целеполагания в иерархически организованную структуру мотивов. В этих случаях можно говорить об операциональной агрессии, когда неагрессивная цель достигается

132

агрессивным способом. К таким действиям относится, к примеру, изнасилование: цель — удовлетворение полового влечения, *modus operandi* — насилие или угроза применения насилия, то есть физическая или вербальная агрессия. Ясно, что выделять такие преступления в отдельный класс инструментальных агрессивных деяний не имеет большого смысла, поскольку сама цель агрессивного характера указывает на враждебный статус криминальной агрессии⁵.

Различение враждебной и инструментальной агрессии вызвано, в первую очередь, необходимостью противопоставить агрессивные действия, реализующие агрессивные намерения, таким же действиям, но соподчиненным намерениям явно неагрессивного

характера (Feshbach, 1964, 1970, 1971). В этом случае понятие инструментальной агрессии совпадает с понятием целевой инструментальной агрессии, которая реализует агрессивную цель, но соподчиненную неагрессивному мотиву. Именно в этом смысле — целевой инструментальной агрессии — мы и выделяем механизм преступлений, совершенных обвиняемыми из типологической группы 3.

По данному механизму совершают агрессивные деяния психически здоровые лица, значительно реже — с органическим психическим расстройством (преимущественно резидуального генеза). В отличие от других видов мотивации криминальной агрессии, при инструментальной агрессии крайне редко преступления совершаются в состоянии алкогольного опьянения, что косвенно указывает на осознанный и запланированный характер преступлений.

Наиболее частые криминально-агрессивные действия — это наемные убийства, убийства с целью завладения имуществом, убийства финансовых конкурентов, а также заранее запланированные убийства новорожденных детей собственными матерями из-за тяжелого материального положения.

Е. Отсроченная агрессия. Случаи убийства в группе 4 (а также в группе 8) показывают иной механизм воздействия тормозящих проявление агрессии структур. Здесь тормозящие влияния не позволяют непосредственно реализовать агрессивные побуждения, возникшие в ситуации конфликтного взаимодействия с близкими людьми (при этом конфликты часто были инициированы самими

133

обвиняемыми). Но через некоторое время они все же совершают убийства, возвращаясь на место конфликта. По существу, это механизм «отсроченной» агрессии у лиц с одновременным сосуществованием и тормозящих агрессию структур личности и склонности к самовзвинчиванию.

В роли катализатора агрессивных побуждений, который преодолевает действие структур, сдерживающих агрессию, выступает, прежде всего, склонность к самовзвинчиванию, тесно связанная с пограничной психической патологией: с психопатией или акцентуацией личности по возбудимому типу, с органическим психическим расстройством с психопатизацией или хроническим алкоголизмом. У них выработаны компенсаторные по отношению к возбудимым чертам личности механизмы, доминирующими среди которых являются высокая тревожность, страх перед возмездием за совершенную агрессию. В ситуации конфликта с близкими родственниками, инициированного самими обвиняемыми в состоянии алкогольного опьянения, или конфликта, затеянного близкими родственниками и знакомыми, эти тормозящие личностные структуры препятствуют реализации возникших агрессивных побуждений. Однако, после того как конфликт внешне исчерпан, уровень эмоционального возбуждения у этих обвиняемых не снижается, а, напротив, резко возрастает в течение некоторого времени (от нескольких часов до двух суток). Рост возбуждения не связан с какими-либо внешними психотравмирующими воздействиями (участники конфликта уже перестают взаимодействовать), а развивается аутохтонно, под влиянием дисгармоничной структуры личности. В конце концов обвиняемые возвращаются на место конфликта и совершают убийство.

Пример 10. Обвиняемый Ч. Воспитывался в детдоме, поскольку и отец и мать страдали хроническим алкоголизмом и находились в исправительно-трудовой колонии. Окончил школу, работал автослесарем. Был два раза осужден к лишению свободы за кражи. Его

приятель К. угрожал ему пистолетом, Ч. отобрал у него оружие, воспользовавшись состоянием наркотического опьянения К. Через несколько дней К. стал заставлять Ч. убирать труп человека, которого К. убил. Ч. отказался, тогда К. избил мать Ч. и забрал из их квартиры ценные вещи. Ч. сдержал себя и ничего по отношению к К. предпринимать не стал. Однако через день Ч. сам пришел к К. и застрелил того из пистолета. Личность Ч. характеризуется доминантностью, эмоциональной выдержанностью, в то же время его отличает высокая чувствительность и зависимость от групповых мнений. По характеру возбудимый, демонстративный, склонный к самовзвинчиванию, однако с хорошим самоконтролем. Установлен диагноз «органическое психическое расстройство»,

134

в момент совершения правонарушения отмечено «психопатоподобное возбуждение». Признан ограниченно вменяемым.

Ж. Ситуативная агрессия. У обвиняемых группы 5 механизм криминальной агрессии обусловлен взаимодействием личности с психотравмирующей или фрустрирующей ситуацией. Актуализацию ситуативных агрессивных мотивов в ответ на психотравмирующие воздействия, даже незначительные, облегчает наличие высокой базовой агрессивности в сочетании с невыраженностью тормозящих личностных механизмов. Большинство правонарушений совершается в состоянии алкогольного опьянения. Жертвы преступлений — в основном родственники и знакомые. Преобладающее психическое расстройство — психопатия возбудимого и истеро-возбудимого круга, а также органическое психическое расстройство, нередко осложненное психопатизацией личности. Около четверти обвиняемых — психически здоровые.

У обвиняемых этой группы личностные особенности отражают асоциальную агрессивность в сочетании со снижением опосредования и контроля поведения. Но, в отличие от обвиняемых, совершивших преступления по механизму непосредственной реализации агрессивных побуждений (группа 1), актуализирующихся вследствие ценностных, диспозиционных и потребностных факторов, в обсуждаемом случае высокая агрессивность связана в основном с ситуационными факторами и выступает не как мотивационная тенденция или устойчивая черта личности, реализующаяся в любых ситуациях, а как реактивная агрессивность, актуализирующаяся в ответ на психотравмирующие внешние воздействия. Как известно, для психопатических личностей и лиц с психопатоподобными состояниями круг психотравмирующих обстоятельств более разнообразен, нежели у здоровых лиц: он включает в себя психогении, адресованные наиболее слабым, уязвимым звеньям их дисгармоничной структуры психики (Антонян, Гульдман, 1991). Так, для возбудимых личностей наиболее аффектогенными являются ситуации, затрагивающие их завышенную самооценку и уровень притязаний, их склонность к независимости, к доминированию; для истерических аномальных личностей психотравмирующими являются ситуации, ущемляющие их представления о собственной личностной привлекательности, их стремление быть в центре внимания, манипулировать окружающими (Антонян, Гульдман, 1991; Кудрявцев И. А., Сафуанов, Тхостов, Савина, 1991).

Таким образом, ведущим является ситуационный психогенный механизм возникновения криминальной агрессии, которая в

135

силу недостаточности тормозящих тенденций, реализуется импульсивно, без достаточного опосредования и контроля. Этот вид криминальной агрессии частично совпадает с

«аффектогенными» мотивами преступлений, выделенными в типологии В. В. Гульдана (1986). Описанные Н. А. Ратиновой некоторые виды «привычно-неконтролируемой агрессии» (1998) также можно соотнести с реализацией высокой агрессивности в конфликтных ситуациях. Наиболее близок механизм ситуативной агрессии описанному в классификации Г. Точа (Toch, 1969) типу агрессии, свойственному компенсаторно потворствующим себе субъектам (self-indulgent compensator), отвечающим агрессивно даже на самую слабую провокацию из-за постоянного ощущения собственной недооценки со стороны окружающих.

Пример 11. Обвиняемая З., 57 лет. Воспитывалась в полной семье, в нормальных условиях. Окончила 10 классов, работала на квалифицированных работах. Дважды была замужем, разведена, детей не имеет. В последнее время жила с сожителем, который злоупотреблял алкогольными напитками. Решила с ним расстаться и выселить из своей квартиры. Когда объявила об этом сожителю, последний, находясь в состоянии алкогольного опьянения, стал угрожать ей. Внезапно схватила нож и нанесла ему три удара по туловищу. Затем хладнокровно расчленила труп и, предварительно измельчив тело, выносила части тела по частям в течение двух недель, выбрасывая их в разных местах. Личность З. характеризуется сочетанием выраженной аффективной ригидности, застреваемой враждебности со склонностью к вытеснению, а также прагматичностью установок, независимостью, достаточно высоким интеллектом. Экспертной комиссией признана вменяемой в отношении инкриминируемого ей деяния, установлен диагноз «истеро-эпилептоидная психопатия».

Пример 12. М., 21 год, обвиняется в убийстве собственного сына 5 лет. Росла в семье, где применялись в основном физические методы воспитания — за любую провинность ее били ремнем, при этом должного внимания ей не уделяли. Рано ушла из семьи, выйдя замуж в 16 лет. Родив ребенка, развелась с мужем, стала проживать с сожителем, нигде не работала. В конфликтных ситуациях наносила себе порезы на предплечье, один раз пыталась отравиться. Сын болел детским церебральным параличом и требовал повышенного внимания. Кроме того, он страдал паховой грыжей, ему должны были сделать операцию. За несколько дней до плановой операции ребенок почувствовал сильные боли и не мог заснуть, плакал и громко кричал. М. не могла успокоить его, стала его ругать, ударила. У сына произошел непроизвольный акт дефекации, М. сильно разозлилась и избивала его. Ее сожитель, придя домой, обратил внимание на непривычно тихое поведение мальчика, вызвал скорую помощь. На следующий

136

день ребенок скончался от черепно-мозговой травмы. Обвиняемая, по данным обследования, характеризовалась как очень агрессивная, при этом она считала допустимым, и даже необходимым, применение побоев в процессе воспитания детей. Выявлено, что она страдает психопатией истеро-эпилептоидного круга, вменяема.

3. Агрессия, совершаемая под влиянием эмоционального возбуждения. У обвиняемых группы 6 криминальные агрессивные действия возникают в ответ на психотравмирующие обстоятельства. Несмотря на невыраженность базовой агрессивности, редуцированность тормозящих личностных механизмов обуславливает непосредственный характер реализации реактивно возникающих агрессивных побуждений, их импульсивность и аффективный характер. Сами агрессивные побуждения возникают в структуре эмоционального возбуждения, возникновение и развитие которого связано с противоправными действиями потерпевшего.

Можно выделить два варианта обсуждаемого психологического механизма криминальной агрессии.

Первый вариант сводится к проявлению агрессии на высоте эмоционального возбуждения у лиц, не находящихся в состоянии алкогольного опьянения. Здесь влияние эмоционального состояния можно проследить в «чистом» виде. Данные реакции эмоционального возбуждения могут иметь разную глубину: в ряде случаев они достигают степени выраженности аффекта (по смыслу ст.ст. 107, 113 УК РФ). Среди аффектов преобладают классические физиологические аффекты, которые от других юридически значимых эмоциональных состояний отличает одна особенность — они не сопровождаются накоплением (кумуляцией) эмоциональной напряженности, возникают внезапно и непосредственно после фрустрирующего воздействия.

В основном эмоциональные реакции возбуждения в психотравмирующих ситуациях возникают у психически здоровых и у лиц с органическими поражениями головного мозга с эмоциональной неустойчивостью, повышенной сензитивностью. Психотравмирующие ситуации охватывают широкий спектр: среди жертв преступлений — родственники, знакомые и незнакомые.

Пример 13. Г., 37 лет, обвиняется в убийстве. Не отличался агрессивностью, но был, по данным обследования, эмоционально неустойчивым, замкнутым, импульсивным, с низким интеллектуальным уровнем. Придя в квартиру сожительницы, встретил там ее бывшего мужа. Пытался поговорить с ним, тот же неожиданно для Г. оскорбил его. Г. набросился на бывшего мужа сожительницы с кулаками и избил его. Потерпевший скончался от побоев. Комиссией экспертов у Г.

137

обнаружены последствия черепно-мозговой травмы (органическое психическое расстройство) с некоторыми изменениями психики.

Пример 14. Обвиняемый С., 31 год. Женат, имеет одного ребенка. Разводился с женой, потом снова стали жить вместе. Работал на заводе рабочим. В день совершения правонарушения вернулся домой раньше обычного. Открыв дверь, увидел свою жену и незнакомого мужчину; оба были обнаженные. Схватил металлические щипцы и совершил убийство обоих. Комиссией экспертов признан психически здоровым. Установлено, что в момент совершения инкриминируемого ему деяния находился в состоянии физиологического аффекта.

Второй вариант обсуждаемого психологического механизма агрессии — это агрессия, совершенная под влиянием не только эмоционального возбуждения, но и алкогольного опьянения. В группе 6 выделяется множество случаев, когда криминальная агрессия реализовывалась по комбинированному действию двух механизмов — эмоционального возбуждения, возникшего в психотравмирующей ситуации, и алкогольного опьянения. Механизм влияния алкогольной интоксикации на агрессивное поведение в относительно нейтральных условиях подробно обсужден при анализе данных в типологической группе 2. В психотравмирующих ситуациях этот механизм несколько трансформируется.

Во-первых, инициацию агрессивного побуждения можно связать, в первую очередь, с психотравмирующим воздействием. Роль состояния алкогольного опьянения в этом случае состоит не в том, чтобы придать угрожающий смысл относительно нейтральной ситуации, а в том, чтобы усилить смысловое восприятие ситуации как реально психотравмирующей, опасной.

Во-вторых, реализация агрессивного побуждения обусловлена не только воздействием алкоголя, проявляющим несформированность тормозящих агрессию личностных структур, но и ослабляющим эти сдерживающие структуры влиянием эмоционального возбуждения.

Взаимопотенцирующее воздействие состояний эмоционального возбуждения и алкогольного опьянения в психотравмирующей ситуации и составляет основу выделенного механизма криминальной агрессии.

Среди потерпевших преобладают знакомые — их виктимно-провоцирующее поведение в процессе совместного распития спиртных напитков чаще всего и становится причиной ответной агрессии. В этой группе (как и в группе совершивших преступления под влиянием алкогольного опьянения) преобладают лица с органическим психическим расстройством и психически здоровые.

138

Значительно реже по этому механизму совершают преступления обвиняемые с расстройствами личности, сформированными на органически неполноценной почве.

Реакции эмоционального возбуждения, возникающие в ответ на психотравмирующие воздействия на фоне алкогольного опьянения, имеют разную глубину выраженности. В случаях, когда эмоциональные реакции определялись противоправными действиями потерпевших, независимо от психопатологической почвы, на которой они развивались, и сопровождались выраженным частичным сужением сознания и дезорганизацией поведения, их возможно было квалифицировать как аффект (по смыслу ст. 107 и ст. 113 УК РФ). Как и в предыдущем виде криминальной агрессии, для эмоциональных реакций характерно непосредственное отреагирование возбуждения, без накопления эмоциональной напряженности. В ряде случаев установлено дизрегулирующее влияние на поведение психических расстройств, что влечет экспертное установление ограничения способности в полной мере осознавать и регулировать свои действия (ограниченная вменяемость).

Пример 15. Обвиняемый Б., 25 лет. Работал санитаром. Знакомый пригласил его распить бутылку водки. Процесс распития происходил на опушке леса, в легковом автомобиле. Выпив полбутылки, Б. заснул в кресле автомобиля. Проснулся от того, что его знакомый целовал его в губы и пытался расстегнуть ему брюки. Пытался убежать, но тот догнал его. Тогда Б. выхватил перочинный нож и нанес потерпевшему множественные ранения, от которых тот сразу же скончался. Экспертами установлено, что Б. психическим расстройством не страдает, является акцентуированной личностью возбудимого типа. В момент совершения правонарушения находился в состоянии физиологического аффекта.

Пример 16. Обвиняемый З., 20 лет. Официально нигде не работал, но всегда имел много денег и каждый вечер проводил в ресторанах. В возрасте 18 лет обвинялся в причинении вреда здоровью, но уголовное дело было закрыто, поскольку потерпевший забрал заявление. В день правонарушения после распития спиртных напитков на дискотеке возвращался с тремя друзьями на автомобиле домой. По дороге возникла ссора с одним из друзей из-за того, что З. хотел, чтобы все еще посидели в кафе, а тот стал пренебрежительно о нем отзываться, начал всячески демонстрировать свое превосходство, потом остановил машину и вызвал З. на улицу, «поговорить». Как только они вышли из машины, З. выхватил из кармана нож и ударил З. 3 раза потерпевшего в левую половину груди. Они повезли потерпевшего в больницу, по дороге З. выбросил нож в окно. Потерпевший по дороге скончался. В ходе

экспертизы З. пытался аггравировать, но долго эту линию поведения не выдерживал, начинал вести себя вызывающе,

139

легко возбуждался. Выяснилось, что З. страдает психопатией возбудимого круга, в момент совершения инкриминируемого ему деяния находился в состоянии эмоционального возбуждения, не достигшего степени выраженности аффекта.

И. Агрессия как разрядка накопленного эмоционального напряжения. Личностные особенности обвиняемых группы 7 отражают тормозящие влияния личностных структур разного уровня — ценностно-нормативных, эмоциональных (связанных со склонностью к чувству вины и тревожностью), диспозиционных, коммуникативных, интеллектуальных, а также свойства, связанные с подчиняемостью, осторожностью и интравертированностью. Эти особенности свидетельствуют о сформированности личностных структур, преградных по отношению к проявлению агрессивных побуждений в поведении. Для неагрессивных лиц с выраженными тормозящими проявления агрессии структурами, совершающих криминальные действия в ответ на психотравмирующие и фрустрирующие воздействия, характерно накопление эмоциональной напряженности в условиях длительной психотравмирующей ситуации, с последующей ее разрядкой в противоправных действиях.

Эмоциональная напряженность является компонентом многих психических состояний, и, в зависимости от квалификации в общепсихологических терминах ведущего психического состояния, развившегося в психогенных условиях, можно выделить 2 основных варианта кумуляции напряженности — в структуре психологического стресса и в структуре психологического конфликта. И в том и в другом случае динамика накопления эмоционального напряжения не сводится только к развитию состояния стресса или конфликта в чистом виде: эти психические состояния тесно переплетены между собой, часто сопровождаются и многочисленными фрустрациями вследствие объективных внешних воздействий или неудачных копинг-стратегий, и формированием различных психологических защитных механизмов. Однако выделяемые нами варианты отражают ведущее звено, оказывающее влияние на формирование кумуляции эмоционального напряжения. Определение этого ведущего звена важно для последующего анализа экспертных оценок преступлений, совершаемых вследствие накопленного психического напряжения.

Первый вариант — агрессия как разрядка эмоциональной напряженности кумулятивного генеза в структуре стресса, развившегося в условиях длительной психотравмирующей ситуации. По этому психологическому механизму совершают агрессивные действия обвиняемые

140

с развитыми тормозящими агрессию личностными структурами, и с невысокой исходной агрессивностью. В условиях длительной психотравмирующей ситуации, связанной с противоправными или аморальными действиями потерпевших, у них развивается психологический стресс — интегральный ответ организма на экстремальные воздействия (Селье, 1979), ведущей характеристикой которого является эмоциональное напряжение (Психологический словарь, 1996) который сопровождается дезадаптацией и различными психическими расстройствами (Александровский, 1976).

По условиям воспитания и развития эти обвиняемые — одни из самых благополучных (по показателям сиротства, неблагоприятным стилям воспитания, образовательного уровня, семейной адаптации, профессионального статуса и т. п.). Агрессия на таких стадиях хронического стресса как «сопротивление» и «истощение» направлена, как правило, на близкое окружение — родственников и знакомых. По этому психологическому механизму совершают преступления психически здоровые, лица с органическим психическим расстройством, и значительно реже — страдающие психопатией. В подавляющем большинстве случаев у них выявляются эмоциональные реакции и состояния кумулятивного генеза, ограничивающие способность к осознанию и регуляции своих действий. Прежде всего, это — кумулятивные аффекты, эмоциональное возбуждение или напряжение, оказывающие существенное влияние на сознание и поведение. В большинстве случаев уровень накопленного эмоционального напряжения настолько высок, что сопровождается неполным осознанием своих действий и их дезорганизацией.

В этот вид аффектогенной мотивации (Гульдман, 1985) агрессии, в зависимости от экспертной оценки, входят, по Н. А. Ратиновой (1998), «ситуативно-оборонительная», «обусловленная аффективной целью» и «катастрофическая» типы агрессии.

Пример 17. Обвиняемая Г., 22 лет. На протяжении ряда лет отец, страдающий хроническим алкоголизмом, издевался над ней и ее матерью, избивал их, попрекал Г. тем, что она родила ребенка, не выходя замуж. Они тяжело переживали сложившуюся ситуацию, мать развелась с мужем, но тот продолжал проживать с ними на одной жилплощади. По структуре личности Г. была робкой, осторожной, зависимой, следовала общепринятым морально-этическим нормам поведения, обладала высоким самоконтролем, легко приспосабливалась к окружающим. Вместе с тем, боялась отца, постоянно испытывала чувство вины, из-за чего трижды совершала суицидальные попытки.

141

Она никогда не проявляла агрессию к отцу, старалась уходить во время скандалов из дома. В день правонарушения ее мать пошла за внучкой в детский сад, а Г. осталась дома, у нее было простудное заболевание. Отец, вернувшись домой в нетрезвом состоянии, стал придираться к ней, оскорблять, потом ее ударил. Она, схватив лежащий рядом с ней в коридоре топор, нанесла ему 4 удара по голове, от которых тот скончался. Экспертной комиссией Г. признана психически здоровой, установлено, что она в момент убийства находилась в состоянии эмоционального возбуждения, возникновение и развитие которого связано с длительной психотравмирующей ситуацией, но которое, тем не менее, не достигло степени выраженности аффекта и не оказало существенного влияния на ее сознание и поведение.

Пример 18. Обвиняемый И., 49 лет. На протяжении 15 лет он и его семья (мать, отец, супруга, дочь и внучка) подвергались опасности со стороны сына — рецидивиста и наркомана. Тот постоянно приводил с собой в квартиру своих друзей, находившихся в состоянии наркотического опьянения, уносил из дома вещи и деньги, избивал отца, сестру, бабушку, дедушку, угрожал убийством матери, бил в доме мебель и т. п. Все попытки разменять квартиру, привлечь сына к уголовной ответственности к успеху не приводили. В майские праздники сын исчез из дома, и 10 дней семья прожила спокойно. Поздно ночью сын, находившийся в одурманенном состоянии, с компанией друзей пытался проникнуть в квартиру. И. не пустил их, они ушли, но через некоторое время его сын вернулся один. И. заметил у него в кармане финский нож и, опасаясь за жизнь и здоровье своих близких, решил лечь с сыном в одной комнате. На протяжении 3—4 часов никто из них не спал, они лежали, прислушиваясь друг к другу. Под утро сын окликнул И.: «Ты не спишь?» И. обернулся и увидел в руке сына обнаженный клинок ножа. Импульсивно вскочил, выбежал в коридор без

определенной цели, там ему на глаза попался моток электропровода (И. работал электромонтером). Вставил голые провода в розетку, вбежал в комнату и, приложив другой конец оголенных проводов к груди сына, держал их несколько минут. После этого разбудил родных, вызвал милицию и скорую помощь. У И. были обнаружены остаточные явления органического поражения головного мозга. Установлено, что в момент совершения инкриминируемого ему деяния он находился в состоянии выраженного эмоционального напряжения (кумуляция которого связана с длительной психотравмирующей ситуацией), оказавшего существенное влияние на его сознание и поведение, и не мог в полной мере осознавать значение своих действий и осуществлять их произвольную волевую регуляцию.

Пример 19. К., 53 лет, обвиняется в покушении на убийство. Пенсионер, раньше занимал высокий пост. Незадолго до совершения преступления пережил смерть жены, остался с двумя дочерьми старшего школьного возраста. Переболел депрессией невротического уровня, некоторое время злоупотреблял спиртными напитками. Но после

142

того, как его младшая дочь была изнасилована незнакомыми людьми, понял, что мало занимается воспитанием детей, бросил пить, «дал себе клятву у могилы жены поставить дочерей на ноги». В день правонарушения отмечали день рождения старшей дочери, были приглашены молодые люди, была и подруга его покойной жены. На столе было мало спиртного, праздник протекал без эксцессов, среди гостей пьяных не было — поэтому К. спокойно пошел провожать подругу жены. У нее они немного посидели, попили чай, вспоминали его супругу, после чего К. пошел домой. Войдя в квартиру, он увидел, что гости уже разошлись, дверь в комнату дочерей была закрыта. Он решил, что дети легли спать, пошел на кухню и помыл посуду, убрал со стола. Начал чистить картошку, в процессе чистки решил посмотреть на дочерей и пошел в их комнату с кухонным ножом в руке. Открыв дверь в их комнату, он увидел, что младшая дочь лежит у себя в кровати, а старшая дочь лежит в постели с одним из гостей — оба обнаженные. Подскочил к ним, поднял юношу и велел ему убираться. Тот спросонья сказал: «Отец, дай поспать», в ответ на это К. внезапно ударил его один раз ножом в бок. Потерпевший очнулся, оделся и ушел из квартиры. Комплексная психолого-психиатрическая экспертная комиссия пришла к выводу, что К. страдает органическим психическим расстройством сложной этиологии, в момент совершения инкриминируемого ему деяния находился в состоянии кумулятивного аффекта.

Второй вариант обсуждаемого психологического механизма криминального поведения — агрессия как разрядка эмоциональной напряженности кумулятивного генеза в структуре личностного конфликта, развившегося в условиях длительной психотравмирующей ситуации. Личностный конфликт проявляется в сфере самосознания как столкновение ценностей, мотивов, целей, субъективно переживаемых как желания, намерения, побуждения, при примерном равенстве их интенсивности или значимости (Lewin, 1935; Festinger, 1957; Miller, Swanson, 1960; Homey, 1966; Трусков, 1980), что приводит к субъективному ощущению их неразрешимости (Васильев, 1984, с. 45). Неразрешимость психологического конфликта может быть обусловлена как внутренней структурой личности (интрапсихический конфликт), так и внешними обстоятельствами (интерпсихический конфликт), но чаще всего носит смешанный характер (Амбрумова, Тихоненко, 1980). Длительный личностный конфликт приводит к росту эмоциональной напряженности, в генезе которой можно выделить и влияние психотравмирующей ситуации, и роль индивидуально-психологических особенностей, препятствующих разрешению внутреннего противоречия.

143

Психологический анализ проведенных КСППЭ показывает, что личностный конфликт, лежащий в основе кумуляции эмоциональной напряженности, разрядкой которой являются криминально-агрессивные действия, переживается обвиняемыми в двух основных формах — ревности и нежеланной беременности.

Личностный конфликт в виде ревности как юридически значимое эмоциональное состояние в психологической экспертизе выделен Л. В. Алексеевой, которая определяет ревность как амбивалентное переживание любви и ненависти одновременно (1997, с. 72—78). В самонаблюдении это переживание выступает как нечто цельное, неразделимое, хотя любовь подогревает ненависть и, напротив, отрицательные чувства усиливают чувство любви (Рубинштейн, 1946). Конфликт в виде ревности держит человека в постоянном напряжении (Leongard, 1963), и это напряжение может разрешиться только при реализации какой-либо стороны конфликта — либо любви, либо ненависти. В поле зрения КСППЭ попадают лишь те субъекты, у которых конфликт в виде ревности завершается агрессивной разрядкой накопленного эмоционального напряжения.

По описываемому механизму совершают агрессивные преступления в основном мужчины, как правило, люди зрелого возраста. Во всех случаях обвиняемые ревнуют к своим супругам, но жертвами убийства в большинстве случаев являются не жены, а реальные или мнимые «соперники» самих обвиняемых. Большинство таких обвиняемых страдают органическим психическим расстройством или психопатией, гораздо реже встречаются психически здоровые.

Почти во всех случаях уровень эмоциональной напряженности, обусловленный личностным конфликтом, настолько высок, что на высоте самого напряжения или сменившего его эмоционального возбуждения и аффекта, обвиняемые не способны в полной мере осознавать окружающую реальность, свои действия, не могут полноценно опосредовать и контролировать свои агрессивные побуждения: у них диагностируется кумулятивный аффект, а также эмоциональное возбуждение или напряжение, оказавшие существенное влияние на сознание и поведение. В ряде случаев устанавливается ограниченная вменяемость.

Пример 20. Обвиняемый П., 26 лет. Учился во вспомогательной школе, не закончил 8 классов, устраивался на временные работы. Дважды судим. Вернувшись из мест заключения, женился. Родился ребенок, который умер в 1 год 2 месяца. После этого стал ревновать

144

свою жену к знакомому А., за два месяца до совершения преступления пытался объяснить с ним, но, не найдя взаимопонимания, стал угрожать ему топором, после чего А. скрылся. В день правонарушения П. в рабочее время подошел к работе жены, заглянул в окно и увидел, что жена целуется с А. Побежал домой, взял нож, «чтоб защищаться». Ждал жену с А. у подъезда, наблюдал, как они расставались, затем пошел за А. Тот заметил П., стал его оскорблять, пренебрежительно отзываться о нем как о мужчине, потом ударил П., в ответ П. выхватил нож и нанес А. множественные ножевые удары, от которых тот скончался. Суд, не назначая никакой экспертизы, квалифицировал его преступление по ст. 107 УК РФ, но адвокат потерпевшего написал кассационную жалобу, в которой требовал назначения КСППЭ, оспаривая «внезапность» возникшего сильного душевного волнения. Экспертной комиссией было установлено, что П. обнаруживает последствия раннего органического поражения головного мозга, сделан вывод о том, что в момент совершения убийства П.

находился в состоянии аффекта, возникновение и развитие которого обусловлено длительной кумуляцией эмоционального напряжения.

Личностный конфликт в форме нежеланной беременности подробно и разносторонне описан в работах В. И. Брутмана с соавт. (Брутман, Еникополов, Радионова, 1995; Брутман, Радионова, 1998) при клинико-психологическом исследовании матерей-«отказниц», оставляющих своих новорожденных детей в родильном доме. Ими выделены психологические особенности переживания нежеланной беременности с такими крайними вариантами, как «атиофориогнозия» (тиофория по-гречески означает беременность) с вытеснением отрицательных переживаний и эйфорическим фоном настроения и как «гиперпатия» с негативным фоном настроения и поисками путей плодоизгнания. В большинстве случаев формируются не крайние варианты, а амбивалентные эмоциональные переживания будущих матерей (Саватье, 1982; Lebovici, 1988; Bonnet, 1992; Марконе, 1993), что подтверждается и данными наших наблюдений: вытеснение интрацептивной сигнализации о беременности сочетается с попытками избавления от плода, при этом своеобразная анозогнозия на собственную беременность у обвиняемых в убийстве новорожденных превалирует, определяя пассивность и социальную изоляцию беременных женщин. Глубокий личностный конфликт между желанием родить ребенка и требованиями окружающих избавиться от плода, а чаще — между желанием родить и собственными референтными представлениями о греховности, недопустимости внебрачного материнства, обуславливает кумуляцию эмоционального напряжения. У таких женщин формирование психологических защитных механизмов

145

сочетается с попытками совладающего поведения, которые оказываются неэффективными, в первую очередь, из-за объективного стечения обстоятельств (распознавание своей беременности на поздних сроках, вследствие чего оказывается невозможным легальное ее прерывание; желание родить в другом городе с дальнейшим оставлением новорожденного в роддоме, не реализуемое из-за материальных затруднений). Это, в свою очередь, оказывается дополнительными фрустрациями, что обуславливает усугубление внутреннего конфликта и дальнейший рост эмоциональной напряженности. В состоянии выраженной эмоциональной напряженности поведение матери при родах определяется аффективной мотивацией, что снижает ее возможность адекватно оценивать окружающее и свои действия.

По этому механизму развиваются агрессивные действия против новорожденных детей у женщин (как правило, от 18 до 30 лет), забеременевших вне брака или в результате изнасилования. Они скрывают свою беременность, часто даже от родителей. Практически у всех формируются неправильные представления о сроках беременности (в сторону занижения срока), вследствие чего наступающие роды для них самих становятся субъективно неожиданными — по их расчетам, они должны были наступить гораздо позже. Кроме того, роды у многих происходят вне дома.

Пример 21. С., 17 лет, обвиняется в убийстве своего новорожденного ребенка. При клинико-психологическом освидетельствовании испытуемой выяснилось, что она росла в среднеазиатском селе, воспитывалась в многодетной семье, где доминировали патриархальные обычаи и традиции: авторитарность отца, традиционное распределение ролевых функций в семье, особенности полового воспитания (осуждение добрачных половых связей, вывешивание простыни во дворе после первой брачной ночи). Беременность у нее наступила вследствие изнасилования ее незнакомыми мужчинами в период обучения на последнем курсе СПТУ. О случившемся никому не рассказывала, боялась «позора для семьи», изгнания из дома. Считала, что, если об этом узнают, то никогда не сможет выйти

замуж. При этом не обращалась в женскую консультацию, не осуществляла попыток прервать беременность. Не знала, что делать, о будущем старалась не думать. Осенью, по настоянию родителей поехала поступать в один из подмосковных техникумов, где, проживая на квартире у знакомых, неожиданно для себя родила ребенка. В период, непосредственно предшествующий родам, почувствовала недомогание, не связала это с родами, считала, что у нее болит живот. Когда ребенок закричал, утопила его в бачке с водой. Эксперты пришли к выводу, что С. психическим заболеванием не страдает, а также не обнаруживает признаков

146

какого-либо болезненного расстройства психики, которые лишали бы ее возможности отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими. У С. выявились следующие индивидуально-психологические особенности: стремление строить свое поведение в соответствии с ожиданиями значимых других людей и их ценностными ориентациями; покорность, подчиняемость, повиновение своим родителям (даже при внутреннем несогласии с ними), боязнь их ослушаться; особо значимой является система ценностей, включающая усвоение местных национальных обычаев и традиций (в том числе и касающихся регуляции половой жизни женщин); кроме того, С. свойственны сдержанность, тенденция не раскрывать свои чувства и переживания, трудности принятия самостоятельных решений, особенно в субъективно сложных ситуациях. Эти особенности обусловили накопление выраженного эмоционального напряжения и оказали существенное влияние на ее поведение в исследуемой ситуации — сокрытие факта изнасилования и беременности от окружающих; непосредственно в момент совершения инкриминируемых ей действий эти личностные особенности привели после неожиданных для нее родов к возникновению состояния эмоциональной напряженности в сочетании с крайней растерянностью, с боязнью, что о рождении ребенка узнают ее родители и жители ее села, с ощущением субъективной безвыходности и доминированием мотивации скрыть рождение ребенка, спрятать его. Это обусловило сужение выбора возможных вариантов поведения и ограничение способности к прогнозированию возможных последствий своих поступков в исследуемой ситуации. В данном примере прослеживается влияние на сознание и поведение не только эмоционального состояния, но и индивидуально-психологических особенностей: черт личности, характерологических свойств, а также ценностных ориентаций, обусловленных социо- и этнокультуральными факторами.

Анализ различных вариантов экспертного понятия «аффект» показывает, что, несмотря на то, что большинство исследователей объединяют непосредственные формы эмоционального отреагирования и интенсивные эмоции, возникшие вследствие длительной кумуляции эмоционального напряжения, в единое понятие «физиологического аффекта», механизмы этих двух классов аффектов принципиально различны. При физиологическом аффекте эмоциональное возбуждение возникает в связи с оценкой биологической или психологической значимости стимула (Вальдман, 1994, с. 139—142), а при кумулятивном аналогичное возбуждение детерминировано эмоциональной оценкой результата действия (Вальдман, 1994, с. 137—138; Анохин, 1975) на фоне эмоционального напряжения при превышении возможностей «барьера психологической адаптации» (Александровский, 1976).

147

К. Агрессия в состоянии декомпенсации. Этот механизм агрессии описан в психиатрических работах (Шостакович, 1998) и сводится к срыву компенсаторных и гиперкомпенсаторных механизмов, выработанных аномальной личностью в ходе социальной адаптации. Обычно в клинических работах компенсации рассматривают как вторичные характерологические свойства, устраняющие первичные психопатические особенности личности (Морозов,

Шубина, 1973). Основной функцией компенсаторных механизмов является, по мнению Г. К. Ушакова (1978, с. 252), самовоспитание и самокоррекция. Иными словами, компенсаторные механизмы при расстройствах личности выполняют, на наш взгляд, в основном роль диспозиционных личностных структур, сдерживающих проявления дезадаптивных черт личности, в частности агрессивность. При изменениях ситуационных условий (особенно при психотравмирующих воздействиях) попытка адаптации к ним за счет компенсаторных характерологических свойств оказывается неэффективной и приводит к декомпенсации. Срыву компенсаторных структур личности нередко предшествует гиперкомпенсация и псевдокомпенсация, что только усугубляет личностную дисгармоничность и ускоряет дезадаптацию (Шубина, Боброва, 1976).

Все вменяемые обвиняемые (с расстройствами личности, нередко на фоне органического психического расстройства), совершающие правонарушения в состоянии декомпенсации, не могут в криминальной ситуации в полной мере осознавать значение своих действий и руководить ими, у них устанавливается «ограниченная вменяемость».

Пример 22. В., 20 лет, обвиняется в насильственных действиях по отношению к начальнику, во время исполнения обязанностей военной службы. После тяжелых учений, во время которых приходилось спать всего по 3—4 часа в сутки, в наряде отказался выполнить приказ дежурного офицера — чистить туалет. Офицер пообещал привлечь его к уголовной ответственности за неисполнение приказа. Той же ночью, продолжая пребывать в наряде, неожиданно ударил штык-ножом дежурного офицера в спину, после чего убежал из части. Комиссией экспертов В. установлен диагноз «органическое психическое расстройство со стойкими невротоподобными расстройствами и склонностью к декомпенсациям». Определено, что в момент совершения правонарушения он находился в состоянии декомпенсации, что определило ограничение его способности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

В целом, у неагрессивных людей со сформированностью личностных структур разного уровня, тормозящих проявления агрессии,

148

совершающих преступления в психотравмирующих ситуациях (типологическая группа 7), психологический механизм криминальной агрессии сводится к длительному накоплению (кумуляции) эмоциональной напряженности, с последующей его разрядкой в ответ на очередное психотравмирующее воздействие. Эмоциональная напряженность выступает как ведущий компонент стресса или личностного конфликта, развивающихся в экстремальных условиях длительной психотравмирующей ситуации, связанной с провоцирующим поведением потерпевших, или как следствие психогенной декомпенсации личностных образований, оказывающих тормозящее влияние на проявления агрессии.

Таким образом, анализ практики КСППЭ позволяет выделить 10 вариантов механизмов агрессивных преступных действий (рис. 15, 16).

Первый вариант сводится к непосредственной реализации агрессивных побуждений, которые могут быть связаны с антисоциальными ценностями, чертами личности, агрессивными влечениями, то есть агрессия носит ценностный, диспозиционный и потребностный характер (1 группа криминальной агрессии).

Второй вариант раскрывает механизм влияния на поведение состояния алкогольного опьянения. Алкогольная интоксикация обуславливает генерализацию угрожающего смысла

ситуаций, что вызывает агрессивные побуждения, которые не контролируются из-за слабой выраженности компенсаторных механизмов, способных либо снизить субъективную значимость ситуации, либо препятствовать прямому проявлению агрессивности в поведении (1 и 2 группы).

Третья разновидность мотивации демонстрирует механизм группового влияния на агрессивное поведение: отсутствие тормозящих личностных структур приводит к неосознанной частичной идентификации с лидером неформальной группы и, как следствие, снятию личной ответственности за совершенные преступления (2 группа).

Четвертый вариант раскрывает роль личностной незрелости и интеллектуальной недостаточности в генезе агрессивных поступков: обвиняемые с умственной недостаточностью не могут соотнести возможности и требования ситуации со своими личностными ресурсами (2 и 6 группы).

Пятый тип демонстрирует механизм инструментальной агрессии: лица с выраженными личностными структурами, тормозящими проявления агрессии, совершают криминальные поступки,

149

осознанно соподчиняя их неагрессивным мотивам или целям (3 группа).

Шестой вариант описывает отсроченную из-за повышенного самоконтроля реализацию агрессивных побуждений, интенсифицирующихся в результате самовзвинчивания, при этом агрессия выступает не как разрядка выраженных эмоций, а как проявление личностной агрессивности (4 и 8 группы).

Рис. 15. Психологические механизмы криминальной агрессии в нейтральных ситуациях

Седьмой вариант раскрывает роль психотравмирующих воздействий, которые актуализируют высокую агрессивность. Агрессивность может выступать как реализация асоциальных ценностей или определенных личностных черт в ответ на фрустрацию (5 группа).

В восьмом виде механизма криминальной агрессии большую роль играют фрустрационные ситуативные факторы, вызывающие эмоциональное возбуждение или напряжение. Дефицитарность подавляющих агрессию структур личности обуславливает непосредственную разрядку выраженных эмоций в противоправном поведении (6 группа). Вариантом этого механизма является комбинированное действие эмоционального возбуждения и состояния алкогольного опьянения. Возникновение и реализация агрессивного побуждения облегчается как выраженным эмоциональным возбуждением, так и состоянием опьянения (6 группа).

150

При девятом типе агрессивного поведения, наряду с ситуативными психотравмирующими факторами, существенное значение приобретают и личностные переменные: тормозящие агрессию тенденции приводят к кумуляции эмоциональной напряженности, которая разряжается в агрессивных действиях по механизму «последней капли». В одном случае

происходит разрядка накопленного напряжения в структуре стресса, а в другом — накопление напряжения связано в большей мере с глубоким внутриличностным конфликтом — при нежеланной беременности или в состоянии ревности (7 группа).

Десятый вид мотивации связан с разрушением тормозящих агрессию диспозиционных личностных структур в психотравмирующей ситуации — психопатической декомпенсацией.

Рис. 16. Механизмы криминальной агрессии в психотравмирующих ситуациях

3.4. Гендерные различия

Сравнительный анализ основных криминологических показателей у обвиняемых мужского и женского пола выявляет различия по нескольким параметрам (Сафуанов, Дмитриева, 2000; Сафуанов, 2001). У мужчин выше уровень рецидивной преступности, они чаще совершали агрессивные деяния в состоянии алкогольного опьянения. У женщин достоверно чаще жертвами криминальной

151

агрессии являлись родственники и дети (в том числе и новорожденные), причем эта закономерность сохранялась при сравнении потерпевших как в нейтральных ситуациях, так и в психотравмирующих условиях. У мужчин, в свою очередь, жертвами агрессии оказывались как знакомые, так и незнакомые люди. У женщин, следовательно, преобладает внутрисемейная криминальная агрессия.

Сравнение количества агрессивных преступлений, совершенных женщинами в нейтральных и фрустрирующих ситуациях, показывает, что криминальная агрессия женщин (по материалам судебных психолого-психиатрических экспертиз) — это прежде всего агрессия в ответ на психотравмирующие воздействия.

При этом по психологическому механизму непосредственной реализации агрессивности и механизму проявления агрессии под влиянием алкогольного опьянения женщины совершали преступления реже мужчин, а по механизму кумулятивных аффективных правонарушений (агрессия как разрядка эмоциональной напряженности) женщины совершали преступления чаще. Сравнение экспертных клинико-психологических оценок также подтверждает выявленную закономерность: в большинстве случаев у женщин установлены эмоциональные состояния, ограничивающие их способность к полноценной оценке и регуляции своих действий, кумулятивного генеза (кумулятивный аффект, эмоциональное возбуждение и напряжение, оказывающее существенное влияние на их сознание и поведение), тогда как физиологический аффект (то есть эмоциональная реакция, наступившая непосредственно в ответ на фрустрацию) был определен только у единичных обвиняемых.

Эти данные свидетельствуют о том, что у женщин не только более развиты тормозящие агрессивность личностные структуры, но и основным механизмом переживания, переработки конфликтной ситуации, является «терпение», как приспособление к психотравмирующим условиям путем перестройки сознания (Василук, 1984), что обусловлено, вероятно, не только социальными, но и биологическими факторами (Иммерман, Качаева, Сафуанов и др., 1996; Качаева, 1999). Криминологический анализ жертв агрессивных преступлений показывает преобладание близких родственников (внутрисемейного окружения). Этот факт подтверждают данные других исследований

(Антонян, 1992; Malquist, 1966), что позволяет сделать вывод, что женская криминальная агрессия — это преимущественно агрессия, обусловленная не агрессивностью как свойством личности, а взаимодействием психотравмирующих воздействий,

152

имеющих повышенную субъективную значимость, с личностными механизмами опосредования и контроля своих действий. Этот вывод косвенно подтверждается и результатами психолого-биохимических исследований (Коган, Дроздов, Наумович и др., 2000). Фрустрация может приобретать настолько высокую интенсивность, что в некоторых случаях приводят к разрушению биологических связей (убийство новорожденных детей). При этом ситуация нередко становится психотравмирующей, как это ни парадоксально, в силу глубокой интериоризации социально одобряемых норм: так, при жестком усвоении определенных культурально и этнически обусловленных традиций (например, недопустимость добрых половых связей) беременность в результате изнасилования будет восприниматься как разрушение сложившегося смыслового образа своего Я.

3.5. Роль психических расстройств в психологических механизмах криминальной агрессии

3.5.1. Криминогенность психических расстройств

Проблеме соотношения психических аномалий с преступностью посвящено множество исследований в криминологии, психологии и психиатрии (см., например, цитированные работы Ю. М. Антоняна, С. В. Бородина, В. В. Гульдана, Ф. В. Кондратьева, В. П. Котова, Н. Ф. Кузнецовой, В. Н. Кудрявцева, И. А. Кудрявцева, М. М. Мальцевой, Б. В. Шостаковича и др.). В настоящее время достаточно общепризнанным является положение о том, что сами по себе психические расстройства являются не причиной преступного поведения, а выступают как его внутреннее условие. Это условие раскрывается в формировании личностных особенностей, играющих главную роль в мотивации противоправных действий, под влиянием расстройств психики (Антонян, Гульдман, 1991, с. 38—39) в онтогенетическом плане, а также во взаимодействии психопатологических синдромов с ценностной сферой личности и ситуационными переменными (Кондратьев, 1987) при анализе актуального генеза преступной мотивации.

Механизмы криминальной агрессии носят в целом внемозологический характер. Они зависят не от характера психической аномалии, а коррелируют с определенными типами взаимодействия личностных и ситуационных факторов (рис. 16, 17).

153

Для обвиняемых с выраженной агрессивностью и недостаточной сформированностью личностных структур, тормозящих проявления агрессии, характерна непосредственная реализация агрессивности ценностного, диспозиционного и потребностного уровней в нейтральных ситуациях (1 группа) и ситуативная актуализация высокой агрессивности при психотравмирующих воздействиях (5 группа). Агрессивные действия лиц с невыраженностью и агрессивности, и личностных структур, подавляющих агрессию, в нейтральных ситуациях определяются влиянием алкогольной интоксикации, субъективно значимого авторитета или инфантилизма (2 группа), а также психотравмирующими ситуативными воздействиями, обуславливающими непосредственную разрядку возникающего эмоционального возбуждения (6 группа). Психологический механизм инструментальной агрессии, проявляющийся в нейтральных ситуациях, свойственен

неагрессивным и хорошо контролирующим себя обвиняемым (3 группа). Для агрессивных обвиняемых с чертами личности компенсаторными по отношению к агрессивности характерна отсроченная из-за повышенного самоконтроля реализация агрессивных побуждений (4 и 8 группы). У неагрессивных лиц с наличием сформированных личностных структур, опосредующих и контролирующих агрессивные побуждения, в механизме агрессивного поведения, наряду с ситуативными психотравмирующими факторами, существенное значение приобретают и личностные переменные: тормозящие агрессию тенденции приводят к кумуляции эмоциональной напряженности в структуре стресса и личностного конфликта, которая разряжается в агрессивных действиях. Разрушение тормозящих агрессию личностных структур может быть связано и с личностной декомпенсацией в психотравмирующей ситуации (7 группа).

Как видно, некоторые типы механизмов криминальной агрессии в большей степени определяются личностными особенностями и внутренними факторами, и роль ситуативных воздействий в них минимальна — например, влияние состояния алкогольного опьянения на генез агрессивных действий проявляется и в нейтральных, и в психотравмирующих условиях; у дисгармоничных агрессивных личностей с хорошим самоконтролем их склонность к самовзвинчиванию влияет на реализацию агрессивных побуждений также вне зависимости от характера ситуации. В других механизмах ситуационные переменные приобретают большее значение, особенно — длительная психотравмирующая ситуация. Тем

154

не менее, во всех выделенных разновидностях агрессии их психологический механизм невозможно понять без анализа взаимодействия личностных и ситуационных переменных.

Каким же образом проявляется, и проявляется ли вообще, роль психических расстройств в генезе криминальной агрессии? Для выяснения этого вопроса проведем сопоставительный анализ характера психических расстройств, во-первых, с типами криминальной агрессии, во-вторых, с психологическими механизмами криминальной агрессии.

3.5.2. Психические расстройства и типы криминальной агрессии

В группе 1 доминирующими являются диагнозы «органическое психическое расстройство» и «расстройство личности (психопатия)». Психопатические личности — это в основном аномальные личности истеро-возбудимого и мозаичного круга. Среди органических расстройств больше распространено (по сравнению с их резидуальными формами) текущее заболевание.

В группе 2 преобладают лица с органическими нарушениями, примерно с равным количеством протекающих органических заболеваний и остаточных явлений органического поражения мозга. Так же, как и в предыдущей группе, круг личностных расстройств составляют психопатии истеро-возбудимого круга и мозаичной структуры. В этой группе больше всего лиц, больных алкоголизмом.

В группе 3 — в основном психически здоровые, чуть меньшее число — лица с органическим поражением мозга, и реже — обвиняемые с расстройствами личности. Среди лиц с органическими расстройствами преобладают больные с резидуальной формой.

В группе 4 — обвиняемые с диагнозами «психически здоров», «расстройство личности» и «органическое психическое расстройство».

В группе 5, так же как и в группе 1, чаще всего ставились диагнозы «органическое расстройство» и «расстройство личности (психопатия)». Психопатические личности — в основном истеро-возбудимого и мозаичного круга.

В группе 6, аналогично группе 2, больше всего лиц с органическими поражениями головного мозга. Психически здоровых существенно меньше, и совсем редко встречаются психопатические личности.

В группе 7, как и в группе 3, больше всего психически здоровых. Их число преобладает над количеством лиц с органической и

155

личностной патологией. Среди психопатических личностей самые частые — аномалии тормозимого и мозаичного круга.

Наконец, в группе 8 количество лиц с обсуждаемыми диагнозами распределяется примерно поровну, так же, как и в группе 4.

Таким образом, выявляются некоторые корреляции между клинической диагностикой и типом криминальной агрессии. Эти корреляции зависят, как показывает сравнительное исследование, не от характера ситуации, в которых совершается преступление, а от личностных особенностей, определенного соотношения базовой агрессивности и личностных структур, оказывающих тормозящее влияние на проявление агрессивности и агрессивных побуждений в поведении.

Преобладание агрессивности при недостаточной выраженности тормозящих агрессию структур личности характерно прежде всего для психопатических личностей со стеническими (истеро-возбудимыми, эпилептоидными, паранойяльными) проявлениями (группы 1 и 5). Органические психические расстройства (и хронический алкоголизм) в большей мере связаны с отсутствием агрессивности при дефицитности личностных структур, оказывающих тормозящее влияние на реализацию агрессивных импульсов (группы 2 и 6). У психически здоровых в целом преобладающим сочетанием является сформированность тормозящих проявления агрессии личностных структур разного уровня при невыраженности агрессивности как черты личности (группы 3 и 7).

3.5.3. Психические расстройства и психологические механизмы криминальной агрессии

3.5.3.1. Психически здоровые

Для психически здоровых характерны практически все выделенные нами психологические механизмы агрессивных преступлений, за исключением криминальной агрессии при инфантилизме и при декомпенсации. Наиболее типичные для психически здоровых агрессивные действия — это инструментальная агрессия и агрессия как разрядка накопленной в условиях психотравмирующей ситуации эмоциональной напряженности.

Таким образом, наиболее характерные агрессивные действия, которые совершают психически здоровые, связаны с низким уровнем их исходной агрессивности и высоким уровнем сформированности личностных структур, тормозящих проявления агрессии.

В нейтральных ситуациях агрессивные намерения психически здоровых формируются, соподчиняясь мотивам более высокого

156

уровня, которые не являются сами по себе агрессивными — но для их реализации психически здоровые осознанно избирают агрессивный способ (инструментальная агрессия) как наиболее предпочтительный.

В психотравмирующих ситуациях эти же личностные структуры (и их взаимодействие) определяют длительное воздержание от агрессивных действий, что приводит к накоплению эмоциональной напряженности в структуре стресса или личностного конфликта, которые сопровождаются и разнообразными фрустрациями. Агрессия в этом случае выступает как разрядка эмоционального напряжения, ослабляющая способность субъекта (в основном регулирующую на смысловом уровне — личностными ценностями) к опосредованию и контролю своих действий.

При совершении агрессивных действий по механизму непосредственной реализации агрессивности у психически здоровых агрессивность выступает на смысловом уровне — как антисоциальные и асоциальные личностные ценности. При отсроченной агрессии у психически здоровых была диагностирована акцентуация личности по возбудимому типу, с доминированием черт возбудимости и склонности к самовзвинчиванию.

В целом, для психически здоровых в генезе криминально-агрессивных действий, при всем их разнообразии, ведущую роль играет смысловая регуляция: в относительно нейтральных ситуациях агрессия определяется направленностью асоциальных ценностей личности, а в психотравмирующих условиях — ценностная ориентация является регулятором опосредования и контроля агрессивных побуждений, что обуславливает кумуляцию напряжения с последующей ее разрядкой, чаще не в полной мере осознаваемой и регулируемой.

3.5.3.2. Расстройства личности (психопатии)

При психопатиях криминальная агрессия также протекает по разнообразным механизмам, за исключением убийств новорожденных детей и преступлений, связанных с личностной и интеллектуальной незрелостью. Наиболее характерные для психопатических личностей механизмы агрессии — это преступления, совершенные при декомпенсации, а также непосредственная или ситуативная реализация собственной агрессивности.

Агрессивность у лиц с личностными расстройствами связана не только и не столько с антисоциальной направленностью ценностей, сколько с определенными чертами характера — демонстративностью,

157

возбудимостью, эксплозивностью, эпилептоидностью, паранойяльностью. Тормозящие агрессию личностные структуры также носят в основном не ценностный и социально-нормативный характер, а тесно связаны с чертами личности, формирующимися как компенсация черт личности, обуславливающих дезадаптацию лиц, страдающих психопатией. Таким образом, регуляция поведения у психопатических личностей протекает в основном на диспозиционном уровне — черты личности выступают и как источник агрессивных побуждений (Гульдман, 1985), и как инстанция контроля этих побуждений.

Ценностная, смысловая регуляция деятельности, как показано в некоторых экспериментальных работах (см., например, Кудрявцев И. А., Сафуанов, Васильева, 1985), у психопатических личностей существенно изменена, а в конфликтных, психотравмирующих, фрустрирующих ситуациях перестает оказывать влияние на целевой уровень деятельности. Иными словами, по сравнению с психически здоровыми, осуществляющими смысловую регуляцию деятельности (разные варианты этой регуляции можно проследить и в механизмах криминальной агрессии, осуществляемой здоровыми обвиняемыми), при психопатии регуляция поведения, в том числе и криминального, осуществляется личностными структурами более низкого уровня. Клинически это проявляется в отмечаемом психиатрами неумении психопатических личностей использовать прошлый опыт, в основе которого лежит недостаточная сформированность ценностной смысловой сферы.

3.5.3.3. Органическое психическое расстройство

Обвиняемые с органическим психическим расстройством совершают агрессивные преступления по разнообразным механизмам — практически в каждом выделенном психологическом механизме агрессии некоторая часть обвиняемых страдает органическим поражением головного мозга.

Это объясняется прежде всего тем, что группа органических психических расстройств объединяет как стабильные (резидуальный характер поражения), так и прогрессивные состояния (текущее заболевание), а также тем обстоятельством, что в качестве ведущего могут выступать различные синдромы (Вандыш-Бубко, Усюкина, Андреева и др., 1998, с. 92):

— психоорганический (малодифференцированные в структурном отношении умеренно выраженные расстройства органического генеза);

158

— органическое личностное расстройство (психопатоподобные состояния);

— несформированное личностное расстройство (эмоционально-волевая неустойчивость);

— легкое когнитивное расстройство (интеллектуальная незрелость).

Рассмотрим роль этих синдромов в отдельных психологических механизмах криминальной агрессии.

При непосредственной реализации агрессивности ведущими расстройствами являются психоорганический синдром и психопатоподобные состояния.

При психоорганическом синдроме доминирует реализация агрессивности потребностного уровня — большинство обвиняемых совершили убийства, сопряженные с изнасилованием, а один из них обвинялся в серийных сексуально обусловленных убийствах. При психопатоподобных состояниях мотивация агрессивных действий схожа с мотивацией, присущей психопатическим личностям: агрессивность носит диспозиционный характер, связана с такими чертами личности, как возбудимость, подозрительность, злопамятность, epileptoидность и т. п.

При агрессии, совершаемой под влиянием алкогольного опьянения, также велика доля обвиняемых с психоорганическим синдромом и психопатоподобными состояниями, но у

обвиняемых в этой группе отмечается большое количество лиц с органическими нарушениями, у которых диагностирован хронический алкоголизм.

Все обвиняемые с органическим расстройством и одновременно с хроническим алкоголизмом характеризуются умеренно или мало выраженным психоорганическим синдромом. В психологическом механизме этого вида криминальной агрессии, таким образом, проявляются особенности психики, обусловленные органическим расстройством, развившимся вследствие хронической алкоголизации. Воздействие этих факторов приводит к снижению всех психических функций, в том числе — и к недостаточности способности к опосредованию и контролю своих действий (что клинически обычно диагностируется как эмоциональная и волевая неустойчивость). Дефицитарность личностных структур, тормозящих проявления агрессивных побуждений, играет основную роль в механизме агрессивных действий под влиянием состояния опьянения. Эта же закономерность сохраняется и при совершении агрессивных преступлений в состоянии алкогольного опьянения,

159

совершаемых лицами с органическим психическим расстройством и алкоголизмом в психотравмирующих ситуациях.

При агрессии, совершаемой под влиянием психической незрелости, все случаи обусловлены интеллектуальной недостаточностью лиц с органическими нарушениями. Основную роль здесь играет интеллектуальное и личностное недоразвитие обвиняемых, влияющее на звено принятия решения и обуславливающее неправильную оценку ситуации и недостаточный прогноз возможных последствий своих действий (Антонян, Гульдман, 1991; Горинов, Николаева, 2000).

При агрессии, возникающей в структуре эмоционального возбуждения, также преобладают лица с органическими расстройствами. В этом случае основную роль играет также свойственная лицам с органическими нарушениями недостаточность развития личностных структур, тормозящих проявления агрессии. Агрессивные побуждения, возникающие в ответ на психотравмирующие воздействия при нарастании эмоционального возбуждения, реализуются непосредственно, минуя какие-либо опосредующие звенья и самоконтроль.

При анализе других механизмов ярко выраженной специфики влияния органического психического расстройства на особенности мотивации не выявляется. Следует отметить, что в этих случаях (инструментальная агрессия, агрессия как разрядка эмоционального напряжения в условиях длительной психотравмирующей ситуации) преобладают лица с легкими нарушениями психики стабильного, непрогредиентного, характера — преимущественно больные с резидуальными формами органических расстройств, остаточными явлениями раннего поражения мозга. Видимо, в этих механизмах криминальной агрессии большую роль играют индивидуально-психологические особенности, не связанные с психическим заболеванием. Поэтому эти виды мотивации можно рассматривать как подчиняющиеся тем же закономерностям, что и у психически здоровых лиц.

3.5.3.4. Алкоголизм

Для лиц с хроническим алкоголизмом наиболее специфичны агрессивные преступления, совершенные под влиянием алкогольного опьянения.

Ведущим расстройством у лиц, страдающих хроническим алкоголизмом 2 стадии, является недостаточность личностных структур, тормозящих проявления агрессии. Эта недостаточность проявляется

160

как на ценностном и социально-нормативном уровнях (клиницистами традиционно отмечается снижение морально-этических установок у таких больных), так и в коммуникативном, эмоциональном, интеллектуальном плане (что также коррелирует с выявляемыми психиатрами и наркологами эгоцентризмом, эмоциональной огрубленностью, интеллектуальным снижением и другими особенностями больных алкоголизмом).

3.5.3.5. Психический инфантилизм

Психический инфантилизм, или недоразвитие интеллектуальной и личностной (эмоциональной, волевой, мотивационной) сфер, является свойством многих психических заболеваний, сформированных под влиянием дизонтогенеза (Гурьева, Семке, Гиндикин, 1994): умственная отсталость (олигофрения в степени умеренно выраженной дебильности), органическое психическое расстройство и др. Психически незрелые обвиняемые совершают агрессивные действия по разным механизмам, что подтверждают данные других исследователей (Сыропятов, 1985; Антонян, Гульдан, 1991; Антонян, Горинов, Саблина, 1992), однако влияние личностной патологии наиболее явно прослеживается при совершении преступлений, в которых проявление агрессии тесно связано с недостаточной сформированностью психических процессов.

Возникновение агрессивных побуждений связано не с высокой агрессивностью (напротив, психически незрелые обвиняемые отличались низким уровнем личностной агрессивности), а с недостаточной когнитивной и смысловой оценкой ситуации, а их реализация — обусловлена прежде всего недостаточной сформированностью личностных структур, способных оказать тормозящее влияние на проявления агрессии. Недостаточно сформированы и ценностная сфера, и способность к социально-нормативной регуляции своих действий, а также и структуры эмоционального, интеллектуального, коммуникативного контроля.

3.5.3.6. Парафилии

Парафилии, или патологии сексуального влечения, редко являются самостоятельными психическими расстройствами. Как отмечают А. А. Ткаченко, Г. Е. Введенский, Н. В. Дворянчиков (1998), необходимо учитывать коморбидность парафилии — их сосуществование с другими психопатологическими состояниями. Наиболее тесные связи с агрессивным поведением имеет такая форма парафилии как садизм, по МКБ-10 определяемая как «предпочтение

161

сексуальной активности, включающей причинение боли, унижение или установление зависимости». В отличие от эго-дистонической формы парафилии (когда у больного существует внутриличностный конфликт и он осознает свое нарушенное сексуальное влечение как нечто «чуждое» его структуре личности), при эго-синтоническом варианте субъект как бы сливается со своим влечением, принимает его как присущее своей личности и не пытается каким-либо образом преодолевать его, не испытывая внутреннего конфликта (Ткаченко, Введенский, Дворянчиков, 1998). Агрессивные действия совершаются в

структуре удовлетворения полового влечения, в ряде случаев провоцируются состоянием алкогольного опьянения.

Непосредственная реализация высокой агрессивности у лиц с патологией сексуального влечения протекает на потребностном уровне — как реализация влечения, предполагающего агрессивный способ удовлетворения половой потребности. Реализация потребности облегчалась отсутствием личностных структур, способных оказать преградное действие по отношению к патологическому влечению; напротив, самопринятие этого патологического влечения вызывало определенное и ценностное отношение к сексуальной агрессии, что также способствовало совершению садистических действий.

3.5.3.7. Уровни регуляции агрессивного поведения у лиц с психическими аномалиями

Актуальная мотивация формируется в конкретной ситуации под влиянием взаимодействия личностных и ситуативных факторов. Влияние ситуации, особенно психотравмирующей, проявляется прежде всего в резком сужении спектра возможностей реализации мотива деятельности, вплоть до полной блокировки иных, кроме агрессивных, способов разрешения фрустрирующей ситуации. Влияние личности на формирование конкретно-ситуативных мотивов, как показано в ряде работ, проявляется в двух видах: во-первых, как ситуативная конкретизация устойчивых мотивационных образований (ценностей, потребностей), во-вторых, как «смещение» конкретной деятельности в соответствии с устойчивыми чертами личности, имеющими тенденцию проявляться в самых различных ситуациях (Патяева, 1983). Оба вида влияния заключаются в ценностном опосредовании формирования конкретно-ситуативных мотивов. Только в первом случае, как отмечает Д. А. Леонтьев (1999), ценности выступают как терминальные

162

(ценности — цели жизнедеятельности), а во втором — как инструментальные (ценности — принципы жизнедеятельности) (см. также Rokeach, 1969).

Если у человека сформированы терминальные ценности, связанные с положительной социальной направленностью, то, вне зависимости от выраженности различных черт личности или биологических потребностей, он будет воздерживаться от неправовых форм поведения: та же высокая агрессивность может выступать в социализированных формах, то же сексуальное влечение может быть сублимировано и т. п. В этом случае, по выражению А. Н. Леонтьева (1975), личность «снимает» индивидуальные особенности, в том числе и психопатологически обусловленные. Как отмечал П. Б. Ганнушкин, описывая психопатических личностей, «один эпилептоид может прекрасно вести большое дело, другой — тоже эпилептоид — совершить преступление; один параноик окажется всеми признанным ученым и исследователем, другой — душевнобольным, находящимся в психиатрической больнице; один шизоид — всеми любимым поэтом, музыкантом, художником, другой — никому не нужным, невыносимым бездельником и паразитом» (Ганнушкин, 1964, с. 171).

Инструментальные ценности можно раскрыть как отношение человека к своим психическим недостаткам. Если субъект отличается самопринятием своих патологических черт характера (в частности, агрессивности, связанной с возбудимостью, паранойяльностью, эксплозивностью и пр.), то эти особенности самосознания, клинически проявляющиеся как эгоцентризм, самопопустительство, самовзвинчивание, будут облегчать реализацию агрессивных побуждений диспозиционного характера. Даже в случае наличия компенсаторных черт несформированность ценностного отношения к своим психическим особенностям облегчает проявления криминальной агрессии при определенных

психотравмирующих воздействиях. Если человек принимает свои сексуальные отклонения (за исключением невменяемых, для которых характерна неодолимость влечения), то такая эго-синтоническая форма парафилии будет реализовываться в поведении непосредственно, минуя опосредующие и контролирующие инстанции личности. При критическом же отношении к собственным патологическим свойствам агрессивность (как бы высока она ни была) не будет с такой высокой вероятностью проявляться в преступных действиях.

Описанные нами типы и механизмы криминальной агрессии носят в целом венозологический характер и зависят в большей

163

мере не от формы пограничной психической патологии, а от взаимодействия определенных индивидуально-психологических особенностей с ситуативными переменными. Но, тем не менее, мы можем при их анализе отчетливо проследить проявление в них различных психических расстройств, которые определяют не столько своеобразие поведения при совершении агрессивных преступлений, сколько оказываются факторами, обуславливающими те или иные индивидуально-психологические особенности, которые во взаимодействии с ситуативными переменными и определяют механизмы криминальной агрессии.

Для психически здоровых наиболее характерны преступления, сопровождающиеся либо осознанным выбором агрессивных способов достижения мотивов неагрессивного характера в относительно нейтральных ситуациях, либо длительным подавлением возникающих агрессивных побуждений (кумулятивные аффективные реакции и состояния) в психотравмирующих условиях, которое связано с позитивной социальной ориентацией их ценностной сферы и с наличием личностных черт, контролирующих поведение. И в том, и в другом случае в генезе криминальной агрессии прослеживается влияние ценностной (смысловой) регуляции поведения.

Психопатические личности и лица с психопатоподобными состояниями преимущественно совершают такие криминальные действия, которые реализуют их высокую базовую агрессивность, связанную с патологическими чертами личности, не опосредованную и не контролируемую какими-либо тормозящими тенденциями. Агрессия обвиняемых с расстройствами личности во многом формируется под влиянием диспозиционной регуляции действий.

Обвиняемые с умеренно и мало выраженным психоорганическим синдромом при органическом психическом расстройстве и хроническом алкоголизме, будучи преимущественно неагрессивными по своей личностной структуре, чаще совершают правонарушения под влиянием различных ситуативных и внешних факторов (алкогольного опьянения, группового давления, психотравмирующих обстоятельств), чему способствует слабая выраженность личностных структур, подавляющих проявления агрессии. У лиц с психической незрелостью в структуре олигофрении и органическим поражением головного мозга криминальная агрессия обуславливается недостаточными интеллектуальными и личностными ресурсами оценки ситуации в сочетании с неспособностью к опосредованию и контролю своих действий. В механизме

164

агрессивных действий лиц с патологией функционирования головного мозга, таким образом, проявляется в большей мере ситуативная регуляция поведения.

У лиц с патологией влечения (парафилией) агрессия выступает как принимаемая личностью реализация потребностей биологического уровня — для них характерна потребностная регуляция поведения.

В целом, характерной особенностью агрессивных преступлений, совершенных обвиняемыми с психическими аномалиями по сравнению с психически здоровыми, является недостаточность регуляторного влияния на поведение ценностей терминального и инструментального характера — ценностей, способных преодолевать диспозиционную, ситуативную и потребностную логику поведения. С этим же связана другая их особенность: большее влияние, чем у здоровых, ситуативных факторов на формирование мотивации криминальной агрессии. Психически здоровые люди даже в условиях длительной психотравмирующей ситуации стремятся не применять агрессивные способы разрешения экстремальных условий — за счет перебора стратегий совладающего поведения, формирования психологических защитных механизмов, накопления эмоционального напряжения. Этому способствует сформированность терминальных ценностей — цели жизнедеятельности доминируют над ситуативно обусловленными целями. Исключение составляют только особые психические (эмоциональные) состояния, при которых психически здоровый человек не может в полной мере осознавать свои действия. Для аномальных личностей более характерны непосредственные формы реагирования на незначительные ситуационные воздействия, даже при невысокой их личностной агрессивности несформированность у них ценностных регуляторных механизмов легко проявляется в агрессивном поведении под воздействием различных экзогенных факторов — алкогольного опьянения, групповых воздействий, психотравмирующих обстоятельств.

Таким образом, в криминальной агрессии психические расстройства проявляются опосредованно — через формирование под влиянием пограничных психических аномалий индивидуально-психологических, личностных особенностей, взаимодействие которых с ситуацией и определяет психологические механизмы агрессивных преступлений. Важным аспектом исследования данного опосредованного влияния является анализ способности субъекта к осознанно-волевому поведению при совершении правонарушения.

165

Нарушения смысловой, ценностной регуляции действий, доминирование регуляторных влияний более низкого личностного уровня — диспозиционных, потребностных, ситуативных — могут выступать и как следствие особых психических (аффективных) состояний у людей с нормальными индивидуально-психологическими особенностями, и как следствие личностных деформаций в результате психических расстройств, что ставит проблему судебной клинко-психологической оценки влияния этих факторов на криминальное поведение.

166

Глава 4. Критерии судебно-психологической
экспертной оценки агрессивных
преступлений совершеннолетних
обвиняемых

4.1. Психологическая рабочая схема анализа
ограничения способности обвиняемого к осознанию и
регуляции своих действий

Анализ «экспертных» понятий в КСППЭ (глава 2) позволил прийти к выводу, что наиболее существенным и общим свойством психических состояний, квалифицируемых в «экспертных» психологических и психиатрических понятиях («аффект», «существенное влияние эмоциональных состояний на поведение», «существенное влияние индивидуально-психологических особенностей на поведение», «ограниченная вменяемость»), является ограничение способности обвиняемого в полной мере осознавать общественную опасность и фактический характер своих действий либо руководить ими. Было показано, что ограничение этой способности у обвиняемого может быть следствием как психопатологических, так и психологических (эмоциональных, личностных) факторов, проявляющихся в определенных ситуациях. При этом значительную роль может играть совокупное влияние психической аномалии, личностных особенностей, эмоционального состояния, которое нередко опосредуется алкогольной интоксикацией, групповой динамикой. Исследование психологических механизмов криминально-агрессивного поведения показало (глава 3), что, в зависимости от характера взаимодействия личности и ситуации, эти факторы играют разную роль в генезе мотивации поведения обвиняемых.

В то же время один и тот же механизм агрессивных действий может быть оценен с точки зрения судебных клинико-психологических экспертных критериев по-разному: в одних случаях будет

167

констатирована сохранность способности подэкспертного лица к осознанно-волевому поведению, в других — неполная способность к осознанию и регуляции действий. Это обстоятельство ставит задачу разработки самих критериев экспертной оценки агрессивных действий обвиняемых. С учетом множества психологических подходов к проблеме мотивации, эта задача не может быть решена путем привлечения какой-либо одной теоретической схемы для анализа поведения. Необходимо, во-первых, интегрировать разные подходы, во-вторых, их операционализировать, то есть перейти с абстрактного уровня объяснения поведения (уровня, неизбежного при построении теории) на конкретный объяснительный уровень, который позволит анализировать каждый отдельный случай криминальной агрессии. Иными словами, первым шагом при разработке клинико-психологических критериев экспертной оценки криминально-агрессивного поведения обвиняемых является построение рабочей схемы анализа ограничения способности к осознанию и регуляции действий — схемы, не претендующей на самостоятельный теоретический статус, но интегрирующей известные на сегодняшний день психологические подходы к анализу поведения.

4.1.1. Ограничение способности к осознанию действий и руководству ими

Необходимость анализа способности обвиняемого к регуляции своих действий в судебной психологии и психиатрии привела к разработке ряда концепций (Коченов, 1980, 1991; Кондратьев, 1996; Дозорцева, 1988; Кудрявцев И. А., 1988, 1999; Алексеева, 1997; Сафуанов, 1998 и др.), успешно адаптирующих к практике судебной экспертизы теорию деятельности и концепции регуляции поведения, разработанные в общей психологии и криминологии (Леонтьев А. Н., 1975; Ломов, 1984; Кудрявцев В. Н., 1982; Конопкин, 1980, 1995 и др.). В них указывается на необходимость анализа структуры мотивации противоправных действий, влияния на процессы целеполагания и целедостижения способности субъекта к осознанию внешних условий (ситуации), самосознанию, прогнозу, контролю и коррекции своих действий. Особое внимание уделяется ценностному уровню регуляции поведения. При этом

остается дискуссионным следующий вопрос: а в чем конкретно проявляется психологический результирующий эффект неспособности к полному осознанию и регуляции поведения? Ответ на этот вопрос

168

необходим, и без него в экспертно-психологическом исследовании не обойтись — законодательная формулировка задает лишь внешний оценочный критерий, который принципиально нуждается в содержательной психологической интерпретации.

В отечественном уголовном праве границы виновной ответственности определяет осознанное и целенаправленное поведение (Ситковская, 1998, с. 68). Общественно опасные деяния, совершенные «невиновно», не позволяют привлечь субъекта этих деяний к уголовной ответственности (ст. 21 УК РФ «Невменяемость», ст. 28 УК РФ «Невиновное причинение вреда»).

В случае невменяемости общественно опасное деяние обвиняемого нельзя признать адекватным действием (в психологическом смысле), реализующим определенную цель — осознанный образ предвосхищаемого результата действия. В одних случаях такое деяние не является ни целе-, ни мотивосообразным, то есть не контролируется ни сознанием, ни волей (как это бывает при сумеречных состояниях сознания), в других — оно является и мотиво- и целесообразным, но сама цель неадекватна ситуации, формируется под влиянием брезово-галлюцинаторных переживаний или искажается из-за болезненных перестроек мотивационно-смысловой сферы и мышления.

Другое дело — состояние вменяемости: преступление как виновно совершенное общественно опасное деяние всегда целенаправленно и осознанно. В случае «ограничения способности к осознанию и регуляции действий» мы можем говорить об адекватной (в отличие от состояния невменяемости), но недостаточной целенаправленности и осознанности противоправных действий (в отличие от «полной способности к осознанию и регуляции действий»). В конкретной ситуативной мотивации преступления, на наш взгляд, это выражается, в первую очередь, в существенном ограничении свободы выбора действия. Именно нарушение свободы выбора действия у обвиняемого под влиянием эмоциональных, личностных, психопатологических факторов и факторов психического развития, взаимодействующих с определенной ситуацией и определяющих неполное осознание и снижение способности к произвольной регуляции своих действий, можно соотнести с философской категорией ограничения «свободы воли», которая в уголовно-правовом преломлении определяет индивидуализацию уголовной ответственности, приводя, как правило, к более мягкому наказанию.

169

4.1.2. Мотивация

Процесс свободы выбора действия может нарушаться уже на стадии инициации действия, при принятии решения (рационального или эмоционального) о поступке, целеполагании. Это происходит в основном при чрезмерном доминировании в актуальном поле сознания определенных побуждений (интенсивности побудительной силы мотивов, потребностей, влечений, эмоциональных состояний, личностных диспозиций) и намерений (ценностей, смыслообразующих мотивов). Как следствие, это приводит к значительному сужению выбора возможных целей, и, более того, в конкретных ситуациях — часто к

безальтернативной инициации таких действий, которые в сознании обвиняемого предстают как «единственно возможные», несмотря на осознание их фактического характера.

Нарушения процесса выбора действия при более или менее свободной ее инициации можно связать со следующими ограничениями:

1. Ограничение выбора промежуточных целей и, соответственно, действий и операций, ведущих к достижению основной цели (результата). Системный подход подразумевает принципы эквифинальности и телеономии (Wiener, 1961; Ashby, 1956; Beer, 1959). Как показано в «модели линзы» Э. Брунsvика (Brunswik, 1952), в структуре мотивации к реализации одной и той же цели ведут различные («эквифинальные») пути и средства, отражающие многообразные явления и объекты, релевантные даже единственному намерению. Промежуточные действия и операции, сообразные конечной цели, с психологической точки зрения нейтральны к уголовно-правовой их оценке, они могут включать как социально приемлемые, так и криминально-агрессивные поступки. Взаимодействие ситуативных и личностных (в том числе, психических расстройств) факторов может обуславливать невозможность выбора правомерных способов реализации цели.
2. Затруднения при необходимости изменения уже реализуемого действия (и, соответственно, инициации нового действия) или полного отказа от действия — при изменении объективного содержания ситуации. Актуальное поведение — это функция непрерывного многонаправленного взаимодействия или обратной связи между индивидом и ситуацией, в которую он включен (Хекхаузен, 1986; Анохин, 1979; Миллер, Галантер, Прибрам, 1965; Heckhausen, 1989). Динамика ситуации, изменения поведения других людей, также непосредственно включенных в ситуацию,

170

часто меняют смысл действий обвиняемого и требуют их коррекции. Но психическое состояние обвиняемого, обуславливающее игнорирование внешних изменений, может препятствовать нормальному контролю и коррекции своего агрессивного поведения.

Таким образом, можно определить свободу выбора действия, по аналогии с определением свободы выбора жизнедеятельности, данным Д. А. Леонтьевым (2000), как способность человека в конкретной ситуации к осознанной инициации, изменению или прекращению своего действия на любой стадии его протекания, а также к отказу от него.

Нарушения или ограничения свободы выбора действия могут зависеть от множества факторов. При осознании оснований собственных действий эти факторы, в целом, сводятся к способностям или возможностям личности («личностным ресурсам»), а также к особенностям ситуации («внешним ресурсам»). При адекватном самосознании, сохранности самооценки, человек будет совершать такие действия, которые ему представляются возможными с точки зрения его способностей, сложившихся навыков и умений, и отвергать альтернативные действия, которые, с его субъективной точки зрения, он выполнить не в состоянии. Характеристики ситуации также часто становятся источником ограничения выбора свободного действия, задавая так или иначе лимитированный спектр возможных вариантов поведения. Это обстоятельство учитывается и уголовным правом — так, ненаказуемы действия, совершенные в пределах необходимой обороны, когда ситуация нападения или непосредственной угрозы жизни субъекта задает единственный, пусть сопряженный с лишением жизни агрессора, выход.

Для КСППЭ имеет значение такое ограничение свободы выбора действия, которое определяется неспособностью обвиняемого в полной мере осознавать свои действия или осуществлять волевою регуляцию своего поведения под влиянием эмоциональных, личностных и психопатологических факторов. Формулировку УК РФ «способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими» в психологическом плане можно раскрыть через несколько положений.

«Способность осознавать фактический характер» своих действий означает наличие у субъекта возможности в криминальной ситуации осознавать их (своих действий) фактическое значение, возможности, требующей, по крайней мере, понимание своего поведения на социально-нормативном уровне. Так, невменяемый

171

обвиняемый под влиянием галлюцинаторных переживаний может совершить убийство другого человека, полагая, к примеру, что он «уничтожает кучку грязи». В этом случае можно говорить о неспособности осознавать даже фактический характер своих действий. При вменяемости, вариантом которой является ограниченная вменяемость, трудно представить недостаточную способность обвиняемого осознавать фактический характер своих действий — при всех типах ограничения способности к осознанно-волевому поведению обвиняемый все равно должен осознавать, что он совершает агрессивные действия, или кражу, или мошенничество и т. п. Ограничение способности к осознанию своих криминальных действий с психологической точки зрения может быть операционализировано при анализе другой составляющей так называемого «интеллектуального» критерия вменяемости — «способности осознавать общественную опасность» своих действий во время совершения преступления. Эта способность в криминальной ситуации означает уже возможность осознавать смысл своих действий, что требует способности человека соотносить свои основные и промежуточные цели со своими ценностями, главными мотивами жизнедеятельности, основными смыслами своей жизни, а также его способности прогнозировать последствия своих поступков, в частности, и с позиции общественного интереса. Иными словами, эта способность может проявляться только на смысловом уровне, отражающем присвоение личностью системы социальных, в том числе и правовых, значений. Невменяемый может, к примеру, совершать убийство, отчетливо сознавая, что он совершает именно убийство, но под влиянием галлюцинаторно-бредовых переживаний полагать, что он, совершая это убийство, спасает человечество от гибели со стороны «инопланетян». В этом случае он осознает фактический характер своих действий, но не осознает их общественную опасность. У вменяемых лиц эта способность сохранна, однако может быть существенно ограничена — особенно в тех случаях, когда смысл общественно опасного действия нивелируется по сравнению с иным, более значимым для субъекта смыслом этого же поступка, который формируется вследствие особого эмоционального состояния или психопатологических переживаний.

«Способность руководить» своими действиями (волевой критерий вменяемости) означает возможность обвиняемого в криминальной ситуации осуществлять произвольную волевою регуляцию собственных поступков, требующую способности к коррекции

172

действий на основе постоянной оценки динамики ситуации и контроля собственной активности — то есть способности к «обратной связи». Особое значение при этом имеет возможность волевого управления своими действиями, то есть способность соподчинять цели, возникающие под влиянием ситуации, потребностей, личностных черт и т. п.,

надситуативным целям и мотивам более высокого порядка, вытекающим из ценностей личности. Иными словами, для полноценной регуляции своего поведения необходима сохранность способности к самотрансценденции, переходу на смысловой уровень самоуправления, который и обеспечивает свободу выбора действия.

При осознанном принятии целей, прямо вытекающих из потребностей, личностных диспозиций, или актуализирующихся как реакция на ситуативные воздействия, у обвиняемых сохраняется смысловая регуляция поведения и возможность выбора иных способов достижения целей — в этом случае агрессивные действия являются не следствием затруднений при выборе альтернативных форм поведения, а следствием четкой смысловой или ценностной позиции человека. В этих случаях экспертная оценка должна быть однозначной и фиксировать полную способность обвиняемого к осознанно-волевому поведению. При ограничении же этой способности смысловая регуляция в момент совершения общественно опасного деяния недоступна, и выбор агрессивного способа достижения цели выступает во многом как вынужденный и не вполне осознанный. Рассматривая ограничение свободы выбора осознанного и целенаправленного действия как результирующий мотивационный эффект неспособности обвиняемого в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, выделим определяющие, с нашей точки зрения, факторы этого ограничения.

4.1.3. Осознание

Существенным аспектом осознания своего поведения, расширяющим степень свободы выбора действия, является рефлексия как решение «задачи на смысл» (Леонтьев А. Н., 1975). Понимание своих целей по отношению к мотивам и ценностям, осознание действительного смысла своих действий делает поведение человека более свободным, давая возможность выйти за пределы непосредственных связей и отношений конкретной ситуации.

Важную роль при принятии решения о поступке, при целеполагании играют оценочные процессы — способность к целостной

173

оценке ситуации и к оценке собственных возможностей. Адекватное осмысление границ, задаваемых внешней ситуацией по отношению к собственным действиям, а также границ, определяемых своими индивидуально-психологическими особенностями, делает выбор цели более осознанным и реалистичным. При нарушениях процессов оценки и самооценки (в силу психических аномалий, уровня развития, особых эмоциональных состояний) целеполагание может претерпевать значительные искажения и ограничения.

На стадии уже не целеполагания, а целедостижения, ведущее значение для осуществления свободного действия, способности в любой момент, учитывая динамику ситуации, осуществлять адекватные конечной цели промежуточные действия, изменять конечные цели (инициируя новые действия) или отказываться от них, имеют такие компоненты сознания как оценка промежуточных целей, контроль и прогноз своих действий. Эти структуры сознания являются основой возможности коррекции поведения на любом этапе его протекания (Асеев, 1981; Иванников, 1991; Kuhl, 1983, 1991). Естественно, инициация новых действий, адекватных изменениям ситуации, требует циклического повторения вышеописанных этапов осознания ситуации (решения задачи на личностный смысл, оценки ситуации и самооценки, рефлексии как объективации и т. д.).

И, наконец, в процессы осознания своих действий, как необходимый элемент свободы выбора действия, мы должны включить и оценку их последствий. В отличие от оценки промежуточных результатов и прогноза конечного результата действия, оценка последствий поступка не всегда предполагает возможности коррекции поведения: субъект не может полностью влиять на эти последствия, они в известной мере независимы от него. В то же время такая оценка, имея вероятностный характер (Гуревич, Фейгенберг, 1977), также влияет на свободу выбора действия, позволяя соотносить акты поведения с возможными их правовыми последствиями.

4.1.4. Регуляция

Важнейшим фактором свободы выбора действия являются ресурсы свободы выбора, задаваемые как внешними (ситуативными) обстоятельствами, так и личностными особенностями. Ф. Хайдер различал «эффективные возможности личности» и «эффективные возможности окружения» (Heider, 1958).

174

Личностные ресурсы включают намерение (интенцию) и побуждение (настойчивость), то есть конкретную мотивацию как переменный компонент возможностей личности, а также способности как постоянный компонент. Личностные ресурсы могут быть ограничены в мотивационном плане особым эмоциональным (аффект) или потребностным (патология влечения) состоянием, в плане способностей — уровнем психического (интеллектуального и личностного) развития, характером психического расстройства, индивидуальными особенностями.

В окружении основную роль играет «трудность» внешних условий, задающих спектр возможных действий, определяемый не субъектом, а характером самой ситуации. Внешние ресурсы особо сужаются (ограничивая спектр выбора возможных целей) в психотравмирующих ситуациях. Для экспертной оценки ограничения способности к осознанию своих действий значение имеет не столько анализ свойств ситуации, задающих объективный диапазон возможных целей, сколько анализ субъективного восприятия этой ситуации, зависящего от личностных особенностей и психического состояния обвиняемого. Важно диагностировать причины субъективного сужения спектра возможных действий — почему те или иные действия представляются подэкспертному лицу субъективно невыполнимыми или субъективно неприемлемыми.

Если рефлексия как решение задачи на смысл обращена к осознанию ценностных и мотивационных оснований собственных действий, а самооценка — к осмыслению возможности их реализации в конкретной ситуации с учетом своих способностей, то оценка ситуации направлена на понимание границ, задаваемых ситуацией, которые определяют круг возможных действий.

Наряду с внешними и личностными ресурсами свободу выбора определяет способность к самотрансценденции — переходу на более высокий уровень личностной регуляции действия (Frankl, 1987; Harre, 1979, 1983). В мультирегуляторной концепции личности Д. А. Леонтьева (1999, с. 155—157) выделяется шесть измерений человеческого действия, которые в разных пропорциях интегрируются в конкретном поведении. Они отражают шесть систем отношений человека с миром и, соответственно, регуляции поведения. Первые три логики отношений — удовлетворения потребностей, реагирования на стимул, предрасположенности —

являются ограничительными с точки зрения свободы выбора действия, поскольку в этих системах отношений человек является зависимым от структур, внешних по отношению к его личности (экзистенциальному Я): от биологических влечений и потребностей, от ситуативных требований, от собственных черт, характера, темперамента. Четвертая логика — социальной нормативности — может обуславливать как несвободу личности в поведении (конформизм, зависимость от асоциальных ценностей малой группы, деиндивидуализация и перекладывание ответственности на лидера в тоталитарных религиозных сектах), так и, напротив, свободу от группоцентрических ожиданий, при учете интересов более широких социальных групп, общества в целом, вплоть до стремления строить поведение согласно правовым ожиданиям и предписаниям. В отличие от потребностной, реактивной и диспозиционной регуляции поведения, ограничивающейся достижением цели «здесь-и-теперь», социально-нормативная регуляция расширяет контекст деятельности, включая референтные социальные группы в структуру отношений с окружающим миром. Подлинную свободу выбора действия обеспечивает логика смысла (жизненной необходимости), когда действие ориентировано на смысл — то есть на всю систему отношений человека с миром и дальнюю временную перспективу. Мы не рассматриваем шестую логику поведения — логику свободного выбора, поскольку она, представляя несомненный интерес в теоретическом плане (как мера «зрелости» личности, ее способности к «самоактуализации» — Maslow, 1970), не очень актуальна в практическом плане при анализе преступного поведения¹.

На наш взгляд, способность субъекта к трансценденции на смысловой и социально-нормативный уровень (мы отделяем его от узкого группоцентрического) регуляции поведения является одной из ключевых для осуществления возможности свободного выбора действия.

Таким образом, обобщенный алгоритм анализа способности обвиняемого в момент совершения преступления к свободному выбору действия можно представить в виде следующей схемы (рис. 17).

Рис. 17. Свобода выбора действия (рабочая схема)

4.2. Критерии ограниченной способности к осознанию и регуляции криминально-агрессивных действий обвиняемых в рамках КСППЭ

Рассмотрим варианты ограничения способности обвиняемых к осознанно-волевому поведению при различных по психологическим механизмам криминально-агрессивных действиях.

А. При непосредственной реализации собственной агрессивности практически всегда действия обвиняемых сопровождаются осознанием своих действий и возможностью осуществлять их регуляцию и контроль. Выбор агрессивного способа реализации своих антисоциальных ценностей, агрессивных черт личности или сексуальных потребностей не определяется какими-либо нарушениями способности к пониманию, контролю и т. п., является более или менее свободным, и, в конечном итоге, отражает их ценностное

самопринятие агрессивных побуждений и намерений. Поэтому при этом механизме криминальной агрессии все обвиняемые, как правило, признаются вменяемыми без каких-либо ограничений.

Б. При совершении агрессивных действий под влиянием алкогольного опьянения клинико-психологические экспертные оценки в ряде случаев сводятся к установлению ограничения свободы

177

выбора действий под влиянием индивидуально-психологических особенностей или психического расстройства: ограниченной вменяемости и (одновременно) существенного влияния индивидуально-психологических особенностей на поведение.

Такие экспертные оценки выносятся в отношении обвиняемых с диагнозом «органическое психическое расстройство». Необходимым условием определения ограниченной способности к осознанно-волевому поведению в криминальной ситуации является диагностика ярко выраженной эпилептоидности (как черты личности) и одновременно установление «измененной (атипичной) формы алкогольного опьянения», вызывающей выраженные изменения сознания («псевдоэпилептоидного варианта»).

Ситуационное агрессивное побуждение у таких обвиняемых возникает под влиянием угрожающего смысла ситуации в состоянии алкогольного опьянения, значимость которого усиливается особенностями смыслового восприятия эпилептоидных личностей. «Возникновению психомоторного возбуждения способствуют свойственные этим людям обидчивость, придиричивость, склонность интерпретировать объективно нейтральные высказывания окружающих в обидном для себя смысле» (Наркотическое и алкогольное опьянение, 1998, с. 76). В ситуации актуализируется и личностная диспозиция в виде эпилептоидности: постоянная готовность к агрессивным действиям по отношению к действительным и мнимым обидчикам, жестокость, брутальность, застойность эмоционально насыщенных переживаний. Измененная форма опьянения у эпилептоидных личностей приводит к резкому росту эмоционального возбуждения с сужением и изменением сознания (с возникновением иллюзорных восприятий), что обуславливает резкое ограничение выбора действия. По существу выбор агрессивного действия носит импульсивный, неопосредованный характер. На этапе инициации действия оценка искажена, доминирует оценка ситуации или действий окружающих как угрожающих, оскорбительных и т. п. Изменение действия в динамике ситуации или отказ от агрессивных действий в принципе возможны, но сильно затруднены из-за ригидности мотивации, обусловленной алкогольным опьянением, с одной стороны, и аффективной ригидностью в структуре эпилептоидности, с другой стороны. В целом, изменения ситуации не вызывают изменения цели. Агрессивное поведение может представлять собой серию последовательных поведенческих актов (Наркотическое и алкогольное опьянение, 1998, с. 76), но все они жестко соподчинены единой

178

цели. Ограничения в изменении действия или отказе от него обуславливаются и нарушениями смыслового восприятия ситуации из-за сужения сознания на высоте эмоционального возбуждения. Это препятствует рефлексии как решению задачи на смысл, в сознании доминирует эмоциональная окраска личностного смысла своих действий. В результате контроль своих агрессивных действий у обвиняемых оказывается резко сниженным, несмотря на относительную сохранность прогноза их результата. Оценка же

последствий своих поступков снижена, она носит формальный характер из-за избыточной значимости непосредственного достижения агрессивной цели в актуальной ситуации.

Таким образом, результирующим эффектом нарушений осознания и регуляции своих действий у эпилептоидных личностей с органическим поражением головного мозга является резкое ограничение свободы выбора действия. Внешние ресурсы выбора действий в целом не ограничены. Вместе с тем резко ограничены внутренние ресурсы, обусловленные искажением смыслового восприятия, диспозиционными факторами (эпилептоидность), ригидностью мотивации в состоянии атипичного алкогольного опьянения. Способность к трансценденции практически отсутствует. Доминирует диспозиционная логика действий.

Решающим фактором ограничения выбора действия при данном механизме криминальной агрессии выступает измененное состояние сознания под влиянием алкогольного опьянения, опосредованного органическим психическим расстройством, с проявлением в состоянии атипичного опьянения эпилептоидности (формирование которой также обусловлено психическим расстройством), оказывающей влияние на структуру мотивации агрессивного поведения. Поэтому экспертные выводы в данном случае должны учитывать ограничение способности к осознанно-волевому поведению вследствие психического расстройства (ст. 22 УК РФ), а выводы о существенном влиянии индивидуально-психологических особенностей должны быть интегрированы в заключение об ограниченной вменяемости.

Пример 23. Ч., 32 года, обвиняется в изнасиловании и насильственных действиях сексуального характера. Окончил 8 классов и профессионально-техническое училище, работал рабочим. Женился на женщине с ребенком, в процессе семейной жизни у них родился еще один ребенок. В день правонарушения выпил большое количество спиртного, сильно опьянел. На отказ жены вступить с ним в половую связь резко возбудился, изнасиловал ее в задний проход, потом сильно избил, несколько раз укусил. От побоев жена Ч. потеряла сознание.

179

После этого совершил половой акт с женой, находящейся в бессознательном состоянии, в естественной форме. Личность Ч., по данным клинико-психологического исследования, характеризовалась эмоциональной неустойчивостью, аффективной ригидностью, снижением способности к эмпатии, сопереживанию, импульсивностью, сниженным самоконтролем, эгоцентризмом, завышенной самооценкой при сниженном интеллекте, низким уровнем тревожности. Установлен диагноз «органическое психическое расстройство сложного генеза с изменениями психики», определено, что в момент совершения инкриминируемых ему деяний он находился в состоянии атипичного (утяжеленного) алкогольного опьянения, что в совокупности послужило основанием для экспертной оценки неспособности Ч. в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. Рекомендовано применение ст. 22 УК РФ.

В. При совершении агрессивных преступлений под влиянием групповой динамики и идентификации с субъективно значимым авторитетом экспертные оценки могут выражаться в установлении существенного влияния на поведение индивидуально-психологических особенностей обвиняемого либо в установлении такого же влияния на поведение психических расстройств (ограниченной вменяемости).

Агрессивное намерение или побуждение выступает как следствие второй стадии идентификации с субъективно значимым авторитетом, как результат частичного усвоения мотивации лидера. Побудительный фактор в данном случае внешний — действия,

требования, приказы лидера. Однако этот внешний фактор преломляется через внутреннюю готовность обвиняемого следовать образцам поведения, задаваемым значимым для него лицом. Эта внутренняя установка определяется не внушаемостью как генерализованной чертой личности, а избирательной внушаемостью по отношению к субъективно значимому авторитету вследствие неосознанной идентификации с ним. Идентификация является частичной, поэтому парциальное принятие «картины мира» лидера часто сопровождается борьбой мотивов при необходимости выполнять такие действия, которые противоречат собственным ценностям обвиняемого. Можно сказать, что агрессивные действия вedomого обладают конфликтным личностным смыслом, что затрудняет их рефлекссию — как решение задачи на смысл. Конфликтность смысла действия может осознаваться на рациональном уровне или в виде отрицательных эмоциональных ощущений, но сам смысл собственного поступка не осознается. Сниженными остаются и возможности самооценки и оценки объективной ситуации,

180

поскольку они производятся по внешним критериям в силу частичного эмоционального уподобления лидеру и частичного принятия его «когнитивного пространства». Это приводит к несамостоятельности в принятии решения и выборе действия. Собственно говоря, ответственность за выбор действия у таких обвиняемых и не формируется — субъективно эта ответственность «делегирована» авторитету, полностью перекладывается на него. Ресурсы свободы выбора здесь резко ограничены. Ограничение внешних ресурсов определяется давлением лидера, а внутренние практически отсутствуют из-за идентификации обвиняемого с лидером. Внешняя по отношению к личности обвиняемого инициация агрессивного действия сопровождается и внешним контролем этого действия — контроль осуществляется с личностной позиции не самого субъекта действия, а с позиции лидера. Это обуславливает и сниженную способность к изменению действия или полному отказу от него. Изменение действия или его прекращение возможно практически только под влиянием указаний лидера. При этом оценка последствий своих действий сохранна, но носит формальный характер: ответственность за последствия передается субъективно значимому авторитету.

Таким образом, выбор свободного действия при осознании его фактического характера и неполном осознании его общественной опасности у обвиняемого, частично идентифицированного с значимым для него лидером, практически отсутствует. Такой обвиняемый не способен к трансценденции, переходу на смысловой уровень регуляции своего криминального поведения — он полностью осуществляется на узко группоцентрическом уровне, игнорируя собственные ценности и социальные нормы.

Ведущим звеном ограничения свободы выбора действия при психологическом механизме криминальной агрессии в виде межличностного давления является частичная идентификация с субъективно значимым авторитетом, влияющая на все этапы конкретно-ситуативной мотивации криминальной агрессии, которая обусловлена личностной незрелостью. Личностная незрелость может быть индивидуальной особенностью в рамках психической нормы или следствием определенного психического расстройства. В первом случае формулируется экспертный вывод о существенном влиянии индивидуально-психологических особенностей обвиняемого на криминальное поведение, а во втором — об ограниченной вменяемости.

Пример 24. З., 20 лет, обвиняется в соучастии в 3 убийствах. Родилась здоровым ребенком, в школу пошла своевременно, училась хорошо.

Была честной, открытой, общительной, подвижной, доверительно относилась к своим родственникам, помогала им. После школы закончила с отличием фармакологический факультет медицинского училища, в том же году поступила в медицинский институт в другом городе. После второго курса ее родители стали замечать, что дочь стала худеть, потом они узнали, что она стала соблюдать кефирно-капустную диету. Была спокойной, уравновешенной, доброжелательной, но дружеских отношений с однокурсниками не поддерживала. В начале третьего курса у З. были нарушения менструального цикла, у нее появилась нервозность, мнительность. В это время З. стала встречаться с молодым человеком, но через несколько месяцев отношения у них разладились, и она совершила суицидальную попытку, выпив одновременно 40 таблеток реланиума и 40 таблеток демидрола. Объясняла это тем, что стала считать себя внешне неинтересной, думала, что «нужна мужчинам только как объект секса», чувствовала пустоту в душе. Вскоре после этого познакомилась с Ц., который произвел на нее благоприятное впечатление. Уже через 3 дня она привезла его к своим родителям и представила его как своего жениха. Она старалась исполнять все желания Ц., считала, что он обладает экстрасенсорными способностями, воспринимала его поступки и выходки как должное. Она его всюду сопровождала, отдавала ему свои украшения и вещи для продажи. Один раз, когда она с Ц. были у ее родителей, тот рассказал ее отцу, что его ограбил и обманул друг, просил помочь деньгами. Видя колебания отца, ушел в туалет и пытался повеситься на своем ремне, был снят с ремня ее отцом. Родители сказали З., что Ц. инсценировал попытку самоубийства, однако З. не поверила. Был случай, когда Ц. привел З. к своей жене, сказал, что любит их обеих, они легли вместе спать, и он совершал половые акты с обеими. Были также случаи, когда Ц., будучи в состоянии алкогольного опьянения, предлагал ее своим друзьям, однажды заставил ее вступить в половую связь со своим другом. Со временем Ц. стал относиться к З. более жестоко, стал избивать ее по незначительным поводам. З. стала его бояться, но уйти не могла, «продолжала любить его, была очень к нему привязана».

Первое убийство Ц. совершил, задушив пожилую женщину, у которой они жили на квартире, заставил З. при этом держать женщину за руки. Через пять дней после этого Ц. совершил убийство супругов В., при этом З. по приказанию Ц. приносила ножи и полотенца, разрывала их, связывала жертвы. Затем Ц. заставил обвиняемую проверить их зрачки, щупать пульс, чтобы убедиться — мертвы ли они. Во время следующего убийства Ц. дал З. в руки кухонный нож и потребовал, чтобы она вонзила его в уже убитого им человека. В последующем угрозами Ц. заставил З. привести его с соучастником в квартиру ее родной тети. Они ее ограбили, затем с соучастником Ц. совершил убийство тети, а также они нанесли тяжкие телесные повреждения племяннице обвиняемой. З. умоляла пощадить тетю и племянницу, но

Ц. ее не слушал, говорил, что «теперь они все равно связаны одной веревочкой». По словам З., убежать от Ц. она не могла, поскольку находясь с ним рядом, чувствовала, что «воля ее практически парализована». Она не могла понять, что с ней происходит, стала думать о том, «как она могла влюбиться в этого страшного человека до такой степени, чтобы помогать ему в совершении преступлений против ее родственников». В последующем Ц. с соучастником совершили еще одно убийство. Обвиняемая просила отпустить ее домой, обещала ничего не говорить о происшедших событиях. Ц. издевался над ней, продавал ее вещи, но в какой-то момент неожиданно отпустил ее. Приехав домой, она все рассказала родителям, а также пошла с повинной в милицию.

В процессе предварительного следствия З. была подвергнута амбулаторной судебно-психиатрической экспертизе, во время которой жаловалась на подавленное настроение, навязчивые мысли о нежелании жить, была вялой, монотонной, говорила сквозь слезы. Содеянное объясняла страхом, а также тем, что Ц. «воздействовал на нее гипнозом». Комиссия экспертов-психиатров сочла, что у З. «симулятивное поведение» и рекомендовала проведение стационарной судебно-психиатрической экспертизы. Была назначена стационарная КСППЭ, во время которой З. подробно рассказывала о правонарушениях, сожалела о случившемся, но объяснить свое поведение не могла. Считала, что Ц. «действовал на нее гипнозом и, как вампир, забирал ее жизненную энергию». Говорила, что очень любила Ц., «несмотря на все стрессы, которые с ним испытывала». Экспертная комиссия пришла к заключению, что З. психическим расстройством не страдает и не страдала в период, относящийся к совершению инкриминируемых ей деяний, рекомендовала считать ее вменяемой.

Была назначена повторная КСППЭ, которая проведена в ГНЦ ССП им. В. П. Сербского. Охотно беседует с экспертами, адекватно и по существу отвечает на вопросы. Подробно и последовательно сообщает анамнестические сведения. В беседе держится естественно, свободно, однако несколько волнуется — проявляется тремор рук, на лбу появляется испарина. Характеризует себя эмоциональной, впечатлительной, чувствительной и ранимой. Говорит, что, когда нервничает, то у нее «все сжимается внутри, дрожит тело, подступает ком к горлу, появляется тошнота». При разговорах о теме взаимоотношений с Ц. и об инкриминируемых ей деяниях, З. становится эмоционально лабильной, свое поведение объясняет тем, что «Ц. подавлял ее волю». Сообщает, что вначале она «его очень любила», старалась исполнить все, что он просил. Утверждает, что у нее «выработался рефлекс — сразу исполнять его приказания». Считает, что у нее «было ненормальное состояние» в этот период, хотя и думает, что она психически здорова. После случившихся событий у нее было плохое настроение, испытывала «щемящую тоску в груди», не видела дальнейшего смысла жизни. При экспериментально-психологическом исследовании

183

выраженных расстройств познавательной деятельности не обнаружено. Выявляется незрелость и дисгармоничность личности с недостаточно развитым внутренним миром и сочетание аффективной ригидности со склонностью к вытеснению, которое, однако, недостаточно эффективно и не устраняет тревоги, ощущения внутренней неудовлетворенности, сниженного фона настроения. Обнаруживаются следующие индивидуально-психологические особенности: повышенная чувствительность, ранимость, зависимость в межличностных отношениях, робость, нерешительность, малообщительность, пассивность, подчиняемость, трудности самостоятельного решения проблемных ситуаций с тенденцией возлагать ответственность на окружающих; эмоциональная неустойчивость, склонность фиксироваться на фрустрирующих обстоятельствах, преобладание внешнеобвиняющих форм реагирования в конфликтных ситуациях, низкая степень осознания социальных норм и требований.

Комиссия экспертов пришла к заключению, что З. психическим заболеванием не страдает, является психопатической личностью мозаичной структуры, в целом в период совершения инкриминируемых ей деяний могла осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

Психологический анализ социально-психологических особенностей отношений З. с Ц. показал, что в основе их межличностного взаимодействия лежал механизм неосознаваемой частичной идентификации З. с Ц., обусловивший садо-мазохистский социальный тип

взаимоотношений с подчинением З. любым требованиям Ц., даже противоречащим ее ценностным ориентациям. Как указывается в заключении КСППЭ Ц. от (дата), его отличают выраженные лидерские тенденции с чувством превосходства над окружающими, признанием для себя исключительного права на собственные морально-этические взгляды, стремлением подчинить себе окружающих, навязывать им свое мнение и руководить ими, особенно с людьми пассивными, подчиняемыми. Как видно из материалов дела, Ц. для достижения своих целей использовал широкий спектр действий: от демонстративного поведения со стремлением произвести благоприятное впечатление, показать исключительность своей личности, широкую эрудицию и необычные способности, до прямого запугивания, угроз, шантажа, мер физического воздействия, побоев. Частичной идентификации З. с Ц. способствовали ее личностные особенности: незрелость, зависимость, робость, нерешительность, малообщительность, пассивность, подчиняемость, трудности самостоятельного решения проблем, а также депрессивное состояние З. в период знакомства с Ц., с ощущением потери смысла жизни, внутренней неудовлетворенности, ощущением непонимания со стороны окружающих. Психологический анализ ситуаций правонарушений, совершенных (указываются даты), показывает достаточно однотипную структуру и динамику поведения З. при взаимодействии с Ц. и его соучастником.

184

З. понимала намерения и цели действий Ц., интерпретировала его мотивы и обдумывала возможные варианты своего поведения. Прогнозирование последствий поступков Ц. вызывало у З. борьбу мотивов и обуславливало ее попытки отказаться от совместных преступных действий, что свидетельствует о сохранности у З. понимания фактического характера своих действий. Однако принуждение со стороны Ц., его угроз или прямого физического воздействия вызывало у З. состояние эмоционального напряжения, что в совокупности с характером ее межличностного взаимодействия с Ц. приводило к принятию решения подчиняться любым требованиям Ц. и ограничивало ее способность к руководству своими действиями, к полноценной регуляции и контролю своих поступков. Экспертная комиссия пришла к выводу, что в ситуациях совершения инкриминируемых ей деяний индивидуально-психологические особенности З. оказали существенное влияние на ее поведение, ограничив ее способность осуществлять полноценный смысловой анализ своих действий, их произвольную регуляцию и контроль.

Г. При агрессии под влиянием неправильной оценки ситуации личностно незрелыми обвиняемыми выносятся экспертные оценки об ограниченной вменяемости подэкспертных лиц, наряду с ограниченной вменяемостью может быть отмечено существенное влияние индивидуально-психологических особенностей на поведение.

Агрессивные побуждения могут возникать под влиянием различных мотивов — ревности, корысти, ситуационных воздействий, однако выбор действия и принятия решения имеет в своей основе неверную смысловую оценку ситуации. И рефлексия как осмысление своих действий, и рефлексия как осмысление объективных условий ситуации существенно снижается, что приводит к неопосредованной инициации агрессивного действия, снижению контроля и возможности коррекции своего поведения. Оценка последствий, как правило, является неполноценной.

Этот вид механизма преступных действий у обвиняемых, неспособных в полной мере осознавать и регулировать свои действия, в первую очередь характеризуется резким ограничением личностных ресурсов выбора действия (в силу личностной и интеллектуальной незрелости), а также существенно страдает оценка внешних, ситуативных, ресурсов. Сама ситуация объективно предоставляет возможность для широкого диапазона

поведения, но в силу дефектности когнитивно-смысловой оценки наличной ситуации субъективно этот спектр возможных действий резко сужается. Основной причиной этого является невозможность перейти на смысловой уровень регуляции своего поведения. Социально-нормативный уровень также остается в ситуации правонарушения

185

в качестве «знаемого», но реально не оказывающего влияния на руководство своими поступками.

Поскольку психическое (личностное и интеллектуальное) недоразвитие, обуславливающее дефектность оценки ситуации и собственных возможностей и, вследствие этого, ограничение свободы выбора действия, определяется психическими расстройствами (олигофрения, инфантилизм при органическом психическом расстройстве), выводы КСППЭ формулируются в «экспертных понятиях» ограниченной вменяемости (ст. 22 УК РФ), а отмечаемое психологом существенное влияние индивидуально-психологических особенностей на криминальное поведение поглощается заключением об ограниченной вменяемости.

Пример 25. В., 22 лет, обвиняется в убийстве. Рос и воспитывался в полной семье, работал подсобным рабочим. Свободное время проводил не со сверстниками, а с детьми младшего и среднего школьного возраста. По незначительному поводу затеял ссору с семилетним приятелем, задушил его. Спрятал труп в лесу. По данным психологического обследования, у В. выявился низкий уровень интеллектуального развития, а также эмоциональная неустойчивость, зависимость, импульсивность в поведении, ограниченный круг интересов. Вместе с тем, его личностные особенности характеризовались игнорированием общепринятых морально-этических норм поведения, безответственностью, низким самоконтролем, отсутствием чувства вины. Экспертной комиссией у В. диагностирована олигофрения в форме умеренно выраженной дебильности с эмоционально-волевыми нарушениями, установлено, что в момент совершения инкриминируемого ему деяния он не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

Д. При инструментальной агрессии агрессивные намерения соподчиняются мотивам неагрессивного характера, в основном корыстным. Преступные действия являются осознанными, обвиняемые способны осуществлять их регуляцию и контроль. Выбор агрессивного способа реализации своих мотивов, относительно нейтральных по отношению к агрессии, не обусловлен нарушениями способности к пониманию, оценке, контролю и т. п., представляет собой свободный акт волеизъявления, что отражает их ценностное принятие агрессивного способа достижения целей. При этом механизме криминальной агрессии все обвиняемые признаются вменяемыми без каких-либо ограничений.

Е. При отсроченной агрессии в большинстве случаев выносится экспертное решение об ограниченной вменяемости. В основном ограниченно вменяемыми признаются лица с органическим психическим расстройством или с расстройством личности (психопатией).

186

Общим личностным свойством таких обвиняемых, наряду с возбудимостью, является ярко выраженная склонность к самовзвинчиванию при достаточно развитом самоконтроле.

При этом варианте механизма криминальной агрессии у лиц с ограниченной способностью к осознанно-волевому поведению агрессивное побуждение возникает спонтанно, как актуализация диспозиции в виде высокой агрессивности в нейтральной ситуации или как реакция на психотравмирующие ситуационные воздействия. На первом этапе динамики поведения наличие тормозящих агрессию личностных структур обуславливает осознание смысла ситуации, более или менее сохранную оценку ситуации и самооценку, что приводит к воздержанию от противоправных агрессивных действий. На этой стадии сохраняется способность к свободному выбору действия под влиянием и осознания своего поведения, и волевой его регуляции. Однако на следующем этапе, по прошествии некоторого отрезка времени, характерная для обвиняемых склонность к самовзвинчиванию определяет резкий рост эмоционального напряжения, связанного с нереализованностью сильного агрессивного побуждения. Нарастание эмоциональной напряженности в совокупности с интенсивностью диспозиционно обусловленной агрессивной мотивацией приводит к тому, что в определенный момент наступает разрядка в виде противоправного действия. Поведение обвиняемого в момент совершения им преступного деяния, сохраняя связь (и смысловую, и побудительную, энергетическую) с агрессивным мотивом, теряет контроль со стороны целеполагания, со стороны волевой регуляции и контроля (Ф. Е. Василюк описывает такое поведение как разновидность «фрустрационного» поведения — 1984). Выбор действия становится ограниченным, соподчиненным только интенсивной мотивации, без опосредования промежуточными целями, что приводит к затруднениям и коррекции своего поведения: оценка ситуации становится неадекватной, смысл собственных действий отражается в сознании лишь частично, в виде эмоциональной окраски переживаний, контроль действий оказывается практически утраченным и, несмотря на формальную сохранность прогнозируется результата своих поступков, оценка их последствий дезактуализируется — на первый план выступает непосредственная разрядка высокой эмоциональной напряженности, сопровождающейся враждебными переживаниями.

Таким образом, при сохранности внешних ресурсов свободы выбора действия, у этих лиц резко ограничены личностные ресурсы,

187

в первую очередь вследствие личностной дисгармонии и решающего вклада в механизм агрессивного поведения склонности к самовзвинчиванию. Склонность к самовзвинчиванию — понятие, широко используемое в психиатрии, — является причиной роста внутреннего эмоционального напряжения вне зависимости от ситуативных факторов. Эмоциональное напряжение, связанное с невозможностью реализации диспозиционной агрессивности в силу наличия личностных структур, препятствующих этой реализации, в этом случае развивается аутохтонно, и его нарастание никак не связано с содержанием и динамикой внешней ситуации. Поэтому здесь четко прослеживается связь между характером психического расстройства и ограничением способности к осознанию и регуляции своего поведения, что и дает основания оценивать обвиняемых в криминальной агрессии как ограниченно вменяемых.

В отличие от обвиняемых с развитым самоконтролем, лиц, которые реализуют свою склонность к самовзвинчиванию непосредственно (не отсроченно) в конфликтной ситуации, обычно признают вменяемыми без всяких ограничений, поскольку, не противодействуя ее влиянию на свое поведение, они обнаруживают осознанное игнорирование самоконтроля известных им психических недостатков. Как отмечает О. Д. Ситковская (1998, с. 175), «влияние психических аномалий на поведение в типичных или предвидимых ситуациях в большинстве случаев заранее известно субъекту».

Ограниченно же вменяемые субъекты пытаются контролировать тенденцию к самовзвинчиванию, и им на некоторое время это удастся, однако личностная дисгармония приводит к утрате этого самоконтроля. Им практически не удастся перейти на смысловой уровень регуляции поведения, их действия регулируются согласно диспозиционной логике.

Решающим фактором, ограничивающим свободу выбора действия при отсроченной агрессии, выступает интенсивность эмоциональной напряженности, рост которой обусловлен, при наличии структур, тормозящих агрессивные побуждения (диспозиционного характера), склонностью к самовзвинчиванию как выраженной чертой личности. Дисгармоничная структура личности является следствием психического расстройства в виде психопатии или психопатоподобных состояний, вследствие этого экспертное заключение должно касаться ограниченной вменяемости (ст. 22 УК РФ), а выявленное психологом существенное влияние

188

на поведение индивидуально-психологических особенностей должно быть интегрировано в вывод об ограниченной вменяемости и использовано при его обосновании.

Пример 26. Обвиняемая А., 21 год. Обвиняется в попытке убийства своей сестры. Родители злоупотребляли алкоголем, вскоре после ее рождения разошлись. Через 5 лет после рождения обвиняемой ее мать лишили родительских прав, и с этого времени она с сестрой воспитывалась в детском доме. Училась удовлетворительно, но отличалась конфликтным поведением, была криклива, злобна, пропускала занятия, на замечания отвечала бранью, бродяжничала, занималась кражами, была озабочена в сексуальном отношении. С 11 до 14 лет неоднократно помещалась в детскую психиатрическую больницу, где у нее отмечали расторможенность, развязность, колебания настроения, несдержанность, агрессивность, возбудимость. Окончила 8 классов в школе-интернате, после окончания школы нигде не работала, проживала у своей матери.

В день совершения правонарушения выпила со знакомым незначительное количество спиртного, вечером пошла в гости к своей сестре. У сестры затеяла ссору, возник конфликт, во время которого сестра брызнула ей в лицо газ из баллончика. А. сильно разозлилась, но сдержала себя и ушла из квартиры. Через несколько часов она вернулась к сестре в агрессивном состоянии, сразу стала наносить сестре удары ножом в область живота и груди, а, когда та вырвалась и выбежала на улицу, преследовала ее с ножом в руке.

Во время экспертизы в беседу вступает охотно, держится свободно, непринужденно. О компрометирующих ее сведениях умалчивает, фиксирует внимание экспертов на том, что у нее не сложилась жизнь, что с детства была лишена родительской заботы, воспитывалась в детдоме и интернате, где к ней относились плохо, направляли в психиатрические больницы, чтоб «сделать из нее дуру». Правонарушение не отрицает. При экспериментально-психологическом исследовании обнаруживается невысокий уровень интеллектуального развития, неустойчивость и огрубление эмоциональных проявлений, склонность к самовзвинчиванию, к реакциям раздражения, вербальной и поведенческой агрессии, нетерпимость к внешним замечаниям и оценкам, эгоцентризм, ранимость, обидчивость, склонность к вытеснению истинных причин конфликтов. В то же время выявляется склонность к откладыванию разрешения конфликтов, контроль непосредственных побуждений, высокая стрессоустойчивость, достаточная адаптация в проблемных ситуациях и межличностных отношениях. Комиссия экспертов пришла к заключению, что А. является психопатической личностью возбудимого круга, сформировавшейся на органически неполноценной почве. Установлено, что первоначально сформированная структура

личностного расстройства (возбудимость, неустойчивость) в последующем видоизменилась, патохарактерологические особенности частично компенсировались

189

самоконтролем, а также психастеническими проявлениями (ранимость, плаксивость и т. п.).

Повышенный самоконтроль А. обусловил ее отказ от агрессивного способа решения конфликтной ситуации. Однако в результате самовзвинчивания произошел рост эмоционального напряжения со значительной интенсификацией агрессивной мотивации, разрядка которой и наступила в криминальных действиях. В подобных случаях целесообразно применять ст. 22 с последующим наблюдением психиатром в случае осуждения.

Ж. При ситуативной агрессии, так же как и при непосредственной, криминальные действия являются осознанной реализацией собственной высокой агрессивности, только актуализирующейся не в нейтральных условиях, а в ответ на психотравмирующие обстоятельства и воздействия. Обвиняемые отличаются ценностным самопринятием своей агрессивности и считают агрессию допустимой формой ситуативной реакции. Поэтому в отношении подэкспертных лиц, совершивших преступления по психологическому механизму ситуативной агрессии, никаких экспертных оценок, кроме констатации их способности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими при совершении инкриминируемых им деяний, не выносилось.

3. При агрессии в структуре эмоционального возбуждения в ряде случаев устанавливается такая высокая степень эмоционального возбуждения, возникающего сразу после психотравмирующего воздействия, которая обуславливает частичное сужение сознания и препятствует полноценному осознанию своих действий и их произвольной регуляции. Наиболее значимым в правовом отношении при этом варианте агрессии является квалификация физиологического аффекта, как аффекта, развившегося непосредственно в ответ на противоправные или аморальные действия потерпевшего.

При физиологическом аффекте агрессивное побуждение формируется в ответ на экстремальные психотравмирующие воздействия и носит сверхинтенсивный характер с мгновенной мобилизацией энергетических ресурсов. Принятие решения и выбор действия происходят непосредственно, импульсивно и безальтернативно. Оценка ситуации и самооценка на этапе формирования побуждения и выбора действия грубо дихотомична (гнев — страх, преодоление — избегание). Как показано В. К. Вилюнасом (1986), в формировании аффективной мотивации большую роль играет эмоция успеха-неуспеха. Агрессивное действие во время физиологического

190

аффекта — это первое и единственное эмоционально обусловленное решение, в сознании не актуализируются иные возможные выходы из психотравмирующей ситуации, что субъективно переживается как «субъективная безвыходность».

При оценке психологического механизма физиологического аффекта уместнее говорить не об автоматизированности действий, а об автоматизированности мотивации. Инициация действия практически слита с выбором действия, что обвиняемыми субъективно ощущается как «субъективная внезапность» импульса к действию. Рефлексия как решение задачи на

смысл практически отсутствует — субъект не успевает осознать основания своего поведения, что приводит к тому, что чаще всего на постаффективной стадии наступает субъективное «отчуждение» криминального действия — подэкспертные лица не могут поверить, что они смогли совершить криминально-агрессивные акты. Рефлексия как объективация нарушена в силу частичного сужения сознания — человек не может в момент совершения деликта осознать в полной мере окружающую обстановку, реальную ситуацию, его восприятие отличается фрагментарностью и неполнотой. Инициированное действие практически не может быть изменено или приостановлено — окончание криминального действия происходит не в связи с изменением ситуации, а вследствие истощения аффективного побуждения, что закономерно приводит к физической и психической астении, обусловленной бурной энергетической разрядкой. Само действие не поддается контролю, прогноз результата возможен, но мало дифференцирован (прогнозируется не убийство, а избавление от психотравмирующего, опасного, угрожающего и т. п. воздействия), оценка последствий отсутствует, что указывает на полностью ситуационный характер мотивации при физиологическом аффекте.

Таким образом, при классическом физиологическом аффекте (непосредственной аффективной реакции в ответ на противоправные или аморальные действия потерпевшего) ограничены как внешние ресурсы свободы выбора действия (поведением потерпевшего, психотравмирующими особенностями ситуации), так и внутренние (в силу частичного сужения сознания). Способность к трансценденции, к переходу на смысловой уровень регуляции практически отсутствует — доминирует потребностно-реактивная логика поведения. Субъективно человеком это ощущается как совершение «чуждых» для него действий, а одним из экспертных критериев, отражающим снижение уровня регуляции аффективного

191

поведения, является несоответствие действий обвиняемого в состоянии физиологического аффекта его ценностно-смысловой сфере, направленности его личности или типичным для него способам реагирования.

При физиологическом аффекте ограничение свободы при выборе действия обусловлено прежде всего очень высоким уровнем эмоционального возбуждения, сопровождающегося частичным сужением сознания, возникшим в ответ на психотравмирующую ситуацию. Поэтому наиболее адекватным экспертным выводом является заключение об аффекте (как внезапно возникшем сильном душевном волнении, вызванным насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями потерпевшего по смыслу ст.ст. 107, 113 УК РФ).

Пример 27. С., 19 лет, обвиняется в убийстве незнакомого ему человека. Представитель одной из народностей Дагестана. Был воспитан в полной семье, в соответствии с этно-культуральными традициями своей народности — в соответствии с исламскими традициями, в духе почтительности к родителям и старшим, развития чувства собственного достоинства и т. п. В лагере для беженцев встретил незнакомого мужчину старше себя, разговорился с ним. Вдруг неожиданно для С. его собеседник стал оскорблять мать С., заявив, что его мать «гуляющая», «спала со всеми». В ответ на эти высказывания С. совершил убийство этого мужчины, нанеся тому 98 ударов ножом в различные части тела.

При экспериментально-психологическом обследовании было выявлено, что для С. особо значимы ценностные религиозные ориентации, культуральные нормы поведения. Он привержен следованию социально одобряемым нормам поведения, в то же время его

отличает эмоциональная неустойчивость, аффективная ригидность, импульсивность и снижение опосредованности в поведении, высокая чувствительность, активность, смелость. Психологический анализ материалов уголовного дела позволил прийти к выводу, что С. в момент совершения инкриминируемого ему деяния находился в состоянии физиологического аффекта, с типичной трехфазной динамикой возникновения и развития эмоциональной реакции. На первой фазе эмоциональной реакции у С. наступило ощущение субъективной безвыходности из сложившейся ситуации с одновременной субъективной внезапностью аффективного взрыва. На стадии аффективного взрыва у него наблюдалось частичное сужение сознания с фрагментарностью восприятия, заполненностью сознания переживаниями обиды и ярости, нарушениями регуляции своих действий с двигательными автоматизмами. Постаффективная стадия характеризовалась выраженной астенией, ощущением опустошенности и усталости. Экспертами

192

было также установлено существенное влияние индивидуально-психологических особенностей в виде этно-культурально обусловленных ценностных ориентаций, которые способствовали восприятию действий и высказываний потерпевшего как особо психотравмирующих, и тем самым оказали существенное влияние на его поведение, явившись одним из условий генеза физиологического аффекта. Психиатрами у С. были диагностированы последствия травматического поражения головного мозга.

Вопреки рекомендациям некоторых авторов расценивать аффекты, возникающие у лиц, находящихся в состоянии простого алкогольного опьянения, не как «физиологические», а как «аномальные» (Кудрявцев И. А., 1988, 1999), в реальной экспертной практике у них квалифицируются физиологические аффекты, структура и динамика которых подчиняются тем же закономерностям, что и выраженные эмоциональные реакции трезвых лиц (Ситковская, 1983). Феноменологические критерии оценки эмоциональной реакции как физиологического аффекта и психологические механизмы у них — идентичны.

Пример 28. К., 32 года, обвиняется в нанесении тяжкого вреда здоровью собственного мужа. Воспитывалась в полной семье, в хороших условиях. Окончила 10 классов, работала на производстве. Была замужем, развелась и повторно вышла замуж, имеет одного ребенка. В день правонарушения вместе с мужем пошла в гости к его родителям, там употребляла алкогольные напитки. Вернувшись домой, они с мужем сидели на кухне, где пили алкогольные напитки и разговаривали. Неожиданно за разговором муж заявил ей, что «любит другую женщину». К. схватила лежащий на кухонном столе нож и нанесла множественные ранения своему супругу.

По данным экспериментально-психологического исследования и материалам уголовного дела, у К. выявились такие личностные особенности как высокий интеллект, общительность, активность, смелость, решительность, упорство при достижении цели, вместе с тем — эмоциональная неустойчивость и высокая тревожность. Установлен диагноз «психически здорова». Анализ криминальной ситуации и динамики эмоциональной реакции позволил экспертам прийти к выводу, что К. в момент совершения инкриминируемого ей деяния находилась в состоянии физиологического аффекта.

Вместе с тем, наряду с диагностикой физиологического аффекта, у лиц, совершивших криминально-агрессивные действия под влиянием и эмоционального возбуждения и алкогольного опьянения в психотравмирующей ситуации, в некоторых случаях устанавливается ограниченная вменяемость. Этот вид ограниченной вменяемости впервые

выделен И. А. Кудрявцевым (1999, с. 149—151). Психологический механизм ограничения осознания и регуляции своего

193

поведения при этом виде экспертной оценки отличен от неполной способности к осознанно-волевому поведению при физиологическом аффекте.

Ограниченная вменяемость при этом варианте криминальной агрессии устанавливается в основном у лиц с органическим поражением головного мозга. У таких подэкспертных, при всем разнообразии их индивидуально-психологических особенностей, диагностируется «эпилептоидный радикал» личности с аффективной ригидностью, склонностью к фиксации на отрицательных переживаниях и их накоплению, негибкостью поведения, повышенной подозрительностью, злопамятностью, ощущением недоброжелательного или враждебного отношения со стороны окружающих.

Правонарушения у этих обвиняемых возникают в ответ на психотравмирующие воздействия со стороны потерпевших, чаще всего — на высказывания оскорбительного характера, затрагивающие наиболее значимые для обвиняемых личные переживания, во время совместного употребления алкогольных напитков.

Агрессивное побуждение, таким образом, ситуационно обусловлено и характеризуется, как и при физиологическом аффекте, выраженной интенсивностью. Наблюдается и частичное сужение сознания, однако оно выражается не столько в фрагментарности восприятия (как при аффекте), сколько в заполненности сознания переживаниями, связанными с психотравмирующими обстоятельствами. В силу повышенной эпилептоидности и ригидности эти переживания носят «застойный» характер, препятствуют процессам рефлексии, оценке окружающей обстановки, самооценке, что обуславливает безальтернативный выбор агрессивного действия. Инициация действия является импульсивной, слитой с принятием решения, а возможность коррекции для возможного изменения действия или его остановки ограничена отсутствием оценки промежуточных результатов, сниженным контролем и прогнозом возможных последствий своего поведения. Ограничение контроля выступает как эффект суммарного действия одновременно трех факторов — психотравмирующего характера ситуации, состояния алкогольного опьянения, и, в первую очередь, личностными особенностями обвиняемых с исходной дефицитарностью структур, способных тормозить проявление агрессивных побуждений. Поскольку и эпилептоидность (как фактор, определяющий особенности восприятия психотравмирующих воздействий и инициацию агрессивных действий), и невыраженность личностного контроля своего поведения непосредственно формируются

194

под влиянием органических мозговых нарушений, закономерным является экспертный вывод о неспособности таких обвиняемых в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими вследствие психического расстройства (ст. 22 УК РФ).

Характерно, что внешне динамика психического состояния обвиняемого напоминает развитие эмоциональной реакции по типу физиологического аффекта. Однако даже феноменологически криминальное действие не приводит к разрядке эмоционального напряжения, злобное и brutальное отношение к жертве остается и после совершения правонарушения и посткриминальная фаза не сопровождается какими-либо проявлениями

психической и физической астении. Психологический механизм криминальной агрессии, как видно, отличен от внутренней структуры физиологического аффекта. Такие эмоциональные состояния описаны И. А. Кудрявцевым (1988, 1999) как «аномальные аффекты».

Диагностика аномального аффекта, таким образом, должна приводить не к квалификации «аффекта» (внезапно возникшего сильного душевного волнения) по смыслу ст. 107 и ст. 113 УК РФ, а к установлению ограниченной вменяемости по смыслу ст. 22 УК РФ.

В этом варианте психологического механизма криминальной агрессии свобода выбора действия определяется как резким ситуативным ограничением внешних ресурсов (противоправные действия потерпевшего), так и выраженным ограничением личностных ресурсов, определяемых психической патологией и состоянием опьянения. Доминирует реактивная детерминация противоправного поведения, подкрепляемая выраженным влиянием на мотивацию и диспозиционных механизмов. Способность к смысловой регуляции своего поведения существенно снижена.

Пример 29. Д., 64 лет, обвиняется в убийстве 35-летнего сына. Вдовец, на пенсии, проживал в квартире с сыном. Сын злоупотреблял спиртными напитками, и иногда в состоянии опьянения издевался над отцом, но физической агрессии не применял. В целом отношения с сыном у Д. были хорошие. В день правонарушения выпили с сыном бутылку водки, и неожиданно для Д. сын начал его избивать. Сильно испугавшись и разозлившись, Д. схватил со стола кухонный нож и нанес 1 удар по телу потерпевшего. При КСППЭ выяснилось, что Д. страдает органическим поражением головного мозга сложного (травматического, сосудистого) генеза, и в момент совершения инкриминируемого ему деяния он не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

195

Пример 30. Обвиняемый О., 23 года. Во время службы в армии на протяжении 3 месяцев принимал участие в боевых действиях на территории Чечни, был контужен. Вернувшись из армии, нигде не работал, жил у родителей. Совершил три суицидальные попытки, находясь в состоянии алкогольного опьянения. В день правонарушения в лесу употреблял алкогольные напитки с потерпевшей. В ходе разговора потерпевшая стала оскорблять О., называя его «убийцей» в связи тем, что он ей рассказал о службе в Чечне. О. впал в ярость и кулаками, палками и сучьями начал наносить ей удары. Нанес множественные повреждения. После того, как жертва перестала сопротивляться и потеряла сознание, О. не успокоился и утопил ее в близлежащем пруду. Экспертами выставлен диагноз «посттравматическое стрессовое расстройство» и сделан вывод об ограничении способности к осознанию фактического характера и общественной опасности своих действий и руководству ими во время совершения убийства.

И. При агрессии как разрядке эмоциональной напряженности, возникшей в структуре стресса в длительной психотравмирующей ситуации, во многих случаях значимым экспертным решением является установление кумулятивного аффекта и других эмоциональных реакций и состояний кумулятивного генеза, ограничивших способность обвиняемого к осознанно-волевому поведению.

Интенсивность агрессивного побуждения связана с высоким уровнем эмоциональной напряженности, развившейся в длительной психотравмирующей ситуации. До разрядки напряженности для обвиняемых характерен перебор вариантов поведения, направленных на снижение этой напряженности. Он протекает как процесс «совладающего» поведения, но оказывается неудачным. Неудачные попытки разрешить психотравмирующую ситуацию

заканчиваются фрустрациями, что, в свою очередь, по механизму порочного круга, приводит к дальнейшему усилению эмоционального напряжения. После исчерпания всех копинг-стратегий эмоционально обусловленный выбор агрессивного действия (возникающего обычно в ответ на очередную психогению по механизму «последней капли») оказывается импульсивным и безальтернативным. Если при физиологическом аффекте, как непосредственной реакции на единственное психотравмирующее воздействие, выбор действия является первым и единственным, то при кумулятивном аффекте агрессия — субъективно последний и единственный выход из психотравмирующей ситуации. Характерное для кумулятивного аффекта частичное сужение сознания, признаки которого можно наблюдать уже на стадии накопления эмоционального напряжения, снижает возможности рефлексии и осмысления своего поступка. Смысл своих агрессивных действий

196

в момент совершения правонарушения практически не осознается, а сочетание «отчуждения» и «принятия» своего противоправного акта на постаффективной стадии сигнализирует об отчетливом конфликтном смысле собственной агрессии — с одной стороны, она является единственным выходом из сложившейся ситуации, с другой — она противоречит ценностям личности. Способность к оценке и самооценке также снижается уже при выраженном эмоциональном напряжении — именно поэтому повод для аффекта может быть объективно незначительным, «условным» (Печерникова, Гульдман, Остришко, 1983) или «ассоциативно связанным с психотравмирующей ситуацией» (Коченов, 1991), при этом ситуация будет оцениваться субъективно как «безвыходная». Искажения самооценки динамически проявляются на стадии, непосредственно предшествующей аффективному взрыву, в виде ощущения «субъективной беспомощности».

Изменение действия или отказ от него на стадии кульминации аффекта практически невозможны — частичное сужение сознания, эмоционально сверхзначимый характер агрессивного побуждения, быстротечность и интенсивность эмоциональной реакции препятствуют коррекции своих действий. Оценка промежуточных результатов своих действий на стадии кумуляции эмоциональной напряженности в основном негативная, что связано с неудачными попытками совладающего поведения, а на стадии аффективного взрыва — отсутствует, что часто приводит к двигательным автоматизмам. Контроль поведения при накоплении эмоционального напряжения избыточен, что часто связано с индивидуально-психологическими особенностями обвиняемого, а при пике аффекта — снижен. В момент совершения преступления функция прогноза результата своих действий и оценка их последствий фактически не осуществляется. Окончание агрессивного действия при кумулятивном аффекте связано не с оценкой изменения ситуации, а с истощением агрессивного побуждения, разрядкой эмоционального напряжения. Поэтому во многих случаях агрессивные действия сопровождаются нанесением потерпевшему множественных и стереотипно локализованных повреждений.

При агрессивных правонарушениях на высоте аффективных состояний кумулятивного генеза внешние ресурсы свободы выбора действия резко ограничены в силу длительной психотравмирующей ситуации, связанной с определенными действиями потерпевшего. Ограничения накладывают и социальные условия — чаще всего аффективные деликты совершаются в армии, в семье, то

197

есть в ситуациях, накладывающих определенные ограничения ролевого поведения. Снижение возможности свободного выбора действия обусловлено и ограничением

личностных ресурсов, связанных в основном с сужением репертуара копинг-стратегий под влиянием либо ценностей, либо черт личности, тормозящих агрессию. В момент, непосредственно предшествующий кульминации аффекта, способность к выбору действия максимально редуцирована. Способность к трансценденции, к смысловой и социально-нормативной регуляции своего поведения, будучи сохраненной на стадии кумуляции эмоционального напряжения, блокирующей возможность разрядки в агрессивных формах, только способствует росту напряжения. В момент аффективного взрыва смысловая регуляция поведения, опосредующая действия личностными ценностями, не осуществляется, хотя непосредственным поводом для аффекта может быть дискредитация именно ценностного уровня человека («унижение чести и достоинства»).

Аналогичный механизм нарушения свободы выбора действия под влиянием частичного сужения сознания можно установить и при выраженном эмоциональном напряжении, оказывающем существенное влияние на сознание и поведение обвиняемого. Феноменологически кульминация эмоционального напряжения носит невзрывной характер, тем не менее на высоте напряжения наступает частичное сужение сознания, которое и определяет ограничение способности обвиняемого к осознанно-волевому поведению.

Таким образом, в рассматриваемом варианте психологического механизма криминальной агрессии ограничение свободы выбора действия обусловлено прежде всего интенсивным эмоциональным напряжением, возникшем в структуре стресса в условиях длительной психотравмирующей ситуации, в генезе которого существенную роль играют тормозящие агрессию личностные структуры. На высоте эмоционального напряжения (часто сменяющегося эмоциональным возбуждением, аффективной реакцией) частичное сужение сознания определяет интенсивность агрессивного побуждения и невозможность изменения направленности агрессивных действий. Экспертное заключение в данном случае формулируется как наличие состояния аффекта у обвиняемого в момент совершения правонарушения (как внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего, по смыслу ст.ст. 107, 113 УК РФ).

198

Пример 31. Комплексная судебная психолого-сексолого-психиатрическая экспертиза П., обвиняемой по ст. 105 ч. 1 УК РФ в убийстве отца. Из материалов уголовного дела и со слов испытуемой известно следующее. Родители П. проживали в городе С. Отец злоупотреблял алкоголем, «кодировался», эпизодически принимал наркотики. По характеру был раздражительный, вспыльчивый, неуравновешенный, властный, педантичный, жестокий, жадный. Работал в торговле. В подростковом возрасте находился в местах лишения свободы 4 года. Мать по характеру строгая, «холодная», по профессии — учитель музыки. П. была единственным ребенком в семье. Беременность у матери протекала с токсикозом, обострением пиелонефрита, угрозой выкидыша. П. родилась недоношенной, с обвитием пуповины вокруг шеи, желтухой, ателектатической пневмонией. Раннее развитие протекало без особенностей. Перенесла без осложнений ряд детских инфекций. Росла активным, подвижным, общительным ребенком. Посещала детские дошкольные учреждения. В этот период отец часто в состоянии алкогольного опьянения избивал мать, а ее наказывал — «ставил в угол», закрывал в темной комнате. Испытывала страх перед отцом, боялась темноты. Не выговаривала некоторые буквы, занималась у логопеда. Когда ей было 6 лет, родители развелись, разменяли жилплощадь. Отец стал проживать отдельно, занялся предпринимательством, создал собственную коммерческую фирму. В последующем переехал в Москву, повторно женился, воспитанием дочери не занимался. В

общеобразовательную школу П. пошла с 7 лет. Подруги и знакомые характеризовали ее как отзывчивую, добрую, общительную, жизнерадостную, целеустремленную, бескорыстную, работоспособную, веселую, уравновешенную. По их мнению, она была «человеком правильных устремлений». Однако душу при этом открывала немногим, была гордой. Нравилась парням, но легкомысленной в отношениях с ними не была. Училась с интересом, обладала хорошими способностями, легко усваивала учебную программу. Активно участвовала в общественной жизни школы, была старостой класса. Параллельно училась в музыкальной школе, посещала секции аэробики, кикбоксинга, закончила водительские курсы. В 14 лет была изнасилована знакомыми подростками. В 16 лет от случайной половой связи заболела сифилисом, проходила курс лечения в кожно-венерологическом диспансере. Позднее в течение полутора лет встречалась с молодым человеком, забеременела от него. По настоянию матери, против своего желания, сделала аборт. С молодым человеком рассталась, так как он был, по ее словам, грубым, эгоистичным, малообразованным, постоянно ревновал ее. После окончания 11 классов поступила в один из вузов города С. Проявила себя за время учебы с положительной стороны, принимала активное участие в культурно-массовой работе университета, являлась старостой группы. Согласно показаниям П., когда ей было 18 лет, в июле отец пригласил ее на свою дачу под городом С., на которую часто приезжал отдыхать

199

из Москвы во время отпусков, где изнасиловал ее. В последующем отец постоянно насиловал ее, оскорблял, угрожал, избивал. Требовал, чтобы она, общаясь с другими, улыбалась и смеялась, чтобы скрыть «многоговорящую рожу». Настаивал на том, чтобы она поехала с ним жить в Москву. Через 3 месяца после первого изнасилования она прервала беременность от отца, сделав аборт. Согласно показаниям матери и подруги П., ее отец часто стремился уединиться с дочерью, ездил с ней на дачу, увозил на ночь, на несколько дней взял с собой на Черное море. Стал проявлять настойчивость в том, чтобы дочь переехала к нему в Москву, «кричал и ругался, если дочь уходила к друзьям», пытался контролировать ее действия — «везде ее разыскивал, постоянно звонил». С этого периода П. изменилась, стала замкнутой, малообщительной, скрытной, при этом рассказала подруге, что ее изнасиловал отец и она его очень боится, что «ей жутко, больно и обидно». Вторая жена потерпевшего отмечала, что П. «в последнее время была странной, у нее резко менялось настроение, она постоянно неестественно улыбалась и смеялась». В январе следующего года П. по настоянию отца переехала в Москву, перевелась на учебу в один из вузов города. Стала проживать совместно с отцом в снимаемой им квартире. Сокурсники характеризовали ее активной, общительной, отмечали, что ее действия контролирует отец, она «постоянно торопилась домой». Родственники по линии отца считали ее «развязной, вызывающей», выглядела она всегда «веселой, жизнерадостной, счастливой». Работники фирмы, которой владел потерпевший, отмечали, что «отношения П. со своей дочерью были похожи на отношения мужа и жены», он постоянно контролировал дочь, поставил специально спаренный телефон (домашний с рабочим), чтобы проверять присутствие дочери дома, звонил ей несколько раз в день. Она очень часто бывала на работе у отца, где у нее замечали странности в поведении: «На лице у нее всегда была улыбка, она была в приподнятом настроении, однако, найти с ней контакт, о чем-то поговорить было невозможно».

В ночь с 13 на 14 марта П., находясь в квартире, застрелила своего отца. После содеянного она была сразу задержана. При освидетельствовании у нее в крови и моче алкоголя обнаружено не было. Соседи показали, что до происшествия из квартиры, которую снимал отец П., однократно слышали женский плач, а ночью 14 марта они проснулись от сильного грохота, стонов и плача, в связи с чем вызвали милицию. Работники милиции, прибывшие по вызову, показали, что дверь им открыла П. Она сказала «я его убила», показала ружье, стала бегать по комнатам, нервничала, курила, расплакалась, у нее дрожали руки, хотя на вопросы

она отвечала адекватно, спокойно, «казалась задумчивой». Она говорила, что желает отцу смерти и боялась, что он выживет. Пройдя в туалет, она достала баночку, сказала. «Вот, у меня даже его сперма есть», при этом с силой бросила ее на пол. Рассказывала о том, что отец с ней совершал насильственные половые акты.

200

При стационарном обследовании было выявлено следующее. В соматическом состоянии патологии не отмечалось. Заключение невропатолога: «Незначительно выраженные органические изменения центральной нервной системы перинатального генеза». Была ориентирована всесторонне правильно, цель экспертизы понимала. В беседу вступала охотно, на вопросы отвечала подробно, последовательно, припоминая все детали. Держалась спокойно, уверенно, стремилась произвести хорошее впечатление, изредка была демонстративна. Сведения о себе сообщала полно, откровенно, искала сочувствия и сострадания. Тонко чувствовала ситуацию собеседования, легко откликалась на шутки, улыбалась, смеялась. Хотя утверждала, что это «маска», а на душе у нее тоскливо и тревожно за свою дальнейшую судьбу. Себя характеризовала общительной, открытой, активной. Признавала, что любит музыку, хорошо играет на пианино, пишет стихи. С неохотой об этом говорила, считая, что «сам человек не должен себя хвалить». Сообщала, что все свои переживания всегда хранит глубоко внутри себя, так как «не хочет других обременять своими чувствами». Из близких людей называла только одну подругу, которой могла довериться в трудных ситуациях. Начиная со старших классов, она стала задумываться над жизнью, начала «искать себя, свою веру». По совету подруги посещала «протестантскую церковь», но со временем поняла, что ей ближе православие. С удовольствием размышляла о жизни. С сожалением отмечала, что мать ее сейчас попала под влияние «этой секты». При рассказах о своих взаимоотношениях с отцом становилась серьезной, взволнованной. Вспоминала, что с детства боялась отца, но когда он после длительного разрыва стал обращать внимание на нее, дарить дорогие подарки, то «потянулась» к нему, так как «он ведь отец все-таки мне». Когда отец изнасиловал ее на даче, то испытала шок, долго не могла прийти в себя. Волнуясь, повышая голос, объясняла, что у нее «не было выхода», когда он стал ее регулярно насиловать, так как она была зависима от него, боялась побоев, его мести ей и матери, боялась позора. Ждала, когда отец одумается, попросит прощения и начнет относиться к ней как к дочери. Поясняла, что научилась «отключаться», замыкаться в себе, хотя постоянно вынуждена была улыбаться, так как отец заставлял «изображать довольную». Сообщала, что особенно тягостно стало после того, как отец заставил ее переехать к себе в Москву. Состояние было все время тоскливое, не могла ничем заниматься — читать, смотреть телевизор. Часто плакала, пропал аппетит, нарушился сон, снизился вес. Стали одолевать мысли об убийстве отца, которые она отгоняла от себя. О самоубийстве боялась думать, так как считала, что «отец хочет ее довести до этого и решить сразу все проблемы». В связи с этим она и не употребляла алкоголь. За день до происшествия у нее начались месячные, но отец заставил ее совершить оральные половые акты. Говорила, что испытала в тот момент ужас, ощущение гадливости, не могла отключиться от ситуации, как это делала ранее, от

201

мысли, что «он меня насилует, он меня убьет». Поэтому решила оставить его сперму, собрав в баночку, как доказательство насилия. В следующую ночь накануне происшествия отец снова принуждал ее к половой связи, угрожал ножом, сделал ей два поверхностных надреза на животе. П. еле отговорила тем, что «у нее месячные». Лежа в постели с отцом, долго не могла уснуть, в голове «навязчиво крутились» мысли об убийстве как выходе из такого положения («только одна мысль — лишь бы его не было со мной рядом»), но отгоняла их от

себя, поскольку «все-таки он отец». Но когда отец «заскрежетал» во сне зубами, то «не смогла с собой совладать, я даже скрипа его боялась», побежала, схватила заряженное ранее ружье. Уточнила, что когда она заряжала за день до этого ружье, то думала, что им она будет защищаться и «до убийства не дойдет». Но даже когда она взяла ружье, то не смогла выстрелить. Положила его, легла снова в постель, при этом заметила, что «успела одеть зачем-то перчатки». Очень удивилась этому, потому что не помнила, как она их одевала. Поясняла, что дальнейшие события помнит отрывочно. Помнила, как отец снова «заскрежетал» зубами, ее это «панически взбесило» и она «потеряла контроль над собой». Опять взяла ружье, встала на кровать. Тут перед глазами у нее пробежала вся жизнь с отцом — как «картинки в кино». Звук выстрела не слышала, увидела красно-желтый свет и ощутила резкий запах. Не помнила, как очутилась в другом конце комнаты, услышала крик отца. Еще раз выстрелила, так как было чувство, что «надо просто стрелять, неважно куда». В тот момент ей показалось, что она «поседела от кончиков волос», испытала ужас, страх. Побежала по коридору. Утверждала, что бежала к отцу спиной, но все-таки видела, как он бежит за ней, качается, ударяется, видела, как он руками держит рану. Не помнила, как открывала входную дверь, где взяла ключи, но когда очутилась на лестничной клетке, то «вдруг увидела себя сверху, увидела себя и отца одновременно». А когда «вернулась в себя», то «стала какой-то спокойной, ни о чем не думала, страх перед отцом прошел, ощущала пустоту, не было никаких чувств». Не помнит, как закрыла дверь, пошла в комнату. Помнила, как стояла рядом с умирающим отцом и не боялась его. Потом пошла за ножом, но поняв, что он ей не нужен, отнесла его обратно. Когда отец охнул два раза, она его ударила ружьем по голове, потому что «какая-то ярость вспыхнула». Стояла рядом с ним и не могла сдвинуться с места, а потом поняла, что слышит звонки в дверь, крикнула: «Иду», но дверь открыла позже, когда уже смогла сдвинуться с места. Сотрудникам милиции односложно объясняла ситуацию, испытывала ощущение, что «это она сделала и в то же время, что она не могла этого сделать». Испугавшись, что отец может выжить, стала ходить по комнатам, повторяя: «Чтобы он не выжил». Утверждала, что вначале испытывала облегчение, спала в камере после задержания почти трое суток, вставая только на допросы, а потом появилась тревога, стала себя винить в убийстве отца. Говорила, что после пережитого

202

не может смотреть на мужчин, так как «что-то да напомним ей отца», сразу после содеянного у нее часто были навязчивые воспоминания о насилии, часто снился отец. Думает сейчас о будущем, хочет сменить фамилию, продолжить учебу. За время пребывания в отделении П. была спокойна, приветлива, много читала, легко сходилась и ладила с соседями по палате, была активна, общительна. Суждения порой недостаточно зрелые. Эмоциональные реакции адекватны. Фон настроения ровный. Критическая оценка сложившейся судебно-следственной ситуации и собственного состояния не нарушена. При экспериментально-психологическом исследовании у нее выявились черты незрелости личности, в структуре которой склонность к вытеснению эмоциональных переживаний отрицательного характера (что обуславливает низкий уровень актуальной тревоги) сочетается с подчиняемостью, зависимостью, конформностью в поведении. Для испытуемой характерны способность к высокой активности, гибкость поведения, общительность, эмоциональная отзывчивость, синтонность, а также склонность к риску при тенденции прогнозировать возможные последствия своих поступков, высокая степень опосредования своих действий, умение понимать мотивы окружающих. Отмечаются эмоциональная устойчивость, достаточно высокий самоконтроль, хорошее усвоение морально-этических норм. Обнаруживаются сензитивность, высокая чувствительность к эмоциональным нюансам. В конфликтных, фрустрирующих условиях у нее проявляются пассивность, нерешительность, трудности самостоятельного конструктивного решения проблем, избегание агрессивных форм поведения, защитное стремление субъективно снижать значимость фрустрации. Состояние

испытуемой характеризуется обеспокоенностью будущим, тревожным ожиданием, подсознательной фиксацией на психотравмирующей ситуации (связанной с incestом), сопровождающейся комплексом эмоций, связанных со страхом, растерянностью, терпением и злостью. Выраженных расстройств памяти, мышления не обнаруживается. Отмечаются нерезко выраженные колебания внимания. В заключении сексолога отмечена недифференцированность полоролевой идентичности, недостаточная эмоциональная и смысловая интериоризация женской половой роли при отрицательном эмоциональном восприятии образа мужчины.

Психологический анализ материалов уголовного дела и результатов клинко-сексолого-психологического обследования свидетельствует о том, что на протяжении 8 месяцев до совершения инкриминируемого ей деяния П. находилась в условиях психотравмирующей ситуации, связанной с насильственными incestными отношениями со своим отцом, систематически подвергаясь сексуальному насилию, физическим побоям, психическому принуждению к сексуальным отношениям, гипертрофированному контролю личной жизни. Психо-травмирующий характер ситуации предопределил возникновение и развитие у П. выраженной эмоциональной напряженности. Развитию

203

эмоциональной напряженности, кроме ситуативных психотравмирующих факторов, способствовали и ее индивидуально-психологические особенности, в первую очередь личностная незрелость, подчиняемость, зависимость, конформность в поведении, сензитивность, высокая чувствительность к эмоциональным нюансам, недостаточное развитие полового самосознания, половозрастной идентичности, а также особенности ее реагирования на фрустрацию — пассивность, нерешительность, трудности самостоятельного конструктивного решения проблемных ситуаций. Кумуляция эмоциональной напряженности была обусловлена и механизмами психологической защиты, характерными для П., — вытеснением психотравмирующих переживаний; инкапсуляцией конфликтных, фрустрирующих воздействий («при изнасилованиях тело было как бы само по себе, а я — душа — в другом»), неосознаваемым снижением субъективной значимости психотравмирующей ситуации. Попытки П. найти выходы из ситуации, совладать с ней, блокировались либо объективными обстоятельствами, либо субъективным представлением о невозможности их реализации (обратиться в милицию ей мешало представление о том, что «у отца хорошие отношения с отделением милиции, он мог откупиться, и даже — если его посадят — когда он выйдет, для меня будет еще хуже»; побег к матери был субъективно неосуществим из-за угроз отца, что он их «везде найдет»; наиболее вероятный выход из сложившейся ситуации — уйти в общежитие — не осуществлялся по независящим от нее причинам). Вследствие этого заблокированные варианты совладающего поведения сами приобретали характер фрустрации и тем самым приводили к дальнейшему усугублению состояния эмоциональной напряженности по механизму «порочного круга», способствуя формированию у П. восприятия ситуации как безвыходной. О глубине эмоциональной напряженности свидетельствуют снижение фона настроения, сужение круга интересов, постоянное чувство страха и тревожного ожидания, нарушения сна, доминирование в сознании выраженных эмоциональных переживаний, непосредственно связанных со сложившейся психотравмирующей ситуацией, а также диагностированная при экспериментально-психологическом исследовании фиксация на психотравмирующей ситуации (связанной с incestными отношениями с отцом) с комплексом эмоций страха, растерянности, терпения и злости, негативное эмоциональное восприятие мужской половой роли. Примерно за две недели до совершения правонарушения у П. на фоне выраженной эмоциональной напряженности возникли мысли о возможности убийства отца как варианте выхода из субъективно непереносимой ситуации, которые, однако, еще отвергались

сознанием как недопустимые и маловероятные. Но очередное насильственное принуждение ее отцом к совершению орального полового акта (на фоне особого психофизиологического состояния в менструальный период) за день до совершения инкриминируемого ей деяния, привело к разрушению,

204

срыву психологических защитных механизмов, «осознанию со всей очевидностью ужаса положения», к полному доминированию в сознании эмоциональных переживаний, связанных с инцестными отношениями, к функциональным нарушениям интеллектуальной деятельности с навязчивым характером мыслей о сложившейся ситуации, о возможном насилии отца в будущем, к присоединению идей о желании отца «избавиться от нее, довести до сумасшествия или самоубийства», к страху за свою судьбу и жизнь. Мысли о возможном убийстве отца в этот период приобретают уже характер борьбы мотивов, но без принятия решения, без целеполагания. В день правонарушения очередная попытка отца изнасиловать ее с применением ножа («я думала, он меня всю изрежет») на фоне выраженной эмоциональной напряженности с ощущением субъективной безвыходности и непереносимости психотравмирующих воздействий привела к формированию сверхценной аффектогенной мотивации с принятием решения ликвидировать сложившуюся ситуацию, без достаточного прогноза возможных последствий («была мысль — хоть на 10—20 лет посадят меня — и то лучше, чем с ним рядом жить, только одна мысль была — лишь бы его не было со мной рядом»). В то же время она не могла решиться на убийство, пыталась контролировать себя, у нее происходила борьба мотивов. Но после того, как потерпевший «повернулся и заскрипел зубами» («условный» психотравмирующий раздражитель, ассоциативно связанный с эмоциональным комплексом ее переживаний), у нее субъективно внезапно и импульсивно произошла разрядка накопленной эмоциональной напряженности в виде аффективного взрыва по типу «последней капли» с потерей самоконтроля, частичным сужением сознания с фрагментарностью восприятия (зрительного, слухового, интрацептивного), с элементами иллюзорного восприятия и деперсонализации. Постаффективное состояние характеризовалось психической астенией, ощущением «пустоты», «отсутствия мыслей», чувством облегчения и освобождения от страха, неполным осознанием случившегося, дезорганизацией психической деятельности.

На основании изложенного комиссия пришла к заключению, что П. каким-либо хроническим психическим расстройством не страдала и не страдает в настоящее время. В период инкриминируемого ей деяния у нее не обнаруживалось также какого-либо временного психического расстройства, она могла осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. Как следует из психологического анализа материалов уголовного дела и результатов настоящего клинико-сексолого-психологического обследования, П. в момент совершения инкриминируемого ей деяния находилась в состоянии аффекта, протекавшего в виде кумулятивного аффекта с разрядкой по типу «последней капли» накопленного эмоционального напряжения, возникновение и развитие которого было обусловлено длительной психотравмирующей ситуацией, связанной

205

с насильственными инцестными отношениями с потерпевшим. Об этом свидетельствуют интенсивность накопленного эмоционального напряжения со снижением фона настроения, доминированием чувства страха, тревоги, с сосредоточением переживаний на ожидании угрозы дальнейшего сексуального насилия, с ощущением субъективной безвыходности сложившейся ситуации; субъективная внезапность возникновения аффективного взрыва с разрядкой эмоционального напряжения по механизму «последней капли»,

сопровождаясь частичным сужением сознания с фрагментарностью восприятия, резким нарушением процесса целеполагания, расстройствами прогностических функций, появлением несвойственных личности П. агрессивных форм реагирования, снижением критичности и контроля своих действий; психической астенией и дезорганизацией поведения в период после содеянного. Такие индивидуально-психологические особенности П., как личностная незрелость, подчиняемость, зависимость, конформность в поведении, сензитивность, высокая чувствительность к эмоциональным нюансам, особенности ее реагирования на фрустрацию (пассивность, нерешительность, трудности самостоятельного конструктивного решения проблемных ситуаций), характерные для нее механизмы психологической защиты (вытеснение психотравмирующих переживаний, инкапсуляция конфликтных, фрустрирующих воздействий, неосознаваемое снижение субъективной значимости психотравмирующей ситуации), явились одним из основных факторов кумуляции состояния эмоционального напряжения и тем самым оказали существенное влияние на ее поведение во время совершения инкриминируемых ей деяний.

Суд переквалифицировал деяние П. со ст. 105 УК РФ на ст. 107 УК РФ («Убийство, совершенное в состоянии аффекта») и назначил наказание 3 года лишения свободы. Однако П., как подпавшая под действие ранее объявленной амнистии, от отбывания наказания была освобождена.

Этот развернутый пример (хотя и представляющий сокращенный вариант подлинного заключения КСППЭ) позволяет понять общие закономерности динамики и психологической структуры мотивации криминальной агрессии, возникшей у подэкспертной в ответ на длительную психотравмирующую ситуацию, обусловленную аморальными и противоправными действиями потерпевшего.

Психотравмирующая ситуация является постоянным источником роста эмоциональной напряженности. Инцест, сопровождающийся насилием и запугиванием, носит особо психотравмирующий характер, поскольку нарушает не только социальные, но и биологические запреты. Фрустрирующая ситуация резко сужает спектр как объективных, так и субъективных возможностей

206

нахождения адекватного выхода, ограничивает осознание допустимых способов разрешения внутриличностного конфликта. В анализируемом примере круг возможных вариантов разрешения конфликта резко сужен, прежде всего в силу того, что инцест по сравнению с другими психотравмирующими ситуациями не позволяет сознанию актуализировать грозящие оглаской способы избавления от фрустрирующих обстоятельств. Ограничение свободы выбора решения связано также с амбивалентностью чувств жертвы сексуальной агрессии по отношению к насильнику, находящемуся с ней в кровном родстве. Кроме того, субъективный анализ сложившейся ситуации со стороны подэкспертной обуславливает оценку «знаемых» вариантов решений как неэффективных или неприемлемых в силу искажающего влияния страха на смысловое восприятие.

Основными механизмами личностной переработки и переживания ситуации в рассматриваемом случае являются два психических процесса: формирование «психологических защит» и «терпения». В целом, оба механизма обеспечивают «совладание» с психотравмирующим характером ситуации, но с психологической точки зрения, как отмечает Ф. Е. Василюк (1984), их действие противоположно по направленности. Если психологическая защита, сохраняя целостность сознания, искажает образ реальности, то терпение, признавая и принимая реальность, подстраивает под нее субъективность,

пытаясь найти выход в пределах заданных ситуацией границ. Переплетение этих механизмов переживания позволяет личности приспособиться путем терпения к ситуации, отражаемой субъективно в искаженном виде, поскольку в сознании психотравмирующая значимость ситуации снижена.

«Поломка» психологических защит у подэкспертной на определенном этапе накопленной эмоциональной напряженности приводит к разрушению согласованной с внутренним миром образа реальности, осознанию со всей очевидностью истинного смысла своего положения. По существу, происходит порождение нового смысла в виде «инсайта» — внезапного понимания всех смысловых связей и отношений ситуации (Леонтьев Д. А., 1999). В свою очередь, это полностью разрушает и психологический механизм терпения, который не может действовать в «ситуации невозможности» (Василук, 1984). Истощение личностных механизмов совладания с психотравмирующей ситуацией и обуславливает аффективный агрессивный способ ее разрешения, сопровождающийся неполным осознанием значения своих действий, ограничением

207

возможности осуществлять осознанную волевою их регуляцию и контроль.

Аффекты, возникающие вследствие длительной кумуляции эмоциональной напряженности, таким образом, имеют в своей основе сложный процесс смыслообразования и смыслопорождения, и их нельзя сводить к инстинктивным реакциям, обусловленным оценкой биологической значимости внешних стимулов.

Пример 32. Военнослужащий Б. обвинялся в умышленном убийстве своего сослуживца К. Рос и развивался нормально, закончил 8 классов и СПТУ Работал токарем. В возрасте 22 лет женился, на следующий год родился ребенок. Был призван в армию, в строительные войска, в возрасте 25 лет. В батальоне стал подвергаться издевательствам и избиениям со стороны сержанта К. и некоторых других старослужащих. Осуществил демонстративную попытку побега из части с целью привлечения внимания командования к применению к нему неуставных отношений, однако никаких мер командирами не было принято: ни его, ни его обидчиков не наказали, в другую часть его не перевели. В день происшествия Б. утром был избит сержантом К. за отказ чистить его сапоги, и последний пригрозил избить Б. еще сильнее вечером, после работы. Б. не мог работать, думал только о предстоящем избиении, ближе к вечеру принял решение уйти из части. Когда он вышел из строящегося здания, увидел спящего на траве сержанта К. В нем «поднялась злость и ненависть», он поднял лежащий на тропинке железный прут арматуры и нанес три удара по голове К. После этого бросил прут около убитого, убежал на речку и сидел там до тех пор, пока его не нашли. По показаниям свидетелей, «у него дрожали, тряслись руки», «он был бледный», «в глазах у него было тупое выражение». Психологический анализ материалов уголовного дела и данных экспериментально-психологического исследования выявил, что протрагированная конфликтная ситуация в виде систематического унижения чести и достоинства со стороны К. являлась личностно значимой для Б., фрустрация усугублялась его повышенной чувствительностью, самолюбием, сознанием того, что он старше К., имеет сына. Психотравмирующие воздействия обусловили у Б. накопление эмоционального напряжения. Невозможность отреагирования эмоциональной напряженности определялась, с одной стороны, тем, что его действия (побег из части) не дали ожидаемых им результатов, а с другой — кумуляции напряжения способствовали такие его личностные особенности как аффективная ригидность, склонность к застреванию на отрицательных переживаниях, восприятие этих ситуаций как трудноразрешимых, нерешительность. В день

правонарушения после утреннего избиения эмоциональное напряжение достигло высокого уровня, сопровождалось доминирующим чувством страха, сосредоточением переживаний на предвосхищении угрозы, ощущением субъективной безвыходности. На фоне интенсивной эмоциональной напряженности с

208

повышенной чувствительностью к повторным (реальным или потенциальным) фрустрирующим воздействиям у Б. при виде К. субъективно внезапно наступило эмоциональное возбуждение, на высоте которого он нанес удары прутом К. Его действия в этот момент импульсивно реализовали аффективно обусловленную цель избегания предстоящего избиения, явились отреагированием накопившегося эмоционального напряжения, сопровождались снижением контроля поведения, игнорированием возможных последствий своих действий, частичным сужением сознания с фрагментарностью восприятия (Б. не помнил точного количества ударов, их силу). Последующее поведение Б. было нецеленаправленным, состояние его характеризовалось явлениями психического истощения, астении.

На основании изложенного комиссия экспертов пришла к заключению, что эмоциональная реакция у Б. в момент совершения инкриминируемых ему деяний развивалась по механизму кумуляции эмоционального напряжения с последующим его отреагированием и не носила характера физиологического аффекта, однако эмоциональное возбуждение у Б. оказало существенное влияние на его сознание и поведение.

Пример 33. Военнослужащий К., 19 лет, обвиняемый в умышленном убийстве фельдшера Ф. Из материалов уголовного дела, медицинской документации, показаний подсудимого и свидетелей в судебном заседании известно, что ранее К. развивался без заметных отклонений, был скромным, послушным, подчиняемым, не очень общительным, жалостливым, добрым, слабым по характеру, трусливым, стремился избегать конфликтных ситуаций, не мог постоять за себя в случае необходимости, был аккуратным и очень чистоплотным. Попав в армию, стал нерасторопным, не следил за собой, личную гигиену не соблюдал. Через некоторое время начал стационарно лечиться в медпункте части по поводу флегмоны ноги. Ф. заставлял К. делать самую грязную работу, каждую ночь выполнять обязанности дневального, при отказах избивал. Свидетели показывали, что в этот период К. выглядел мрачным, угнетенным, замученным, подавленным. За неделю до правонарушения Ф. дал закурить ему самодельную сигарету с наркотиком, после чего, воспользовавшись беспомощным состоянием К., совершил насильственный акт мужеложества. После этого К. переживал чувство страха, обиды, боялся огласки. В день правонарушения К. был вновь изнасилован Ф. и неизвестным ему «гражданским» в кабинете начмеда. Испытывал чувство унижения, оскорбления, подавленность и страх. Решил покончить жизнь самоубийством, пошел искать веревку в месте хранения инструментов, но ее не нашел. Увидел там гаечный ключ, и возникла мысль убить обидчиков. Вернулся в кабинет, подошел к спящему Ф. и нанес ему удар ключом по голове. После этого ключ выпал из рук, его трясло, возникла мысль «Откуда кровь?». В это время ему показалось, что Ф. «еще хрипит». Перенес тело Ф. в блиндаж, где с помощью брючного ремня

209

потерпевшего повесил его за шею к трубе. Смерть Ф. наступила от механической асфиксии. К. вернулся в палату и заснул. Через час его разбудили, об убийстве вспомнил только тогда, когда стали искать Ф.

Экспертно-психологическое исследование выявило, что после призыва на военную службу у К. наступила социальная дезадаптация сопровождающаяся заострением его личностных черт, появлением регрессивных форм поведения, ограничением круга общения, снижением активности. В период стационарного лечения на фоне дезадаптации, соматического неблагополучия, астенизации, связанной с недосыпанием в результате систематических психотравмирующих воздействий со стороны Ф. у К. происходило накопление эмоциональной напряженности. Присущие К. особенности личности препятствовали непосредственному отреагированию напряженности, повышая чувствительность к вновь возникающим фрустрирующим воздействиям по механизму «порочного круга». Противоправные действия потерпевшего привели к такому усилению эмоциональной напряженности К. (с выраженным страхом, обидой, чувством унижения, сосредоточением эмоциональных переживаний на угрозе возможного повторения случившегося и боязни огласки), что наступило частичное сужение сознания с ощущением субъективной безысходности, суицидальными намерениями в сочетании с доминированием аффективно обусловленной мотивации достичь «ликвидации» сложившейся личностно непереносимой ситуации. Сознание К. с этого момента фиксировалось исключительно на реализации возникшей сверхзначимой мотивации. Это резко нарушило процесс целеполагания и ограничило субъективные представления о возможных способах разрешения сложившейся ситуации, привело к импульсивности принятия решения «убить Ф.». Его последующие действия — нанесение удара ключом, перенос тела потерпевшего и последующее удушение последнего — реализовывали аффективно обусловленную цель, что сопровождалось ограничением адекватной оценки своих действий и прогностических функций (парциальной некритичностью), резким снижением самоконтроля и появлением несвойственной его личностной структуре брутальной агрессии. Последующее поведение К. характеризуется дезорганизацией, истощением, с последующим сном. Комиссия экспертов пришла к заключению, что состояние К. в тот период следует квалифицировать как выраженное эмоциональное напряжение, оказавшее существенное влияние на его сознание и поведение и ограничившее возможность осознания значения своих действий и их контроля, регуляции.

При криминальной агрессии как разрядке эмоционального напряжения, возникшего и накопившегося в структуре внутриличностного конфликта (ревности, нежеланной беременности) в психотравмирующей ситуации, экспертные оценки сводятся к определению выраженного эмоционального напряжения, оказавшего существенное влияние на поведение, или ограниченной вменяемости.

210

Этот вариант криминальной агрессии отличается тем, что при длительной кумуляции эмоционального напряжения агрессивное побуждение связано с потенциальным агрессивным намерением как одной из сторон личностного конфликта. Личностный конфликт носит «внутренний» характер, а при действительных изменах сексуального партнера или реальных требованиях родственников избавиться от плода — «смешанный» характер. Интенсивность побуждения связана с ростом эмоционального напряжения и иногда с диспозиционными факторами (аффективной ригидностью). Рефлексия как способность решить задачу на смысл снижена из-за конфликтного характера личностного смысла своих действий. Возможности оценки и самооценки по мере нарастания эмоциональной напряженности снижаются, поэтому повод для агрессивного акта при ревности может быть и незначительным, мнимым. При убийстве новорожденного повод всегда реален, но оценка ситуации и самооценка резко снижены из-за психофизиологического состояния в момент родов. И в том и в другом случае происходит частичное сужение сознания. В результате выбор агрессивного действия происходит импульсивно, ситуационно и слит с инициацией поведенческого акта. Коррекция поведения

существенно затруднена (хотя и возможна) в силу редукции способности к оценке промежуточных результатов и снижения контроля. Окончание агрессивного действия, как и при кумулятивных аффектах, связано с истощением побуждения, а не реальной оценкой динамики ситуации. В момент совершения криминала практически отсутствует и осознание прогноза возможных последствий своих действий и их оценка.

Таким образом, при всей кажущейся разнородности рассматриваемых видов агрессивных действий — при ревности или нежеланной беременности — психологические закономерности ограничения способности обвиняемых к осознанию и регуляции поведения оказываются сходными. Свобода выбора действия нарушается в силу ограничения и внешних и внутренних ресурсов. Особенно это отчетливо выступает у матерей, совершивших убийство новорожденных. Внешние ограничения связаны с психотравмирующей ситуацией, наступлением беременности в результате изнасилования, измены отца будущего ребенка и т. п., а внутренние связаны с ценностями, со смысловыми представлениями этно-культурального или религиозного характера о недопустимости внебрачной беременности, греховности аборта и т. п., а также с чертами личности — аффективной ригидностью при конфликте в

211

виде ревности, личностной незрелостью при нежеланной беременности. В момент совершения преступления способность к смысловой регуляции действий практически отсутствует, что определяет «внеличностный» характер правонарушений, несоответствие агрессии ценностям обвиняемых.

Основным фактором ограничения способности к выбору свободного действия при агрессии как разрядке эмоциональной напряженности, возникшей в структуре внутриличностного конфликта, является взаимодействие личностных особенностей с психотравмирующей ситуацией, обуславливающее выраженный рост эмоционального напряжения. При конфликте в виде ревности экспертные оценки преступления как совершенного в состоянии ограниченной вменяемости (ст. 22 УК РФ) формулируются при обусловленности внутреннего конфликта аномальной структурой личности, дисгармоничность которой определена психическим расстройством. При конфликте в виде нежеланной беременности правовое значение имеет экспертное определение у обвиняемой эмоциональной напряженности, возникшей в условиях психотравмирующей ситуации (ст. 106 УК РФ), или определение у нее психического расстройства, не исключающего вменяемости (ст. 106 УК РФ). Юридические критерии ст. 106 УК РФ более «мягкие» по сравнению со ст. 22 УК РФ и ст.ст. 107 и 113 УК РФ, не требуют «ограничения способности к осознанию и регуляции своих криминальных действий», но, как показывают результаты исследования, и эмоциональное напряжение, возникшее у будущей матери в условиях психотравмирующей ситуации, и пограничное психическое расстройство в период родов определяют нарушение ее способности к полноценному осознанно-волевому поведению в момент убийства новорожденного ребенка.

Пример 34. Л., 22 года, обвиняется в убийстве своего новорожденного ребенка. По характеру формировалась исполнительской, боязливой, обидчивой, не могла за себя постоять. В школе училась средне, интереса к учебе не проявляла, стремилась к дружбе с мальчиками старшего возраста. Половая жизнь с 17 лет вне брака, имела три беременности, две предыдущие из них закончились искусственными родами. После того, как узнала о последней беременности, в течение двух недель принимала таблетки для ее прерывания, однако безрезультатно. Она решила рожать, скрыв свое состояние от родных. На восьмом месяце беременности вышла замуж за старого знакомого. В день свадьбы Л. сообщила мужу о своей беременности, к чему

он отнесся отрицательно и потребовал прервать ее. В женской консультации направление на аборт ей не дали из-за большого срока беременности,

212

а на искусственные роды требовались большие деньги, которых у нее не было. Тем не менее сообщила мужу, что беременность прервала. В день правонарушения находилась дома с мужем и сестрой. Поздно вечером, запершись в ванной комнате, родила жизнеспособного ребенка, нанесла ему сорок пять колото-резаных ран и выбросила труп младенца в окно.

При экспериментально-психологическом исследовании на фоне невысокого темпа умственной работоспособности, снижения активности внимания и контроля своих умственных действий, нерезко выраженной утомляемости выявилось некоторое снижение объема запоминания, невысокий уровень обобщения и абстрагирования. Были обнаружены следующие индивидуально-психологические особенности: дисгармоничная структура личности с сочетанием, с одной стороны, черт аффективной ригидности, настороженности по отношению к окружающим, осторожности, озабоченности возможными последствиями своих поступков, стремлением их планировать, высокой степени опосредованности собственных действий, сдержанности в общении, и с другой стороны — эмоциональной неустойчивости, снижения контроля эмоциональной сферы, импульсивности, повышенной чувствительности. Выявилась негибкость поведения в стрессовых условиях и неожиданных ситуациях, с легкостью возникновения реакций растерянности, чувства вины, тревожно-депрессивных состояний, неуверенностью в себе и неумением принимать самостоятельные решения в конфликтных ситуациях, зависимостью от мнения старших, тенденцией избегать агрессивных форм поведения при фрустрации.

Клиническое исследование позволило прийти к выводу, что Л. в момент совершения инкриминируемых ей деяний хроническим психическим заболеванием не страдала, обнаруживала остаточные явления органического поражения головного мозга. В этот период времени у Л. не было и признаков какого-либо временного психического расстройства. Эксперты-психиатры пришли к заключению, что Л. могла осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, и рекомендовали суду в отношении инкриминируемого деяния считать ее вменяемой.

Психологический анализ материалов уголовного дела, данных клинико-психологической беседы и экспериментального исследования показал, что состояние Л. в период, предшествовавший инкриминируемым ей действиям, характеризовалось ростом эмоционального напряжения, обусловленного субъективным противоречием (внутриличностным конфликтом) между собственным стремлением родить ребенка, с одной стороны, и изменившимся отношением к ней мужа (после того, как тот узнал о беременности), давлением мужа и родственников с требованием избавиться от будущего ребенка, с другой стороны. Кумуляции эмоционального напряжения способствовали попытки Л. найти выход из стрессовой ситуации, закончившиеся неудачами

213

и дополнительными фрустрациями (не смогла сделать аборт из-за позднего срока беременности; не могла развестись с мужем; заблокированным оказалось желание уехать к отцу и там родить ребенка из-за отсутствия денег). Существенное влияние на кумуляцию эмоционального напряжения оказали также такие индивидуально-психологические особенности Л. как аффективная ригидность с застреванием на фрустрирующих воздействиях, неуверенность в себе, зависимость от мнения авторитетных лиц, которые

препятствовали непосредственной разрядке внутреннего напряжения и обусловили решение сказать мужу, что она избавилась от ребенка. Уровень эмоционального напряжения Л. был настолько высоким, что сопровождался выраженной тревогой, повышенной раздражительностью, страхами, нарушениями сна. Начавшиеся роды воспринимались Л. субъективно как внезапные и неожиданные, вызвали у нее дальнейший рост эмоционального напряжения, реакцию растерянности, дезорганизацию структуры поведения, чему существенно способствовали такие личностные черты как эмоциональная неустойчивость, негибкость поведения в стрессовых условиях и неожиданных ситуациях, склонность к тревожно-депрессивным реакциям. Интенсивное эмоциональное напряжение у Л. сопровождалось выраженным чувством страха, отчаяния и ощущением субъективной безвыходности из сложившейся ситуации. В этот момент произошло частичное сужение сознания Л. с фрагментарностью восприятия, доминированием личностно значимых переживаний и аффектогенно обусловленной мотивации скрыть рождение ребенка от мужа и окружающих. Ее сознание с этого момента фиксировалось исключительно на реализации возникшей сверхзначимой мотивации, что резко снизило ее способность к адекватной оценке ситуации и собственных действий, нарушило процесс целеполагания, ограничило субъективные представления о возможных вариантах выхода из сложившейся ситуации, привело к выраженному снижению контроля с высвобождением импульсивных действий и расстройствами прогностических функций.

Комиссия экспертов пришла к выводу, что Л. в момент совершения инкриминируемых ей действий находилась в состоянии выраженного эмоционального напряжения, которое оказало существенное влияние на ее сознание и поведение, ограничив способность к адекватной оценке сложившейся ситуации, к полноценному осознанию значения своих действий, к произвольной волевой регуляции и контролю своих поступков, пониманию их возможных последствий.

К. При агрессии, совершаемой обвиняемыми в состоянии декомпенсации, устанавливается ограниченная вменяемость, которая может дополняться определением существенного влияния на поведение индивидуально-психологических особенностей.

Декомпенсация психического состояния, наступающая в основном в психотравмирующих условиях, обуславливает рост эмоционального

214

напряжения, с одной стороны, и ослабление личностных структур, компенсаторных по отношению к выраженным свойствам личности (связанных в основном с возбудимостью), определяющим их социальную дезадаптацию, — с другой. Агрессивное побуждение актуализируется как реализация личностной диспозиции, а ее интенсивность связана с отсутствием компенсаторных личностных черт и с состоянием эмоционального напряжения. Возможности осознания смысла своих действий и объективной ситуации у обвиняемых в состоянии декомпенсации существенно снижены, что клинически квалифицируется как снижение критичности. Принятие решения и выбор действия обусловлены ситуативными психотравмирующими воздействиями и наступают импульсивно. Снижение контроля и прогноза своих действий, связанное с исчезновением личностных структур, компенсирующих агрессивные диспозиции, определяет и ограничение возможности корректировать свои действия.

В этом варианте криминальной агрессии ограничение свободы выбора действия связано прежде всего с резким сужением личностных ресурсов — аномальная структура личности определяла очень узкий диапазон возможных вариантов поведения, который еще более

сужался в психотравмирующей ситуации. Способность к смысловой регуляции поведения снижается под воздействием двух факторов — доминирования некомпенсированных личностных патологических особенностей и повышенной реактивностью по отношению к ситуативным воздействиям. Смысловая регуляция поведения сменяется диспозиционно-реактивной.

Главным фактором ограничения способности к выбору действия при декомпенсации является динамика самого психического расстройства, проявляющаяся во влиянии личностных особенностей и психического состояния обвиняемого на способность к осознанному и волевому поведению. Поэтому в данном случае экспертное установление ограниченной вменяемости (ст. 22 УК РФ) поглощает вывод психолога о существенном влиянии на поведение индивидуально-психологических особенностей.

Пример 35. Обвиняемый Б., 20 лет. Был призван в пограничные войска, проходил службу на заставе. Сержант П., ранее судимый, на протяжении нескольких месяцев публично унижал его, оскорблял, неоднократно угрожал расправой. Настроил против Б. других военнослужащих, которые стали сторониться его. Незадолго до правонарушения П. избил Б. и заставил пересесть его за отдельный стол в столовой. Через несколько дней Б. зашел в казарму с заряженным автоматом и начал стрелять в сослуживцев — четверо было убито,

215

пятеро — тяжело ранено. При обследовании выяснилось, что с детства Б. отличался неуверенностью в себе, сдержанностью, склонностью уступать в конфликтах, легко шел на компромиссы, был подчиняемым, трусливым, обладал повышенным чувством вины и тревожностью. Один раз, после конфликта, совершил суицидальную попытку. Впоследствии у него сформировались эпилептоидные черты характера с аффективной ригидностью, подозрительностью, аккуратностью и педантизмом. Комиссией экспертов был установлен диагноз «психопатия мозаичной структуры (тормозимо-эпилептоидная) со склонностью к декомпенсациям». Было отмечено, что в условиях воинской службы у него наступила декомпенсация, которая обусловила социальную дезадаптацию, невозможность противостоять психотравмирующим воздействиям. На момент совершения преступления признан ограниченно вменяемым.

Таким образом, можно выделить 9 вариантов ограничения способности обвиняемых к осознанию и регуляции своих криминально-агрессивных действий, которые определяют разнообразные психологические и клинические экспертные оценки их психического состояния в момент совершения инкриминируемых им деяний. Критерии экспертной оценки ограниченной способности обвиняемых к осознанно-волевому поведению в каждом варианте обуславливаются определением психологического механизма криминальной агрессии с последующим определением влияния процессов осознания и регуляции на их актуальную способность свободного выбора действия в ситуации правонарушения.

4.3. Клинико-психологические экспертные оценки

Варианты экспертных оценок, применяемых в КСППЭ совершеннолетних обвиняемых в агрессивных преступлениях, можно представить в виде таблицы 6. Экспертные оценки разных вариантов ограничения способности обвиняемых к осознанно-волевому поведению в соотношении с типологическими группами криминальной агрессии представлены на рисунках 19, 20.

Как видно из рисунков 19, 20 и таблицы 6, в рамках КСППЭ возможно установление четырех обобщенных групп клинико-психологических экспертных оценок.

4.3.1. Аффект

Экспертная оценка психического состояния обвиняемого в момент совершения преступления как аффекта (экспертного понятия, синонимичного «внезапно возникшему сильному душевному

216—217

Таблица 6

Варианты клинико-психологических экспертных решений

Механизм агрессии

Агрессия в структуре эмоционального возбуждения

Агрессия как разрядка накопленного эмоционального напряжения (в структуре стресса)

Агрессия как разрядка накопленного эмоционального напряжения (в структуре личностного конфликта)

Агрессия в структуре эмоционального возбуждения и состояния алкогольного опьянения

Агрессия в структуре групповой динамики (идентификация с лидером)

Отсроченная агрессия

Агрессия как результат неадекватной оценки ситуации

Агрессия в состоянии атипичного (измененного) опьянения

Агрессия при декомпенсации

Диагноз

Психически здоровые (ПЗ), органические психические расстройства (ОПР)

ПЗ, реже — ОПР, еще реже — расстройства личности (РЛ)

ПЗ и ОПР

ОПР, алкоголизм (Алк)

ОПР и РЛ с сочетанием личностной незрелости и аффективной ригидности

РЛ и ОПР со склонностью к само-взвинчиванию

Олигофрения и ОПР с психическим инфантилизмом

ОПР, Алк с эпилептоидностью

РЛ, реже ОПР с психопатоподобным синдромом

Ситуация

Психотравмирующая (П/Т)

П/Т

П/Т

П/Т

Нейтральная (Н)

Н

Н

Н

Н

Экспертная оценка

Физиологический аффект

Аффекты ку-мулятивного генеза

Ограниченная вменяемость (ОВ) и/или эмоциональ-ное напряжение, оказывающее су-щественное влия-ние на сознание и поведение

ОВ и/или суще-ственное влия-ние индивиду-ально-психоло-гических осо-бенностей на поведение (СВ ИПО)

ОВ и/или СВ ИПО

ОВ

ОВ

ОВ

ОВ

I

II

III

IV

218

волнению» по смыслу ст.ст. 107, 113 УК РФ) возможна при нескольких вариантах психологиче-ских механизмов криминальной агрессии.

Рис. 19. Экспертные решения при агрессии в нейтральных ситуациях.

ОВ — ограниченная вменяемость, А+ — высокая агрессивность, А– — низкая агрессивность, Т+ — выраженность тормозящих агрессию лично-стных структур, Т– — их невыраженность.

Рис. 20. Экспертные решения при агрессии в психотравмирующих ситуаци-ях. ОВ — ограниченная вменяемость.

Физиологический аффект как непосредственная аффективная реакция в ответ на однократное психотравмирующее или фрустрирующее воздействие устанавливается в рамках определения механизма преступного поведения в виде агрессии, совершаемой

219

под влиянием выраженного эмоционального возбуждения. Физиологический аффект чаще всего определяется у психически здоровых лиц или обвиняемых с органическим поражением головного мозга, значительно реже — у психопатических личностей. Отличительными особенностями личностной структуры обвиняемых является низкий уровень агрессивности как черты личности, что сочетается с затруднениями опосредования и контроля ситуативно возникающих агрессивных побуждений (группа б в типологии криминальной агрессии). Более 50% таких аффективных реакций возникают при наличии состояния легкой степени алкогольного опьянения, то есть в рамках психологического механизма агрессии, развивающейся в структуре не только выраженного эмоционального возбуждения, но и алкогольного опьянения. При этом сохраняются как феноменологические признаки

классического физиологического аффекта (трехфазность динамики, частичное сужение сознания с фрагментарностью восприятия, постаффективная астения), так и нарушения психологических механизмов осознания и регуляции агрессивных действий.

Кумулятивный аффект и эмоциональное возбуждение или напряжение кумулятивного генеза, оказывающие существенное влияние на сознание и поведение обвиняемого в криминальной ситуации, диагностируются в рамках психологического механизма агрессии как разрядка эмоционального напряжения, являющегося компонентом психологического стресса, и значительно реже — как компонента внутриличностного конфликта в виде ревности. Эмоциональная напряженность нарастает в условиях длительной психотравмирующей ситуации. Около 40% кумулятивных аффектов совершается обвиняемыми в состоянии алкогольного опьянения — в большинстве случаев принятие алкоголя можно расценивать как один из вариантов совладающего поведения, призванного снизить уровень эмоционального напряжения.

Кумулятивные аффективные реакции характерны для психически здоровых лиц, реже — для больных с органическим расстройством, и в редких случаях — для психопатических личностей. Общей особенностью этих обвиняемых является наличие личностных структур, способных долгое время сдерживать проявление агрессивных побуждений, неизбежно возникающий в ответ на постоянные, многократные и повторяющиеся психотравмирующие воздействия (группы 7 и 8 психологической типологии криминальной агрессии). Эти особенности, наряду с психотравмирующим характером самой ситуации, играют значительную роль в

220

кумуляции эмоционального напряжения, сдерживая агрессивные побуждения, неизбежно возникающих в ответ на постоянные, многократные и повторяющиеся психогении. Поэтому при определении доминирующей роли личностных особенностей, обуславливающих накопление напряжения, экспертная оценка психического состояния обвиняемого как кумулятивного аффекта должна дополняться установлением существенного влияния на поведение индивидуально-психологических особенностей с конкретизацией личностных особенностей, которые определили рост эмоционального напряжения и тем самым оказали существенное влияние на поведение.

В практике КСППЭ часто выносится экспертное решение об аффекте у обвиняемого с психическим расстройством и его ограниченной вменяемости в момент совершения преступления одновременно. Мы, вслед за Е. С. Андреевой (2000), Б. В. Шостаковичем, В. Н. Исаенко (см. Ограниченная вменяемость..., 2000), считаем одновременную квалификацию аффекта и ограниченной вменяемости в заключении КСППЭ ошибочным. По мнению Е. С. Андреевой, такая практика «параллельного» заключения является несостоятельной, поскольку в этих случаях происходит «обоснование по существу разных, с правовой точки зрения, норм при ответе на один и тот же вопрос о вменяемости» (Андреева, 2000, с. 167). Поэтому при наличии достаточных оснований для диагностики аффекта признание ограниченной вменяемости является избыточным и ошибочным, как по правовым последствиям такого экспертного решения, так и по существу адекватной оценки психического состояния обвиняемого.

Экспертное решение об аффекте, включая все его варианты, которые обосновываются как «экспертные» понятия (физиологический аффект, кумулятивный аффект, эмоциональные состояния и реакции, оказывающие существенное влияние на сознание и поведение) на основе определения эмоционального состояния обвиняемого в общепсихологических

категориях (стресс, фрустрация, конфликт и т. п.), в рамках КСППЭ является исключительной компетенцией судебного эксперта-психолога. Психолог должен учитывать клиническую диагностику психического состояния подэкспертного лица (для отграничения аффекта от временного психического расстройства), характера его психического расстройства (для установления его влияния на динамику эмоционального состояния), но выносит решение о наличии или отсутствии аффекта на основании психологических познаний.

221

4.3.2. Ограниченная вменяемость и/или эмоциональное напряжение, оказывающее существенное влияние на сознание и поведение

Экспертное решение о наличии выраженного эмоционального напряжения, ограничивающего способность обвиняемого к осознанию и регуляции своих криминальных действий (оказывающего существенное влияние на сознание и поведение), или его ограниченной вменяемости в рамках КСППЭ выносится при определении психологического механизма агрессии как разрядки эмоционального напряжения, являющегося компонентом внутриличностного конфликта, возникающего при ревности или нежеланной беременности, то есть в условиях психотравмирующей ситуации. При типичной трехфазной динамике течения эмоционального состояния, наличии частичного сужения сознания, психической и физической астении в период после содеянного у психически здоровых лиц и обвиняемых с психическими аномалиями диагностируется существенное влияние эмоционального напряжения, а при иной динамике психического состояния у лиц с психическим расстройством (в основном — с органическим психическим расстройством) при установлении его вклада в механизм преступного поведения — ограниченная вменяемость. И подэкспертные с пограничной психической патологией, и психически здоровые обвиняемые отличаются отсутствием агрессивности как базовой личностной черты, в то же время у них выражены личностные структуры, тормозящие агрессивные побуждения (группа 7 психологической типологии криминальной агрессии).

При криминально-агрессивных действиях, совершенных с неполным осознанием смысла своих действий и ограничением их волевой произвольной регуляции под влиянием ревности, такие экспертные выводы означают квалификацию аффекта (возникновение и развитие которого обусловлено кумуляцией выраженного эмоционального напряжения в условиях психотравмирующей ситуации) по смыслу ст. 107 и ст. 113 УК РФ или неспособности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими вследствие психического расстройства, не исключающего вменяемости, по смыслу ч. 1 ст. 22 УК РФ.

При убийствах новорожденных, совершенных их матерями, установление эмоционального напряжения, возникновение и развитие которого обусловлено психотравмирующей ситуацией, приводит к квалификации «убийства матерью новорожденного ребенка

222

в условиях психотравмирующей ситуации» по смыслу ст. 106 УК РФ (если убийство было совершено в течение 30 суток после родов). Определение ограниченной вменяемости имеет смысл при совершении убийства младенца после истечения 30 суток после родов, для квалификации ст. 22 УК РФ. Если же преступление совершено в течение 30 суток после родов, то достаточным экспертным решением является констатация «психического

расстройства, не исключающего вменяемости», что является основанием для уголовно-правовой квалификации ст. 106 УК РФ.

Определение выраженного эмоционального напряжения в рамках КСППЭ является прерогативой судебного эксперта-психолога. Диагностика психического расстройства, не исключающего вменяемости, является компетенцией судебного эксперта-психиатра, а установление влияния этого психического расстройства на способность в полной мере осознавать и регулировать свои криминальные действия — предмет совместной компетенции психиатра и психолога.

4.3.3. Ограниченная вменяемость и/или существенное влияние на поведение индивидуально-психологических особенностей обвиняемого

В рамках КСППЭ экспертные решения об ограниченной вменяемости обвиняемых в агрессивных преступлениях в момент совершения деликта и/или о существенном влиянии их индивидуально-психологических особенностей на криминальное поведение могут выноситься в рамках определения разных психологических механизмов криминальной агрессии — агрессии, возникшей под влиянием лидера группы или диады, субъективно значимого и авторитетного для обвиняемого, или агрессии, возникшей у обвиняемого в состоянии алкогольного опьянения в психотравмирующей ситуации.

При ограничении свободы выбора действия под влиянием недостаточного осознания ситуации и регуляции своего поведения, вызванного неосознаваемой идентификацией с лидером у обвиняемого с личностной незрелостью и чертами аффективной ригидности, но без психической патологии (у психически здоровых, лиц с акцентуациями характера), или с психическим расстройством, которое не внесло своего «вклада» в механизм частичной идентификации, выносится экспертное решение о существенном влиянии на поведение индивидуально-психологических

223

особенностей. При такой же неполной способности к осознанно-волевому поведению у лиц с психическими аномалиями, которую обусловила идентификация с лидером, устанавливается ограничение способности обвиняемого к осознанию фактического характера и общественной опасности своих действий и руководству ими вследствие психического расстройства, не исключающего вменяемости.

При неспособности в полной мере осознавать и осуществлять произвольную регуляцию и контроль своих агрессивных действий, возникших в ответ на психотравмирующие воздействия у эпилептоидных лиц в состоянии алкогольного опьянения без психического расстройства (например, при акцентуации характера по эпилептоидному типу) также следует экспертное решение о существенном влиянии личностных особенностей на поведение. При органических психических расстройствах, эпилепсии, хроническом алкоголизме (не исключающих вменяемости) у лиц с эпилептоидным складом личности в аналогичных ситуациях диагностируется ограниченная вменяемость.

В реальной практике иногда экспертное решение об ограниченной вменяемости в заключении КСППЭ дополняется одновременно определением «аномального аффекта». На наш взгляд, в таких случаях, при определении аффективной реакции у обвиняемого с психической патологией, которая протекала по иным механизмам, нежели обычные кумулятивные аффекты, сопровождалась очень длительным эмоциональным возбуждением и

сохранностью выраженного эмоционального напряжения в период после совершения преступления, необходимо ограничиваться квалификацией ограниченной вменяемости. «Аномальный аффект» (Кудрявцев И. А., 1988, 1999) является аффективной реакцией, зависимой от динамики патологической почвы, отличается «по динамике протекания и содержательному наполнению от классического физиологического аффекта» (Кудрявцев И. А., 1999, с. 149), и поэтому должен быть расценен экспертами не как «внезапно возникшее сильное душевное волнение (аффект)», а как ситуационная эмоциональная реакция, обусловленная наличием психического расстройства, ограничившая способность обвиняемого с пограничной психической патологией в полной мере осознавать фактический характер своих действий и руководить ими (ст. 22 УК РФ).

Таким образом, экспертное решение комиссии КСППЭ может ограничиться констатацией только существенного влияния индивидуально-психологических особенностей обвиняемого на его

224

криминальное поведение (компетенция судебного эксперта-психолога) или дополнить это экспертное решение определением неполной способности к осознанию фактического характера и общественной опасности своих действий, руководству ими, вследствие психического расстройства, не исключающего вменяемости (совместная компетенция судебного эксперта-психиатра и эксперта-психолога). В принципе экспертное решение комиссии экспертов в последнем случае может и ограничиться выводом об ограниченной вменяемости, в силу юридической определенности такого заключения (ст. 22 УК РФ), если проводится только однородная судебно-психиатрическая экспертиза.

4.3.4. Ограниченная вменяемость и существенное влияние индивидуально-психологических особенностей обвиняемого на его поведение

В ряде случаев экспертные решения КСППЭ не могут быть альтернативными. Иными словами, в этих случаях не может устанавливаться или ограничиваться вменяемость, или существенное влияние на поведение личностных особенностей. Такое положение дел объясняется тем, что в этих ситуациях экспертное решение об ограничении способности обвиняемого к осознанно-избирательному поведению в момент совершения преступления опирается на определение психологических механизмов криминальной агрессии, в которых решающее значение имеют индивидуально-психологические особенности, обусловленные психическим расстройством.

Так, при отсроченной агрессии механизм ситуативного торможения агрессивных побуждений с последующей их реализацией объясняется наличием у лиц с психопатией или расстройствами личности при органическом поражении головного мозга компенсаторных по отношению к исходной возбудимости механизмов, что сочетается с выраженной склонностью к самовзвинчиванию — все эти личностные свойства формируются в рамках психопатических или психопатоподобных расстройств.

При агрессии у лиц с психическим недоразвитием суженные возможности правильной оценки ситуации, а как следствие, и ограничения выбора правомерного действия в актуальной ситуации, обусловлены низким уровнем интеллектуальной и личностной зрелости, что прямо связано с их психическими расстройствами — олигофренией или психическим (органическим) инфантилизмом.

Агрессия у лиц, находящихся в момент совершения преступления в состоянии атипичного алкогольного опьянения, обусловлена изменениями психического состояния в структуре измененных, утяжеленных форм опьянения, зависимыми от совокупного влияния органических расстройств разного генеза (в том числе и вследствие хронического алкоголизма) и эпилептоидного склада личности.

Криминально-агрессивные действия, совершаемые обвиняемыми в состоянии декомпенсации, обусловлены диспозиционным влиянием черт личности, облегчающих проявления агрессии, которые в этом состоянии не компенсируются другими чертами, тормозящими такие проявления — что непосредственно связано с динамикой психопатий или расстройств личности в рамках органического поражения головного мозга.

Поэтому экспертные решения КСППЭ при рассматриваемых психологических механизмах криминальной агрессии почти совпадают с диагностикой этих психологических механизмов (особенно при определении декомпенсации личностных черт и психического состояния, а также при установлении умственной отсталости или психического инфантилизма) и представляют собой определение ограничения способности обвиняемых в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или руководить ими вследствие психического расстройства, не исключающего вменяемости. Это экспертное решение является достаточным при проведении однородной судебно-психиатрической экспертизы, а при производстве КСППЭ экспертное решение о существенном влиянии личностных особенностей обвиняемых на их криминальное поведение должно интегрироваться в заключение об ограниченной вменяемости и использоваться при его обосновании. В целом, в этих случаях экспертное решение является прерогативой судебных экспертов-психиатров, хотя может быть сферой и совместной компетенции психиатров и психологов.

В практике КСППЭ иногда экспертная оценка ограниченной вменяемости обвиняемого с психическим расстройством, совершившего преступление по механизму отсроченной агрессии или в состоянии декомпенсации, дается одновременно с квалификацией эмоционального возбуждения, оказавшего существенное влияние на их поведение. С нашей точки зрения, такая судебно-психологическая квалификация психического состояния обвиняемых при рассматриваемых механизмах криминальной агрессии является

избыточной, и должна поглощаться экспертным решением об ограниченной вменяемости. И в том и в другом случае, эмоциональное возбуждение возникает не в ответ на «противоправные или аморальные действия потерпевшего», а является или результатом самовзвинчивания, или разрядкой эмоционального напряжения, формирующегося под влиянием не ситуативных факторов, а вследствие декомпенсации, то есть является существенным моментом динамики психического состояния, зависимого от психического расстройства. Употребление же экспертной формулировки, аналогичной с экспертной оценкой вариантов аффекта может только дезориентировать суд при оценке заключения КСППЭ.

4.4. Факторы риска криминальной агрессии лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости. Психологические критерии назначения принудительных мер медицинского характера

Факторы риска криминально-агрессивного поведения — это многогранное понятие, содержащее разнообразные аспекты криминогенности: социально-демографические показатели, качество жизни лиц с психическими расстройствами, клинические расстройства, ценности личности и т. п. К таким факторам в общем плане можно отнести и ситуативные детерминанты, обуславливающие степень психотравмирующего воздействия на личность или особенности группового межличностного взаимодействия, а также употребление психоактивных веществ (алкоголя). В рамках КСППЭ границы изучения факторов риска криминальной агрессии ограничиваются рядом уголовно-правовых норм.

1. Согласно ст. 22 УК РФ, психическое расстройство, не исключающее вменяемости, но ограничивающее способность обвиняемого в полной мере осознавать свои действия и руководить ими во время совершения преступления, может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера. Это положение означает, что в задачи исследования клинико-психологических критериев назначения подобных принудительных мер входит оценка криминогенных факторов а) только у лиц с пограничными формами психической патологии, б) только у таких лиц с психическими расстройствами, которые потенциально способны к осознанно-волевому поведению, в) только у таких лиц с психическими расстройствами, которые в момент совершения

227

преступления способны к осознанно-волевому поведению в неполной мере, г) только у таких лиц с психическими аномалиями, чья неполная способность к осознанно-волевому поведению в криминальной ситуации производна не от ситуативных и других внешних факторов, а непосредственно связана с характером психической патологии, то есть носит не динамичный (преходящий), а достаточно стабильный характер.

2. Согласно ч. 2 ст. 97 УК РФ, принудительные меры медицинского характера назначаются только в случаях, когда психические расстройства связаны с возможностью причинения этими лицами иного существенного вреда либо с опасностью для себя или других лиц. Это означает, что в рамках КСППЭ обвиняемых необходимо рассматривать как факторы риска лишь такие психические расстройства, которые включены в механизм криминальной агрессии, вносят непосредственный вклад в нарушения мотивации преступного или общественно опасного поведения и при этом обуславливают обязательное ограничение способности к осознанно-волевому поведению.

Последнее обстоятельство отчетливо проявляет некоторый парадокс, заложенный в конструкции уголовного законодательства. С общепсихологической точки зрения наибольшей социальной опасностью отличаются обвиняемые с разными формами психической патологии (органические психические расстройства, психопатии, парафилии, хронический алкоголизм) и антисоциальной направленностью ценностей, которые способны осуществлять осознанно-волевою регуляцию своего криминального поведения в полной мере, но они, будучи вменяемыми, не подлежат принудительным лечебно-реабилитационным мероприятиям. Между тем, психическая патология таких лиц во многих случаях, не проявляясь в криминальной ситуации и не влияя на их способность к осознанию и регуляции в момент совершения деликта, может существенно влиять на их способность правильно воспринимать смысл уголовного наказания и, тем самым, препятствовать полноценному достижению целей наказания. Констатация вменяемости этих лиц в момент совершения преступления также не означает, что динамика психического состояния не приведет к высокой вероятности совершения повторных общественно опасных деяний. Например, импульсивные формы сексуального садизма (что приводит к экспертному

решению о вменяемости) могут трансформироваться в компульсивные (Введенский, 1998; Клименко, Ушакова, Дворин, Карпенко, 2000), характеризующиеся большей

228

неодолимостью влечения (что может обуславливать решение об ограниченной вменяемости или невменяемости²). Однако, согласно формальным уголовно-правовым критериям, такие лица не подлежат обязательному лечению их психических расстройств.

Таким образом, к факторам риска повторных общественно опасных действий, выделяемым в рамках КСППЭ, которые могут служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера (в соответствии со ст. 22, ч. 1 и 2 ст. 97 и ст. 98 УК РФ), относятся психические расстройства, непосредственно влияющие на мотивацию преступления и способность к избирательному поведению. Следовательно, выявление криминогенных психопатологических факторов предполагает, во-первых, определение таких механизмов криминальной агрессии, в которых решающее значение имеют стабильные индивидуально-психологические особенности, обусловленные психическим расстройством, во-вторых, установление такого влияния психических аномалий, которое ограничивает способность обвиняемого к свободному выбору действия в криминальной ситуации.

Этим критериям отвечает экспертное клинико-психологическое определение ограниченной вменяемости у обвиняемых с разными формами психической патологии, совершивших преступления по следующим психологическим механизмам:

- отсроченной агрессии;
- агрессии при неадекватной оценке ситуации вследствие психического недоразвития;
- агрессии в состоянии атипичного алкогольного опьянения;
- агрессии в структуре декомпенсации.

Практически во всех случаях при рассматриваемых типологических вариантах криминальной агрессии констатация ограниченной вменяемости (ч. 1 ст. 22 УК РФ) сопровождается рекомендацией к применению принудительных мер медицинского характера (в соответствии с ч. 2 ст. 22 УК РФ).

Так, при отсроченной агрессии основным психологическим диагностическим признаком повышенного риска повторных общественно опасных деяний является выраженная склонность к самовзвинчиванию у лиц с психопатией или расстройствами

229

личности при органическом поражении головного мозга, которая сочетается с наличием компенсаторных по отношению к исходной возбудимости механизмов. Такая дисгармоничная структура личности обвиняемых с психическими расстройствами может обуславливать криминально-агрессивные действия даже в нейтральных ситуациях.

При агрессии у лиц с разными формами психической незрелости диагностически значимым с психологической точки зрения является определение низкого уровня интеллектуального и личностного развития как следствия психического расстройства — олигофрении или психического органического инфантилизма. Вызванные психическим недоразвитием

суженные возможности правильной оценки ситуации могут приводить к криминальным действиям в относительно нейтральных, не психотравмирующих условиях, которые предъявляют повышенные требования к личностным возможностям обвиняемых. При психопатоподобном оформлении умственной отсталости таких лиц вероятность повторных опасных действий еще более повышается.

При агрессии в состоянии атипичного алкогольного опьянения наиболее информативным является диагностика органического психического расстройства, определяющего аномальные, измененные формы алкогольного опьянения; выраженного эпилептоидного типа личности; а также установление влечения к алкоголизации — от склонности к злоупотреблению спиртных напитков до хронической зависимости от алкоголя (второй стадии хронического алкоголизма). Повышенный риск повторных общественно опасных действий у таких обвиняемых связан в первую очередь с высокой вероятностью употребления алкоголя с последующими утяжеленными формами опьянения, при которых велик риск проявления агрессии даже при отсутствии каких-либо ситуационных воздействий, провоцирующих появление агрессивных побуждений.

При криминальной агрессии в состоянии декомпенсации основное диагностическое значение имеет склонность к состояниям психической декомпенсации лиц, страдающих психопатией или органическим психическим расстройством с психопатизацией личности. Частые состояния декомпенсации, в которых отчетливо проявляется выраженное влияние на поведение диспозиционных механизмов, то есть черт личности, связанных с высокой агрессивностью, не компенсирующихся другими чертами, тормозящими проявления агрессивных побуждений, резко повышает степень

230

общественной опасности таких больных. Состояния декомпенсации, обусловленные, как правило, психотравмирующими обстоятельствами, облегчают проявления агрессивности в широком диапазоне ситуаций — от фрустрирующих до нейтральных. В этих ситуациях наиболее ярко может проявляться такой патологический механизм мотивации преступления как психопатическая «самоактуализация» (Гульдман, 1985), опредмечивающая потребность в реализации агрессивности, возбудимости, эпилептоидности как ведущих черт в структуре психопатии.

Экспертные критерии повышенного риска к криминально-агрессивному поведению могут применяться и при экспертном решении об ограниченной вменяемости лиц с пограничными психическими расстройствами, совершивших правонарушения по психологическим механизмам идентификации с субъективно значимым авторитетом или в состоянии алкогольного опьянения в психотравмирующей ситуации. Однако в этих случаях, кроме диагностики типа криминальной агрессии, для вынесения обоснованного решения о необходимости принудительных мер медицинского характера необходимо определение ряда дополнительных факторов. Это связано с тем, что, во-первых, упомянутые разновидности механизмов криминальной агрессии присущи не только лицам с психической патологией, во-вторых, они могут определяться индивидуально-психологическими особенностями, прямо не обусловленными психическим расстройством, в-третьих, возможность повторной реализации этих механизмов обусловлена не только психическими нарушениями, но и внешними факторами (групповое давление, употребление алкоголя, наличие психотравмирующей ситуации), вероятность появления которых при клинко-психологическом анализе оценить практически невозможно.

Экспертное решение об ограниченной вменяемости обвиняемых, совершивших преступления по анализируемым вариантам криминальной агрессии, крайне редко приводят к рекомендации о применении принудительных медицинских мер.

В принципе, такими дополнительными факторами могут быть данные о повышенной внушаемости, подчиняемости как генерализованной черты личности при отсутствии (обусловленном психическим расстройством) личностных структур, тормозящих проявления агрессии, и при определении стойкой зависимости от малых групп с ярко выраженной антисоциальной системой групповых ценностей при ограниченной вменяемости лиц, совершивших агрессию под влиянием субъективно значимого для них лидера.

231

Для определения повышенной социальной опасности ограниченно вменяемых лиц, совершивших агрессивные преступления в состоянии алкогольного опьянения в ответ на психотравмирующие воздействия, необходимость назначения медицинских принудительных мер может обосновываться только при диагностике стойкого влечения к алкоголизации у обвиняемых с органическим психическим расстройством, сопровождающимся выраженными изменениями психики, которые обуславливают восприятие широкого спектра ситуаций как психотравмирующих.

Констатация ограниченной вменяемости у лиц, совершивших правонарушения по психологическому механизму разрядки эмоционального напряжения, кумуляция которого обусловлена длительной психотравмирующей ситуацией, обычно не приводит к экспертному решению о необходимости применения принудительных мер медицинского характера. Это обусловлено тем обстоятельством, что решающий вклад в этот механизм криминальной агрессии вносит не психическое расстройство, а психотравмирующая ситуация. Как уже указывалось, оценка возможного повторения психотравмирующей ситуации не входит в компетенцию судебных экспертов — психиатров и психологов.

232

Глава 5. Методологические проблемы КСППЭ обвиняемых

5.1. Методологические принципы КСППЭ

Комплексное судебное психолого-психиатрическое исследование психического состояния обвиняемых в криминально-агрессивных действиях закономерно предполагает применение системного подхода, развитого применительно к обще-, клинко- и судебно-психологическим исследованиям в трудах П. К. Анохина, Н. А. Бернштейна, Б. В. Зейгарник, М. М. Коченова, В. П. Кузьмина, А. Н. Леонтьева, Б. Ф. Ломова, А. Р. Лурии, В. Н. Мясищева, Ю. Ф. Полякова, С. Л. Рубинштейна и др.

Однако провозглашение системного подхода как методологической основы КСППЭ создает немалые трудности при необходимости его операционализации. Главная опасность заключается в том, что использование системного подхода часто остается декларативным. Другое препятствие возникает в тех случаях, когда его применение ограничивается только рассмотрением системного строения самого исследуемого предмета, а сам процесс научного познания протекает традиционным способом или подменяется комплексным подходом, учитывающим достижения и методы исследования различных областей знания (например, психологии и психиатрии), которые, тем не менее, не образуют системной методологии.

Современные теории системного подхода требуют качества системности не только от изучаемого явления, но и от самого процесса познания этого явления (Checkland, 1981), рассматривают системность как свойство не только сложности «первого», исследуемого, уровня, но и как признак сложности «второго» уровня — системы «наблюдения» (Beer, 1959).

Поэтому возникает необходимость конкретизации системного подхода в судебной экспертизе с применением психологических

233

знаний. Поскольку исследование экспертных критериев неизбежно связано с выделением определенных «норм» судебно-экспертной психологической оценки психической деятельности подэкспертных лиц, проанализируем проблему нормы и патологии регуляции поведения.

Проблема нормы и патологии в судебно-психологической экспертной деятельности. В работах, посвященных философским и социологическим аспектам психического здоровья (см., например, Куприянов, Куликов, 1975, с. 6—21), выделяется несколько различных подходов к пониманию нормы. Так, можно рассматривать норму статистически — как «среднюю» величину, как «интервал». Некоторые идентифицируют понятие нормы с «выражением типического» (Sailer, 1953, p. 257), с «нормативом», отражающим степень познанный объекта (Корольков, Петленко, 1966, с. 22—47). С определенной точки зрения перспективным является понимание нормы как «функционального» или «адаптивного» оптимума (Царегородцев, 1966, с. 207).

В судебной психиатрии и патопсихологии можно выделить три основных операциональных подхода к этой проблеме. Следует подчеркнуть, что они употребляются практически одновременно, только в разных ситуациях на первый план могут выступать те или иные элементы.

Первый подход можно обозначить как «измерительный». В предельном своем выражении (таков, например, методологический принцип Э. Кречмера) это приводит к пониманию различий между нормой и патологией как количественных. Согласно такому подходу, существует цепочка «нормальные характеры — акцентуированные характеры — психопатические характеры», и не случайно центральным становится не понятие «личности», а «характера», поскольку в психологии с измерительным подходом связывают в первую очередь инструментальные проявления — характер и темперамент. В судебной психиатрии — это так называемая «осевая» модель определения вменяемости-невменяемости (Шишков, 1994), построенная по принципу измерения глубины психических расстройств (Лунц, 1966). Таким образом, одним из вариантов рассмотрения проблемы нормы и патологии в отношении свойств психики и регуляции поведения является понятие «количественной (статистической) нормы».

Другой подход можно обозначить как «оценочный». В крайнем своем выражении такой подход подразумевает патологию как социальную

234

патологию, поскольку нормативное, адаптивное поведение предполагает социализацию, приспособление к окружающей действительности. Положение о том, что различие между нормой и патологией выступает как социальное, или оценочное, хорошо иллюстрирует

история становления взглядов на проблему психопатий. Широко известны попытки ввести термин «социопатия». В основе понимания психопатии как «анетопатии» также лежат социальные основания: отсутствие совести, чувства любви, вины и т. д. В судебной психиатрии и психологии такой подход используется, например, при выборе вида принудительных мер медицинского характера, при оценке «социальной опасности» больных, совершивших общественно опасные действия. Итак, другим вариантом соотношения нормы и патологии психических особенностей человека является понятие «социальной нормы».

Третий подход к проблеме нормы и патологии — с позиций изучения структуры психики (структурно-динамических особенностей мотивационной, эмоциональной, волевой, смысловой сфер и т. д.). В центре внимания такого подхода оказываются различные аспекты психической деятельности, но всех их объединяет понимание различий между нормой и патологией как различий в структуре психики, мотивации, поведения. Патология выступает как расстройство нормальной структуры психических функций, как системное нарушение. При таком подходе на первый план выходит «системно-структурная норма».

Итак, проблема нормы и патологии решается с помощью трех элементов:

- 1) через установление количественных изменений (измерительный подход);
- 2) через социальную оценку (оценочный подход);
- 3) через установление различий в системно-структурной организации психических процессов (объяснительный подход)¹.

Понятие «нормы» с позиций уголовного права выступает как норма регуляции поведения или лежащей в его основе психической деятельности. У разных подэкспертных данная норма наполняется определенным смысловым содержанием и выступает как норма регуляции криминального поведения у обвиняемых или как норма регуляции осознания поведения виновного и способности

235

производить по отношению к нему особые действия у потерпевших и т. д. Именно сохранность у подэкспертных рассматриваемых норм и позволяет им быть полноценными участниками уголовного процесса. Иными словами, если не затрагивать онтологический и гносеологический аспекты проблемы нормы, то в практическом плане это понятие зафиксировано в уголовном праве в виде различных юридических критериев и экспертных понятий, сформулировано в психологических понятиях «способности» подэкспертных к тем или иным действиям (или подразумевает ее), отражающей результирующие, наиболее обобщенные особенности осознания своего поведения и его регуляции. Необходимость выяснения степени влияния психической патологии на нормальную регуляцию поведения требует в первую очередь объяснительного подхода, системного анализа и экспертной оценки структуры психики.

В свою очередь, системно-структурный подход раскрывается через ряд других методологических принципов.

Уровневый анализ поведения и деятельности. Конечная цель исследования — анализ регуляции поведения подэкспертного лица — требует системного рассмотрения иерархической структуры регуляции поведения и деятельности. В современной психологии существует множество подходов к изучению мотивации поведения, но практически все

включают такие этапы генеза мотивации, как формирование личности с определенной социальной ориентацией, определенной системой ценностей; актуализацию конкретно-ситуационного мотива (или системы мотивов); планирование и принятие решения (целеполагание); процесс реализации принятого решения, выбор способов достижения целей. На каждом этапе происходит субъективная оценка как функция самосознания, с одной стороны, и осознания окружающей действительности, с другой. На основе соотнесения этих оценок осуществляется личностный контроль формирования каждого этапа мотивации поведения, прогноз и, по принципу «обратной связи» — коррекция каждого иерархического звена формирования поведения. Соответственно уровневой организации поведения и деятельности необходимо рассматривать и иерархическую структуру личности. Можно выделить различные уровни интеграции личности, влияющие на отдельные звенья генеза мотивации.

Взаимодействие личностных и ситуационных факторов. Выделение критериев экспертной оценки способности к осознанию и

236

регуляции криминально-агрессивного поведения подразумевает анализ психической деятельности подэкспертного лица в юридически значимых ситуациях. Это требует обязательного учета влияния на психическую деятельность не только личностных факторов (в том числе психопатологически обусловленных), но и различных ситуационных переменных.

При анализе ситуационных факторов необходимо учитывать, каким именно образом они могут оказывать влияние на поведение и интересующие судебно-следственные органы способности человека к осуществлению той или иной деятельности. Как известно, в истории психологии можно проследить две крайние точки зрения на мотивацию поведения: одна из них абсолютизирует ситуационные воздействия, здесь поведение рассматривается как реакция на внешние стимулы (бихевиоризм), другая, игнорируя внешние факторы, утверждает приоритет внутренних субъективных (часто неосознаваемых) детерминант поведения (психоанализ и др.). В современной психологии мотивация поведения рассматривается как взаимодействие личностных и ситуационных переменных (см. обзор Хекхаузен, 1986). Ситуационные факторы в рамках этих представлений нельзя рассматривать упрощенно, как что-то внешнее, противостоящее внутреннему личностному и как что-то предшествующее по времени действию и являющееся стимулом, на который реагирует человек. И личностные диспозиции, и особенности ситуации в психологическом взаимодействии репрезентированы в сознании, их субъективное значение непрерывно видоизменяется в циклических процессах, включающих действие и воспринимаемую обратную связь с его последствиями. С этой точки зрения психологические объяснительные схемы структуры целенаправленного действия в основном реализуют «жесткий» системный подход (Wiener, 1961), подразумевающий восприятие и оценку изменений среды в виде «петли обратной связи» для изменения программы действия (Анохин, 1962; Конопкин, 1980, 1995). Это приводит к тому, что в судебно-психологических исследованиях само действие преимущественно рассматривается, говоря словами Х. Хекхаузена, как будто «индивид оказывается в новой ситуации и оценивает ее, как если бы его активность еще не была возбуждена или же он окончательно покончил со всем, что было прежде» (Хекхаузен, 1986. Т. 2, с. 263). Следовательно, целесообразно рассматривать поведение с учетом взаимодействия личности и ситуации как поток активности со сменой мотивации, возобновлением и последствием предшествующей

237

мотивации² в постоянно изменяющихся средовых условиях (Freud, 1952; Lewin, 1935; Atkinson, Birch, 1970, 1974, 1978).

Единство сознания и деятельности. Сознание — это отношение к миру с учетом его объективных закономерностей, включающее в себя категорию активности и охватывающее эмоционально-ценностный аспект, соотнесение своих действий с нравственно-этическими ценностями и правовыми нормами, отражение смысловой оценки последствий своих действий, то есть сознание — высший регулятор деятельности. Это обстоятельство отражено в уголовном праве: почти каждый юридический критерий, исследуемый в КСППЭ, представлен не только в психологических понятиях, но и состоит из двух частей, характеризующих способность, во-первых, к адекватному осознанию окружающей действительности и самосознанию, во-вторых — к полноценной произвольной регуляции своих действий.

Важно учитывать, что если способность к адекватному осознанию себя и окружающего в интересующей следствие или суд ситуации нарушена, то нарушена бывает и произвольная регуляция своих действий, поскольку действие всегда реализует цель — а цель является осознанным образом предвосхищаемого результата действия. Но если структуры сознания в рассматриваемой ситуации сохранены, необходимо отдельно анализировать звено регуляции поведения или деятельности, которое может быть расстроено (особенно при определенных формах психических аномалий) и при полном осознании своих действий.

Принцип развития. Необходимо изучать не только актуальную психическую деятельность человека в юридически значимой ситуации, но и проанализировать становление психических особенностей человека в его макродинамике. Онтогенетическое изучение психики подэкспертного лица позволяет понять формирование тех или иных психических расстройств, становление его ценностных ориентаций, мотивационного строения личности, его характера и темперамента, дает возможность выявить уровень развития и особенности отдельных психических процессов.

В то же время чрезвычайно важно учитывать и «микродинамику» психической деятельности в конкретно разворачивающейся ситуации. Юридически значимые ситуации не бывают одномоментными — они всегда занимают более или менее длительный промежуток времени с изменяющимися окружающими условиями.

238

Понимание мотивации поведения как непрерывного взаимодействия личностных, психопатологических и ситуационных факторов диктует необходимость анализа полной динамики психических процессов в ситуации правонарушения.

При таком понимании принципа развития, системный подход предстает не только как «структурный», но и как «структурно-динамический».

Таким образом, наиболее общим принципом КСППЭ является системный структурно-динамический подход, учитывающий единство сознания и деятельности, а также тесное взаимодействие личностных и ситуационных факторов.

5.2. Методологические аспекты производства КСППЭ обвиняемых в криминально-агрессивных действиях

Алгоритм комплексной судебной клинико-психологической оценки криминально-агрессивных действий обвиняемых можно представить в виде последовательности следующих этапов.

Вначале осуществляется клиническая диагностика, позволяющая установить наличие или отсутствие у обвиняемого психического расстройства. При наличии психического расстройства диагностируется его природа, нозологическая принадлежность, выраженность изменений психики и т. п.

Следующий этап предполагает определение психологического механизма криминально-агрессивного поведения обвиняемого. Он может быть отнесен к психопатологическим (продуктивно-психотическим или негативно-личностным) механизмам общественно опасных действий (Мальцева, Котов, 1991, 1995), к которым относятся виды агрессии у больных с психотическими состояниями (на фоне помрачения сознания, под влиянием императивных галлюцинаций, бредовых переживаний и др.) и у больных с дефицитарными расстройствами и выраженными изменениями личности (эмоциональная бесконтрольность, интеллектуальная несостоятельность, расторможенность влечений и пр.). В этом случае возможно точно оценить место психических нарушений в генезе общественно опасного деяния и наполнить формулировку «не мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими» конкретным психопатологическим содержанием, дифференцированно оценивая роль так называемых интеллектуального и волевого критериев невменяемости (Шостакович, 1971; Мальцева, Котов, 1991).

239

Определение же психологического механизма криминальной агрессии у психически здоровых и у лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, который подчиняется общим закономерностям поведения человека и формируется у субъекта, «ставящего перед собой определенные цели, в процессе деятельности, отражающей все стороны личности, в том числе и все ее патологические изъяны, дефекты мышления, интеллекта, эмоционально-волевой сферы» (Антонян, Гульдман, 1991, с. 145), требует применения критериев клинико-психологической экспертной оценки, что позволяет выносить разнообразные экспертные решения. Экспертные выводы, в зависимости от выявленного типа психологического механизма криминальной агрессии, как это показано в нашем исследовании (см. главу 4), могут формулироваться в рамках применения специальных познаний только в психологии или только в психиатрии, а могут зависеть и от совместного применения психологических и психиатрических познаний одновременно.

Рассмотрим основные методологические основы психодиагностической деятельности эксперта-психолога, необходимые на каждом этапе комплексного судебного психолого-психиатрического исследования.

5.2.1. Клиническая диагностика

Экспериментально-психологическое (патопсихологическое) обследование подэкспертного лица (изучение познавательных процессов и индивидуально-психологических особенностей) является обязательным компонентом экспертного исследования при КСППЭ. Ее основными самостоятельными задачами являются:

— предоставление дополнительных патопсихологических данных в целях дифференциальной диагностики;

— установление степени выраженности (глубины) имеющихся у испытуемого психических расстройств;

— выявление структуры нарушенных и сохранных звеньев психической деятельности.

А. Дифференциальная диагностика. Основные сложности, возникающие при решении данной задачи, связаны, во-первых, с различными реактивными наслоениями на психическую деятельность вследствие привлечения к уголовной ответственности, во-вторых, с преобладанием в практике судебно-психиатрической экспертизы смешанных и стертых форм психической патологии (Кудрявцев И. А.,

240

Лавринович, Москаленко, Сафуанов, 1985). Это обуславливает поиск таких эффективных форм организации и проведения экспериментально-психологического исследования, которые нивелировали бы упомянутые сложности. Как известно из патопсихологической литературы, некоторые патопсихологические показатели нарушений психической деятельности чаще встречаются при одних видах психической патологии, а некоторые — при других. В то же время эти показатели не являются нозологически специфичными. Так, искажение процесса обобщения может встречаться как при шизофрении, так и при психопатии (Зейгарник, 1962). В связи с этим, перспективным путем представления патопсихологических данных в целях дифференциальной диагностики представляется выделение патопсихологических симптомокомплексов нарушений и особенностей познавательной деятельности (Николаева, Соколова, Спиваковская, 1979; Поляков, 1982; Практикум по патопсихологии, 1987).

Патопсихологический симптомокомплекс — это совокупность особенностей и нарушений познавательных процессов, относительно специфичных для той или иной клинической нозологии, имеющая в своей основе определенные психологические механизмы.

В современной клинической психологии описаны такие патопсихологические симптомокомплексы как шизофренический (диссоциативный), органический, психопатический, реактивный и олигофренический (Станишевская, Гульдман, 1977; Кудрявцев В. Н., 1982; Лавринович, Москаленко, 1984; Блейхер, Крук, 1986; Кудрявцев И. А., Сафуанов, 1989; Сафуанов, 1998 а). Они существенно повышают эффективность клинической диагностики.

Б. Определение степени выраженности (глубины) нарушений психической деятельности. Данная задача ставится перед психологом в основном при сомнениях экспертов-психиатров не при диагностике, а при определении способности больного (чаще всего это лица с органическими поражениями головного мозга, больные олигофренией с различными формами дебильности) адекватно понимать значение своих поступков и полноценно их регулировать. Экспериментально-психологическое исследование, наряду с определением патопсихологического симптомокомплекса психических расстройств, при решении этой задачи включает выявление следующих компонентов (Сафуанов, 1998 а):

1. Общий уровень развития познавательной сферы.
2. Объем общих сведений и знаний испытуемого.

3. Принципиальная способность испытуемого ориентироваться в практических, житейских ситуациях.

241

4. Степень обучаемости.

5. Уровень развития эмоционально-волевых структур.

В. Определение структуры нарушений психической деятельности. Нацеленность экспериментально-психологического исследования на решение экспертных вопросов требует обязательного решения данной задачи и при дифференциально-диагностической направленности патопсихологического исследования, и при определении глубины психической патологии испытуемого. Это обусловлено прежде всего тем, что не существует однозначного соответствия между клинко-нозологической диагностикой и решением экспертных вопросов — в конечном итоге экспертное решение зависит не от диагноза, а от установления степени осознания и регуляции криминального поведения.

Выявление качественных особенностей отражательных и регуляторных структур, соотношения их сохранных и нарушенных компонентов, чрезвычайно важно для экспертного определения способности подэкспертного в реальной жизненной ситуации при актуальном психическом состоянии осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими. Особо важное значение решение данной задачи имеет при судебно-психологическом определении ограничения регуляции криминального поведения у обвиняемого с психическим расстройством, а также при установлении существенного влияния индивидуально-психологических особенностей обвиняемого на его поведение.

5.2.2. Этапы планирования психодиагностического экспериментального исследования

Полноценное планирование психодиагностического исследования требует четкого понимания структуры и этапов взаимодействия эксперта-психолога с органом, назначившим экспертизу, с одной стороны, и с подэкспертным лицом, с другой (рис. 21).

На первом этапе определяется задача психодиагностического исследования. При судебно-психологической экспертизе в роли «заказчика», определяющего задачи исследования, выступают судебно-следственные органы. Данные психодиагностического исследования, сформулированные в заключении КСППЭ, используются судом для принятия судебного (правового, юридического) решения.

Это обстоятельство ставит перед экспертом-психологом довольно непростую проблему формулировки своего психодиагностического

242

заключения на понятном для заказчика языке. Экспертные выводы должны быть представлены таким образом, чтобы их могли полноценно использовать судебно-следственные органы, и в то же время они не должны терять своей психологической сущности, адекватно отражая исследуемое явление на высоком научном уровне, которым может обладать только профессионал, владеющий специальными познаниями в психологии. «Унифицированный язык судебного эксперта должен быть одинаково понятным как

судебным экспертам, так и следственным и судебным работникам» (Винберг, Малаховская, 1979, с. 13).

Рис. 21. Структура психодиагностической деятельности судебного эксперта-психолога

Данная проблема обычно решается путем исследования «экспертных понятий» (см. главу 2). Эти критерии, отражая закономерности структуры и динамики психики, являются одновременно и юридическими понятиями, поскольку касаются регуляции таких видов психической деятельности, которые имеют юридическое значение и влекут определенные правовые последствия. Поэтому они являются своеобразными правовыми нормами, наполненными психологическим содержанием.

Таким образом, экспертные психологические выводы формулируются на языке «экспертных понятий» (юридических критериев), которые отражают способность обвиняемого лица к осознанию и регуляции криминально-агрессивного поведения и в то же время являются правовыми понятиями, встроенными в уголовный и уголовно-процессуальный кодекс (аффект, ограничение способности к осознанию и руководству своих действий вследствие психического расстройства и пр.). Основой же формулирования экспертного вывода на языке экспертного понятия является

243

психодиагностическое исследование психологических закономерностей и механизмов, которое описывается в заключении эксперта-психолога в узкопрофессиональной общепсихологической терминологии. Эта терминология может быть и малопонятна людям, не обладающим познаниями в психологии, но позволяет суду, как отмечают А. И. Винберг, Н. Т. Малаховская (1979), проверить фактическую и научную обоснованность экспертного заключения по внутреннему убеждению, путем привлечения иных специалистов или повторных экспертиз.

На втором этапе производства экспертизы психолог выделяет предмет исследования, то есть уясняет, какое явление необходимо диагностировать.

В общем случае предмет психодиагностического исследования определяется вопросами, заданными эксперту органом, назначившим экспертизу. В то же время важное значение имеет предварительное ознакомление с материалами уголовного дела с четким представлением фабулы происшедшего. Дело в том, что некоторые вопросы судебно-следственных органов могут быть сформулированы достаточно обобщенно, и эксперт-психолог, основываясь на своих специальных познаниях в теоретической психологии (психологии личности, психологии познавательной деятельности, психологии эмоциональных явлений и т. д.), должен самостоятельно выделить, каким аспектам изучаемого явления он должен уделить основное внимание. Например, при задаче исследования индивидуально-психологических особенностей подэкспертного судебно-следственные органы, как правило, не конкретизируют, какие стороны личности (ценностная сфера, мотивационное строение личности, черты личности, характер, темперамент и т. п.) и в каком объеме подлежат исследованию — это решает сам эксперт-психолог, исходя из предварительного анализа фабулы уголовного дела и существенных для дела фактов. Кроме того, как отмечалось в первой главе, эксперт-психолог имеет право делать экспертные выводы, касающиеся тех обстоятельств, относительно которых не было задано вопросов — очевидно, что выделение этих обстоятельств, подлежащих экспертному исследованию,

также является прерогативой самого эксперта-психолога и должно основываться на его опыте, степени владения специальными познаниями в психологии и анализе материалов уголовного дела.

На третьем этапе планирования производства экспертизы решается самый важный вопрос — как именно исследовать подэкспертное

244

лицо, какие методы применить в конкретном экспертном исследовании?

Не существует и не может существовать заранее подготовленный универсальный набор психодиагностических методик, который можно было бы применить ко всем подэкспертным лицам. Каждая судебно-психологическая экспертиза — это уникальная процедура психодиагностического исследования с выбором конкретных методов исследования, зависящим от множества факторов.

Перечислим наиболее важные из них.

1. Профессиональные знания эксперта-психолога в психодиагностике, в частности — владение различными методами исследования и понимание их направленности.

Эксперт-психолог должен четко представлять возможности используемых психодиагностических методов, и в первую очередь — направленность метода, а также особенности техники, процедуры психодиагностического исследования. Из результатов исследования вытекает, что судебный эксперт-психолог должен применять в психодиагностической деятельности широкий спектр методов исследования.

Биографический метод. Сбор объективного и субъективного анамнеза.

Наблюдение. Включает в себя наблюдение подэкспертного во время проведения экспертизы, а также просмотр различных видеоматериалов (если имеются видеозаписи допросов, выхода на место происшествия).

Диалоговые методы. Основной диалоговый метод — это беседа. Беседа строится обычно свободно и не директивно, не формализованно, но в ней обязательно должны присутствовать ряд компонентов. Наиболее важными из них является, во-первых, опрос испытуемого по пунктам, имеющим значение для производства экспертизы: анамнез жизни, особенности самосознания, динамика психического состояния в юридически значимой ситуации, отношение подэкспертного к криминальной ситуации и к ситуации судебной экспертизы и т. п.; во-вторых, моделирование в рамках беседы разных ситуаций диалогового взаимодействия с регистрацией поведения испытуемого. Следует отметить, что эффективность наблюдения зависит от многих факторов (Фресс, Пиаже, 1966), наиболее существенными из которых являются: квалификация эксперта-психолога; личность испытуемого — например, легче наблюдать экстравертированных, нежели интравертированных испытуемых; природа черт личности — так, явные черты,

245

такие как импульсивность, властность, оцениваются точнее, чем скрытые черты — такие, как объективность/субъективность и др. Это обстоятельство определяет еще одну необходимую функцию наблюдения — формулировку гипотез, которые могут подвергаться

экспериментальной проверке и требуют применения соответствующих методов исследования.

Объективные тесты. Характеризуются наличием правильных или нормативных ответов. В деятельности эксперта-психолога обычно используются психометрические методы (типа тестов Векслера, Равена), позволяющие измерить уровень интеллектуального развития, и классические патопсихологические методы исследования познавательных процессов — внимания, памяти, мышления (10 слов, Опосредованное запоминание по Леонтьеву, Пиктограмма, Классификация предметов, Исключение понятий, Исключение предметов, Сравнение понятий, Аналогии, Счет по Крепелину, Проба Бурдона, Отсчитывание, Таблицы Шульте и др.), с акцентом на качественный анализ данных, отличающихся от нормативных.

Тесты-опросники. Опросники могут основываться на клинико-психологической типологии личности (ММРІ), типологии черт личности (16-факторный опросник Кеттелла), характера (опросник Шмишека, ПДО А. Е. Личко), темперамента (опросник Стреляу, ЕРІ Айзенка), отдельных черт личности и психических состояний (опросник субъективной локализации контроля Роттера, агрессии Басса — Дарки, тревожности Спилбергера и др.).

Субъективное шкалирование. Чаще всего в судебно-психологической экспертизе применяют шкалы самооценки по Дембо — Рубинштейн или более сложные техники выявления личностных конструктов по Келли (репертуарные решетки и др.). Нами была разработана и апробирована методика выявления «следов» аффекта в сознании обвиняемого, основанная на методе «ранговой решетки» (Приложение 1).

Проективные техники. А. Классическая словесная апперцепция. От испытуемых требуется дать вербальное описание достаточно неструктурированного неопределенного стимульного материала или составить на его основе рассказ (ТАТ, тест Роршаха, тест руки Вагнера и др.). Б. Проективное предпочтение. Методы, основанные на выборе испытуемым одного или нескольких из предлагаемых стимулов (Цветовой тест Люшера, тест Сцонди, Цветовой тест отношений А. Эткинда и др.). В. Рисуночные тесты. Чаще всего используются рисунки человека, несуществующего животного,

246

семьи. Применяется достаточно унифицированная стандартизированная схема интерпретации. Эффективны при работе прежде всего с малолетними и несовершеннолетними испытуемыми. Г. Полупроективные тесты. К ним можно отнести тест Розенцвейга, методы незаконченных предложений, Пиктограмму.

Анализ продуктов спонтанного творчества. Применяется в тех случаях, когда в распоряжении эксперта-психолога есть рисунки, картины, литературные произведения подэкспертного.

2. Возможность применения методов именно в КСППЭ. В определении специальных познаний эксперта-психолога (см. главу 2) не случайно подчеркивается, что методы психодиагностического исследования должны быть внедрены в практику судебной экспертизы. Методы психодиагностики, применяемые в судебно-психологической экспертизе, должны обладать двумя основными характеристиками — валидностью и надежностью. При этом они должны быть валидными и надежными по отношению к экспертному контингенту испытуемых, чье психическое состояние часто осложнено различными реактивными наслоениями в результате привлечения к уголовной

ответственности, а также наличием широкого репертуара смысловых установок — симуляции, аггравации и т. п.

3. Процессуальное положение подэкспертного лица. При планировании психодиагностического исследования и выборе конкретных методик эксперт-психолог должен обязательно учитывать процессуальное положение испытуемого.

4. Половозрастные факторы. Психодиагностические методы, как правило, валидизируются на определенных возрастных группах и с учетом половой дифференциации. Валидные и надежные методики обычно имеют различные нормативы обработки и интерпретации данных для определенных возрастных интервалов, а также мужские и женские варианты. Некоторые методы можно применять только для определенного возрастного контингента испытуемых, другие — такие как тест Векслера, тест Розенцвейга, опросник Кеттелла и др. — имеют варианты для каждого определенного возраста.

5. Психические аномалии и умственное развитие подэкспертного лица. Индивидуально-психологические (в том числе и психопатологические) особенности каждого конкретного испытуемого определяют пригодность применения по отношению к нему той или иной методики.

6. Вид экспертизы по месту и условиям проведения. Этот фактор часто определяет трудоемкость проведения психодиагностического исследования.

247

5.2.3. Экспертная оценка психической деятельности обвиняемого

Алгоритм вынесения клинико-психологических экспертных решений, требующий определения типа криминальной агрессии с квалификацией психологического механизма криминальной агрессии и с последующим применением схемы анализа свободы выбора действия под влиянием нарушений процессов осознания и регуляции поведения, свидетельствует о том, что при производстве КСППЭ окончательные экспертные выводы складываются не только и не столько из данных экспериментально-психологического исследования, сколько требуют обязательного психологического анализа поведения и деятельности подэкспертного лица по всем имеющимся в распоряжении эксперта материалам. Только при сопоставлении и верификации данных анализа материалов уголовного дела с экспериментальными можно обоснованно формулировать экспертные выводы.

5.2.3.1. Психологический анализ материалов уголовного дела

Психологический анализ уголовного дела и приобщенных к нему материалов является, по существу, разновидностью герменевтического подхода. Герменевтика — искусство и теория истолкования текстов. Психологическая герменевтика берет начало с эпистемологии В. Дильтея. Герменевтика определяется им как искусство понимания письменно фиксированных жизненных проявлений. В психолингвистике понятие текста может трактоваться и в более широком плане — не только как фиксированный (в современной цивилизации фиксация может быть и письменной, и с использованием аудио- и видеоносителей) текст, но и как определенные события, обладающие сложной смысловой и знаковой структурой.

При производстве судебной экспертизы в качестве текста выступают материалы уголовного дела и приобщенные к нему документы — медицинская документация, продукты творчества подэкспертных (письма, дневники, литературные и художественные произведения), аудио- и видеозаписи допросов, следственного эксперимента, выхода на место происшествия и т. п. Как текст можно рассматривать и записи самого эксперта (протокол экспериментально-психологического исследования, данные тестирования), фиксирующие высказывания и особенности поведения подэкспертного. Все эти документы и образуют источники информации, с которыми непосредственно работает эксперт.

248

Каковы же основные психологические закономерности понимания экспертами источников информации, каков основной механизм психологической герменевтики при их исследовании для экспертной оценки способности к осознанию и регуляции испытуемым своей психической деятельности?

1. Тип исследуемого текста. Можно выделить три основных типа текстов (Брудный, 1998). Первый тип — многозначный, без опорных точек. Это тексты, допускающие множественные проективные интерпретации (например, Апокалипсис, предсказания Нострадамуса). Второй тип — однозначный, не допускающий разного толкования. К таким относятся прежде всего научные тексты в точных науках (физика, математика). И, наконец, третий тип — смешанный, самый емкий, в нем можно выделить и опорные точки, и некий смысловой контекст. Именно к третьему типу и относится большинство текстов, с которыми мы имеем дело в повседневной действительности (научные статьи в области гуманитарных наук, журнальные и газетные публикации и т. п.), в том числе и уголовное дело с приобщенными к нему материалами.

2. Этапы экспертного понимания текста. Поскольку психологи имеют дело со смешанными текстами, то на первом этапе они должны выделять опорные точки, необходимые для дальнейшего экспертного исследования. Для эксперта-психолога такими опорными точками служат зафиксированные в уголовном деле данные об: а) особенностях психического развития подэкспертного; б) его устойчивых индивидуально-психологических особенностях; в) его актуальном психическом (эмоциональном) состоянии в криминальной ситуации; г) его структуре отражения и осознания юридически значимой ситуации и регуляции своего поведения в ней; д) о развитии самой ситуации; е) взаимодействии личности подэкспертного с ситуацией. В то же время эксперты наряду с опорными точками должны выделять лакуны — то есть то, чего в тексте нет или что допускает неоднозначное толкование (Сорокин, Марковина, 1998). Уголовное дело — текст, созданный в первую очередь не для решений экспертных проблем, а для достижения иной, чисто правовой цели, и поэтому психологи поставлены перед задачей понимания фрагментов текста, либо не содержащих значимой для достижения целей экспертизы информации, либо требующих научной интерпретации. В этом смысле, по выражению А. А. Брудного (1998), понимание текста может быть одновременно пониманием того, что в тексте непосредственно не дано.

249

Важная для психодиагностики информация, не содержащаяся в лакунах, может быть восполнена двумя способами. Лакуны в ходе экспертного исследования либо заполняются, либо компенсируются (Сорокин, Марковина, 1998).

Заполнение лакун осуществляется в ходе клинико-психологической беседы, направленного наблюдения, экспериментального обследования подэкспертного, с помощью запроса

дополнительных материалов перед следственными органами, путем участия в допросах в ходе судебного заседания и т. п. Одна из основных проблем для эксперта состоит в том, что при допросах следователи практически не интересуются субъективной стороной действий подэкспертных, поэтому важно при ходатайстве о дополнительных допросах тех или иных лиц рекомендовать и конкретные вопросы, на которые нужно получить ответы.

Компенсация лакун — это перевод уже имеющихся данных уголовного дела на другой, психологический, язык (Зейгарник, Братусь, 1980). Формализованные алгоритмы заполнения лакун и их компенсации можно продуктивно использовать при разработке стандартов судебного психологического исследования. Такая попытка предпринята нами совместно с Е. Г. Дозорцевой (см. Стандарты, 2000).

3. Использование специальных познаний эксперта при работе с текстом. Текст как смысловая структура существует в трех отношениях (Брудный, 1998): текст — реальность, текст — автор, текст-реципиент. Из них наиболее значимой для анализа экспертной деятельности является отношение «текст — реципиент (эксперт)». Смысловое понимание уголовного дела и приобщенных к нему материалов зависит от таких переменных как задача психодиагностического исследования (определяется судебно-следственными органами), предмет исследования (определяется вопросами, требующими экспертного решения). Но главным фактором являются специальные познания судебного эксперта. Проблема специальных познаний не сводится только к профессиональной компетенции, нужно учитывать и личную компетентность эксперта. Специальные познания не являются эквивалентом лишь знаний организационно-правовых, теоретических, методологических, этических основ экспертизы, большое значение имеет и проблема структуры представления (категоризации) этих вопросов в сознании эксперта.

Профессиональная деятельность эксперта имеет особую цель — производить «оценки». Другая особенность экспертной деятельности —

250

это производство «оценок» для внешнего заказчика, который практически всегда и задает критерии требуемых оценок. По выражению С. Л. Братченко, экспертиза — это использование самого человека как «измерительного прибора» (Братченко, 1999, с. 13).

Специальные познания эксперта по своей сути представляют собой профессиональную модель мира, которая «проходит тот же путь формирования и испытывает воздействие тех же формирующих факторов, что и система смыслов — субъективная семантика» (Артемьева, 1999, с. 242). Анализ проблемы специальных познаний эксперта в моделях «образа мира» (а не только в моделях «свойств») может позволить понять и процесс применения этих познаний в рамках модели «психологической структуры деятельности».

В соответствии с парадигмальной моделью движения смысла по слоям субъективного опыта (Артемьева, 1999) структура специальных познаний судебного эксперта-психолога может быть представлена в виде трех уровней.

Внешний слой — «семантико-перцептивный» — заключается в субъектной идентификации психических явлений в терминах базовой для судебно-психологической экспертизы науки — психологии, а также смежных дисциплин: психиатрии, виктимологии, суицидологии и т. п. Объектно этому уровню соответствуют теоретические и эмпирически выделенные представления о тех или иных сторонах психических процессов, зафиксированные в

словарях, глоссариях, всевозможных классификациях (типа МКБ-10), учебниках, пособиях и т. д.

Следующий, более глубинный, уровень — «семантико-гносеологический» — представляет собой трансформацию понятий базовых наук в «экспертные» понятия. Экспертные понятия — промежуточные между правом и психологией — определяют юридическую значимость психических явлений и влекут определенные правовые последствия (квалификация преступлений, установление смягчающих обстоятельств и др.). Объектно этот слой можно описать с помощью тезауруса (Караулов, 1987), центральными смысловыми точками которого будут являться уже не общепсихологические, а правовые понятия, определяющие юридическую значимость диагностируемых на первом уровне психических явлений (примеры таких тезаурусов см. Сафуанов, 1998 а).

И, наконец, центральным глубинным слоем структуры специальных познаний эксперта-психолога является система генерализованных недифференцированных смыслов, аккумулирующих не только когнитивный, но и эмоционально-мотивационный, и

251

ценностный опыт эксперта. Этот уровень, с одной стороны, «семантико-аксиологический», а с другой — «семантико-прагматический», практически не вербализуем, мало осознаваем и составляет ту часть профессиональных познаний, которую обычно называют «искусством» проведения психодиагностического исследования. Он соответствует понятию «личностное (периферическое) знание», введенному М. Полани (1985)3.

Уровневое смысловое строение специальных познаний судебного эксперта-психолога как концептуальная схема характеризуется следующими признаками: 1) инвариантность, сочетающаяся с фрагментарностью и неполнотой (по мнению Е. Ю. Артемьевой, мир профессии — групповой инвариант субъективного отношения профессионалов к объектам — Артемьева, 1999) — это свойство прямо коррелирует и с компетенцией, и с уровнем компетентности эксперта; 2) разный уровень обобщения — в структуре специальных познаний эксперта-психолога можно выделить «общие» (теорию и методологию экспертного исследования) и «частные» модели (касающиеся отдельных предметных видов экспертизы); 3) личностный, субъективный характер специальных познаний, несмотря на их социальную обусловленность.

Процесс обучения специальным экспертным познаниям, в соответствии со смысловым их строением, можно представить как движение от внешних слоев к глубинным уровням: от усвоения общепсихологических представлений к формированию «экспертных» понятий, и далее, к приобретению мотивационно-ценностного опыта профессиональной деятельности, то есть формированию профессионального «образа мира». Непосредственное же использование специальных познаний в конкретном экспертном исследовании разворачивается как обратный процесс — от актуализации генерализованных «глубинных» смыслов к настроенной в соответствии с этими смыслами семантико-когнитивной и перцептивной переработке изучаемых психических явлений.

252

В результате применения специальных познаний психолога в целях судебной экспертизы, наряду с описанными выше тремя отношениями текста как смысловой структуры, выявляется еще одно отношение: «текст — новая реальность». Новой реальностью в конечном итоге (после определения индивидуально-психологических особенностей

обвиняемого, его психического состояния в криминальной ситуации, установления психологического механизма его преступного поведения) оказывается экспертная оценка клинических и психологических явлений, существовавших до применения специальных познаний в тексте (уголовном деле) лишь имплицитно, в неявной форме, неполно и фрагментарно.

В целом, психологический анализ материалов уголовного дела состоит из следующих основных компонентов. Изучение объективного анамнеза жизни подэкспертного лица — по документам, отражающим его жизненный путь; показаниям родственников, друзей, сослуживцев и т. п.; медицинской документации (истории болезни, медицинские карты, акты судебно-психиатрической экспертизы и др.). Изучение субъективного анамнеза жизни — по показаниям подэкспертного лица, материалам клинико-психологической беседы. Изучение динамики психической деятельности подэкспертного лица в интересующий судебно-следственные органы период времени — по показаниям свидетелей; по показаниям подэкспертного лица во время следствия и судебного разбирательства (в случае, когда подэкспертный является обвиняемым или подсудимым — и по текстам явки с повинной и чистосердечного признания); по следственным экспериментам и выходу на место происшествия; по материалам других экспертиз (в первую очередь — судебно-медицинских и судебно-психиатрических).

5.2.3.2. Этапы проведения психодиагностического исследования

Схема психологического исследования при производстве КСППЭ обвиняемого в агрессивных действиях включает следующие психодиагностические этапы:

1. Четкое уяснение фабулы дела. Эксперт-психолог реконструирует временную последовательность событий, используя все имеющиеся в деле показания (обвиняемого, свидетелей, потерпевших), материалы выхода на место происшествия и следственных экспериментов, а также данные судебных экспертиз. Существенно облегчает понимание динамики ситуации и поведения подэкспертного текст обвинительного заключения, если оно имеется в уголовном деле.

253

2. Психологический анализ индивидуально-психологических особенностей подэкспертного по уголовному делу и приобщенным к нему материалам.

3. Психологический (герменевтический) ретроспективный анализ динамики психического состояния и психической деятельности подэкспертного по материалам дела.

4. Проведение клинико-психологической беседы и экспериментально-психологического исследования с одновременным наблюдением подэкспертного. Выявление индивидуально-психологических особенностей обвиняемого, особенностей его познавательных процессов.

5. Сопоставительный анализ данных психологического изучения уголовного дела, данных беседы, наблюдения и результатов экспериментального исследования.

Анализ взаимодействия личности подэкспертного с юридически значимой ситуацией. По данным теоретического и эмпирического исследования может включать следующие шаги:

на основании психологического анализа материалов уголовного дела и экспериментального исследования диагностируются индивидуально-психологические особенности и тип криминальной ситуации с определением типа криминальной агрессии;

определение типа и психологического механизма криминальной агрессии;

применение рабочей схемы анализа свободы выбора действия в криминальной ситуации в рамках установленного психологического механизма криминальной агрессии, на основе исследования особенностей отражения, осознания, понимания, смыслового восприятия ситуации, произвольной волевой регуляции своих действий, контроля своего поведения, прогностических возможностей, степени опосредованности действий и других регуляторных психологических механизмов — с учетом индивидуально-психологических возможностей, эмоционального и функционального состояния, особенностей уровня психического развития, характера психического расстройства.

Составление заключения КСППЭ с формулировкой экспертных выводов (ответов на вопросы судебно-следственных органов) в «экспертных понятиях» с их обоснованием на основе психодиагностического исследования психологических закономерностей и механизмов криминально-агрессивного поведения обвиняемого, включающим ретроспективный психологический анализ уголовного дела и приобщенных к нему материалов и данные экспериментально-психологического

254

исследования, проведенного в рамках КСППЭ.

В целом, методологическую схему (алгоритм) комплексного судебного психолого-психиатрического определения экспертных оценок обвиняемых в криминально-агрессивных действиях можно представить в виде следующей схемы (рис. 22).

Рис. 22. Методология клинико-психологических экспертных оценок криминально-агрессивных действий обвиняемых

255

Глава 6. Организационно-правовые аспекты КСППЭ, не регулируемые уголовно-процессуальным законодательством

На объектном уровне — уровне профессиональной деятельности судебного эксперта-психолога в его взаимодействии с экспертами-психиатрами, с одной стороны, и со следственными и судебными органами, с другой, — системный подход реализуется во взаимопроникновении теории и практики. Ю. Хабермас (Habermas, 1974) выделяет соотношение теории и практики как существенный аспект реального применения системного подхода к сложным социальным системам. Он рассматривает следующие функции взаимодействия теории и практики: 1) формулировка теоретических положений с их верификацией эмпирическими фактами; 2) установление подлинности этих теоретических положений (верификации недостаточно) через их «ратификацию» теми, кто применяет эти знания; 3) выделение конкретных стратегий применения теоретических знаний.

Концепция Ю. Хабермаса особенно актуальна для теории и практики КСППЭ на современном этапе ее развития. Поэтому реализация системного подхода на объектном уровне в настоящей работе подразумевает и разработку проблем в такой прикладной области, как организационно-правовые основы производства КСППЭ, не регулируемые уголовным процессуальным законодательством. Она заключается в том, чтобы на основе научных исследований разрабатывать подзаконные нормативно-правовые документы для утверждения или согласования («ратификации») с полномочными органами.

6.1. Несоответствие характера назначенной судебной экспертизы фактически необходимой

Основной проблемой, связанной с назначением КСППЭ, является несоответствие характера экспертизы назначаемой — экспертизе действительно необходимой.

256

Можно выделить следующие основные варианты ошибочного назначения КСППЭ.

Следователем или судом назначается КСППЭ, когда достаточно назначить однородную судебно-психиатрическую экспертизу. В результате в заключении экспертизы даются ответы только на вопросы, входящие в компетенцию психиатра, и утрачивают свое значение вопросы, требующие специальных познаний в психологии. Например, обвиняемый совершил преступление под влиянием галлюцинаторных переживаний или бредовых мотивов и по результатам КСППЭ признан невменяемым. Такого рода экспертные решения встречаются в 25% случаев. Конечно, далеко не всегда можно при назначении экспертизы предугадать, какие решения примут эксперты, но ряд таких случаев был достаточно очевиден — например, обвиняемый в убийстве нескольких человек давно болен шизофренией, неоднократно перенес бредовые приступы (что подтверждается медицинской документацией), а следователь необоснованно назначил КСППЭ.

Следователем или судом назначается КСППЭ, но в постановлении (определении) совершенно отсутствуют вопросы, относящиеся к компетенции эксперта-психолога. В 10% документов о назначении КСППЭ не содержится вопросов к психологам. С какой же целью в таком случае назначается не судебно-психиатрическая, а комплексная экспертиза? Скорее всего, во многих случаях происходит элементарная путаница из-за незнания следователем специфики КСППЭ по сравнению с судебно-психиатрической. Этому способствуют и некоторые публикации, в которых преувеличивается роль КСППЭ, утверждается, что юридический критерий вменяемости — невменяемости должен устанавливать психолог-эксперт.

Следователем или судом назначается судебно-психиатрическая экспертиза, но в постановлении (определении) содержатся и вопросы, которые не входят в компетенцию эксперта-психиатра, но относятся к компетенции эксперта-психолога. Такие случаи более редки, чем вышеописанные. Здесь очевидна ошибка при выборе вида экспертизы — следователя интересуют обстоятельства, входящие в компетенцию эксперта-психолога, но он не различает его компетенцию и компетенцию психиатра, и неверно полагает, что психиатр может решить вопросы об аффекте, индивидуально-психологических особенностях и т. п. Бывает перепутана даже компетенция психолога и сексолога — назначается сексолого-психиатрическая экспертиза, а в постановлении формулируются вопросы только к психиатру и психологу.

Следователем или судом назначается судебно-психиатрическая экспертиза. В постановлении (определении) все вопросы сформулированы

257

правильно, все они входят в компетенцию эксперта-психиатра. Но при первичном осмотре подэкспертного, при ознакомлении с материалами уголовного дела и медицинской документацией, эксперты-психиатры сами приходят к выводу (часто после консультаций с психологом), что в данном случае имеются обстоятельства, имеющие значение для дела, установление которых входит в компетенцию эксперта-психолога, но по поводу которых вопросы поставлены не были. Здесь ошибка следователя совсем другого рода, чем в предыдущем случае: он не путает компетенцию психиатра и психолога, но неверно оценивает следственно-экспертную ситуацию и не видит обстоятельств, требующих комплексного экспертного исследования. Наиболее часто — это ошибки, связанные с необходимостью квалификации ст.ст. 107, 113 УК РФ, то есть отсутствие вопроса об аффекте.

Наконец, целый ряд комплексных психолого-психиатрических экспертиз назначается в тех случаях, когда можно было ограничиться однородной судебно-психологической экспертизой. В ошибочных постановлениях и определениях в ряде случаев при назначении КСППЭ и судебно-психиатрической экспертиз формулируются вопросы, входящие в компетенцию только психолога. Гораздо больше случаев, когда, при формально верном оформлении документа о назначении КСППЭ, можно было бы ограничиться однородной судебно-психологической экспертизой. Например, обвиняемой в убийстве своего мужа назначена третья повторная КСППЭ из-за сомнений суда в экспертном установлении аффекта в момент убийства. Все три предыдущие КСППЭ, проведенные в разных экспертных учреждениях, пришли к однозначному мнению, что обвиняемая представляет собой психопатическую личность истеро-возбудимого круга, вменяема, но на двух экспертизах был диагностирован аффект, а на одной сделан вывод об его отсутствии. В данном случае очевидна необходимость производства не КСППЭ, а только судебно-психологической экспертизы⁴.

При всем разнообразии каждой из рассматриваемых ситуаций можно допустить две крайние позиции при их решении. Первая исходит из формального положения о том, что каждый раз должен

258

проводиться тот вид экспертизы, который назначен (см., например, Кудрявцев И. А., 1999, с. 106). Вторая позиция основана на том, что каждый раз должен проводиться тот вид экспертизы, который действительно необходим (Шляхов, 1985, с. 11).

На наш взгляд, в подобных ситуациях необходимо руководствоваться не формальными основаниями, а принципом всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (ст. 20 УПК РСФСР). Этим принципом должны руководствоваться все участвующие в уголовном процессе лица, в том числе и эксперты. Согласно этому принципу, эксперты должны ответить на все поставленные перед ними вопросы (при условии, что их решение входит в компетенцию эксперта и что предоставленные материалы позволяют сделать это), а также могут дать заключение по обстоятельствам, по которым вопросы не ставились (ст.ст. 191 и 288 УПК РСФСР).

Заметим одновременно, что в законе отсутствует официальная классификация судебных экспертиз. Виды судебных экспертиз слишком многочисленны, при этом развитие научных знаний делает границы «экспертной номенклатуры» очень подвижными и динамичными. Поэтому для следователя (или суда) главным на уровне процессуального законодательства является не формальное «наименование» экспертизы, а правильное, научно достоверное и полное решение экспертами значимых для дела вопросов. Такого требования к экспертам, как точное следование названию экспертизы (в постановлении или определении) закон вообще не содержит. Поэтому в межведомственной инструкции об организации производства комплексных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях СССР (1986) и закреплено положение 4: «В случаях, когда при ознакомлении с представленными на исследование материалами либо в ходе производства отдельных экспертиз выявлена необходимость проведения комплексной экспертизы, ее производство организуется руководителем учреждения».

Точное определение формы экспертизы для следователя и суда в ряде случаев оказывается объективно трудным. Введенная в новый УК РФ норма об «ограниченной вменяемости» требует в ряде случаев совместного применения познаний в психологии и психиатрии, а в ряде случаев достаточным будет применение только психиатрических познаний. Орган, назначающий экспертизу, не может предвидеть в каждом отдельном случае, понадобятся комплексные исследования или нет. В то же время трудно представить ситуацию, когда «на всякий случай» следователи и суды будут назначать

259

вместо судебно-психиатрической экспертизы обвиняемых комплексную психолого-психиатрическую. Во-первых, в настоящее время не существует необходимой инфраструктуры, позволяющей все такие экспертизы проводить как комплексные. Во-вторых, и это главное, если такое произойдет, то судебно-психиатрическая экспертиза обвиняемых как общественный институт прекратит свое существование, а доля экспертных решений, требующих совместной компетенции психологов и психиатров, в таких экспертизах будет составлять единицы процентов, то есть коэффициент полезного действия при тотальной замене судебно-психиатрических экспертиз на КСППЭ резко упадет.

Исходя из этих соображений, неизбежные на практике расхождения между назначенной и действительно необходимой экспертизами следует при необходимости и по возможности корректировать в самом экспертном учреждении, используя с этой целью полномочия, предоставленные процессуальным законом его руководителю.

Поэтому мы считаем, что в случаях, когда назначена однородная судебно-психиатрическая экспертиза, тогда как для достижения истины по делу и решения экспертных вопросов (которые поставлены правоохранительными органами или могут быть решены в порядке реализации экспертной инициативы согласно ст.ст. 191 и 288 УПК РСФСР) необходима комплексная экспертиза, то должна проводиться КСППЭ. Если же назначена КСППЭ без вопросов к психологу, то психолог проводит исследование, направленное на выявление обстоятельств, по поводу которых вопросы не ставились, при условии, что эти обстоятельства имеют значение для дела и их установление входит в компетенцию эксперта. Эти и другие положения, разработанные нами в соавторстве с С. Н. Шишковым, легли в основу «Положения о производстве КСППЭ в ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского», согласованного с Прокуратурой г. Москвы 12 мая 1998 г. (Приложение 2), и «Стандартов судебно-психиатрических экспертных исследований ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского» (2001).

6.2. Состав экспертной комиссии при производстве КСППЭ

В настоящее время сложившаяся практика определяет состав экспертной комиссии при проведении стационарных и амбулаторных

260

КСППЭ в количестве 4 человек — к трем членам судебно-психиатрической экспертной комиссии (председатель, член комиссии и врач-докладчик) добавляется эксперт-психолог без четкого указания его функциональной роли. Такое соотношение, несмотря на то, что эксперты-психологи и эксперты-психиатры обладают равными правами и несут равные обязанности, определенные УПК РСФСР, может создавать некоторый перекос в профессиональных взаимоотношениях экспертов разных специальностей. Часто на практике получается, что «все эксперты равны, но эксперты-психиатры равны больше».

Как показывают результаты нашего исследования, значительный круг экспертных решений требует совместной компетенции психологов и психиатров, и поэтому более объективному, всестороннему и полному исследованию всех обстоятельств дела в таких случаях будет способствовать включение в состав экспертной комиссии по крайней мере двух психологов — один из которых должен быть психологом-докладчиком, а другой — членом комиссии. Сейчас к такому соотношению прибегают только в исключительных случаях, сложных в диагностическом и экспертном отношении, согласно п. 10 «Положения о производстве КСППЭ» (см. Приложение 2). Между тем, уже в настоящее время созданы необходимые предпосылки реализации вывода исследования о составе комиссии КСППЭ по формуле 1 председатель + 2 члена комиссии (психолог и психиатр) + 2 докладчика (психолог и психиатр): в Приказе МЗ РФ от 19.05.2000 № 165 количество медицинских психологов амбулаторных судебно-психиатрических комиссий и отделений стационарной судебно-психиатрической экспертизы по штатным нормативам увеличивается в четыре раза. Предусматривается одна должность психолога на 250 судебно-психиатрических экспертиз в год (по сравнению с Приказом МЗ РФ от 28.08.1992 № 240, где была определена одна должность психолога на 1000 экспертиз в год).

При проведении КСППЭ в кабинете следователя или в зале судебного заседания количество экспертов должно быть не менее двух, один из которых должен быть психиатром, а другой — психологом.

6.3. Разногласия между экспертом-психологом и экспертами-психиатрами при производстве КСППЭ

Исследование показало, что в ряде случаев экспертные решения КСППЭ не составляют предмет общей компетенции психологов

261

и психиатров (например, аффект), а в ряде случаев вырабатываются совместно (некоторые варианты ограниченной вменяемости). На экспертных комиссиях могут возникать разногласия не только между экспертами одной специальности, но и между экспертами-психологами и экспертами-психиатрами. При этом в одних ситуациях разногласия возникают по вопросам, не составляющим предмет их совместной компетенции — например, психиатры не согласны с диагностикой аффекта у вменяемого лица; одно и то же психическое состояние психиатры расценивают как «временное психическое расстройство», а психологи как «аффект». В других ситуациях отличные друг от друга экспертные оценки

могут касаться вопросов, составляющих совместную компетенцию психологов и психиатров — так, психиатры могут устанавливать у обвиняемого с психической патологией «ограничение способности осознавать свои действия и руководить ими» во время совершения преступления, а психологи могут считать, что анализ мотивации правонарушения не дает оснований для того, чтобы сделать вывод о каком-либо ограничении свободы выбора поступка в криминальной ситуации.

Некоторые авторы предлагают в таких случаях экспертам разных специальностей в общем заключении формулировать самостоятельные выводы, не совпадающие друг с другом: «Несмотря на то, что каждый из экспертов здесь отстаивает свои выводы, их оформление в едином заключении позволяет следователю и суду составить четкое представление о сути различий в оценке доказательственных признаков» (Кудрявцев И. А., 1999, с. 113). С нашей точки зрения, подобный алгоритм противоречит УПК РФ, предписывающей дачу отдельных заключений «в случае разногласия между экспертами».

В таких случаях, согласно процессуальному законодательству, необходимо составлять отдельные акты (заключения) экспертизы. Такое же требование содержит Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», вступивший в силу с 5 июня 2001 г. В ст. 23, посвященной комиссии экспертов разной специальности (комплексной экспертизе) указывается, что «в случае возникновения разногласий между экспертами результаты исследований оформляются в соответствии с частью второй статьи 22 настоящего Федерального закона», которая гласит: «В случае разногласий между экспертами каждый из них или эксперт, который не согласен с другими, дает отдельное заключение».

262

Глава 7. Этические проблемы КСППЭ

7.1. Базисные этические ценности

Чрезвычайно важным компонентом профессиональной деятельности судебного эксперта-психолога является соблюдение определенных этических принципов и норм. Однако, к сожалению, этические проблемы работы экспертов-психологов, равно как и психологов других специализаций, в отечественной литературе практически не рассматривались. Между тем, учение об экспертной этике является важным компонентом судебной экспертологии (Винберг, Малаховская, 1979, с. 49). Т. В. Сахнова (2000, с. 101 — 102) отмечает, что наряду с гносеологическим и юридическим критериями использования специальных знаний необходимо выделять и этический критерий.

Судебная экспертиза является одним из необходимых средств выяснения истины по уголовному делу. КСППЭ производится в интересах прежде всего общества в целом, поскольку деятельность эксперта-психолога вплотную примыкает к работе правоохранительных органов. В то же время невозможно игнорировать и то обстоятельство, что производство судебной экспертизы защищает и интересы подэкспертных лиц. Нельзя, разумеется, понимать интересы подэкспертных упрощенно, как их личную выгоду, уклонение от ответственности — главным является справедливое объективное решение вопросов, составляющих предмет КСППЭ.

Этические проблемы возникают тогда, когда люди вступают между собой в определенные взаимоотношения, когда они осуществляют совместную деятельность. Понимание целей экспертизы в совокупности с тем обстоятельством, что судебный психолог-эксперт для их

достижения должен эффективно взаимодействовать с органом, назначившим экспертизу, с подэкспертными лицами и, наконец, с коллегами — психологами и психиатрами, определяет необходимость осознания определенных этических

263

принципов и их усвоения в своей профессиональной деятельности в качестве нравственной позиции.

Базисные принципы этики судебного эксперта-психолога совпадают с наиболее общими принципами этики практической психологии и биомедицины — гуманизма, ответственности, непричинения вреда, благодеяния, справедливости (Бурлачук, Морозов, 1989; Основы психодиагностики, 1996; Этика практической психиатрии, 1996; Тихоненко, Шишков, 2000). Однако использование заключения судебно-психологической экспертизы судебно-следственными органами приводит к некоторой специфике практического применения этических норм экспертом-психологом, в отличие от использования этих же норм психологами, осуществляющими консультирование, диагностику в условиях психиатрической клиники, психотерапию и психокоррекцию, другие виды оказания психологической помощи. Эти отличия детерминируются тремя важными обстоятельствами.

Во-первых, судебный эксперт-психолог взаимодействует не с пациентами, которые нуждаются в психологической помощи и подвергаются психодиагностическому исследованию добровольно, исходя из своих потребностей и личной заинтересованности, а осуществляет исследование испытуемых, либо преступивших закон, либо ставших жертвами противоправных действий, что определяет своеобразие социального взаимодействия, общения между ними.

Во-вторых, эксперт-психолог в силу своего процессуального положения обладает большой властью над испытуемыми — от его выводов часто зависит дальнейшая судьба подэкспертного лица, например, для обвиняемых — квалификация статей Уголовного кодекса (с разными мерами и сроками наказания), назначение наказания с учетом смягчающих обстоятельств и т. д. Зависимость подэкспертных лиц от психодиагностических выводов психолога, используемых в судопроизводстве, накладывает на эксперта огромную ответственность за свои решения.

В-третьих, и это главное, деятельность психолога, выступающего в качестве судебного эксперта, регулируется законодательно. Он несет уголовную ответственность за определенные действия, нарушающие уголовно-процессуальную регламентацию его деятельности, обладает совокупностью обязанностей и прав.

Взаимоотношение законности и этики, законодательной регуляции деятельности эксперта-психолога и этических норм в рамках производства экспертизы можно обозначить принципом «воронки»

264

(Сафуанов, 1998 а): психолог должен действовать строго в рамках закона, соблюдать его, но варианты поведения, часто альтернативные, в разных ситуациях при проведении экспертизы (которые в силу своего разнообразия просто не могут быть оговорены в законе) подразумевают этический, моральный выбор, диктуемый общей нравственной позицией эксперта-психолога.

Эксперт-психолог, сталкиваясь со сложными этическими коллизиями в своей работе, должен реализовывать наиболее общие нравственные ценности: служение истине и справедливости, беспристрастность, объективность, ответственность. Эти ценности и определяют основные этические принципы деятельности судебного эксперта-психолога.

7.2. Этические принципы деятельности судебного эксперта-психолога

Объем и содержание психологических познаний, используемых в судопроизводстве, включает в себя широкий диапазон не только общепсихологических знаний и знаний клинической психологии, но и психологические аспекты смежных наук (психиатрии, сексологии, криминологии, виктимологии и т. п.), а также некоторые юридические вопросы, касающиеся производства судебных экспертиз. Кроме того, на стыке юридических и психологических проблем возникает особая область знаний — судебно-психологическая экспертология, раскрывающая процесс адаптации психологических закономерностей в судебно-экспертной деятельности, а также особенности дифференциации и интеграции психологических и психиатрических познаний в КСППЭ. Эти результаты исследования определяют профессиональную компетентность как один из важнейших этических принципов деятельности судебного эксперта-психолога.

Специальные психологические познания в судебно-психологической экспертизе (см. главу 2) в качестве минимального профессионального стандарта требуют высшего психологического образования и наличия постдипломной подготовки в области судебной психологии. Это накладывает на эксперта-психолога моральную обязанность постоянного профессионального совершенствования с использованием всех доступных форм дополнительного обучения, изучением научной и методической литературы по психологическим и смежным дисциплинам, входящим в объем специальных психологических познаний, усвоением собственного опыта и опыта своих коллег.

265

Однако для полноценного производства судебно-психологической экспертизы одного усвоения специальных познаний недостаточно. Важнейшей составляющей профессиональной компетентности судебного эксперта-психолога является искусство проведения психодиагностического исследования. Психологическое экспертное обследование происходит при непосредственном контакте с подэкспертным лицом, находящимся в сложной жизненной ситуации, что определяет выполнение ряда этических норм взаимодействия и общения. Эти нормы связаны со следующим важным этическим принципом — личностным подходом к подэкспертному.

Личностный подход конкретизируется в уважении прав личности обвиняемого (определяемых совокупностью законов), а также в уважении чести и достоинства подэкспертного.

Профессиональная деятельность судебного эксперта-психолога в рамках КСППЭ требует непрерывного взаимодействия с правоохранительными органами, назначающими и оценивающими экспертизу, с обвиняемыми, с коллегами не только своей, но и иной специальности. Это обстоятельство определяет исключительную важность и такого этического принципа как независимость эксперта.

Независимость эксперта является одним из краеугольных камней судопроизводства и достижения истины по уголовному делу. Она лежит в основе объективности и

беспристрастности эксперта-психолога и непосредственно связана с его личной ответственностью за экспертные выводы.

Можно выделить несколько компонентов независимости эксперта-психолога.

— Независимость от судебно-следственных органов.

— Независимость от других участников уголовного процесса.

— Независимость от других экспертов. Этот аспект независимости связан с ситуациями проведения комиссионной судебно-психологической экспертизы, в которых мнения членов комиссии не совпадают друг с другом. Важным аспектом независимости психолога является определение предмета и выбор конкретных методов исследования.

— Независимость от себя. Одним из важнейших нравственных императивов является положение, зафиксированное в Кодексе профессиональной этики психиатра (Этика практической психиатрии, 1996), но целиком относящееся и к этике эксперта-психолога: он «не вправе навязывать пациенту свои философские, религиозные,

266

политические взгляды. Личные предубеждения... или иные непрофессиональные мотивы не должны оказывать влияния на диагностику».

При производстве КСППЭ эксперт-психолог становится обладателем большого объема информации о подэкспертном лице. Это, во-первых, все данные из уголовного дела, предоставленного в распоряжение эксперта. Во-вторых, это приобщенные к уголовному делу материалы, среди которых особо конфиденциальную информацию — сведения, составляющие врачебную тайну, — содержит медицинская документация. В-третьих, это информация, полученная при производстве собственного экспертно-психологического исследования. Все эти сведения эксперт-психолог не имеет права разглашать согласно закону, но они составляют конфиденциальную информацию и по этическим соображениям.

Единственный адресат такого рода информации — орган, назначивший экспертизу. Интегрированность деятельности психолога, проводящего судебную экспертизу, в работу судебно-следственных органов, таким образом, не делает все сведения об испытуемом абсолютно закрытыми, но определяет границы конфиденциальности.

267

Приложение 1

Метод исследования следов аффекта в структуре самосознания

В практике комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы актуальной проблемой является исследование структуры индивидуального сознания подэкспертных лиц. Это особенно важно в отношении обвиняемых, поскольку решение экспертных психиатрических и психологических задач с необходимостью включает изучение способности осознавать характер и значение своих криминальных действий, то есть ретроспективную оценку психического состояния в момент совершения преступления. Между тем, спектр используемых для решения данной задачи психодиагностических методов достаточно узок и ограничивается в основном клинической беседой и

психологическим анализом данных уголовного дела. Проективные тесты, дающие возможность исследования структуры самосознания в целом, оказываются бессильными при необходимости применения их результатов в ретроспективном анализе конкретной ситуации правонарушения. В последнее время появились попытки формализовать самоописание своего психического состояния обвиняемым (Шипшин, 1998), а также исследовать эмоциональные переживания и состояния опосредованно, через диагностическую технику, положенную в основу Цветового теста отношений (Эткинд, 1987). Однако эти перспективные исследования ограничены определением только эмоциональных состояний в динамике криминальной ситуации (то есть по существу структурируют самоотчет обвиняемого) и не направлены на анализ причин возникновения и развития этих состояний. Поэтому возникает необходимость разработки таких экспериментальных психодиагностических методов, которые позволяли бы судить об особенностях индивидуального сознания обвиняемых, обусловленных особенностями ситуации совершения инкриминируемых им деяний.

268

Возможность экспериментального изучения особенностей самосознания при совершении убийств в состоянии аффекта обусловлена тем, что эмоции, наряду с функциями оценки, побуждения, предвосхищения, активации и др. (Вилюнас, 1976), обладают важным свойством слеодообразования (Леонтьев А. Н., 1983, 2000). Сильные эмоции образуют специфические аффективные следы, определяющие «избирательность последующего поведения по отношению к ситуациям и их элементам, которые прежде вызывали аффект» (Леонтьев А. Н., 1983, с. 169). Такие аффективные следы, вслед за К. Г. Юнгом, традиционно называют «аффективными комплексами», и их действие обнаруживается в широком диапазоне — от психофизиологических изменений до высших психических функций. Изменения структуры индивидуального сознания, вызываемые аффективными комплексами, даже при условии их вытеснения из области осознаваемого, проявляются в торможении речевых реакций (Лурия, 1984), изменении ассоциативного семантического поля (Jung, 1913, 1968), преобразованиях таксономической семантической структуры сознания (Петренко, 1988).

Гипотеза заключается в предположении, что аффективные комплексы, как следы пережитого при совершении преступления аффекта, специфическим образом приводят к изменениям структуры личностных конструкторов.

Личностный конструктор — самостоятельное смысловое образование и является одной из важнейших составляющих индивидуального сознания. Дж. Келли, создатель теории личностных конструкторов, определяет их как индивидуальные субъективные средства, созданные самим человеком, проверенные им на практике, через призму которых он воспринимает, понимает окружающую действительность, оценивает, осмысливает и прогнозирует свои действия (Kelly, 1955). Существует много вариантов изучения личностных конструкторов — разработанный Дж. Келли и его последователями метод репертуарных решеток представляет собой «технику», включающую множество конкретных методик исследования.

В исследовании апробирован «метод ранговой решетки», впервые описанный Д. Баннистером (Bannister, 1963). Испытуемому предъявляется одновременно несколько карточек с элементами, которые он должен ранжировать по степени соответствия определенному конструктору. Используя ряд конструкторов, можно получить матрицу ранжировок элементов, которую легко преобразовать в

ранговую решетку, образуемую пересечением элементов и конструкторов (Франселла, Баннистер, 1987, с. 67—70).

Использовались 8 элементов (Э) — это выявленные при анализе экспертной практики ситуации, наиболее часто провоцирующие аффекты и сильные эмоциональные переживания у обвиняемых. При необходимости в качестве одного из элементов можно использовать любую ситуацию, не входящую в изначальный список, но имеющую отношение к ситуации правонарушения у конкретного испытуемого.

Э 1. Любимый человек придирается ко мне.

Э 2. Муж приходит домой пьяный.

Э 3. Любимый человек избивает меня.

Э 4. Родители придираются ко мне.

Э 5. Я застаю любимого человека в постели с другой женщиной (мужчиной).

Э 6. Меня пытаются изнасиловать.

Э 7. Начальник делает мне выговор.

Э 8. Ребенок не слушается меня.

В качестве конструкторов (К) использовались эмоциональные состояния, наиболее часто возникающие при фрустрации, конфликте, психотравмирующей ситуации.

К 1. Ситуация, в которой я испытываю чувство вины.

К 2. Ситуация, в которой я стараюсь произвести хорошее впечатление.

К 3. Ситуация, в которой я испытываю растерянность.

К 4. Ситуация, в которой я испытываю сильную злость.

К 5. Ситуация, в которой я испытываю страх.

К 6. Ситуация, в которой я стараюсь терпеть.

К 7. Ситуация, в которой я сильно тревожусь.

К 8. Ситуация, в которой я теряю самообладание, самоконтроль.

Обработка ранговой решетки методом Баннистера (см. Франселла, Баннистер, 1987, с. 70—77) с использованием ранговой корреляции Спирмена осуществлялась на компьютере¹. Данный метод позволяет математически оценить степень, в которой каждая ситуация (элемент) провоцирует возникновение того или иного эмоционального состояния (конструкта). Таким образом, метод ранговой решетки нацелен на исследование индивидуальной структуры

сознания, позволяя выявить многоаспектное эмоционально-смысловое отношение субъекта (как проявление «аффективного комплекса») к пережитым психотравмирующим ситуациям. К достоинствам этого метода можно отнести «экологическую валидность» — возможность экстраполяции на конкретную ситуацию правонарушения; «универсальность» — выполнение ранжирования не обнаруживает сильной зависимости от уровня интеллекта испытуемого, оно доступно людям даже с выраженной конкретностью мышления; «защищенность» от искажающих установок — симуляции, аггравации, диссимуляции; «компактность» в использовании и обработке — занимает мало экспериментального времени, быстро и просто обсчитывается. Следует подчеркнуть ее ярко выраженную «идеографическую» направленность — в отличие от нормографичности и психометричности номотетической психодиагностики методы выявления личностных конструктов принципиально направлены на индивидуальную диагностику, анализирующую личность как уникальную неповторимую систему. Именно это обстоятельство делает такие методы адекватными целям экспертной деятельности судебного психолога.

Методом ранговой решетки обследовано 20 женщин, в рамках экспериментально-психологического исследования при проведении КСППЭ. Все женщины обвинялись в убийстве, и судебно-следственные органы интересовал ответ на вопрос, не находилась ли обвиняемая в момент совершения инкриминируемого ей деяния в состоянии аффекта. Результаты свидетельствуют о том, что, несмотря на идеографическую направленность примененного метода, все же возможно выделить и ряд общих закономерностей, отражающих изменение структуры личностных конструктов под воздействием выраженных аффектов. Для женщин, совершивших преступления в состоянии аффекта (12 человек), характерны следующие особенности структуры самосознания:

1. В качестве одной из главных компонент выступает конструкт 8: «ситуация, в которой я теряю самообладание, самоконтроль».
2. Дополнительная главная компонента чаще всего представляет собой конструкты 5 и 6 («страх» и «терпение»).

Содержание двух главных компонент отражает структуру аффективных переживаний в момент совершения убийства, которые, как правило, характеризуются сочетанием чувства страха, вызванным «противоправными или аморальными действиями потерпевшего», с последующей потерей самоконтроля на высоте аффективного взрыва, что часто дополняется переживанием «длительной

психотравмирующей ситуации, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего» по механизму терпения (Василюк, 1984).

3. Практически всегда в семантическом пространстве конструктов элемент, отражающий реальные противоправные действия потерпевшего, спровоцировавшие аффект, отстоит далеко от остальных элементов, образующих более или менее связный кластер, высоко коррелирует с положительной осью конструкта 8.

Пример 36. Испытуемая А., 18 лет, обвиняется в убийстве своего отца. Ее отец страдал хроническим алкоголизмом, и на протяжении ряда лет, в ситуациях, когда он находился в

состоянии алкогольного опьянения, устраивал скандалы и драки с А., неоднократно совершал сексуальные домогательства и попытки изнасилования. После очередной попытки изнасилования А. нанесла ему 10 проникающих колото-резаных ран кухонным ножом. Экспертная комиссия признала А. вменяемой с диагнозом «акцентуация характера тормозимого круга», установила, что в момент совершения инкриминируемого ей деяния она находилась в состоянии аффекта. Были выявлены следующие индивидуально-психологические особенности: интравертированность, подчиняемость, несамостоятельность, сензитивность, склонность к фиксации на фрустрирующих обстоятельствах, эмоциональная неустойчивость, неуверенность в себе, склонность к формированию чувства вины, избегание агрессивных форм реагирования.

Применяя метод ранговой решетки, мы, с учетом конкретной ситуации, заменили элемент 3 на «отчим избивает меня». Результаты метода ранговой решетки (рис. 23, 24) показывают, что семантическое пространство образуют оси, связанные с потерей самоконтроля и чувством вины, что характерно для ее структуры личности. В пространстве конструкторов (рис. 23) чувства страха, растерянности, тревоги, злости высоко коррелируют с потерей самоконтроля, отражая содержание «аффективного комплекса» в момент совершения убийства. Напротив, терпение и стремление произвести хорошее впечатление в данном случае выступают как тенденции, противоположные нарушениям осознанной регуляции поведения и обладающие по отношению к ним выраженным преградным смыслом. Эти чувства отражают эмоциональные переживания, связанные с попытками совладания с длительной психотравмирующей ситуацией. В пространстве расположения элементов (рис. 24) высоко значимыми для испытуемой и связанными с конструктором «потеря самообладания» оказались элементы «меня пытаются изнасиловать» и «отчим избивает меня», то есть именно те ситуации, которые, по материалам уголовного дела, обусловили возникновение состояния аффекта у А.

Пример 37. Испытуемая С., 22 года, обвиняется в убийстве своего мужа. Она с мужем и приехавшей к ней из другого города подругой

272

отмечала свой день рождения. Потом они легли спать в одной комнате, С. легла с мужем, а подруге постелили на диване. Ночью муж встал и подсел к подруге на диван. Они шептались, а затем С. услышала слова подруги: «А как же жена?» Импульсивно вскочила и нанесла мужу 6 проникающих ножевых ран. Экспертной комиссией признана психически здоровой, сделан вывод, что она в момент совершения инкриминируемого ей деяния находилась в состоянии аффекта. В структуре личности выявлено сочетание активности, решительности, повышенной подозрительности, возбудимости с высоким уровнем самоконтроля, хорошим осознанием социальных требований, стремлением учитывать возможные последствия своих поступков.

Рис. 23. Размещение конструкторов в двумерном пространстве (испытуемая А.)

Рис. 24. Размещение элементов в двумерном пространстве (испытуемая А.)

Результаты обработки ранговой решетки (рис. 25, 26) показывают, что конструкторы и элементы структурируются в двумерном пространстве, образованном конструкторами «потеря самоконтроля» и «страх». Взаиморасположение конструкторов (рис. 25) выявляет четко

очерченный кластер, связанный с высоким самоконтролем («чувство вины», «стремление произвести хорошее впечатление», «растерянность» и «терпение»), и более размытую группировку, включающую «страх», «злость» и «потерю самоконтроля», отражающую спектр эмоциональных переживаний, связанных с психотравмирующей ситуацией. Чувство тревоги занимает промежуточное положение между выделенными комплексами эмоций. В пространстве расположения элементов (рис. 26) единственной ситуацией, провоцирующей потерю самоконтроля, в структуре самосознания испытуемой оказывается ситуация, когда она застаёт любимого человека в постели с другой женщиной (элемент 5), то есть именно та ситуация, которая реально и вызвала аффективную реакцию.

Характерно, что практически все элементы расположены вдоль оси, образованной конструктом 8 (потеря самоконтроля), и только ситуации,

273

связанные с изнасилованием и изменой, высоко оцениваются и по дополнительной оси — чувству страха.

Рис. 25. Размещение конструктов в двумерном пространстве (испытуемая С.)

Рис. 26. Размещение элементов в двумерном пространстве (испытуемая С.)

У женщин, совершивших убийства в состоянии эмоционального возбуждения или напряжения, не достигшего степени выраженности аффекта (8 человек), как правило, конструкт 8 не является одной из главных компонент семантического пространства. Чаще всего осями являются конструкты, связанные с чувствами злости, страха, вины. В пространстве конструктов эмоциональные состояния испытуемых не группируются в четкие кластеры, высоко коррелирующие с какой-либо осью, а в пространстве элементов — не выделяется ситуаций, далеко отстоящих от других.

Пример 38. Испытуемая М., 45 лет, обвиняется в убийстве своего мужа. На протяжении ряда лет совместно с мужем злоупотребляла алкоголем, часто скандалила с ним. Во время очередного скандала, находясь в состоянии алкогольного опьянения, нанесла мужу один удар ножом, от которого тот скончался. Экспертной комиссией признана психически здоровой, состояние во время совершения инкриминируемого ей деяния было расценено как эмоциональное возбуждение, не достигшее степени выраженности аффекта и не оказавшее существенного влияния на ее сознание и поведение. Личность М. характеризуется эмоциональной неустойчивостью, низким самоконтролем, высокой тревожностью, аффективной ригидностью, преобладанием внешнеобвиняющих форм реагирования в конфликтных ситуациях.

274

Рис. 27. Размещение конструктов в двумерном пространстве (испытуемая М.)

Рис. 28. Размещение элементов в двумерном пространстве (испытуемая М.)

По результатам обработки ранговой решетки (рис. 27, 28) видно, что наиболее нагруженными независимыми факторами являются конструкты 4 («злость») и 7 («тревога»). Конструкты в пространстве, образованном этими осями, располагаются довольно дифференцированно, а в пространстве элементов трудно выделить ситуации, далеко отстоящие от остальных и жестко связанные с какими-либо эмоциональными состояниями.

Таким образом, апробация метода ранговой решетки в нашей модификации подтверждает гипотезу исследования — у обвиняемых (женщин), совершивших агрессивные насильственные преступления в состоянии аффекта, обнаруживаются специфические изменения структуры личностных конструктов, отражающие «аффективные комплексы», непосредственно связанные со смысловым восприятием психотравмирующей ситуации и пережитыми во время совершения преступления эмоциональными переживаниями.

На наш взгляд, использованный метод может применяться как один из компонентов экспериментально-психологического обследования обвиняемых в агрессивных преступлениях против личности в целях экспертной оценки их эмоционального состояния в криминальной ситуации. Разумеется, на основании только его результатов нельзя выносить никаких экспертных оценок, однако, дополняя уже апробированные психодиагностические методы и клинико-психологический анализ материалов уголовного дела, ранговая решетка позволяет получить ценные косвенные данные о структуре субъективного эмоционально-смыслового отношения обвиняемых к самому себе и к ситуации, в которой происходило преступление.

275

Приложение 2

Утверждено

Заместителем директора

ГНЦ социальной и судебной
психиатрии им. В. П. Сербского

14 мая 1998

Согласовано

с Прокуратурой

г. Москвы

12 мая 1998

ПОЛОЖЕНИЕ

о производстве комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы в
Государственном научном центре социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского
(извлечения)

1. Настоящее Положение определяет условия и порядок производства комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз (далее — КСППЭ) в Государственном научном центре социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (далее — Центр им. Сербского) в соответствии с нормами уголовно-процессуального и гражданского процессуального законодательства.

2. <...>

3. КСППЭ назначается в случаях, когда при производстве по уголовному или гражданскому делу в рамках одной экспертизы требуются специальные познания в психологии и психиатрии.

4. <...>

5. Если органом, ведущим производство по делу, назначена КСППЭ, но в постановлении (определении) не содержатся вопросы, входящие в компетенцию эксперта-психолога, последний проводит исследование, направленное на выявление обстоятельств, по поводу которых вопросы не ставились, при условии, что эти обстоятельства имеют значение для дела и для их установления требуются специальные познания в психологии. Эксперт-психолог дает заключение и подписывает акт КСППЭ независимо от того, выявлены им в результате исследования указанные обстоятельства или нет.

6. В случаях, когда экспертам Центра им. Сербского поручена судебно-психиатрическая экспертиза, о чем прямо говорится в постановлении (определении) о ее назначении, однако для ответа на вопросы требуются также и специальные психологические познания, должна проводиться КСППЭ. В таких случаях ее производство

276

осуществляется лишь по распоряжению директора, заместителя директора по экспертной работе или заместителя главного врача. Эксперты в своем заключении обязаны обосновать, почему в данном случае для ответа на вопросы было недостаточно однородной судебно-психиатрической экспертизы и необходима КСППЭ.

Примечание. В п. 6 под подлежащими экспертному решению вопросами имеются в виду не только вопросы, содержащиеся в постановлении (определении) о назначении экспертизы, но и вопросы, которые могут быть решены в порядке реализации права экспертной инициативы.

7. При проведении КСППЭ наряду с вопросами, входящими в компетенцию судебного эксперта-психиатра, решаются также вопросы, входящие в компетенцию судебного эксперта-психолога или в совместную компетенцию судебного эксперта-психиатра и судебного эксперта-психолога, а именно:

а) определение индивидуально-психологических особенностей (личности) обвиняемого (подозреваемого) и их влияния на его поведение во время совершения инкриминируемых ему деяний;

б) определение аффекта (сильного душевного волнения) у обвиняемого (подозреваемого) в момент совершения инкриминируемых ему деяний;

в) определение способности несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) во время совершения инкриминируемых ему деяний в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством;

г) определение способности свидетеля или потерпевшего с учетом его психического состояния, индивидуально-психологических особенностей и уровня психического развития правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания;

д) определение способности потерпевшего с учетом его психического состояния, индивидуально-психологических особенностей и уровня психического развития понимать характер и значение совершаемых с ним действий или оказывать сопротивление виновному;

е) определение психического состояния лица, окончившего жизнь самоубийством.

КСППЭ может назначаться и по поводу иных обстоятельств, установление которых требует специальных познаний в психологии

277

и психиатрии, если указанные обстоятельства имеют значение для уголовного и гражданского дела и входят в компетенцию судебного эксперта-психолога и эксперта-психиатра.

8. <...>

9. Эксперт-психолог и эксперт-психиатр при производстве КСППЭ обладают равными правами и несут равные обязанности, предусмотренные уголовно-процессуальным и гражданским процессуальным законодательством.

10. Амбулаторные и стационарные, а также заочные (включая посмертные) КСППЭ проводятся в Центре им. Сербского комиссией экспертов в составе не менее четырех человек: трех психиатров — председателя экспертной комиссии и ее членов и одного психолога — члена экспертной комиссии. Те же правила применяются и при производстве амбулаторных КСППЭ непосредственно на территории следственного изолятора.

В сложных в экспертном отношении случаях производство КСППЭ может быть поручено большему числу экспертов-психиатров и экспертов-психологов (расширенному составу экспертной комиссии). При производстве такой КСППЭ общее число экспертов определяется руководителем экспертного учреждения.

КСППЭ в кабинете следователя и в суде (в зале судебного заседания) могут проводиться комиссией экспертов в составе не менее двух человек, один из которых обязательно должен быть экспертом-психологом, а другой — экспертом-психиатром.

11. <...>

12. При производстве КСППЭ эксперт-психолог обязан исследовать все материалы, относящиеся к предмету экспертизы, провести экспериментально-психологическое исследование испытуемого и составить по данным экспериментально-психологического исследования заключение, которое сохраняется в истории болезни, а также доложить о результатах экспериментально-психологического исследования и психологического анализа материалов дела и приобщенных к нему документов на заседании экспертной комиссии. После того, как эксперты пришли к окончательным выводам, эксперт-психолог участвует вместе с врачом-докладчиком в составлении проекта акта КСППЭ и согласовывает его текст с остальными членами экспертной комиссии.

13. <...>

14. По результатам КСППЭ составляется единый документ — акт комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы. Он подписывается всеми экспертами (психологами и психиатрами) —

278

членами экспертной комиссии и имеет ту же структуру, что и акт судебно-психиатрической экспертизы.

В акте КСППЭ приводится клинико-психологический анализ анамнеза, психической деятельности и поведения испытуемого во время совершения им общественно опасного деяния, сделки или иного юридического действия, в связи с которым ведется данное производство по уголовному или гражданскому делу, а также результатов непосредственного клинико-психологического обследования испытуемого. Заключение по данным экспериментально-психологического исследования с указанием использованных психодиагностических методов включается в раздел, описывающий физическое, неврологическое и психическое состояние испытуемого.

15. Если при производстве КСППЭ в результате решения вопросов, относящихся к компетенции психиатров, утрачивают свое значение вопросы, требующие специальных познаний в психологии, в акте КСППЭ разъясняется, почему даются ответы не на все экспертные вопросы. Указанный акт наряду с экспертами-психиатрами подписывают и эксперты-психологи, проводившие экспертные исследования.

16. В случаях разногласий между экспертом-психологом (экспертами-психологами), проводившим экспертные исследования в составе экспертной комиссии при производстве КСППЭ, и экспертами-психиатрами — членами той же экспертной комиссии — составляются отдельные акты экспертизы. При этом акт экспертизы, содержащий ответы на вопросы, требующие только психиатрических специальных познаний, оформляется как акт судебно-психиатрической экспертизы, а акт экспертизы, содержащий ответы на вопросы, требующие только психологических специальных познаний, оформляется как акт судебно-психологической экспертизы.

17. В случаях, когда к следователю, прокурору или в суд вызывается кто-то из членов экспертной комиссии (без указания конкретного эксперта), то решение о том, кто из экспертов, проводивших данную КСППЭ, обязан явиться по такому вызову, принимает руководитель экспертного учреждения, после выяснения вопроса, эксперт какой специальности (психиатр или психолог) подлежит вызову.

279

Список литературы

Агрессивное поведение лиц с психическими расстройствами (диагностика, судебно-психиатрическая экспертиза, профилактика): Пособие для врачей. М., 2000.

Актуальные проблемы уголовного права и криминологии. М., 1981.

Александровский Ю. А. Состояние психической дезадаптации и его компенсация. М., 1976.

Алексеева Л. В. Проблема юридически значимых эмоциональных состояний. Тюмень, 1997.

- Алексеева Л. В. Практикум по судебно-психологической экспертизе. Тюмень, 1999.
- Амбрумова А. Г., Тихоненко В. А. Диагностика суицидального поведения: Методические рекомендации. М., 1980.
- Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1980.
- Андреева Е. С. Судебно-психиатрическая оценка аффективных состояний с учетом ст. 22 УК РФ // Практика судебно-психиатрической экспертизы: Сб. № 38. М., 2000. С. 160—168.
- Анохин П. К. Теория функциональной системы как предпосылка к построению физиологической кибернетики // Биологические аспекты кибернетики. М., 1962. С. 74—91.
- Анохин П. К. Очерки физиологии функциональных систем. М., 1975.
- Анохин П. К. Избранные труды: Системные механизмы высшей нервной деятельности. М., 1979.
- Антонян Ю. М. Преступность среди женщин. М., 1992.
- Антонян Ю. М., Бородин С. В. Преступность и психические аномалии. М., 1987.
- Антонян Ю. М., Горинов В. В., Саблина Л. С. Преступники с умственной отсталостью: Учебн. пособие. М., 1992.
- Антонян Ю. М., Гульдман В. В. Криминальная патопсихология. М., 1991.
- Антонян Ю. М., Ткаченко А. А., Шостакович Б. В. Криминальная сексология. М., 1999.
- Аргунова Ю. Н. Применение нормы об ограниченной вменяемости // Российская юстиция. 1999. № 7. С. 40—42.
- Артемяева Е. Ю. Психология субъективной семантики. М., 1980.
- Артемяева Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики. М., 1999.
- Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирование личности. М., 1976.
- Асеев В. Г. Структурные характеристики мотивационной системы личности // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976. С. 172—192.
- 280
- Асеев В. Г. Мотивация поведения в ситуации ожидания события // Тезисы научных сообщений советских психологов к XXII Международному психологическому конгрессу. М., 1981. Ч. 2. С. 316—317.
- Асмолов А. Г. Личность как предмет психологического исследования. М., 1984.
- Асмолов А. Г. Психология индивидуальности. М., 1986.
- Асмолов А. Г. Психология личности. М., 1990.

- Бассин Ф. В. О «силе Я» и «психологической защите» // Вопр. филос. 1969. № 2.
- Башляр Г. Новый рационализм. М., 1987.
- Березин Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л., 1988.
- Блейхер В. М., Крук И. В. Патопсихологическая диагностика. Киев, 1986.
- Блейлер Е. Аффективность, внушаемость и паранойя. Одесса, 1929.
- Бодалев А. А. Формирование понятия о другом человеке как о личности. Л., 1970.
- Бодров В. А. Психологический стресс. М., 1995.
- Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968.
- Бородин С. В., Полубинская С. В. Ограниченная вменяемость в проектах нового уголовного законодательства // Правовые вопросы судебной психиатрии. М., 1990. С. 32—39.
- Боткин Я. А. Преступный аффект как условие невменяемости. Вступительная лекция в курсе судебной психопатологии. М., 1893.
- Братко А. А. Моделирование психики. М., 1969.
- Братусь Б. С. Нравственное сознание личности. М., 1985.
- Братусь Б. С. Аномалии личности. М., 1988.
- Братусь Б. С. Психология. Нравственность. Культура. М., 1994.
- Братусь Б. С. Личностные смыслы по А. Н. Леонтьеву и проблема вертикали сознания // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии. М., 1999. С. 284—298.
- Братченко С. Л. Введение в гуманитарную экспертизу образования. М., 1999.
- Брудный А. А. Психологическая герменевтика. М., 1998.
- Брунер Дж. Психология познания. М., 1977.
- Брутман В. И., Ениколопов С. Н., Радионова М. С. Нежеланная беременность у жертв сексуального насилия // Вопр. психол. 1995. № 1. С. 33—40.
- Брутман В. И., Радионова М. С. Формирование привязанности матери к ребенку в период беременности // Вопр. психол. 1998. № 7. С. 38—47.
- Бурлачук Л. Ф., Морозов С. Н. Словарь-справочник по психологической диагностике. Киев, 1989.
- Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб., 1997.

Вальдман А. В. Анализ роли эмоционального возбуждения в формировании функциональной системы целенаправленного поведения // Мозг и разум. М., 1994. С. 133—148.

281

Вандыш-Бубко В. В., Усюкина М. В., Андреева К. С., Сумская Ю. Л. Органическое психическое расстройство и проблема ограниченной вменяемости // Современное уголовное законодательство и судебная психиатрия: Пособие для врачей. М., 1998. С. 82—98.

Вассерман Л. И., Ерышев О. Ф., Клубова Е. Б., Петрова Н. Н. и др. Психологическая диагностика индекса жизненного стиля: Пособие для врачей и психологов. СПб., 1999.

Васильева Ю. А. Особенности смысловой сферы личности у лиц с нарушениями социальной регуляции поведения: Дисс. канд. психол. наук. М., 1995.

Васильева Ю. А. Особенности смысловой сферы личности при нарушениях социальной регуляции поведения // Психол. журн. 1997. № 2. С. 58—78.

Васильева Н. В., Горьковая И. Г. Судебная экспертиза и ее клинико-психологические основания: Практич. руководство. СПб., 1997.

Василюк Ф. Е. Психология переживания. М., 1984.

Василюк Ф. Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопр. психол. 1986. № 6. С. 25—40.

Введенский Г. Е. Некоторые критерии ограниченной вменяемости при аномальном сексуальном поведении // Материалы 2-й Международной научной конференции «Серийные убийцы и социальная агрессия». Ростов-на-Дону, 1998. С. 42—48.

Вилюнас В. К. Психология эмоциональных явлений. М., 1976.

Вилюнас В. К. Психологические механизмы биологической мотивации. М., 1986.

Вилюнас В. К., Овчинникова О. В. К теоретической постановке проблемы стресса // Контроль состояния человека-оператора: Материалы VI семинара. Тюмень, 1972.

Винберг А. И., Малаховская Н. Т. Судебная экспертология. Волгоград, 1979.

Волков Б. С. Проблема воли и уголовной ответственности. Казань, 1965.

Волков Б. С. Мотивы преступлений. Казань, 1982.

Вундт В. Очерки психологии. М., 1912.

Выготский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. М., 1982. С. 291—436.

Ганзен В. А., Юрченко В. Н. Системный подход к анализу, описанию и экспериментальному исследованию психических состояний человека // Психические состояния. Экспериментальная и прикладная психология. Л., 1981. Вып. 10.

Ганнушкин П. Б. Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика // Избранные труды. М., 1964. С. 116—252.

Генисаретский О. И. Методологическая организация системной деятельности // Разработка и внедрение автоматизированных систем и проектирования. М., 1975. С. 409—512.

Глоссарий терминов, относящихся к агрессивному поведению при психических расстройствах / Под ред. Т. Б. Дмитриевой, Б. В. Шостаковича. М., 1999.

282

Голев А. С. К проблеме компетенции комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы эмоциональных состояний // Актуальные вопросы общей и судебной психиатрии. М., 1990.

Горинов В. В., Николаева Т. А. Преступное поведение лиц с умственной отсталостью // Механизмы человеческой агрессии: Сб. научных трудов. М., 2000. С. 160—167.

Гульдан В. В. Мотивация противоправных действий у психопатических личностей: Дисс. доктора психол. наук. М., 1985.

Гульдан В. В. Мотивация преступного поведения психопатических личностей // Криминальная мотивация. М., 1986. С. 189—250.

Гуревич И. И., Фейгенберг И. М. Какие вероятности «работают» в психологии? // Вероятностное прогнозирование. М., 1977. С. 9—21.

Гурьева В. А., Дозорцева Е. Г. Дискуссионные вопросы ограниченной вменяемости несовершеннолетних // Ограниченная вменяемость. М., 1996. С. 40—46.

Гурьева В. А., Семке В. Я., Гиндикин В. Я. Психопатология подросткового возраста. Томск, 1994.

Дагель П. С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве. Владивосток, 1970.

Дворянчиков Н. В. Полоролевая идентичность у лиц с девиантным сексуальным поведением. Дисс. канд. психол. наук. М., 1998.

Дилигенский Г. Г. Проблемы теории человеческих потребностей: статья первая // Вопр. филос. 1976. № 9. С. 30—43.

Дилигенский Г. Г. Проблемы теории человеческих потребностей: статья вторая // Вопр. филос. 1977. № 2. С. 111—123.

Дмитриева Т. Б. Новое российское законодательство и актуальные проблемы судебной психиатрии. М., 1998.

Дмитриева Т. Б., Иммерман К. Л., Качаева М. А., Ромасенко Л. В. Криминальное агрессивное поведение у женщин с психической патологией. М., 1998.

Дмитриева Т. Б., Качаева М. А., Сафуанов Ф. С. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка: Пособие для врачей и психологов. М., 2001.

Дмитриева Т. Б., Щукина Е. Я., Качаева М. А. Применение новой 106 статьи УК РФ в отношении матерей, совершивших убийства новорожденных // Российск. психиатрич. журн. 1998. № 2. С. 65—68.

Додонов Б. И. Эмоции как ценность. М., 1978.

Дозорцева Е. Г. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза несовершеннолетних обвиняемых (психологический аспект): Дисс. канд. психол. наук. М., 1988.

Дубинин А. М. Об интеллектуальной недостаточности психопатов // Труды невропсихиатрич. института им. П. Б. Ганнушкина. М., 1939. Вып. 3. С. 167—277.

Енгальчев В. Ф., Шипшин С. С. Судебно-психологическая экспертиза: Методич. руководство. Калуга — Обнинск — Москва, 1997.

283

Ениколопов С. Н. Агрессивность как специфическая форма активности и возможности ее исследования на контингенте преступников // Психологическое изучение личности преступника (методы исследования). М., 1976. С. 83—114.

Ениколопов С. Н. Некоторые результаты исследования агрессии // Личность преступника как объект психологического исследования. М., 1979. С. 100—110.

Жирнов В. Д. К вопросу о предмете и методе медицины // Вестн. АМН СССР. 1972. № 3. С. 17—22.

Жуков Ю. М. Ценности как детерминанты принятия решения. Социально-психологический подход к проблеме // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976. С. 264—277.

Журбин В. И. Понятия психологической защиты в концепциях З. Фрейда и К. Роджерса // Вопр. психол. 1990. № 4.

Зейгарник Б. В. Патология мышления. М., 1962.

Зейгарник Б. В. Личность и патология деятельности. М., 1971.

Зейгарник Б. В. Патопсихология. М., 1986.

Зейгарник Б. В., Братусь Б. С. Очерки по психологии аномального развития личности. М., 1980.

Иванников В. А. Психологические механизмы волевой регуляции. М., 1991.

Игошев К. Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974.

Изменения преступности в России: Криминологический комментарий статистики преступности. М., 1994.

Иммерман К. Л., Качаева М. А., Сафуанов Ф. С., Марченко В. К., Наумович А. О. Агрессивные действия при кратковременных психических расстройствах у женщин // Социальная и судебная психиатрия: история и современность. М., 1996. С. 306—309.

Инструкция об организации производства комплексных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях СССР (Министерство юстиции, Генеральная прокуратура, Министерство внутренних дел, Министерство здравоохранения СССР) от 1986 г.

Инструкция о производстве судебно-психиатрической экспертизы в СССР. М., 1970.

Кабанов М. М., Личко А. Е., Смирнов В. М. Методы психологической диагностики и коррекции в клинике. Л., 1983.

Калашник Я. М. Патологический аффект // Проблемы судебной психиатрии. М., 1941. Вып. 3. С. 241—280.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Карвасарский В. Д. Психотерапия. Л., 1990 а.

Карвасарский В. Д. Неврозы. М., 1990 б.

Качаев А. К. Клиника, дифференциальная диагностика и судебно-психиатрическая оценка простого алкогольного опьянения у лиц, перенесших черепно-мозговые травмы: Методич. рекомендации. М., 1979.

284

Качаева М. А. Психические расстройства у женщин, совершивших агрессивные действия против личности (клинический и судебно-психиатрический аспекты): Дисс. доктора мед. наук. М., 1999.

Китаев-Смык Л. А. Психология стресса. М., 1988.

Клименко Т. В. Судебно-психиатрическая оценка больных наркологическими заболеваниями с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости // Современное уголовное законодательство и судебная психиатрия: Пособие для врачей. М., 1998. С. 99—114.

Клименко Т. В., Ушакова И. М., Дворин Д. В., Карпенко А. Д. К вопросу о методологии экспертных заключений в отношении лиц, совершивших серийные агрессивные действия // Практика судебно-психиатрической экспертизы: Сб. № 38. М., 2000. С. 22—33.

Коган Б. М., Дроздов А. З., Наумович А. Н., Маньковская И. В., Сафуанов Ф. С. Экскреция свободных и сульфоконъюгированных форм катехоламинов у женщин с расстройствами личности и криминальным поведением // XIII съезд психиатров России: Материалы съезда. М., 2000. С. 361.

Коллектив. Личность. Общение. М., 1987.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М., 1996.

Кондратьев Ф. В. Общественно опасные деяния психически больных (анализ формирования опасных тенденций и причин их реализации) // Первый съезд психиатров социалистических стран. М., 1987. С. 351—357.

Кондратьев Ф. В. Теоретические аспекты причин социально опасного поведения психически больных // Проблемы судебно-психиатрической профилактики. М., 1994. С. 33—42.

Кондратьев Ф. В. Методологические аспекты проблемы ограниченной вменяемости // Ограниченная вменяемость. М., 1996. С. 18—27.

Кондратьев Ф. В. Ограниченная вменяемость при шизофрении // Современное уголовное законодательство и судебная психиатрия: Пособие для врачей. М., 1998. С. 45—70.

Кондратьев Ф. В., Осколкова С. Н., Клембовская Е. В. Медико-социальные последствия деструктивной деятельности тоталитарных сект: Аналитический обзор. М., 1998.

Конева Е. В., Орел В. Е. Судебно-психологическая экспертиза. Ярославль, 1998.

Конопкин О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности. М., 1980.

Конопкин О. А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопр. психол. 1995. № 1. С. 5—12.

Коньшева Л. П. Психологическое изучение мотивации при расследовании насильственных преступлений // Юридич. психология. М., 1998. С. 74—95.

Корольков А. А., Петленко В. П. Норма как закономерное явление // Очерки по философским вопросам биологии и медицины. М., 1966.

285

Корухов Ю. Г. Теоретический, методический и процессуальный аспекты комплексных экспертиз и комплексных исследований // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований. М., 1985.

Костандов Э. А. Восприятие и эмоции. М., 1977.

Костицкий М. В. Судебно-психологическая экспертиза. Львов, 1987.

Котов В. П. Принудительные меры медицинского характера в отношении лиц с психическими расстройствами, совершивших общественно опасные действия (Раздел VI, глава 5 УК РФ) // Современное уголовное законодательство и судебная психиатрия: Пособие для врачей. М., 1998. С. 13—44.

Коченов М. М. О судебно-психологической экспертизе // Состояние научных исследований по судебной психологии. М., 1971.

Коченов М. М. Некоторые вопросы развития судебно-психологической экспертизы // Применение научных методов при расследовании преступлений и изучении преступности. М., 1973.

Коченов М. М. Судебно-психологическая экспертиза физиологического аффекта // Труды. Высшая школа МВД СССР. М., 1974.

Коченов М. М. Психологические аспекты проблемы вменяемости // Личность и деятельность: Тезисы докл. V Всесоюзного съезда общества психологов СССР. М., 1977.

Коченов М. М. Комплексная психолого-психиатрическая экспертиза (к постановке проблемы) // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1978. С. 114—126.

Коченов М. М. Введение в судебно-психологическую экспертизу. М., 1980.

Коченов М. М. Состояния психического напряжения и возбуждения как предмет судебно-психологической экспертизы // Юридическая психология: Тезисы докл. к VII Всесоюзному съезду Общества психологов СССР. М., 1989. С. 39—40.

Коченов М. М. Теоретические основы судебно-психологической экспертизы: Автореф. дисс. доктора психол. наук. М., 1991.

Коченов М. М., Мельник В. В., Романов В. В. Судебно-психологическая экспертиза в практике органов военной юстиции. М., 1982.

Крафт-Эбинг Р. Судебная психопатология. 1898.

Кречмер Э. Медицинская психология. 1927.

Криминальная мотивация. М., 1986.

Кричевский Р. Л., Дубовская Е. М. О функции и механизме идентификации во внутригрупповом межличностном общении // Психология межличностного общения. М., 1981. С. 92—122.

Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982.

Кудрявцев И. А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М., 1988.

Кудрявцев И. А. Ограниченная вменяемость // Государство и право. 1995. № 5. С. 107—116.
286

Кудрявцев И. А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза ограниченной вменяемости: некоторые проблемы и пути их решения // Ограниченная вменяемость. М., 1996. С. 28—40.

Кудрявцев И. А. Иррадиирующий аффект-деликт // Российск. психиатрич. журн. 1997. № 2. С. 7—12.

Кудрявцев И. А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза: Научно-практическое руководство. М., 1999.

Кудрявцев И. А., Дозорцева Е. Г. Психологический возраст: методологические проблемы и судебная экспертная практика // Психол. журн. 1988. № 6. С. 103—115.

Кудрявцев И. А., Лавринович А. Н., Москаленко Е. П., Сафуанов Ф. С. Особенности патопсихологической квалификации результатов экспериментально-психологического исследования в условиях судебно-психиатрической экспертизы: Методич. рекомендации. М., 1985.

Кудрявцев И. А., Лавринович А. Н., Сафуанов Ф. С., Ерохина М. Б. Некоторые клинические особенности и психологические механизмы регуляции поведения у психопатических личностей в состояниях эмоциональной напряженности // Кратковременные психотические состояния. М., 1983. С. 75—87.

Кудрявцев И. А., Печерникова Т. П., Азбукина В. Д., Владимирская М. Т., Цапенко И. В. О диагностической информативности некоторых патопсихологических симптомокомплексов // Судебно-психиатрическая экспертиза лиц пожилого и старческого возраста: Сб. научных трудов № 37. М., 1981. С. 85—91.

Кудрявцев И. А., Ратинова Н. А. Криминальная агрессия. М., 2000.

Кудрявцев И. А., Сафуанов Ф. С. Патопсихологические симптомокомплексы нарушений познавательной деятельности при психических заболеваниях: факторная структура и диагностическая информативность // Журн. невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1989. Вып. 6. С. 86—92.

Кудрявцев И. А., Сафуанов Ф. С., Васильева Ю. А. Особенности регуляции деятельности психопатических личностей смысловыми (мотивационными) установками // Журн. невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1985. Вып. 12. С. 1837—1842.

Кудрявцев И. А., Сафуанов Ф. С., Голев А. С. Нарушения поведения лиц в состоянии алкогольного опьянения: психологические механизмы и правовые аспекты профилактики // Психол. журн. 1986. № 6. С. 75—87.

Кудрявцев И. А., Сафуанов Ф. С., Тхостов А. Ш., Савина О. Ф. Структурно-иерархическая организация самооценки у аномальных (психопатических) личностей в кризисной ситуации // Психол. журн. 1991. № 3. С. 57—67.

Куликов Л. В. Проблема описания психических состояний // Психические состояния. СПб., 2000. С. 11—43.

Куприянов В. В., Куликов В. В. Диалектико-материалистический подход к изучению нормы // Философские и социально-гигиенические аспекты учения о здоровье и болезни. М., 1975. С. 6—21.

Кузнецов А. В. Уголовное право и личность. М., 1977.

287

Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969.

Кузьмин В. П. Исторические предпосылки и гносеологические основания системного подхода // Психол. журн. 1982. № 3. С. 3—14.

Лавринович А. Н., Голев А. С. Экспертные понятия в практике судебной психолого-психиатрической экспертизы // Юридическая психология: Тез. докл. к VII съезду Общества психологов СССР. М., 1989. С. 43—44.

Лавринович А. Н., Москаленко Е. П. К проблеме квалификации результатов патопсихологического исследования // Журн. невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1984. Вып. 12. С. 1832—1838.

Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс: физиологические и психологические реакции. М., 1970. С. 178—209.

Левитов Н. Д. Психическое состояние агрессии // Вопр. психол. 1972. № 6. С. 168—173.

Леонгард К. Акцентуированные личности. Киев, 1981.

Леонтьев А. А., Шахнарович А. М., Батов В. И. Речь в криминалистике и судебной психологии. М., 1977.

Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы, эмоции. М., 1971.

Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1981.

Леонтьев А. Н. Опыт структурного анализа цепных ассоциативных рядов (экспериментальное исследование) // Избранные психологические произведения. М., 1983. Т. 2. С. 50—71.

Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. М., 2000.

Леонтьев Д. А. Очерк психологии личности. М., 1993.

Леонтьев Д. А. Психология смысла. М., 1999.

Леонтьев Д. А. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности // Психол. журн. 2000. № 1. С. 15—25.

Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. Л., 1983.

Личность преступника. М., 1975.

Ложкин А. И. Психодиагностическая система прогноза агрессивного поведения и оценки самоконтроля личности: Методическое пособие. Екатеринбург, 2000.

Ломов Б. Ф. Общение как проблема общей психологии // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975. С. 124—135.

Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.

Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М., 1994.

Лунеев В. В. Преступное поведение: мотивация, прогнозирование, профилактика. М., 1980.

Лунеев В. В. Мотивация преступного поведения. М., 1991.

Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировая, региональная и российская тенденции. М., 1997.

Лунц Д. Р. Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии. М., 1966.

288

Лурия А. Р. Диагностика следов аффекта // Психология эмоций: Тексты. М., 1984. С. 228—234.

Макаренко О. Н. Использование результатов судебно-психологической экспертизы при расследовании убийств // Актуальные проблемы сферы психологии и права: Тезисы докл. и сообщ. Всероссийской конференции 15—17 мая 1998 г., г. Калуга. Калуга, 1998. С. 113—115.

Мальцева М. М., Котов В. П. Психопатологические механизмы общественно опасных действий и проблема невменяемости // Журн. невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1991. № 1. С. 107—110.

Мальцева М. М., Котов В. П. Опасные действия психически больных. М., 1995.

Марконе М. Д. Девятимесячный сон. Сны и период беременности. М., 1993.

Махов В. Н. Сущность и понятие специальных знаний в советском уголовном процессе // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1986. Вып. 44. С. 56—66.

Мелехов Д. Е. Клинические основы прогноза трудоспособности при шизофрении. М., 1963.

Мельников В. М., Ямпольский Л. Т. Введение в экспериментальную психологию личности. М., 1985.

Метелица Ю. Л. Судебно-психиатрическая экспертиза потерпевших. М., 1990.

Метелица Ю. Л., Шишков С. Н. Объекты судебно-психиатрической экспертизы // Современное состояние и перспективы развития новых видов судебной экспертизы. М., 1987. С. 143—153.

Механизм преступного действия. М., 1981.

Миллер Дж., Галантер Ю., Прибрам К. Планы и структура поведения. М., 1965.

Миньковский Г. М. Особенности расследования и судебного разбирательства дел о несовершеннолетних. М., 1959.

Михайлова О. Ю. Изучение психологических мотивов преступлений, совершенных с особой жестокостью // Тезисы докл. на VI Всесоюзном съезде общества психологов. М., 1983. С. 52—54.

Морозов Г. В. Клиника алкогольного опьянения // Алкоголизм. М., 1983.

Морозов Г. В., Шубина Н. К. К понятию о компенсации при психопатиях // Реабилитация больных нервными и психическими заболеваниями. Л., 1973. С. 221—225.

Мясищев В. Н. Личность и неврозы. Л., 1960.

Нагаев В. В. Основы судебно-психологической экспертизы. М., 2000.

Наенко Н. И. Психическая напряженность. М., 1976.

Наенко Н. И., Овчинникова О. В. О различении состояний психической напряженности // Психологические исследования. М., 1970. Вып. 2. С. 40—46.

Налчаджян А. А. Этнопсихологическая самозащита и агрессия. Ереван, 2000.

289

Наркотическое и алкогольное опьянение: лечебно-диагностический и судебно-психиатрический аспекты: Пособие для врачей. М., 1998.

Немчин Т. А. Состояния нервно-психического напряжения. Л., 1983.

Николаева В. В., Соколова Е. Т., Спиваковская А. С. Спецпрактикум по патопсихологии. М., 1979.

Новые виды судебно-психиатрической экспертизы в гражданском процессе (применительно к Закону РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании») / Под ред. Т. Б. Дмитриевой. М., 1993.

Обозов Н. Н. О трехкомпонентной структуре межличностного общения // Психология межличностного общения. М., 1981. С. 80—91.

Ограниченная вменяемость. М., 1996.

Ограниченная вменяемость: Информационное письмо / Под ред. Б. В. Шостаковича, В. Н. Исаенко. М., 2000.

Озрих М. Ф. Личность и право. М., 1975.

Основы психодиагностики. Ростов-на-Дону, 1996.

Остришко В. В. Аффективные реакции в момент совершения правонарушения и их судебно-психиатрическая оценка: Дисс. канд. мед. наук. М., 1982.

Патяева Е. Ю. Ситуативное развитие и уровни мотивации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1983. № 4. С. 23—33.

Петренко В. Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М., 1983.

Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. М., 1988.

Печерникова Т. П. Судебно-психиатрическая экспертиза лиц, совершивших правонарушения в состоянии аффекта // Современное уголовное законодательство и судебная психиатрия: Пособие для врачей. М., 1998. С. 71—81.

Печерникова Т. П., Гульдман В. В. Актуальные вопросы комплексной психолого-психиатрической экспертизы // Психол. журн. 1985. № 1. С. 96—105.

Печерникова Т. П., Гульдман В. В., Остришко В. В. Особенности экспертной оценки аффективных реакций у психически здоровых и психопатических личностей: Методич. рекомендации. М., 1983.

Печерникова Т. П., Кудрявцев И. А., Криворучко С. И. Некоторые вопросы компетенции судебной комплексной психолого-психиатрической экспертизы // Социалистическая законность. 1980. № 1. С. 38—39.

Печерникова Т. П., Станишевская Н. Н. Некоторые вопросы комплексной психолого-психиатрической экспертизы // Вопросы судебно-психологической экспертизы. М., 1974.

Печерникова Т. П., Станишевская Н. Н. Вопросы организации судебной комплексной психиатрической экспертизы // Вопросы организации судебно-психиатрической экспертизы. М., 1975. С. 94—105.

Печерникова Т. П., Шостакович Б. В., Гульдман В. В. К вопросу о мотивации противоправных поступков у психопатических личностей // Судебно-психиатрическая экспертиза. М., 1978. Вып. 31. С. 9—17.

Подольный Н. Сильное душевное волнение и аффект // Законность. 2000. № 3. С. 36.

290

Подростковая судебная психиатрия: Руководство для врачей / Под ред. В. А. Гурьевой. М., 1996.

Полани М. Личностное знание. М., 1985.

Положение о производстве судебно-психиатрической экспертизы в Государственном научном центре социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского. М., 1997.

Положение о производстве комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы в Государственном научном центре социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского. М., 1998.

Поляков Ю. Ф. О методологических проблемах взаимосвязи психиатрии и психологии // Журн. невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1977. Вып. 12. С. 1822—1832.

Поляков Ю. Ф. Проблемы и перспективы экспериментально-психологических исследований шизофрении // Экспериментально-психологические исследования патологии психической деятельности при шизофрении. М., 1982. С. 5—28.

Постановление № 1 Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1971. С. 11.

Практика судебно-психиатрической экспертизы: Сб. № 38. М., 2000.

Практикум по патопсихологии. М., 1987.

Психологический словарь / Под ред. В. В. Давыдова, А. В. Запорожца, Б. Ф. Ломова и др. М., 1983.

Психологический словарь / Под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. М., 1996.

Психология. Словарь / Под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М., 1990.

Рагулина А. В. Психические отклонения и их уголовно-правовое значение: Дисс. канд. юрид. наук. М., 2000.

Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 1967.

Ратинова Н. А. Тест Руки Вагнера // Практикум по психодиагностике. М., 1989. С. 83—90.

Ратинова Н. А. Саморегуляция поведения при совершении агрессивно-насильственных действий: Дисс. канд. психол. наук. М., 1998.

Реан А. А. Агрессия и агрессивность личности // Психол. журн. 1996. № 5. С. 3—19.

Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М., 1979.

Рогачевский Л. И. О судебно-психологической экспертизе // Вопросы криминалистики. М., 1964.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 812, оп. 133, д. 1125. По обвинению евреев в совершении ритуальных убийств в связи с расследованием убийства А. Ющинского. 1911—1913 гг. Л. 1—1 об., 46, 49.328.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946.

Румянцева Т. Г. Модели влияния алкоголя на поведение // Вопр. психол. 1990. № 3. С. 161—166.

291

Румянцева Т. Г. Агрессия: проблемы и поиски в западной философии и науке. М., 1991.

Саватье С. Гештальт — это младенец. М., 1982.

Савенко Ю. С. Проблема психологических компенсаторных механизмов и их типология // Проблемы клиники и патогенеза психических заболеваний. М., 1974. С. 95—112.

Савина О. Ф. Комментарий к применению комплексных психолого-психиатрических оценок эмоциональных состояний у лиц с психическими расстройствами, не исключаяющими

- вменяемости // Практика судебно-психиатрической экспертизы: Сб. № 38. М., 2000. С. 168—169.
- Сафуанов Ф. С. О новом психодиагностическом подходе к использованию фрустрационных рисунков в психиатрической клинике // Психодиагностика при нервно-психических и соматических заболеваниях. Л., 1985. С. 50—52.
- Сафуанов Ф. С. О проблеме аффективных состояний // Сов. юстиция. 1991. № 21—22. С. 4—5.
- Сафуанов Ф. С. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза личности обвиняемого // Современные проблемы психиатрии. Казань, 1994. С. 48—50.
- Сафуанов Ф. С. Влияние этнических и культуральных факторов на регуляцию поведения в практике судебной психолого-психиатрической экспертизы // Культуральные и этнические проблемы психического здоровья. М., 1995. С. 160—164.
- Сафуанов Ф. С. Психологические факторы, обуславливающие ограничение способности осознавать значение своих действий или руководить ими // Ограниченная вменяемость. М., 1996. С. 53—59.
- Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза аффекта в свете нового Уголовного кодекса Российской Федерации: проблемы и перспективы // Психол. журн. 1997. № 2. С. 50—57.
- Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. М., 1998 а.
- Сафуанов Ф. С. Экспертиза психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка // Российская юстиция. 1998 б. № 3. С. 29—30.
- Сафуанов Ф. С. Психологическая типология криминальной агрессии // Психологический журнал. 1999. № 6. С. 24—35.
- Сафуанов Ф. С. Психологическая герменевтика в практике судебной психологической экспертизы // Социальная психология. Практика. Теория. Эксперимент. Практика. М., 2000. Т. 3. С. 91—95.
- Сафуанов Ф. С. Семантика восприятия фрустрирующих ситуаций // Психология субъективной семантики: Материалы научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е. Ю. Артемьевой. М., 2000. С. 129—131.
- Сафуанов Ф. С. Клиническая психология в судебной экспертизе: Учебно-методическое пособие. М., 2001 а.
- 292
- Сафуанов Ф. С. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза обвиняемых в криминально-агрессивных действиях: Дисс. доктора психол. наук. М., 2001 б.
- Сафуанов Ф. С., Дмитриева Т. Б. Мотивация криминальной агрессии у женщин // Российск. психиатрич. журн. 2000. № 5. С. 20—25.

- Сафуанов Ф. С., Макушкин Е. В. Социально-психологический анализ индуцированных психических расстройств в судебно-психиатрической практике // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 1995. № 4. С. 192—202.
- Сафуанов Ф. С., Иконникова Е. Ю., Филимонова Т. Н., Игонин А. Л. Психологические механизмы агрессивных действий, совершенных в состоянии алкогольного опьянения больными алкоголизмом // Российск. психиатрич. журн. 1997. № 3. С. 34—37.
- Сафуанов Ф. С., Шишков С. Н. Человек в зеркале психоанализа и уголовное право // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 1992. № 3. С. 92—97.
- Сахнова Т. В. Основы судебно-психологической экспертизы по гражданским делам. М., 1997.
- Сахнова Т. В. Судебная экспертиза. М., 2000.
- Седова Т. А. Понятие комплексной экспертизы и комплексного исследования // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований. 1985. С. 40—45.
- Селье Г. Стресс без дистресса. М., 1979.
- Семенюк Л. М. Психологические особенности агрессивного поведения подростков и условия его коррекции. М., 1998.
- Сидоров Б. В. Аффект. Его уголовно-правовое и криминологическое значение (Социально-психологическое и правовое исследование). Казань, 1978.
- Сирота Н. А. Копинг-поведение в подростковом возрасте: Дисс. доктора мед. наук. СПб., 1994.
- Ситковская О. Д. Судебно-психологическая экспертиза аффекта: Методич. пособие. М., 1983.
- Ситковская О. Д. Психологические основания уголовной ответственности (Психология и проблемы Общей части уголовного законодательства). Баку, 1992.
- Ситковская О. Д. Психология уголовной ответственности. М., 1998.
- Ситковская О. Д. Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1999.
- Ситковская О. Д., Конышева Л. П., Коченов М. М. Новые направления судебно-психологической экспертизы. М., 2000.
- Словарь основных терминов судебно-медицинской, судебно-психиатрической и судебно-психологической экспертиз / Под ред. А. И. Винберга. М., 1986.
- Современное уголовное законодательство и судебная психиатрия: Пособие для врачей. М., 1998.
- Соловьева С. Л. Агрессивное поведение и агрессивность как свойство личности // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 1995. № 3. С. 13—19.

- Соловьева С. Л. Психологические особенности лиц, совершивших преднамеренное убийство // Обзор психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 1995. № 4. С. 232—237.
- Соловьева С. Л. Агрессивное поведение как психологическая категория деятельности // Актуальные вопросы клинической и социальной психиатрии. СПб., 1999. С. 138—144.
- Сорокин Ю. А., Марковина И. Ю. Культура и ее этнопсихолингвистическая ценность // Этнопсихолингвистика. М., 1998. С. 5—18.
- Сорокотягина Д. А., Сорокотягин И. Н. Судебно-психологическая экспертиза: Учебно-практич. пособие. Екатеринбург, 1993.
- Стандарты судебно-психиатрических экспертных исследований Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского / Под ред. Т. Б. Дмитриевой, Е. В. Макушкина. М., 2001.
- Станишевская Н. Н., Азбукина В. Д., Бурштын И. Б., Владимирская М. Т., Гульдан В. В. Практика проведения стационарных комплексных психолого-психиатрических экспертиз // Вопросы судебно-психологической экспертизы. М., 1974. С. 41—45.
- Станишевская Н. Н., Гульдан В. В. Значение психологических исследований в судебно-психиатрической экспертизе // Теоретические и организационные вопросы судебной психиатрии. М., 1977. С. 96—104.
- Столин В. В. Самосознание личности. М., 1983.
- Субботин В. Е. Мотивация и эмоции. Принятие решения. Контроль и планирование поведения // Современная психология: Справ. руководство. М., 1999. С. 346—396.
- Судебно-психиатрическая экспертиза лиц, злоупотребляющих психоактивными веществами: Пособие для врачей. М., 2000.
- Судебная психиатрия. М., 1977.
- Сыропятов О. Г. К вопросу о мотивации общественно опасных действий умственно отсталых // II Республиканская конференция молодых ученых-медиков, посвященная 40-летию Великой победы. Рига, 1985. С. 178.
- Тарабрина Н. В. Экспериментально-психологическая методика изучения фрустрационных реакций: Методические рекомендации. Л., 1984.
- Ташлыков В. А. Личностные механизмы совладания (копинг-поведение) и защиты у больных неврозами в процессе психотерапии // Медико-психологические аспекты охраны психического здоровья. Томск, 1990. С. 60—61.
- Ташлыков В. А. Психологическая защита у больных неврозами и психосоматическими расстройствами: Пособие для врачей. СПб., 1992.

- Тихоненко В. А., Шишков С. Н. Свод этических принципов и правил проведения судебно-психиатрической экспертизы с комментарием: Руководство для врачей. М., 2000.
- Ткаченко А. А. Парафилии и аномальное сексуальное поведение: Дисс. докт. мед. наук. М., 1994.
- Ткаченко А. А., Введенский Г. Е., Дворянчиков Н. В. Судебно-сексологическая экспертиза. М., 1998. Т. 1, 2.
- Трусов В. П. Социально-психологические исследования когнитивных процессов. Л., 1980.
- 294
- Турчин В. Ф. Феномен науки: Кибернетический подход к эволюции. М., 2000.
- Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / Под ред. В. Н. Кудрявцева, С. Г. Келиной. М., 1987.
- Уголовный кодекс Российской Федерации: Постатейный комментарий / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского. М., 1997.
- Ушаков Г. К. Детская психиатрия. М., 1973.
- Ушаков Г. К. Пограничные нервно-психические расстройства. М., 1978.
- Физиология человека. М., 1985.
- Философский словарь. М., 1980.
- Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
- Фелинская Н. И., Печерникова Т. П. Компетенция комплексных судебно-психиатрических и судебно-психологических экспертиз // Социалистическая законность. 1973. № 12. С. 44.
- Фелинская Н. И., Станишевская Н. Н. Использование психологических знаний в уголовном процессе // Советская юстиция. 1971. № 7. С. 5—7.
- Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
- Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности. М., 1987.
- Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». М., 1925.
- Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М., 1989.
- Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1990.
- Фрейд А. Психология «Я» и защитные механизмы. М., 1993.
- Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. М., 1966. Вып. 1—2.
- Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. М., 1975. Вып. 5.

- Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М., 1986. Т. 1, 2.
- Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб., 1997.
- Чалдини Р. Психология влияния. СПб., 1999.
- Чехлатый Е. И. Личностная и межличностная конфликтность и копинг-поведение у больных невротами и их динамика под влиянием групповой психотерапии: Дисс. канд. мед. наук. СПб, 1994.
- Чечель Г. И. Об учете психических аномалий виновного в совершении преступления при определении ответственности // Ученые записки Саратовского юридического института. Саратов, 1970. Вып. 19. Ч. 2. С. 179.
- Чиж В. Ф. Лекции по судебной психопатологии. СПб., 1890.
- Шипшин С. С. Судебно-психологическая экспертиза психического состояния водителя по делам о дорожно-транспортных происшествиях: Дисс. канд. психол. наук. М., 1998.
- Шипшин С. С. К вопросу о понятии «аффект» в уголовном процессе и судебно-психологической экспертизе // Психология созидания. Казань, 2000. Т. 7. Вып. 2. С. 119—120.
- Шишков С. Н. О назначении и исполнении наказаний лицам, имеющим психические аномалии // Социалистическая законность. 1989. № 3. С. 30.
- 295
- Шишков С. Н. Предмет судебной психиатрии // Советское государство и право. 1990. № 11. С. 31—38.
- Шишков С. Н. Конвенционализм в судебной психиатрии // Человек. 1994. № 4. С. 5—19.
- Шишков С. Н., Сафуанов Ф. С. Влияние психических аномалий на способность быть субъектом уголовной ответственности и субъектом отбывания наказания // Государство и право. 1994. № 2. С. 82—90.
- Шляхов А. Р. Теория и практика комплексных исследований в судебно-экспертных учреждениях системы МЮ СССР // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований. М., 1985. С. 5—10.
- Шостакович Б. В. Судебно-психиатрический аспект динамики психопатии: Дисс. доктора мед. наук. М., 1971.
- Шостакович Б. В. Экспертная оценка психогений и расстройств личности с учетом нового Уголовного кодекса // Современное уголовное законодательство и судебная психиатрия: Пособие для врачей. М., 1998. С. 115—123.
- Шостакович Б. В. Психические расстройства и преступность // Механизмы человеческой агрессии: Сб. научных трудов. М., 2000. С. 150—159.

Шостакович Б. В., Горинов В. В. Ограниченная вменяемость в судебно-психиатрической клинике // Ограниченная вменяемость. М., 1996. С. 11—17.

Шостакович Б. В., Литвинцева М. С., Гульдман В. В. Клинические и психологические особенности мотивации поведения больных шизофренией // Вопр. психол. 1977. № 1. С. 143—146.

Шубина Н. К., Боброва И. Н. О некоторых клинических основах дифференцированного подхода к адаптации психопатических личностей // Журн. невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1976. Вып. 11. С. 1699—1703.

Царегородцев Г. И. Диалектический материализм и медицина. М., 1966. С. 207.

Экмекчи А. С. О судебно-психологической экспертизе // Советская юстиция. 1968. № 6.

Этика практической психиатрии. М., 1996.

Эткинд А. М. Цветовой тест отношений: Методические рекомендации. Л., 1985.

Эткинд А. М. Цветовой тест отношений // Общая психодиагностика. М., 1987. С. 221—227.

Юнг К. Г. Опыт изложения психоаналитической теории // Избранные труды по аналитической психологии. Цюрих, 1938. Т. 3. С. 1—126.

Юнг К. Г. Аналитическая психология. СПб., 1994.

Юрьева Л. Н. Этапы реабилитационно-терапевтических мероприятий при проведении принудительного лечения больных шизофренией: Методич. рекомендации. М., 1991.

Якубик А. Истерия. М., 1982.

296

Яковенко В. И. Индуцированное помешательство как один из видов патологического подражания. СПб., 1887.

Ялтонский В. М. Копинг-поведение здоровых и больных наркоманий: Дисс. докт. мед. наук. СПб, 1995.

Ясвин В. А. Психологическое моделирование образовательных сред // Психологический журнал. 2000. № 4. С. 79—88.

Ashby W. R. An introduction to cybernetics. London, 1956.

Atkinson J. W., Birch D. A dynamic theory of action. New York, 1970.

Atkinson J. W., Birch D. The dynamic of achievement-oriented activity // Motivation and achievement. Washington, 1974.

Atkinson J. W., Birch D. Introduction to motivation. New York, 1978.

- Adamek R. L., Dager E. Z. Social structure, identification and change in treatment-oriented institution // Socialization. Chicago, 1971. P. 162—188.
- Alexander E. The impact of Freudian psychiatry. Chicago, 1980.
- Allport G. W. Personality. A Psychological interpretation. New York, 1937.
- Allport G. W. The use of the personal documents in psychological science // Soc. Sci. Res. Council Bull. 1942. V. 49.
- Appley M. H., Trumbull R. On the concept of psychological stress // Psychological stress: Issues in research. New York, 1967.
- Bandura A. Aggression: A social learning analysis. Englewood Cliffs, 1973.
- Bandura A., Walters R. N. Adolescent aggression. New York, 1959.
- Bannister D. The genesis of schizophrenic thought disorder: A serial invalidation hypothesis // British Journal of Psychiatry. 1963. V. 109. P. 680—686.
- Baron R. A. Threatened relation from victim: as an inhibitor of physical aggression // Journal for research in personality. 1973. V. 7.
- Baron R. A. Aggression as a function of victim's pain cues, level of prior anger arousal, and exposure to an aggressive model // Journal of Personality and social psychology. 1974. V. 29.
- Baron R. A. Human aggression. New York, 1977.
- Beer S. Cybernetics and management. Oxford, 1959.
- Bercowitz L. Aggression: A social psychological analysis. New York, 1962.
- Blackburn R. Personality types among abnormal homicides // British Journal of Criminology. 1971. V. 11. P. 14—31.
- Blackburn R. Patterns of personality deviation among violent offenders // British Journal of Criminology. 1986. V. 26. P. 254—269.
- Bolger N., Schilling E. A. Personality and the problems of everyday life: The role of neuroticism in exposure and reactivity to daily stressors // Journal of Personality. 1991. V. 59. P. 355—386.
- Bonnet K. Geste d'amour. Paris, 1992.
- Burner J. S., Goodman C. C. Value and need as organizing factors in perception // Journal of Abnormal and social Psychology. 1947. V. 42. P. 33—44.
- Brunswik E. The conceptual framework of psychology. Chicago, 1952.
- Cattell R. B. Personality: A systematic, theoretical and factual study. New York, 1950.
- Cattell R. B., Eber H. W., Tatsuoaka M. M. Handbook for the sixteen personality factor questionnaire (16 PF). Champaign (Illinois), 1970.

Checkland P. B. System thinking, system practice. Chichester, 1981.

Dengerink H. A. Personality variables as mediators of attack-instigated aggression // Perspectives on aggression. New York, 1976.

Dengerink H. A., O'Leary M. R., Kasner K. H. Individual differences in aggressive responses to attack: internal-external locus of control and field dependence-independence // Journal for Research in personality. 1975. V. 9.

Dollard J., Doob L., Miller N. E., Mowrer H. O., Sears R. R. Frustration and aggression. New-Haven, 1939.

Dorsky F. The effects of social and physical anxiety on human aggressive behavior. Kent State University, 1972.

Feshbach N., Feshbach S. The relationship between empathy and aggression in two age groups // Developmental psychology. 1969. V. 1.

Feshbach S. The function of aggression and the regulation of aggressive drives // Psychological review. 1964. V. 71.

Feshbach S. Aggression // Carmichael's manual of child psychology. 1970.

Feshbach S. Dynamics and morality of violence and aggression: Some psychological considerations // American psychologist. 1971. V. 26.

Festinger L. A. A theory of cognitive dissonance. Evanston, 1957.

Folkman S. Personal control and stress and coping processes: A theoretical analysis // Journal of Personality and social psychology. 1984. V. 46. P. 839—852.

Frankl V. Logotherapie und Existenzanalyse. Muenchen, 1987.

Freud S. Triebe und Triebchicksale // Gessamelte Werke. Bd. X. Frankfurt-am-Main, 1952 (1915).

Goldstein K. The organism. New York, 1939.

Gruen R. J., Folkman S., Lasarus R. S. Centrality and individual differences in the meaning of daily hassles // Journal of Personality. 1988. V. 56. P. 743—762.

Haan N. Coping and defending: Processes of self-enviroment organization. New York, 1977.

Habermas J. Theory and practice. London, 1974.

Harre R. Social being. Oxford, 1979.

Harre R. Personal being. Oxford, 1983.

Heckhausen H. Motivation und Handeln. Berlin, 1989.

- Heider F. The psychology of interpersonal relations. New York, 1958.
- Hendrick I. Facts and theories of psychoanalysis. New York, 1966.
- Horney K. Our inner conflicts. A constructive theory of neurosis. New York, 1966.
- Jung K. G. Diagnostische Assoziationsstudien. Berlin. 1913. Bd. I—II.
- Jung K. G. Analytical Psychology: Its theory and practice. New York, 1968.
- Kahn R. L. Some propositions toward a researchable conceptualization of stress // Social and psychological factors of stress. New York, 1970.
- Kelly G. The psychology of personal constructs. New York, 1955.
- Kelly G. Comments on Aldous, the personal computer // Computer simulation of personality. Wiley (New York), 1963.
- Kluckhohn C. Values and value-orientations in the theory of action: An exploration in definition and classification // Toward a general theory of action. Cambridge, Harvard, 1951.
- 298
- Knott P. D., Lasater L., Shuman R. Aggression-guilt and conditionability for aggressiveness // Journal of Personality. 1974. V. 42.
- Konradt H.-J. TAT zur Erfassung von Aggressivität und Aggressionshemmung. Saarbrücken, 1973.
- Konradt H.-J. Toward a motivation theory of aggression and aggression inhibition: Some considerations about an aggression motive and their application to TAT and catharsis // Determinants and origins of aggressive behavior. Den Haag, 1974.
- Konradt H.-J. Aggressionsmotiv und Aggressionshemmung. Bd. 1. Bern, 1982.
- Krebs D., Miller D. Altruism and aggression // Handbook of social psychology. New York, 1985. P. 1—71.
- Kretschmer E. Über Hysterie. Leipzig, 1923.
- Kuhl J. Motivation, Konflikt und Handlungskontrolle. Heidelberg, 1983.
- Kuhl J. A theory of action and state orientation // Volition and personality: Action versus state orientation. Göttingen — Toronto. 1991. P. 4—44.
- Kulik J. A., Brown R. Frustration, attribution of blame and aggression // Journal of Experimental psychology. 1979. V. 15. P. 183—194.
- Lazarus R. S. Psychological stress and coping process. New York, 1966.

Lazarus R. S. The stress and coping paradigm // Competence and coping during adulthood. Hanover, 1980.

Lazarus R. S., Folkman S. Coping and adaptation // The handbook of behavior medicine. New York, 1984. P. 282—325.

Lazarus R. S., Folkman S. Cognitive theories of stress and the issue of circularity // Dynamics of stress. New York, 1986.

Lebovici S. Interaction fantasmatique, transmission intergénérationnelle // Psychiatrie du bébé. Paris, 1988. P. 321—335.

Leongard K. Biologische Psychologie. Leipzig, 1963.

Leongard K. Akzentuierte Persönlichkeiten. Berlin, 1976.

Lewin K. The dynamic theory of personality. New York, 1935.

Lorenz K. On aggression. New York, 1967.

Lobel T. E. Extroversion, trait-anxiety and expression of positive feeling // Personality and Individual Differences. 1987. V. 8. P. 955—956.

Maier N. R. Frustration: the study of behavior without a goal. New York, 1949.

Maier N. R. Frustration theory: restatement and extension // Psychological review. 1956. V. 63. № 6. P. 370—388.

Malquist C. P. Epidemiology of extreme violence // Review of psychiatry. V. 2. Washington, London, 1966.

Maslow A. Motivation and personality. New York, 1970.

McDougall W. An introduction to social psychology. London, 1908.

McGinnies E. Emotionality and perceptual defense // Psychological review. 1949. V. 56. P. 244—251.

McGinnies E. Discussion of Howes' and Solomon's note // Psychological review. 1950. V. 57. P. 235—240.

Megargee E. I. Undercontrolled and overcontrolled personality types in extreme anti-social aggression // Psychological monographs. V. 80, 1966.

299

Mehrabian A., Epstein N. A measure of emotional empathy // Journal of Personality. 1972. V. 40.

Milgram S. Obedience to authority. New York, 1974.

Miller N. E. Studies of fear as an acquirable drive // Journal of Experimental psychology. 1949. V. 38.

- Miller G. A. A psychological method to investigate verbal concepts // *Journal of Mathematical psychology*. 1969. V. 6. P. 161—191.
- Miller D. R., Swanson G. E. The study of conflict // *Nebraska symposium on motivation*. 1956. V. 4. P. 137—179.
- Miller D. R., Swanson G. E. *Inner conflict and defense*. New York, 1960.
- Monat A., Averill J. R., Lasarus R. S. Anticipatory stress and coping reactions under various conditions of uncertainty // *Journal of Personality and social psychology*. 1972. V. 24. P. 237—253.
- Morris C. W. *Varieties of human value*. Chicago, 1956.
- Mussen P. H., Naylor H. K. The relationship between overt and fantasy aggression // *Journal of Abnormal and Social psychology*. 1954. V. 49.
- Olweus D. Personality and aggression // *Nebraska symposium on motivation*. 1972. Lincoln (Nebraska), 1972.
- Rokeach M. *Beliefs, attitudes, and values*. San-Francisco, 1969.
- Rosenzweig S. A test for types of reaction to frustration // *American Journal of Orthopsychology*. 1935. V. 5. P. 395—403.
- Rosenzweig S. The picture-association method and its application in a study of reaction to frustration // *Journal of Personality*. 1945. V. 14. P. 3—13.
- Rosenzweig S. *Aggressive behavior and its Rosenzweig picture-frustration study*. New York, 1978.
- Saller K. Norm and abnorm // *Endocrinologic*. 1953. V. 30. P. 257.
- Spranger E. *Lebensformen*. Halle, 1921.
- Taylor S. P. The relationship of expressed and inhibited hostility to physiological activation. University of Massachusetts, 1965.
- Taylor S. P. Aggressive behavior and physiological arousal as a function of provocation and the tendency to inhibit aggression // *Journal of Personality*. 1967. V. 35.
- Tedeschi J. T., Smith R. B., Brown R. S. A reinterpreted of research on aggression // *Psychological Bulletin*. 1974. V. 81.
- Toch H. *Violent men*. Chicago, 1969.
- Vaillant G. E. *Adaptation to life*. Boston, 1977.
- Vigoureux A., Juquelier P. *La contagion mental*. Paris, 1905.
- Wagner E. The Hand Test. Projective test used as a predictor of overt aggression. New York, 1971.

Wiener N. Cybernetics or control and communication in the animal and the machine. New York — London, 1961.

Wilkins J. L., Scharff W. H., Schlottmann R. S. Personality type, reports of violence, and aggressive behavior // Journal of Personality and social psychology. 1974. V. 30.

Zeigarnik B. Über das Behalten von erledigten und unerledigten Handlungen // Psychologische Forschung. 1927, Bd. 9.

Zillmann D. Excitation transfer in communication-mediated aggressive behavior // Journal Experimental social psychology. 1971. V. 7.

300

Содержание

Введение 3

Глава 1. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза обвиняемых в агрессивных преступлениях 7

Глава 2. Судебно-психологическая экспертология 50

Глава 3. Психология криминальной агрессии 89

Глава 4. Критерии судебно-психологической экспертной оценки агрессивных преступлений совершеннолетних обвиняемых 166

Глава 5. Методологические проблемы КСППЭ обвиняемых 232

Глава 6. Организационно-правовые аспекты КСППЭ, не регулируемые уголовно-процессуальным законодательством 255

Глава 7. Этические проблемы КСППЭ 262

Приложение 1 267

Приложение 2 275

Список литературы 279

301

Ф. С. Сафуанов

Психология криминальной агрессии

Редактор О. В. Квасова

Корректор Н. А. Степина

Компьютерная верстка Д. В. Чекалина

Издательство «Смысл» (ООО НПФ «Смысл»)
103050, Москва-50, а/я 158
тел./факс (095) 195-37-13, (095) 195-03-08
Лицензия ИД № 04850 от 28.05.2001

Подписано в печать 06.12.2002. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Гарнитура TimesET. Печать офсетная.
Тираж 1000. Усл. печ. л. 19.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ППП «Типография «Наука»
1212099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ № 7502

СПИСОК ОПЕЧАТОК

Страница
Место на странице
Опечатка
Должно быть
Примечание

48
1 абзац сверху (а. св.)
с. Б128
с. 128

54
3 а. св.
экспертиза
экспертизе

98
1 абзац снизу (а. сн.)
борьба мотивов (социализированных ценностей и биологических потребностей),
сопровождающая мучительными для субъекта переживаниями
борьба мотивов (социализированных ценностей и биологических потребностей),
сопровождающаяся мучительными для субъекта переживаниями

144
1 а. св.
пытался объяснить с ним
пытался объясниться с ним

188
2 а. св.
отличалась конфликтным поведением, был криклива
отличалась конфликтным поведением, была криклива

218

2 а. св.

Рис. 19.

В данной книге после рисунка под номером 17 идет рисунок под номером 19

220

1 а. св.

возникающих

возникающие

244

1 а. сн.

существенными их которых являются:

существенными из которых являются:

Сноски

Сноски к стр. 7

1 До этого комплексные психолого-психиатрические экспертизы проводились лишь в единичных случаях, представляя собой не четко отлаженную систему взаимодействия с органами судопроизводства, а всего лишь казуистику. По данным А. М. Шерешевского, первую такую комплексную экспертизу в России провел В. М. Бехтерев по «делу Бейлиса» в Киевском окружном суде в 1913 г. (РГИА, 1911—1913).

Сноски к стр. 8

2 Судебно-психологическая экспертиза была ограничена в этот период исследованием только психически здоровых подэкспертных (Коченов, 1977, 1980).

Сноски к стр. 9

3 Как видно из приведенного неполного перечня, в принципе эти и другие виды экспертизы могут проводиться в форме КСППЭ, но в подавляющем большинстве случаев требуют объединения усилий эксперта-психолога в первую очередь со специалистами по инженерной психологии, психофизиологии, психолингвистике, социальной психологии и т. п. Интересно в связи с этим заметить, что сам процесс формирования «номенклатуры» КСППЭ отражает проблему поиска объекта и предмета комплексного психолого-психиатрического судебно-экспертного исследования.

Сноски к стр. 10

4 Прежнее название ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского.

Сноски к стр. 11

5 Поэтому закономерным выглядит то обстоятельство, что решение указанных проблем в психологическом плане (или с привлечением психологических объяснительных схем) было инициировано не в психологических, а в криминологических исследованиях (Кудрявцев В. Н., 1982; Антонян, Бородин, 1987 и др.).

Сноски к стр. 12

6 Автор отдает себе отчет, что такое хронологическое деление является несколько условным — например, ряд работ этого периода (Коченов, 1977, 1991; Антонян, Бородин, 1987; Бородин, Полубинская, 1990; Ситковская, 1992; Шишков, Сафуанов, 1994; Кудрявцев, 1995 и др.), посвященные исследованию психологических аспектов проблемы вменяемости — невменяемости (ограниченной вменяемости, специальной или профессиональной невменяемости, возрастной невменяемости), в значительной мере, обосновывая и предвывая изменения в уголовном законодательстве, содержательно относятся к следующему этапу развития КСППЭ. Тем не менее, в целом обозначенная хронология отражает выделенную нами общую тенденцию развития КСППЭ.

Сноски к стр. 15

7 Такое узкое определение объекта, видимо, было оправданным на стадии борьбы за становление судебно-психологической экспертизы как самостоятельного направления, поскольку на этом этапе одной из главных была задача отделить компетенцию экспертов-психологов от компетенции психиатров.

8 Правда, И. А. Кудрявцев относил это к предмету КСППЭ, а объект исследования отождествлял только с источниками информации (1988, с. 21).

Сноски к стр. 23

9 Аналогичную мысль приводил в своих лекциях А. Н. Леонтьев: «В момент аффекта поведение может дезорганизоваться» (2000, с. 465. Курсив наш — Авт.).

Сноски к стр. 24

10 Аффекты, имеющие разные механизмы с общепсихологической точки зрения, необходимо дифференцировать и в судебно-психологическом плане, так, аффекты кумулятивного генеза должны оцениваться в экспертизе и в плане влияния личностных особенностей или психических аномалий на накопление эмоциональной напряженности, а, следовательно, и на криминальные действия. Однако и в современной судебно-психологической литературе все эти эмоциональные реакции чаще всего синкретично объединены понятием «физиологического аффекта».

Сноски к стр. 27

11 Поэтому в некоторых компилятивно составленных учебниках (см., например, Нагаев, 2000) эти понятия приведены как рядоположные и описывающие разные психологические реалии — без соотнесения их самих между собой, без изложения концепций авторов, предложивших использовать эти понятия в судебной экспертизе.

Сноски к стр. 28

12 Между прочим, судебная практика (как анализируемого периода, так и современная) показывает, что суды квалифицируют значительную часть преступлений как совершенные в состоянии «внезапно возникшего сильного душевного волнения», не назначая ни судебно-психологической, ни психолого-психиатрической экспертизы. Кроме того, часто повторные экспертизы назначаются судом при затруднениях оценки экспертных выводов типа:

«аномальный аффект», «эмоциональное состояние не носило характера физиологического аффекта, однако по степени сужения сознания и выраженности нарушений произвольной регуляции поведения не уступало ему» и т. п. Основной причиной назначения повторных экспертиз в этих случаях является возникшее после полного и всестороннего исследования всех обстоятельств дела убеждение суда, что обвиняемый совершил преступление в состоянии «внезапно возникшего сильного душевного волнения», и одновременное ограниченное представление о соотносимости данного состояния только с физиологическим аффектом, как это предписывают не только многие публикации судебных психологов, но и комментарии к уголовным кодексам.

Сноски к стр. 37

13 Некоторые из новых норм уголовного законодательства сильно видоизменили соотношение отдельных предметных видов экспертиз, проводимых в рамках однородной судебно-психологической или комплексной психолого-психиатрической экспертиз. По данным ГНЦ ССП им. В. П. Сербского, удельный вес КСППЭ несовершеннолетних обвиняемых по установлению отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством (ч. 3 ст. 20 УК РФ) составил в 1998 г. 46,7%, а в 1999 г. — 64,5% от всех стационарных экспертиз несовершеннолетних, тогда как в 1997 г. равнялся всего 9,5%. При этом удельный вес всех КСППЭ оставался в эти годы (1997—1999) стабильным и составлял 20—25% (источник: доклады Е. Я. Щукиной на заседаниях Ученого совета Центра 12 марта 1999 г. и 11 февраля 2000 г.). Другие новые предметные виды КСППЭ — например, по установлению так называемой ограниченной вменяемости (ст. 22 УК РФ) или по делам об убийстве матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ) практически не вошли в компетенцию однородной судебно-психологической экспертизы.

Сноски к стр. 40

14 Объективную «внезапность» определяет суд. Обычно применяется не временной критерий внезапности, а имеется в виду внезапность возникновения умысла на преступление (Комментарий к УК РФ, 1996, с. 240).

Сноски к стр. 42

15 В УК РФ термин «ограниченная (или уменьшенная) вменяемость» не используется, но по существу, как отмечается в Комментариях к УК РФ, новая норма ст. 22 решает именно этот вопрос (Постатейный комментарий..., 1997, с. 46; Комментарий..., 1996, с. 33). Поэтому здесь и далее мы, вместо громоздкой формулировки ст. 22 УК РФ, будем употреблять термин «ограниченная вменяемость», осознавая их неполное совпадение.

16 Об остроте проблемы свидетельствует и реакция судебно-следственных органов на экспертные заключения об ограниченной вменяемости обвиняемых. По данным Ю. Н. Аргуновой за 1997 г., наряду с реальным учетом ограниченной вменяемости при вынесении приговора, для судов были характерны следующие типы реакции: назначение повторных экспертиз; игнорирование экспертного заключения; формальный учет экспертных выводов и т. п. (Аргунова, 1999).

Сноски к стр. 45

17 Выделение этих мотивов удобно для установления прямого умысла, косвенного умысла, преступной неосторожности или отсутствия вины, однако, на наш взгляд, не исчерпывает возможных побудительных причин принятия алкоголя.

Сноски к стр. 46

18 И. А. Кудрявцев применяет типологию В. В. Гульдана (1986).

Сноски к стр. 47

19 В двух последних случаях может применяться педиатрический критерий новорожденности — 30 суток (Комментарий..., 1996).

Сноски к стр. 48

20 Что, на наш взгляд, не совсем точно. Неспособность к осознанно-волевому поведению составляет психологический аспект юридического критерия, а собственно юридический аспект составляет условие, при котором поведение психически больного становится юридически значимым (Рагулина, 2000). Юридический критерий может быть сформулирован и не в психологических понятиях, как это сделано, к примеру, в Законе РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (Новые виды..., 1993).

Сноски к стр. 58

1 Дальнейшее развитие судебно-психологической комплексной психолого-психиатрической экспертизы, подразумевающее использование психологических знаний и в гражданском процессе (Сахнова, 1997), будет требовать включения в объем специальных познаний и основ теории гражданского и гражданского процессуального права.

Сноски к стр. 61

2 Этот пункт представляется особенно важным, поскольку в других случаях имеет смысл говорить скорее об адаптации общепсихологических понятий, а в данной ситуации речь идет о подлинной «трансформации».

Сноски к стр. 66

3 Некоторые авторы неоправданно идентифицируют понятия «внезапность» и «взрывной характер» эмоциональной реакции (Кудрявцев, 1999, с. 182). Субъективная внезапность означает неожиданный для самого человека переход эмоционального процесса на качественно иной уровень и не обязательно сопровождается эмоциональным взрывом (Селье, 1979). В свою очередь, взрывной характер эмоционального возбуждения человека не означает, что для него это возбуждение наступает субъективно внезапно, — оно может быть следствием «самовзвинчивания» или «самопопустительства».

Сноски к стр. 91

1 Как отмечается, «наблюдатель воспринимает действие как намеренно наносящее ущерб его интересам или интересам объекта воздействия (иначе говоря, как злонамеренное или эгоистичное) независимо от того, стремился ли в действительности субъект действия к причинению вреда» (Tedeschi, Smith, Brown, 1974).

Сноски к стр. 93

2 Между тем, со времен римского права сохраняется принцип: cogitationis poenam nemo patitur.

Сноски к стр. 120

3 В наиболее явном виде роль эмоционально-смысловых компонентов восприятия подчеркнута в гипотезе «первовидения», выдвинутой Е. Ю. Артемьевой (1980). Согласно этой гипотезе, восприятие любого объекта проходит две принципиально различные стадии: «первовидения», когда объект оценивается нерасчленимо-целостно, и «второвидения», когда происходит поаспектный анализ объекта по когнитивным признакам.

Сноски к стр. 123

4 Использовался t-критерий Стьюдента.

Сноски к стр. 132

5 Как справедливо отмечает Л. М. Семенюк, «в некоторых случаях нелегко установить, является агрессия средством или целью, но это различие весьма существенно» (Семенюк, 1998, с. 8).

Сноски к стр. 175

1 Хотя в художественной литературе такие преступления описаны, например, Родион Раскольников у Ф. М. Достоевского.

Сноски к стр. 228

2 Компульсивные нарушения влечений ограничивают способность к свободному выбору вариантов поведения, часто определяя единственный субъективно возможный способ поведения в криминальной ситуации (Антонян, Ткаченко, Шостакович, 1999).

Сноски к стр. 234

1 В термине «объяснительный» главным является не вопрос «почему», не причины поведения, а вопрос «как» — важно, каким образом нарушена структура регуляции поведения.

Сноски к стр. 237

2 Эта проблема впервые исследована Б. В. Зейгарник (Zeigarnik, 1927) при анализе процессов запоминания («эффект Зейгарник»).

Сноски к стр. 251

3 По мнению М. Полани, «опытный врач-диагност <...> может сформулировать некоторые общие принципы своей работы и указать на те ключевые (существенные) признаки, которыми он руководствуется в своих действиях и оценках, но знает он все же больше, чем может выразить в словах: он знает эти принципы и признаки практически, не эксплицитно, не как объекты, а в качестве инструментов, неразрывно связанных с его интеллектуальными усилиями <...>; и в этом своем качестве периферическое (личностное) знание невыразимо в словах» (Полани, 1985, с. 130).

Сноски к стр. 257

4 Назначение КСППЭ вместо судебно-психологической экспертизы в этих случаях часто бывает вынужденной ошибкой. В нашей стране практически нет государственных бюджетных экспертных учреждений, где возможно бесплатное проведение судебно-психологической экспертизы.

Сноски к стр. 269

1 Автор компьютерной программы — А. Б. Журавлев. В принципе, математическая обработка может производиться и вручную.